Вестник БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

ISSN 2078-9025 № 4 (61) • 2023

Серия «ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»

12+ DOI: 10.47598/2078-9025-2023-4-61

Учредитель:

Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»

Научный журнал

Издается с 2009 г. Выходит ежеквартально.

ПИ № ФС77-34653 от 02 декабря 2008 г.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки Российской Федерации журнал «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:
5.2.3. Региональная и отраслевая экономика; 5.2.4. Финансы; 5.2.6. Менеджмент; 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна — главный редактор, доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, директор, заведующий кафедрой политологии, истории, теории государства и права Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений (Уфа, Российская Федерация)

ВЕЛЬЦ Рахиль Яковлевна — заместитель главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, ученый секретарь Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений (Уфа, Российская Федерация)

АЛИМАРДАНОВ Мухамади Ибрагимович — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и туризма Университета «Oriental University» (Ташкент, Республика Узбекистан)

АНТОШКИН Виктор Николаевич — доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, преподаватель кафедры обществознания, права и социального управления Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы (Уфа, Российская Федерация)

АРЗАМАСКИН Николай Николаевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета (Ульяновск, Российская Федерация)

АРИСТАРХОВА Маргарита Константиновна — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансовых, учетных, налоговых технологий Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Российская Федерация)

АСОНОВ Николай Васильевич — доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (Москва, Российская Федерация)

АХМЕДОВА Гузалхон Уткуровна — доктор юридических наук, доцент кафедры криминалистики и судебной экспертизы Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Республика Узбекистан)

БИКМЕТОВ Евгений Юрьевич — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры цифровых технологий в экономике и управлении Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Российская Федерация)

БУРХАНОВА Флюра Булатовна — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории региональных исследований качества жизни Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Уфа, Российская Федерация)

ГАБДРАХМАНОВА Гульнара Фаатовна — доктор социологических наук, доцент, заведующий отделом этнологических исследований Института истории имени Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

ГАЙДУК Вадим Витальевич — доктор политических наук, кандидат юридических наук, руководитель Центра политико-правовых исследований «АНО «Евразийской НИИ права» (Уфа, Российская Федерация)

ГАЛИЕВ Фарит Хатипович — доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Российская Федерация)

ГАЛЛЯМОВ Рушан Рахимзянович — доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Уфа, Российская Федерация)

ГАРЕЕВА Наиля Альфритовна — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой финансов и кредита Нижнекамского филиала Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирясова (Нижнекамск, Российская Федерация)

Адрес редакции и издателя: проспект Октября, д. 74/2, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450054
E-mail: vestnikBIST@mail.ru
Сайт: vestnik-bist.ru

ГЫЯЗОВ Айдарбек Токторович — доктор экономических наук, профессор, ректор Баткенского государственного университета (Баткен, Киргизская Республика)

ДАВЛАТОВ Кудрат Камбарович — доктор экономических наук, профессор, ректор Финансово-экономического института (Душанбе, Республика Таджикистан)

ЕМЕЛИН Сергей Михайлович — доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, директор Института этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Уфа, Российская Федерация)

ЗАЙНАШЕВА Зарима Гафаровна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры региональной экономики и управления Института экономики и сервиса Уфимского государственного нефтяного технического университета (Уфа, Российская Федерация)

КОДИРОВ Фируз Абдулхафизович — кандидат экономических наук, доцент, проректор по международным отношениям Таджикского государственного финансово-экономического университета (Душанбе, Республика Таджикистан)

КРИВЦОВ Артем Игоревич — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента, маркетинга и внешнеэкономической деятельности имени И. Н. Герчиковой Московского государственного института международных отношений МИД Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)

ЛЯПУНЦОВА Елена Вячеславовна — доктор технических наук, профессор, профессор кафедры ИБМ-7 Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана (Москва, Российская Федерация)

МАКАРОВА Гузель Ильясовна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник отдела этнологических исследований Института истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

МАКАРОВА Тамара Ивановна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой экологического и аграрного права Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь)

МАЛИКОВ Борис Зуфарович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России (Уфа, Российская Федерация)

МАТВЕЕВА Любовь Дмитриевна — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой туризма, гостиничного и ресторанного сервиса Института экономики и сервиса Уфимского государственного нефтяного технического университета (Уфа, Российская Федерация)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович — доктор политических наук, профессор, главный редактор издательства «Наука сегодня» (Москва, Российская Федерация)

МИРАЛИЁН Киёмиддин Абдусалимзода — доктор политических наук, доцент, координатор Молодежной межпарламентской ассамблеи государств СНГ Парламента Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

МИХАЙЛОВА Наталья Вячеславовна — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры публичной политики, истории государства и права Российского университета дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

МОХОВ Виктор Павлович — доктор исторических наук, профессор, декан гуманитарного факультета Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Российская Федерация)

МУДАРИСОВ Равиль Зуфарович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и права Уфимского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Уфа, Российская Федерация)

МУРАТШИН Фларит Рашитович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры экологического и трудового права Института права Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Российская Федерация)

МУХАМЕТЗЯНОВА-ДУГГАЛ Регина Массаровна — доктор политических наук, главный научный сотрудник отдела религиоведения Института этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Российская Федерация)

НАЗАРОВА Ульяна Анатольевна — доктор экономических наук, доцент, директор ГАОУ ДПО РБ «Учебный центр государственной службы занятости населения» (Уфа, Российская Федерация)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович — доктор юридических наук, заведующий кафедрой международного права и международных отношений Института права Уфимского университета науки и технологий) (Уфа, Российская Федерация)

ПАНАЧЕВ Валерий Дмитриевич — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры физической культуры Пермского государственного технического университета (Пермь, Российская Федерация)

ПОЛИЩУК Николай Иванович— доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань, Российская Федерация)

РАХМАТУЛЛИНА Зугура Ягануровна — доктор философских наук, профессор, директор Института истории, языка и литературы (Уфа, Российская Федерация)

РЫКОВА Инна Николаевна — доктор экономических наук, академик РАЕН, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)

САФИН Фаиль Габдуллович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом этнополитологии Института этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Уфа, Российская Федерация)

СТЕГНИЙ Василий Николаевич — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Пермского государственного технического университета (Пермь, Российская Федерация)

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна — доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и управления Московского автомобильно-дорожного института (МАДИ) (Москва, Российская Федерация)

ТЛЕПИНА Шолпан Валерьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан)

УСМАНОВА Резида Миниярoвна — доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий (Стерлитамак, Российская Федерация)

ФЕЛЬДМАН Павел Яковлевич — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии Академии труда и социальных отношений (Москва, Российская Федерация)

ФОМЕНКОВ Артем Александрович — доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-политических коммуникаций Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация)

ХАСАНОВ Зимфир Махмутович — доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и информационных технологий Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений (Уфа, Российская Федерация)

ХАСАНОВА Зилара Муллаяновна — доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан (Уфа, Российская Федерация)

ХАСАНОВА Лилия Анасовна — доктор биологических наук, доктор Университета Реймса Шампань-Арденны (URCA), профессор, президент Общества дружбы «Башкортостан-Индия» (Уфа, Российская Федерация)

ЧЕПУС Алексей Викторович — доктор юридических наук, доцент кафедры конституционного права Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)

ЭРГАШЕВА Шахло Тургуновна — кандидат экономических наук, профессор, директор Инновационного ресурсного центра повышения квалификации по международным стандартам финансовой отчетности и аудита при Ташкентском государственном экономическом университете (Ташкент, Республика Узбекистан)

ЮНУСОВА Дилфуза Исраиловна — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры математики и методики ее преподавания Ташкентского государственного педагогического университета имени Низами (Ташкент, Республика Узбекистан)

ЯМАЛОВА Эльвира Наилевна — доктор политических наук, профессор, и. о. проректора по информационной политике Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БАРАНОВА Екатерина Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Российская Федерация)

БОЧАРОВА Татьяна Евгеньевна — ответственный секретарь журнала «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)», начальник отдела научной редакции (журнал «Вестник БИСТ) и издательской деятельности Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений (Уфа, Российская Федерация)

БЫСТРОВ Александр Ильич — кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры экономики и информационных технологий Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений (Уфа, Российская Федерация)

ГАЛИЕВА Гульназ Физратовна — доктор экономических наук, доцент, директор Центра карьеры Уфимского государственного нефтяного технического университета (Уфа, Российская Федерация)

НИГМАТУЛЛИН Ирек Газизович — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и информационных технологий Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений (Уфа, Российская Федерация)

СУЛЕЙМАНОВ Артур Рамилевич — кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, истории и востоковедения Уфимского государственного нефтяного технического университета (Уфа, Российская Федерация)

Vestnik BIST

(Bashkir Institute of Social Technologies)

ISSN 2078-9025

No. 4 (61) • 2023

"SOCIAL SCIENCES"

12+

DOI: 10.47598/2078-9025-2023-4-61

Founder:

Educational Institution of Trade Unions of higher education "Academy of Labour and Social Relations"

Scientific journal

Published since 2009. Published every three months.

ПИ № ФС77-34653 dated 2nd December, 2008

Upon decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission (HAC) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the scientific journal "Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)" is included in the list of peer-reviewed scientific publications HAC, which should be published basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science in scientific specialties:
5.2.3. Regional and Sectoral Economy; 5.2.4. Finance; 5.2.6. Management; 5.5.2. Political Institutions, Processes, Technologies.

JOURNAL EDITORS:

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna — Editor-in-Chief, Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Director, Head of the Department of Political Science, History, Theory of State and Law, Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa, Russian Federation)

VELTS Rakhil Yakovlevna — Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Academic Secretary, Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa, Russian Federation)

ALIMARDANOV Mukhamadi Ibragimovich — Doctor of Economics Sciences, Professor, Oriental University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

ANTOSHKIN Viktor Nikolaevich — Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Philosophy, Professor, Lecturer of the Department of Social Science, Law and Social Management, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa, Russian Federation)

ARZAMASKIN Nikolay Nikolaevich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russian Federation)

ARISTARHOVA Margarita Konstantinovna — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Financial, Accounting, Tax Technologies, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation)

ASONOV Nikolai Vasilyevich — Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor of the Department of Political Science, Institute of History and Politics of the Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation)

AKHMEDOVA Guzalkhon Utkurovna — Doctor of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Criminalistics and Forensic Science of the Tashkent State Law University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

BIKMETOV Evgeniy Yurievich — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Digital Technologies in Economics and Management, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation)

BURKHANOVA Flyura Bulatovna — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Laboratory of Regional Studies of Quality of Life, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation)

GABDRAHMANOVA Gulnara Faatovna — Doctor of Sociological Sciences, Head of the Department, Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

GAYDUK Vadim Vitalievich — Doctor of Political Sciences, Candidate of Law Sciences, Head of the Center for Political and Legal Research "ANO "Eurasian Research Institute of Law" (Ufa, Russian Federation)

GALIEV Farit Khatipovich — Doctor of Law, Head of the Department of Theory of State and Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation)

GALLYAMOV Rushan Rakhimzyanovich — Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Ethnological Research named after R. G. Kuzeev, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation)

GAREEVA Nailya Alfritovna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Finance and Credit, Nizhnekamsk branch of Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov (Nizhnekamsk, Russian Federation)

GYYAZOV Aidarbek Toktorovich — Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector, Batken State University (Batken, Kyrgyz Republic)

DAVLATOV Kudrat Kambarovich — Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector, Institute of Finance and Economics (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Editorial and publisher address: 74/2 Prospekt Oktyabrya, Ufa, the Republic of Bashkortostan, 450054
E-mail: vestnikBIST@mail.ru
Website: vestnik-bist.ru

EMELIN Sergey Mikhailovich — Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Director, Institute of Ethnological Research named after R. G. Kuzeev, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation)

ZAINASHEVA Zarima Gafarovna — Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Regional Economics and Management, Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

KODIROV Firuz Abdulkhafizovich — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for International Relations, Tajik State Financial and Economic University (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

KRIVTSOV Artem Igorevich — Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Management, Marketing and Foreign Economic Activity named after I. N. Gerchikova, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

LYAPUNTSOVA Elena Vyacheslavovna — Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the IBM-7 Department, Moscow State Technical University named after N. E. Bauman (Moscow, Russian Federation)

MAKAROVA Guzel Ilyasovna — Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher of the Department of Ethnological Research, Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

MAKAROVA Tamara Ivanovna — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Environmental and Agrarian Law, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)

MALIKOV Boris Zufarovich — Doctor of Law Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ufa, Russian Federation)

MATVEEVA Lyubov Dmitrievna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Tourism, Hotel and Restaurant Services, Institute of Economics and Service, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

MEDVEDEV Nikolai Pavlovich — Doctor of Political Sciences, Professor, Editor-in-Chief of the Publishing house "Science Today" (Moscow, Russian Federation)

MIRALIYON Kiyomiddin Abdusalimzoda — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Coordinator of the Youth Inter-Parliamentary Assembly of the CIS States of the Parliament of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

MIKHAILOVA Natalya Vyacheslavovna — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Public Policy, History of State and Law, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation)

MOKHOV Viktor Pavlovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Humanities, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russian Federation)

MUDARISOV Ravil Zufarovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, History and Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Ufa Branch (Ufa, Russian Federation)

MURATSHIN Flarit Rashitovich — Doctor of Law Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Environmental and Labor Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation)

MUKHAMETZYANOVA-DUGGAL Regina Massarovna — Doctor of Political Sciences, Chief Researcher of the Department of Religious Studies, Institute of Ethnological Research named after R. G. Kuzeev, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation)

NAZAROVA Uliana Anatolyevna — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Director, Training Center of the State Employment Service (Ufa, Russian Federation)

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich — Doctor of Law Sciences, Head of the Department of International Law and International Relations, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology) (Ufa, Russian Federation)

PANACHEV Valery Dmitrievich — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Physical Culture, Perm State Technical University (Perm, Russian Federation)

POLISCHUK Nikolay Ivanovich — Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service (Ryazan, Russian Federation)

RAKHMATULLINA Zugura Yaganurovna — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Director, Institute of History, Language and Literature (Ufa, Russian Federation)

RYKOVA Inna Nikolaevna — Doctor of Economic Sciences, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Head of the Center of Industry Sector Economics, Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

SAFIN Fail Gabdullovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Head of the Department of Ethnopolitical Science, Institute of Ethnological Research named after R. G. Kuzeev, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation)

STEGNIY Vasily Nikolaevich — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology and Political Science, Perm State Technical University (Perm, Russian Federation)

TERNOVAYA Lyudmila Olegovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Sociology and Management, Moscow Automobile and Road Institute (MARI) (Moscow, Russian Federation)

TLEPINA Sholpan Valerievna — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law, Eurasian National University named after L. N. Gumilyov (Astana, Republic of Kazakhstan)

USMANOVA Rezida Miniyarovna — Doctor of Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law, Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak branch (Sterlitamak, Russian Federation)

FELDMAN Pavel Yakovlevich — Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Academy of Labor and Social Relations (Moscow, Russian Federation)

FOMENKOV Artem Aleksandrovich — Doctor of History. Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Socio-Political Communications, Institute of International Relations and Pestilence History, Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

KHASANOV Zimfir Makhmutovich — Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Economic and Information Technologies, Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa, Russian Federation)

KHASANOVA Zilara Mullayanovna — Doctor of Biological Sciences, Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russian Federation)

KHASANOVA Liliya Anasovna — Doctor of Biological Sciences, Doctor of the University of Reims Champagne-Ardenne (URCA), Professor, President of the Society of Friendship "Bashkortostan-India" (Ufa, Russian Federation)

CHEPUS Alexey Viktorovich — Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional Law, Institute of Law and National Security, Russian Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation)

ERGASHEVA Shahlo Turgunovna — Candidate of Economic Sciences, Professor, Director of the Innovative Resource Center for Advanced Studies in International Financial Reporting and Auditing Standards, Tashkent State Economic University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

YUNUSOVA Dilfuza Israilovna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Mathematics and Methods of Teaching, Tashkent State Pedagogical University named after Nizami (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

YAMALOVA Elvira Nailevna — Doctor of Political Sciences, Professor, Acting Vice-Rector for Information Policy, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD:

BARANOVA Ekaterina Sergeevna — Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation)

BOCHAROVA Tatyana Evgenievna — Executive Secretary of the journal "Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)", Head of the Scientific Editorial Department ("Vestnik BIST") and Publishing Department, Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa, Russian Federation)

BYSTROV Alexander Ilyich — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Information Technologies, Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa, Russian Federation)

GALIEVA Gulnaz Fizratovna — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Director of the Career Center, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

NIGMATULLIN Irek Gazizovich — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Information Technologies, Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa, Russian Federation)

SULEIMANOV Artur Ramilevich — Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations, History and Oriental Studies, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА И ИДЕОЛОГИЯ 11

А. Ф. Гарифуллина, Т. А. Даутова, В. А. Ковшечникова
Конфликт интересов на государственной службе: анализ типовых ситуаций 11

А. А. кызы Гюлумджанлы
Сингапур как важный участник международной интеграции 15

О. И. Недельченко, Ю. Б. Козлова, И. В. Байкова
Медиатизация политики как актуальный коммуникационный тренд современного российского информационного поля 21

Т. А. Нигматуллина, Л. О. Терновая
Противоречия и совместимость социальных пространств и глобальных потоков 27

Н. Е. Шакурова
Национальная безопасность России в контексте международной безопасности 36

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ ПРЕДПРИЯТИЙ 44

А. Р. Бабаянц, А. В. Захаров
Место человеческого фактора в повышении конкурентоспособности фирмы 44

С. А. Баженова, В. С. Горячев
Некоторые аспекты управления проектами в сфере строительства медицинских гостиничных объектов 50

Л. З. Буранбаева, З. Э. Сабирова
Сельская медицина в Республике Башкортостан: современное состояние и тенденции развития 58

А. Ф. Гарифуллина, З. Л. Сизоненко, Е. Н. Крайнова
Влияние пандемии COVID-19 на состояние экономики: пути решения и перспективы развития 66

А. В. Жуковский
Применение финансовых инноваций в системе перестраховочной защиты: опыт развитых стран и перспективы для России 71

Т. Ю. Кротенко, О. В. Лесникова, М. И. Кануникова
Качество услуг в индустрии гостеприимства 77

О. Н. Пережогина
Методологические подходы к формированию себестоимости гостиничных услуг 84

К. В. Трушин
Влияние структуры управления на инновационные возможности организации 92

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИКИ 98

Е. В. Кабашова
Неравенство показателей качества жизни населения в регионах Приволжского федерального округа 98

Е. В. Кабашова
Оценка неравенства доходов населения в Республике Башкортостан. 108

А. М. Кубланов
Качество жизни и его субъективная оценка: обзор зарубежной литературы 118

Е. А. Хунафина, А. Ф. Ахмадиева, А. А. Атажанова
Демография и мировая продовольственная безопасность 123

СФЕРА ТРУДА: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ 130

Е. Г. Калабина, Е. А. Шадрина
Возможности и барьеры развития платформенной занятости старших возрастных групп населения (от 45 лет и старше) на рынке труда 130

Т. А. Нигматуллина
Гуманизация сферы труда в России: роль профсоюзов 141

НАУЧНОЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО 148

А. А. Арефьева
Структура и элементы системы формирования профессиональных компетенций, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров 148

А. А. Гатауллина, А. К. Ильдарханова, А. А. Зяббарова
Разработка методологии исследования эффективности управления сельскохозяйственными вузами Российской Федерации 154

А. Н. Гелетий
Командная работа как важная составляющая в процессе обучения в образовательной организации высшего образования 164

Е. Ю. Кузьмина
Изменение компетенций сотрудников под запросы бизнеса 168

С. З. Кунсбаев
Феномен инклюзивного образования: мировой опыт нормативного обеспечения 172

З. М. Хасанов, А. И. Низамова, Н. В. Хасанова
Ресурсный подход к накоплению и распределению потенциала коллектива научной организации 179

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ 184

Е. С. Баранова
Проблемы определения правового статуса эмбриона в современном праве 184

Б. З. Маликов, Р. Р. Тазетдинов
Современные тенденции, проблемы воспитания и профилактики правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи 189

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 196

Р. Р. Галлямов
Исламоведение в современном Башкортостане: основные этапы и направления исследований 196

В. Е. Поляков
Башкиры в обороне Севастополя 1941–1942 гг. 206

РЕЦЕНЗИИ 213

Р. Р. Галлямов
Рецензия на книгу: Ислам в Башкортостане: энциклопедический словарь / коллектив авторов; гл. ред. Д. В. Мухетдинов; отв. редактор А. Ю. Хабутдинов. М. : Издательский дом «Медина», 2023. 226 с. : ил. (Ислам в Российской Федерации). 213

И. В. Кучумов
Рецензия на книгу: Башкирия и Южный Урал в литературе российской эмиграции и ее изучение : библиографический указатель литературы за 1904–2023 гг. / сост. Л. В. Сатаева; отв. ред. А. Г. Салихов. Уфа : [б. и.], 2023. 40 с. 216

АВТОРАМ 218

CONTENTS

POLITICS AND IDEOLOGY 11

A. F. Garifullina, T. A. Dautova, V. A. Kovshechnikova
Conflict of interest in public service: analysis of typical situations 11

A. A. kyzy Gyulumjanli
Singapore as an important participant international integration 15

O. I. Nedelchenko, Yu. B. Kozlova, I. V. Baykova
The mediatization of politics as an actual communication trend
in the modern russian information field 21

T. A. Nigmatullina, L. O. Ternovaya
Contradictions and compatibility of social spaces and global flows 27

N. E. Shakurova
National security of Russia in the context of international security 36

ECONOMY AND ENTERPRISE MANAGEMENT 44

A. R. Babayants, A. V. Zakharov
The role of the human factor in increasing the competitiveness of a company 44

S. A. Bazhenova, V. S. Goryachev
Some aspects of project management in the construction of medical hotel facilities 50

L. Z. Buranbaeva, Z. E. Sabirova
Rural medicine in the Republic of Bashkortostan: current state and development trends 58

A. F. Garifullina, Z. L. Sizonenko, E. N. Krainova
The impact of the COVID-19 pandemic on the state of the economy: solutions and development prospects . . 66

A. V. Zhukovsky
Application of financial innovations in reinsurance protection systems:
experience of developed countries and prospects for Russia 71

T. Yu. Krotenko, O. V. Lesnikova, M. I. Kanunikova
Service quality in the hospitality industry 77

O. N. Perezhogina
Methodological approaches to the formation of cost of services in hotels 84

K. V. Trushin
The impact of the management structure on the innovative capabilities of the organization 92

SOCIAL ASPECTS OF THE ECONOMY 98

E. V. Kabashova
Inequality of quality of life indicators of the population in regions of the Volga federal district 98

E. V. Kabashova
Estimation of income inequality in the Republic of Bashkortostan 108

A. M. Kublanov
Quality of life and its subjective assessment: foreign literature review 118

E. A. Khunafina, A. F. Akhmadieva, A. A. Atazhanova
Demography and world food security 123

FIELD OF LABOR: CHALLENGES OF THE TIME 130

E. G. Kalabina, E. A. Shadrina
Opportunities and barriers to the development
of platform employment of older age groups of the population (45 years and older) in the labor market 130

T. A. Nigmatullina
Humanization of labor in Russia: the role of trade unions. 141

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL SPACE. 148

A. A. Arefeva
Structure and elements of the system of formation of professional competences, training, retraining and professional development of staff 148

A. A. Gataullina, A. K. Ildarkhanova, A. A. Zyabbarova
Development of a methodology for researching the effectiveness of agricultural universities management in the Russian Federation 154

A. N. Geletiy
Team work as an important component in the process of training in the educational organization of higher education 164

E. Yu. Kuzmina
Changing employee competencies to meet business needs 168

S. Z. Kunsbaev
The phenomenon of inclusive education: world experience of normative support 172

Z. M. Khasanov, A. I. Nizamova, N. V. Khasanova
Resource approach to the accumulation and distribution of the potential of the scientific organization staff 179

LEGAL ISSUES 184

E. S. Baranova
Problems of determining the legal status of an embryo in modern law. 184

B. Z. Malikov, R. R. Tazetdinov
Modern trends, problems of education and offenses prevention among minors and youth 189

HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC STUDIES 196

R. R. Gallyamov
Islamic studies in modern Bashkortostan: main stages and directions of research. 196

V. E. Polyakov
Bashkirs in the defense of Sevastopol in 1941–1942 206

REVIEWS. 213

R. R. Gallyamov
Book review for: Islam in Bashkortostan: an encyclopedic dictionary / team of authors; chief editor D. V. Mukhetdinov; editor-in-chief A. Y. Khabutdinov. Moscow: Publishing house "Medina", 2023. 226 p.: il. (Islam in the Russian Federation) 213

I. V. Kuchumov
Book review for: Bashkiria and the Southern Urals in the literature of Russian emigration and its study: bibliographic index of literature for 1904–2023 / compiler L. V. Sataeva; ed. A. G. Salikhov. Ufa, 2023, 40 p.. 216

FOR AUTHORS 218

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 11–14
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):11–14

ПОЛИТИКА И ИДЕОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 32:342.9
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-11-14

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ: АНАЛИЗ ТИПОВЫХ СИТУАЦИЙ

Альбина Фатиховна Гарифуллина[1]✉, Танзиля Ахтямовна Даутова[2], Вероника Александровна Ковшечникова[3]
[1,2,3]Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
[1]albina.garifullina.86@bk.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-0407-7510
[2]dautova_07@mail.ru
[3]iubp_do@mail.ru

Аннотация. Статья обращает внимание на проблему, с которой сталкиваются многие государственные органы и учреждения — конфликт интересов. В статье анализируются обзоры типичных ситуаций конфликта, включая его причины, последствия и методы предотвращения. Авторы предлагают некоторые рекомендации для улучшения системы контроля за конфликтом интересов в государственных учреждениях: внедрение строгих нормативных и правовых механизмов, повышение открытости и прозрачности работы государственных учреждений, а также усиление роли гражданского общества в наблюдении за деятельностью государственных служащих.
Ключевые слова: государственная служба, обзор типовых ситуаций, конфликт интересов, судебная практика, унификация конфликта интересов
Для цитирования: Гарифуллина А. Ф., Даутова Т. А., Ковшечникова В. А. Конфликт интересов на государственной службе: анализ типовых ситуаций // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 11–14. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-11-14.

POLITICS AND IDEOLOGY

Research article

CONFLICT OF INTEREST IN PUBLIC SERVICE: ANALYSIS OF TYPICAL SITUATIONS

Albina F. Garifullina[1]✉, Tanzilya A. Dautova[2], Veronika A. Kovshechnikova[3]
[1,2,3]Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
[1]albina.garifullina.86@bk.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-0407-7510
[2]dautova_07@mail.ru
[3]iubp_do@mail.ru

Abstract. The article draws attention to the problem faced by many state bodies and institutions — conflict of interests. The article provides an overview of typical conflict situations, including its causes, consequences and methods of prevention. Authors offer some recommendations for improving the system of control over conflicts of interest in public institutions: the introduction of strict regulatory and legal mechanisms, increasing the openness and transparency of the work of State institutions, as well as strengthening the role of civil society in monitoring the activities of civil servants.
Keywords: public service, review of typical situations, conflict of interest, judicial practice, unification of conflict of interest

For citation: Garifullina A. F., Dautova T. A., Kovshechnikova V. A. Conflict of interest in public service: analysis of typical situations. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):11–14. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-11-14.*

Для изучения вопроса конфликта интересов в системе государственной службы (КИСГС) необходимо изучить, проанализировать и осмыслить судебную практику и саму практику выявления и предотвращения КИСГС, так как данные обзоры помогут органам власти осуществлять свою деятельность более эффективно в пределах предоставленной им компетенции.

На официальном сайте Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации (Минтруд РФ) представлен актуальный обзор практик КИСГС. Данный материал унифицирует в себе популярные формы проявления КИСГС и представляет собой систематизированный материал, основанный на разновидности функций, связанных с высоким уровнем коррупционных проступков и преступлений. Основную цель, которую преследует Минтруд РФ в заданной тематике, — унифицировать подходы при классификации типичных ситуаций КИСГС и обработку информации. Обзор министерства полезен для правоприменительной практики тем, что он ясно показывает, как квалифицировать те или иные ситуации при возникновении КИСГС, если необходимые меры ответственности не применяются или применяются неправильно.

В зависимости от осуществления организационно-распорядительных функций Минтруд РФ выделяет две типичные модели КИСГС.

Исходя из осуществления административно-хозяйственных функций, Минтруд РФ выделил типичную ситуацию, связанную с деятельностью должностных лиц на муниципальной службе. Поскольку тема нашего исследования ограничена рамками проблем, связанных с конфликтом интересов именно на государственной службе, нет необходимости останавливаться на рассмотрении данной ситуации.

Следует подчеркнуть, что обзор, подготовленный министерством, является весьма полезным, так как типизировал наиболее часто встречающиеся КИСГС. Однако Минтруд РФ в своем обзоре, естественно, не смог рассмотреть и обобщить все многообразие реально встречающихся на государственной службе ситуаций, связанных с конфликтом интересов. К сожалению, как показывает опыт правоприменительной практики, государственная служба постоянно воспроизводит конфликт интересов, что привлекает внимание как правоохранительных органов, так и судебной системы.

Судебная практика обращает внимание на конфликты, связанные со следующими моментами: предоставление государственной услуги самому себе; получение «не явных» подарков от зависимых лиц; наличие имущественных и неимущественных связей между должностным лицом и близкими ему людьми; кадровые решения в отношении зависимых или близких должностному лицу людей; эксплуатация имущества в неслужебных целях; присутствие родственных и/или свойственных отношений.

Данные судебные прецеденты обогатили информацию о типовых моделях КИСГС.

Отрадным является факт, что Минтруд РФ постоянно осуществляет наблюдение за вновь возникающими случаями КИСГС и отражает их в своих обзорах.

Стоит обратить внимание на такие типовые ситуации, как: конфликт интересов, связанный с выполнением отдельных функций государственного управления в отношении родственников и/или иных лиц, с которыми связана личная заинтересованность государственного служащего; конфликт интересов, связанный с выполнением иной оплачиваемой работы; конфликт интересов, связанный с владением ценными бумагами, банковскими вкладами; конфликт интересов, в процессе получения услуг и подарков; конфликт интересов, связанный с имущественными обязательствами и судебными разбирательствами; конфликт интересов, связанный с взаимодействием с бывшим работодателем и трудоустройством после увольнения с государственной службы; ситуации, связанные с явным нарушением государственным служащим установленных запретов.

Ситуация в Российской Федерации и в мире в целом способствует возникновению новых типовых ситуаций. Анализ судебной практики показывает, что судебные органы занимаются обобщением дел данной категории [1]. В данном случае речь идет о судебном обзоре дел о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий, а также дел о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Приведем наиболее яркие результаты обобщенной практики судов по соответствующим категориям дел. Это: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 21 [2]; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 [3].

Анализ текстов данных постановлений показывает, что Верховный Суд Российской Федерации, а, соответственно, и вся судебная система не используют при принятии решений и вынесении приговоров термины «государственный служащий», «государственная служба», «конфликт интересов в системе государственной службы» [4]. Иными словами, не используют терминологию, свойственную специализированному законодательству, посвященному вопросам государственной службы и противодействия коррупции.

Верховный Суд Российской Федерации и нижестоящие суды оперируют понятиями «должностное лицо», «должностные обязанности», «должностные полномочия». Следует подчеркнуть, что эти понятия применимы не только к должностным лицам — государственным служащим, но и к должностным лицам коммерческих и иных организаций. А это означает, что судебная практика движется по пути унификации рассмотрения дел в отношении всех должностных лиц, независимо от того, является ли данное должностное лицо государственным служащим или состоит в трудовых отношениях с коммерческой или иной организацией.

В то же время, на наш взгляд, учитывая, что КИСГС является специфическим проявлением правонарушений должностных лиц, отличным от характера и важности последствий правонарушений должностных лиц коммерческих и иных организаций, считаем целесообразным, чтобы Верховный Суд Российской Федерации обратил свое внимание, а также внимание нижестоящих судов, на необходимость анализа, обобщения и обзора судебной практики по рассмотрению дел именно в сфере КИСГС [5]. Считаем необходимым и полезным принятие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации целенаправленно по делам о конфликте интересов в системе государственной службы.

Список источников

1. Сакало Е. С. Конфликт интересов на государственной службе: теоретико-правовые и проблемные вопросы // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 87-7. С. 94–97.

2. «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации)» : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 21 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388944/

3. "О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий" : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N 19 : ред. от 11.06.2020 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013

4. Антоновская Е. А., Лаврентьева С. В. Конфликт интересов на государственной службе // Oeconomia et Jus. 2022. № 2. С. 1–7.

5. Обзор практики правоприменения в сфере конфликта интересов // Минтруд России : официальный сайт. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/9/13

References

1. Sakalo E. S. Conflict of interests in the public service: theoretical, legal and problematic issues. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the development of science and education.* 2022;(87-7):94–97. (In Russ.).

2. “On Some Issues of Judicial Practice in Cases of Crimes Against the Interests of Service in Commercial and Other Organizations (articles 201, 201.1, 202, 203 of the Criminal Code of the Russian Federation)”: Resolution

of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 29, 2021 No. 21. ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388944

3. "On Judicial Practice in Cases of Abuse of Official Powers and Abuse of Official Powers": Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 16, 2009 N 19: as amended on June 11, 2020. ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013

4. Antonovskaya E. A., Lavrentieva S. V. Conflict of interests in public service. *Oeconomia et Jus = Economics and law*. 2022;(2):1–7. (In Russ.).

5. Review of law enforcement practice in the field of conflict of interest. Ministry of Labor of Russia: official site. (In Russ.). Available from: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/9/13

Информация об авторах

А. Ф. Гарифуллина — кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления.

Т. А. Даутова — кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления.

В. А. Ковшечникова — старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов

Information about authors

A. F. Garifullina — Candidate of Science (Political), Associate Professor of the Department of Public Administration;

T. A. Dautova — Candidate of Science (Sociological), Associate Professor of the Department of Public Administration;

V. A. Kovshechnikova — Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages of Humanities Faculties.

Статья поступила в редакцию 26.09.2023; одобрена после рецензирования 17.10.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 26.09.2023; approved after reviewing 17.10.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 15–20
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):15–20

Научная статья
УДК 339.924(582.3)
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-15-20

СИНГАПУР КАК ВАЖНЫЙ УЧАСТНИК МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Азиза Аяз кызы Гюлумджанлы
Институт Востоковедения имени академика Зии Буниятова Национальной Академии Наук Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика, sharq@lan.ab.az

Аннотация. В современном мире Сингапур является одной из важнейших стран для изучения благодаря своей уникальной модели экономического развития. В связи с этим наше исследование отмечает, что, несмотря на то, что Сингапур является небольшой страной, он имеет широкое участие и роль в международных экономических и политических интеграционных процессах. В статье также утверждается, что присоединение к международным экономическим и политическим интеграционным процессам является традицией государственности Сингапура. Чтобы объяснить это более подробно, анализируется историческая динамика Сингапура, а затем обсуждается его международная интеграционная политика сегодня.
Ключевые слова: АСЕАН, международная интеграция, экономика, Сингапур
Для цитирования: Гюлумджанлы А. А. кызы. Сингапур как важный участник международной интеграции // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 15–20. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-15-20.

Research article

SINGAPORE AS AN IMPORTANT PARTICIPANT INTERNATIONAL INTEGRATION

Aziza A. kyzy Gyulumjanli
Institute of Oriental Studies named after Academician Ziya Buniyatov, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Azerbaijan Republic, sharq@lan.ab.az

Abstract. In the modern world, Singapore is one of the most important countries to study with its unique economic development model. In this regard, our research notes that despite being a little country, Singapore's participation in international economic and political integration processes is extensive and its role is great. The article also argues that joining international economic and political integration processes is a statehood tradition in Singapore. To explain this in more detail, the historical dynamics of Singapore are analyzed, and then its international integration policy is discussed today.
Keywords: ASEAN, international integration, economy, Singapore
For citation: Gyulumjanli A. A. kyzy. Singapore as an important participant international integration. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):15–20. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-15-20.

Несмотря на то, что Сингапур — карликовая страна, его участие в международных экономических и политических интеграционных процессах обширно, а роль велика. Присоединение к международным экономическим и политическим интеграционным процессам является традицией государственности Сингапура. Чтобы лучше объяснить это, достаточно взгля-

нуть на участие Сингапура в международном интеграционном процессе в историческом контексте. В нашем исследовании мы проанализируем историческую динамику международной экономической и политической интеграционной политики Сингапура до сегодняшнего дня и деятельность этого города-государства как актора в процессах международной экономической и политической интеграции.

Рассмотрим, как происходила историческая динамика региональной интеграции Сингапура.

Во времена британского колониального правления Сингапур служил свободным портом для региона. Он импортировал товары из соседних стран (в основном из Малайи и Индонезии), включая каучук, олово, древесину и специи, и реэкспортировал их на европейские и американские рынки. Потребительские товары, произведенные на западных рынках (особенно в Великобритании), реэкспортировались в другие страны региона через Сингапур. Торговля финансировалась в основном британскими и зарубежными китайскими торговыми и финансовыми учреждениями в Сингапуре. Однако значительная часть торговли между Сингапуром и Индонезией приходилась на контрабанду и не отражалась в официальной торговой статистике. Так, Сингапур много лет не публиковал торговую статистику с Индонезией [1, с. 23]. При британской колониальной системе экономика Сингапура процветала благодаря своему стратегическому географическому положению в самом сердце Юго-Восточной Азии. Иными словами, развитие Сингапура в этот период обеспечивалось его статусом регионального торгового центра. В стране также были финансы, логистика, доставка и т. д. Он играл роль центра региона по ряду направлений. В этот период англичане не развивали здесь активно обрабатывающую промышленность, чтобы не создавать конкуренции собственной продукции в своих колониях. Однако был ряд местных производственных фирм, созданных деловыми кругами мигрантов Китая и Индии. В основном это были предприятия легкой промышленности, связанные с производством продуктов питания и напитков, а также заводы по переработке сырья. Сырье завозили из соседних стран, в основном с Малайского полуострова. На самом деле большинство плантаций или рудников в Британской Малайе принадлежало семьям, занимавшимся предприятиями по производству продуктов питания, напитков и каучука в Сингапуре [2, с. 36].

Во второй половине XX в. страна встала экономически. Главной причиной этого стали политические процессы. Между 1959 и 1965 годами Сингапур претерпел ряд серьезных политических изменений. В 1959 году страна получила автономию (кроме обороны и иностранных дел) британским правительством после победы на парламентских выборах Партии народного действия (ПНД) во главе с Ли Куан Ю. В 1963 году Сингапур решил объединиться со штатами Полуостровная Малайя, Сабах и Саравак, чтобы сформировать Федерацию Малайзии, провозгласившую полную независимость от Великобритании. Два года спустя, в 1965 году, Сингапур был выведен из состава Федерации, поскольку разногласия между центральным правительством в Куала-Лумпуре и местным правительством во главе с XFP стали неразрешимыми [3, с. 70].

Структура производства и структура торговли Сингапура начали меняться после 1959 года, когда правительство XFP решило отучить экономику от колониальной торговли. Именно в тот период стало ясно, что коммерческая деятельность может не только обеспечить достаточную занятость рабочей силы, но и сыграть ключевую роль в устойчивом экономическом росте. После обретения независимости давление на экономику усилилось, поскольку соседние страны пытались обойти Сингапур и развивать прямые торговые пути с глобальными торговыми партнерами [4, с. 80]. Следуя рекомендации консультативной группы Всемирного банка, в 1959 году правительство FFP запустило программу индустриализации, направленную на привлечение многонациональных корпораций для создания производственных баз в Сингапуре. Законы о труде и законы о производственных отношениях были коренным образом изменены, чтобы адаптировать промышленную среду города-государства к многонациональным корпорациям.

Первоначально программа индустриализации осуществлялась по принципу импор-

тозамещения. В этот период Малайзия обеспечивала рынок сбыта промышленной продукции. В течение двух лет, когда Сингапур был частью Федерации Малайзии, этому вопросу уделялось больше внимания. Однако в 1965 году, после выхода Сингапура из Федерации, этот рынок был потерян. Это можно считать началом присоединения Сингапура к региональным и глобальным интеграционным проектам. После этого правительство Сингапура решило изменить свою стратегию индустриализации на экспортно-ориентированную. Транснациональные корпорации сыграли важную роль в этом переходе. Многие из них уже имели глобальную дистрибьюторскую сеть, им было нетрудно продавать то, что они производили в Сингапуре, на международных рынках. В то же время был создан еще один уставный совет — Совет по развитию торговли — для работы с транснациональными корпорациями и другими сингапурскими компаниями с целью открытия новых экспортных рынков [5, с. 58].

С 1965 по 1980 год прямые иностранные инвестиции в Сингапур из США, Западной Европы (особенно Великобритании и Нидерландов) и Японии быстро увеличивались. Торговая модель Сингапура также становится все более глобальной. Хотя многие сингапурские промышленные товары, естественно, продаются в страны, предоставляющие прямые иностранные инвестиции, транснациональные корпорации также помогли значительно стимулировать рост сингапурского экспорта [5, с. 49].

К 1980 году общий объем торговли Сингапура с США, Японией и Западной Европой составлял более 40 % от общего объема мировой торговли страны. Напротив, экономическая зависимость Сингапура от других членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) (англ. *Association of South East Asian Nations, ASEAN*) снизилась в конце 1960-х и 1970-х годах. В основном это связано с тем, что экономика Сингапура зависела от колониальной торговли, а также специализировалась на обработке сырьевых товаров из Малайзии и Индонезии. Но к 1980-м гг., когда сингапурская экономика индустриализировалась, а обрабатывающая промышленность переориентировалась на экспорт, торговля Сингапура с рынками за пределами АСЕАН увеличилась в относительном выражении [6, с. 55].

Рост торговли между Сингапуром и АСЕАН в 1990-х годах сделал АСЕАН ключевым рынком для торговли Сингапура. Доля торговли между Сингапуром и АСЕАН в общем объеме мировой торговли Сингапура увеличилась примерно с 20 % в 1985 году до примерно 30 % в 1996 году. Однако этот рост не означал, что торговля Сингапура в 1990-х годах была больше ориентирована на регион АСЕАН.

Интенсивность торговли Сингапура с АСЕАН снизилась с 1990 по 1996 год, хотя доля торговли Сингапура и АСЕАН в общем объеме мировой торговли Сингапура за тот же период увеличилась [4, с. 180].

Значительный рост торговли Сингапура с АСЕАН произошел только на третьем этапе (с 1998 года по настоящее время). Это подтверждается 170-процентным увеличением торговли между Сингапуром и АСЕАН с 67 млрд долларов США в 1997 году до 182 млрд долларов США к концу 2007 года. В процентном отношении торговля Сингапура и АСЕАН была крупнейшей в общем объеме мировой торговли Сингапура в 2007 году, составляя около 33 % от общего объема мировой торговли Сингапура [7, с. 388]. Как мы видим, интенсивность торговли Сингапура и АСЕАН также начала расти в этот период.

Глядя на более широкие интеграционные шаги, мы можем сказать, что наряду с торговлей, зарубежные инвестиции Сингапура стали более регионализированными. Несмотря на азиатский финансовый кризис, прямые иностранные инвестиции Сингапура значительно выросли с 1990-х годов. Рост общей стоимости иностранных инвестиций Сингапура увеличился в 1990-е годы и достиг 173 млрд долларов США на конец 2007 г. [1, с. 99]. Это был достаточно большой показатель для Сингапура того времени. В тот период сингапурские компании также были более заинтересованы в инвестировании в девелоперские проекты в таких странах, как Вьетнам.

С момента запуска программы ЕЭС в 2001 году Сингапур принял участие почти в 100 проектах в рамках АСЕАН и более чем в 150 проектах на двусторонней основе. Большинство этих проектов были связаны с улучшением транс-

портной и энергетической инфраструктуры в соседних странах, а также развитием человеческих ресурсов.

Сингапур уже давно играет ведущую роль в продвижении либерализации торговли в рамках АСЕАН. После первого саммита АСЕАН на Бали в феврале 1976 г. Сингапур взял на себя инициативу по либерализации своей торговли внутри АСЕАН, введя повсеместное снижение тарифов на 10% в двусторонней торговле с Филиппинами и Таиландом еще до подписания соглашения о военно-техническом сотрудничестве (ВТС). Отсюда видно, насколько серьезно участие Сингапура в региональных процессах экономической интеграции. В январе 1977 г., когда Таиланд запросил корректировку уровня уступок, установленного соглашением о ВТС в 1987 году, Сингапур продемонстрировал лидерство в интеграционных инициативах, став первой страной среди членов АСЕАН, поднявшей уровень уступок соглашения до 50%. Сингапур также является первой страной АСЕАН, которая следует графику AFTA — Зоны свободной торговли АСЕАН (англ. *the ASEAN Free Trade Area, AFTA*), полностью отменяя тарифы на все товары в двусторонней торговле АСЕАН и практически не ограничивая приток инвестиций АСЕАН в Сингапур [2, с. 201].

Необходимость использования АСЕАН в качестве экономического промышленного региона для привлечения иностранных инвестиций стала еще более очевидной с появлением новых экономических конкурентов, таких как Китай, и формированием блоков свободной торговли в других странах мира, таких как НАФТА (англ. *North American Free Trade Agreement (NAFTA)* — Североамериканское соглашение о свободной торговле).

Сам по себе Сингапур не мог предложить достаточно привлекательную базу для транснациональных корпораций. Будучи частью более крупной экономики АСЕАН, в которой проживает около 500 млн чел., положение Сингапура как базы для многонациональных корпораций значительно укрепилось.

Сегодня Сингапур продолжает играть ведущую роль в продвижении интеграции экономик АСЕАН. В связи с этим следует отметить, что правительство Сингапура на протяжении многих лет играет важную роль в изменении экономического ландшафта города-государства, помогая сформировать структуру экономики. Помимо прямого влияния на экономику своей политикой, оно косвенно контролирует направления экономического развития города-государства через различные проекты. Хотя проекты в основном управляются компаниями частного сектора со схожими коммерческими целями, здесь применяется государственный надзор. Эти цели включают, среди прочего, создание внешнеэкономического крыла города-государства за счет стратегических инвестиций и торговли с зарубежными странами.

Однако с начала XXI в. правительство стремилось усилить доминирование Сингапура в отраслях, основанных на знаниях и творчестве, путем активного продвижения исследований и разработок, а также инноваций. Наука, креативные индустрии, управление активами, услуги, образование, здравоохранение и развлечения — вот некоторые из новых областей, которые, по мнению исследователей, должны развиваться на основе нового преимущества Сингапура.

По мере того как политические инициативы, а вместе с ними и структура экономики, со временем менялись, две вещи оставались неизменными: приверженность политике свободной торговли и опора на транснациональные корпорации как на главный двигатель роста. Все трудоемкие, капиталоемкие, наукоемкие или инновационные отрасли, которые правительство Сингапура пытается продвигать, ориентированы на экспорт, поскольку Сингапур не имеет большого внутреннего рынка для поддержки своих отраслей промышленности.

Ориентация на экспорт и глобальная конкуренция также рассматриваются сингапурскими компаниями как единственный способ сохранить конкурентоспособность на мировом рынке. Эта базовая философия заставляет правительство интегрироваться в политику свободной торговли с максимально возможным количеством стран.

В первые годы, когда экономическая политика Сингапура была сосредоточена на трудоемких и капиталоемких отраслях, стимулы, предоставляемые правительством Сингапура, обычно носили фискальный и финансовый

характер, например, расширение налоговых льгот, субсидий на развитие инфраструктуры, подготовку квалифицированных кадров и др. По мере продвижения к технологическим и инновационным отраслям правительство Сингапура все чаще вступает в стратегическую конкуренцию с конкурирующими странами по принципу «первопроходец».

Фармацевтический сектор также является хорошим примером того, как правительство Сингапура активно способствует развитию отрасли. Чтобы привлечь инвестиции в этот сектор, правительство предлагает такие стимулы, как низкий корпоративный налог и легкий доступ для иностранных рабочих с открытой иммиграционной политикой.

Являясь совсем небольшим городом-государством, Сингапур занимает лидирующую позицию по инновационному развитию, а также функционированию институтов инновационной и инвестиционной инфраструктуры.

В области исследований Сингапур запустил программу по развитию рабочих отношений между финансируемыми государством учреждениями и местными университетами, а также проект стоимостью 500 млн долларов по строительству Биополиса — центра биомедицинских исследований.

К 2000 году руководство страны осознало, что для дальнейшего эффективного развития Сингапура трех существующих опор экономики — электроники, технологии и химии — стране будет недостаточно. После периода поисков и консультаций в качестве новой, четвертой опоры страны была выбрана биомедицина, и в июне 2000 г. была запущена так называемая Сингапурская программа биомедицинских наук.

Массачусетский технологический институт, один из крупнейших университетов США и мира, учредил A*STAR — Агентство по науке, технологиям и исследованиям (англ. *Agency for Science, Technology and Research*) в качестве ведущего агентства по научным исследованиям и развитию технологий в Сингапуре [8, с. 42]. Именно A*STAR курирует государственный сектор науки и технологий, управляет двенадцатью НИИ и выделяет гранты университетам и прочим внешним структурам, а также посылает сингапурских молодых ученых в лучшие мировые вузы. За внедрение научных результатов в бизнес и вообще за развитие инфраструктуры для хай-тека отвечает EDB — Совет экономического развития (англ. *Economic Development Board*).

Отношения между Сингапуром и традиционными промышленными регионами стран АСЕАН за прошедшие годы претерпели ряд изменений. В первые три десятилетия истории Сингапура (с 1965 года до конца 1990-х), по мере его индустриализации и продвижения по технологической производственной цепочке, он был вынужден принять глобальный, а не региональный интеграционный подход в поисках экспортных рынков. Неспособность АСЕАН добиться значительного прогресса в либерализации торговли в тот период укрепила веру Сингапура в то, что ему следует выйти за рамки региона и сосредоточиться на мировом рынке, который может стать мощным источником экономического роста для города-государства.

Сингапуру была необходима военная интеграция для обеспечения безопасности своей небольшой территории, политическая интеграция для избежания дипломатического давления со стороны соседних стран, обладающих глобальной властью, и экономическая интеграция для немедленного экспорта произведенной продукции из-за отсутствия внутреннего рынка, и он успешно реализовал эту интеграцию. Международная интеграция стала одним из главных орудий Сингапура и помогла вывести экономику страны на высокий уровень.

Таким образом, в результате исследования мы видим, что грамотная экономическая политика правительства Сингапура привела к тому, что за последние полвека Сингапур превратился из отсталого города с функцией города-порта для колониальной торговли в город-государство, развивающееся быстрее всех в мире.

Список источников

1. Barr M. D. Singapore: A Modern history. Kansas : I. B. Tauris, 2019. 312 p.
2. Kausikan B. Singapore is not an Island: views on Singapore foreign policy. Singapore : Straits Times Press, 2017. 465 p.

3. Lee K. Y. Hard truths to keep Singapore going. Singapore : Straits Times Press Pte Ltd, 2011. 522 p.
4. George C. Singapore, incomplete: reflections on a first world nation's arrested political development. London : Ethos Books, 2017. 216 p.
5. Phua C. C. R. Towards strategic pragmatism in foreign policy: cases of United States of America, China and Singapore. London : Routledge, 2021. 171 p.
6. Leifer M. Singapore's foreign policy: coping with vulnerability. 1st edition. London : Routledge, 2020. 193 p.
7. Phelps N. A. Gaining from globalization? State extraterritoriality and domestic economic impacts — the case of Singapore // Economic Geography. 2007. Vol. 83, No. 4:371–393.
8. Peng N. and Phang S. Singapore's economic development: pro- or anti-Washington consensus? // Economic and Political Studies. 2018. Vol. 6, No. 1:30–52.

References

1. Barr M. D. Singapore: A Modern history. Kansas : I. B. Tauris, 2019. 312 p.
2. Kausikan B. Singapore is not an Island: views on Singapore foreign policy. Singapore : Straits Times Press, 2017. 465 p.
3. Lee K. Y. Hard truths to keep Singapore going. Singapore : Straits Times Press Pte Ltd, 2011. 522 p.
4. George C. Singapore, incomplete: reflections on a first world nation's arrested political development. London : Ethos Books, 2017. 216 p.
5. Phua C. C. R. Towards strategic pragmatism in foreign policy: cases of United States of America, China and Singapore. London : Routledge, 2021. 171 p.
6. Leifer M. Singapore's foreign policy: coping with vulnerability. 1st edition. London : Routledge, 2020. 193 p.
7. Phelps N. A. Gaining from globalization? State extraterritoriality and domestic economic impacts — the case of Singapore. Economic Geography. 2007;83(4):371–393.
8. Peng N. and Phang S. Singapore's economic development: pro- or anti-Washington consensus? Economic and Political Studies. 2018;6(1):30–52.

Информация об авторе

А. А. кызы Гюлумджанлы — диссертант.

Information about the author

A. A. kyzy Gulumdzhanli — a Dissertator.

Статья поступила в редакцию 17.05.2023; одобрена после рецензирования 10.06.2023; принята к публикации 25.12.2023.
The article was submitted 17.05.2023; approved after reviewing 10.06.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 21–26
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):21–26

Научная статья
УДК 32
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-21-26

МЕДИАТИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ КАК АКТУАЛЬНЫЙ КОММУНИКАЦИОННЫЙ ТРЕНД СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЛЯ

Ольга Игоревна Недельченко[1], Юлия Борисовна Козлова[2], Ильвина Винеровна Байкова[3]✉
[1]Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия, 3olama80@yandex.ru
[2,3]Институт нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета, Уфа, Россия
[2]regentruda@mail.ru
[3]xd-kenny@mail.ru✉

Аннотация. Наблюдаемый в последнее десятилетие взрывной интерес к новостным платформам усиленно говорит о трансформации сферы масс-медиа. Одновременно беспрецедентно высокий уровень блокировок печатных изданий намекает на повышенную заинтересованность в глобальном контроле информационных потоков. Ранее ассоциировавшиеся исключительно с развлечением и обменом информацией, Новые Медиа сегодня перепрофилировались в амбициозный локомотив, активно моделирующий и направляющий массовые настроения по вопросам социального резонанса, включая аспекты политической жизни. Это является четким показателем их нового статуса — невидимого, однако мощного катализатора в области формирования публичных взглядов.
Ключевые слова: медиатизация политики, политический процесс, новые средства массовой коммуникации, социальные медиа, интернет-технологии
Для цитирования: Недельченко О. И., Козлова Ю. Б., Байкова И. В. Медиатизация политики как актуальный коммуникационный тренд современного российского информационного поля // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 21–26. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-21-26.

Research article

THE MEDIATIZATION OF POLITICS AS AN ACTUAL COMMUNICATION TREND IN THE MODERN RUSSIAN INFORMATION FIELD

Olga I. Nedelchenko[1], Yulia B. Kozlova[2], Ilvina V. Baykova[3]✉
[1]Ufa State Petroleum Technical University, Ufa, Russia, 3olama80@yandex.ru
[2,3]Institute of Oil and Gas Business, Ufa State Petroleum Technical University, Ufa, Russia
[2]regentruda@mail.ru
[3]xd-kenny@mail.ru✉

Abstract. The explosive interest in news platforms observed in the last decade strongly speaks to the transformation of the mass media sphere. At the same time, the unprecedentedly high level of blocking of printed publications hints at an increased interest in global control of information flows. Previously associated exclusively with entertainment and the exchange of information, New Media has today repurposed itself as an ambitious locomotive, actively modeling and directing mass sentiment on issues

of social resonance, including aspects of political life. This is a clear indication of their new status as an invisible yet powerful catalyst in shaping public opinion.

Keywords: mediatization of politics; political process; new means of mass communication; social media; Internet technologies

For citation: Nedelchenko O. I., Kozlova Yu. B., Baykova I. V. The mediatization of politics as an actual communication trend in the modern Russian information field. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):21–26. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-21-26.

Появление и распространение новых средств массовых коммуникаций, основанных на интернет-технологиях и технологиях Web 2.0, сделало возможным их активное встраивание в социальную жизнь общества, что выявило необходимость изучения степени влияния на эти сферы функционирования социума. Процесс медиатизации подразумевает постоянное распространение политической информации среди населения, что ведет к модификации контента политики из-за давления со стороны средств массовой информации (СМИ). Взаимоотношения систем массовой коммуникации с политической реальностью обретают новый характер, когда общественное политическое сознание начинает формироваться под влиянием поступающей из медийного пространства информации. Использование новейших интернет-технологий и принципов Web 2.0 в средствах информации обусловило их всестороннюю интеграцию в сферы жизни современного социума — от политических до экономических аспектов.

Первоначальное понимание термина «медиатизация» принадлежит Дж. Томпсону [1], изучавшему выполнение институциональными медиа функции передачи культурных образцов, конструирующих общество. Суть этого феномена заключается во всеобщем углублении восприятия политической информационной среды. Такое проникновение, в свою очередь, приводит к радикальным трансформациям, в сущности, самой политики. Результатом становится неминуемая адаптация политических реалий, которые подстраиваются под линзу медийных ресурсов. Заметным следствием этой динамики является доступность политических данных для обширной аудитории, что непременно сказывается на характере политического дискурса и его контента. Глубокий анализ влияния массовых коммуникаций предприняли ученые, являющиеся авторитетами в области теории коммуникаций и пропаганды, такие как У. Липпман, Г. Лассуэлл, П. Лазарсфельд [2]. Сердцевина медиатизации кроется в исполнении символов и знаковых комплексов, которые способствуют эмоциональной окраске событий и создают динамическое отношение к происходящему. СМИ активно влияют на электоральные предпочтения населения, склоняя чашу весов путем созидания имиджевого ряда политических фигур, эффективно манипулируя общественным мнением. В сегодняшних реалиях социальная среда подвергается внедрению приписываемого политического видения через каналы массовой коммуникации — именно это составляет суть медиатизации с точки зрения коммуникативного подхода.

Наличие различных коммуникационных моделей в медиатизированной политической среде повлекло за собой формирование разнообразных общественно-политических процессов. Наблюдается односторонний тип взаимодействия, где вещание ограничивается одним мнением по строго определенной проблематике. Схема коммуникации «один-ко-многим» предусматривает ограничение в ответной реакции, что иногда исключает ее полностью. Эти подходы, безусловно, связаны с попытками захватить символическую власть [3].

Другой же полюс коммуникационного спектра — это двусторонняя связь, которая выступает динамичным элементом открытости публичного пространства. Здесь присутствует активное взаимодействие между участниками, выражение интересов и общественное участие в экспертизе. Между тем не менее значимым представляется многогранная коммуникация «многие-ко-многим», обеспечивающая взаимный обмен сообщениями и ответами [4]. Концепция медиакратии, являющаяся одной из версий теории медиатизации, рассматривает это формирование политического простран-

ства сквозь призму доминирования медиа. Примечательно, что медийные сети берут на себя роль основного медиатора между политическими силами и оказывают значительное влияние на процесс принятия государственно значимых решений. Эти модели отражают многомерность современного информационного обмена, стимулируют рост влияния сетевых гражданских инициатив и модернизируют ландшафт медиатизированной политики.

В современной России, согласно исследованиям Meltwater и Mediascope, до 90% активных пользователей проводит в социальных медиа приблизительно 73% от своего времени [5].

Жители посвящают взаимодействию с социальными медиа около восьми часов ежедневно. Согласно исследовательским данным, изучение политических событий и происходящих в глобальном контексте изменений считается второстепенным по приоритетности, но также находит своего адресата среди пользователей. Платформы виртуального общения являются местом для переписки с друзьями, знакомством с новым видеоматериалом, при этом у 53% пользователей каждый второй интернет-заход связан с необходимостью нахождения гайдов для разрешения определенных вопросов.

Современные медиаплатформы в цифровом пространстве, такие как социальные медиа, мобильные приложения и блоги, выделяются благодаря их возможностям интерактивного общения. В отличие от классических СМИ, где диалог с аудиторией ограничен, данные формы позволяют пользователям оказывать воздействие на информационный поток через комментирование и обмен мнениями. Редким исключением из сего правила проявляются односторонние рассылки информационного или маркетингового содержания, имеющие возможность распространения как посредством электронной почты, так и через мобильные технологии (рис. 1). Виртуальные формы медиа, возникшие в экосистеме глобальной сети, предпочитают использовать различные интернет-платформы для своего быстрого и всестороннего распространения, что кардинально отличает их стратегии коммуникативного влияния от традиционных.

Наблюдая за динамикой в России, можно утверждать, что за каждым жителем закрепляются в среднем два мобильных аппарата. Усиливается это тенденцией постоянного роста времени, затрачиваемого гражданами на использование данных устройств в качестве путей входа в мировую сеть (рис. 2). С каждым годом этот показатель неизменно увеличивается, подчеркивая все более глубокую интеграцию мобильных технологий в повседневную жизнь [5].

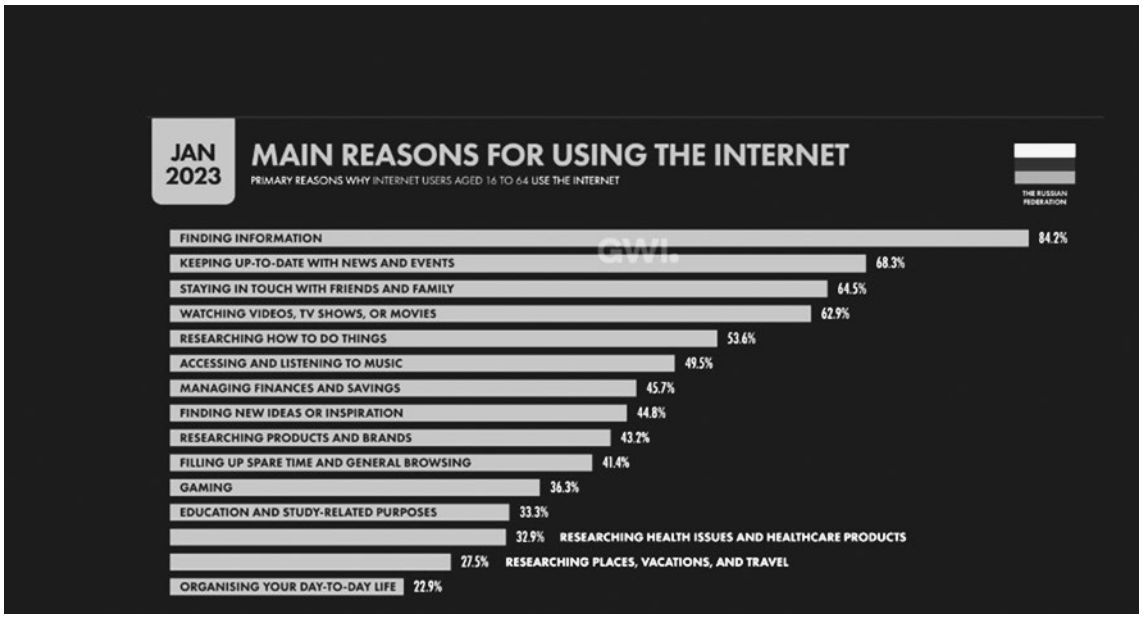

Рисунок 1 — Основные причины использования интернета

Figure 1 — Main reasons for using the Internet

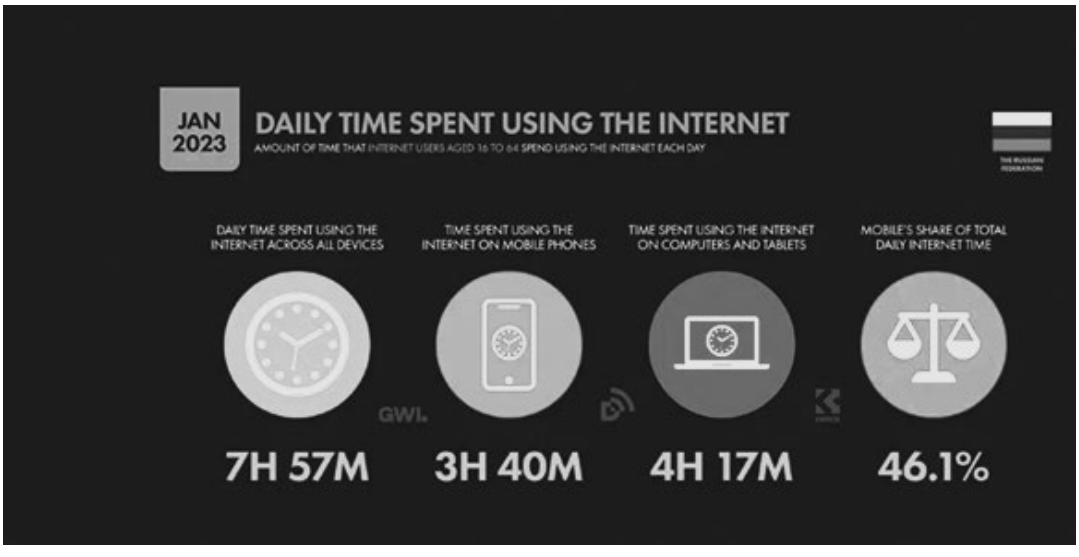

Рисунок 2 — Ежедневное время, проведенное в Интернете

Figure 2 — Daily time spent on the Internet

Существенное увеличение посещаемости сайтов сетевых СМИ во время локдауна также логично объясняется необходимостью людей получать информацию о текущих событиях и изменениях (рис. 3). Важно обратить внимание на эти изменения в поведении аудитории при разработке медиапланов и стратегий взаимодействия с целевой аудиторией [6].

В текущей российской медиасреде происходит значительный сдвиг вектора интереса аудитории: молодежь предпочитает оперативные и мобильные платформы, такие как Телеграм — не просто как программу для общения, а мощное средство массовой информации и важную арену для политических дискуссий среди молодежи (рис. 4). Напротив, пожилые слои общества проявляют устойчивость к изменениям в медиапотреблении, сохраняя традиционную привязанность к телевидению. Это, несомненно, приводит к трансформации состава зрителей, сохраняя при этом телевизионный канал как инструмент высокого охвата для достижения разношерстной публики [6].

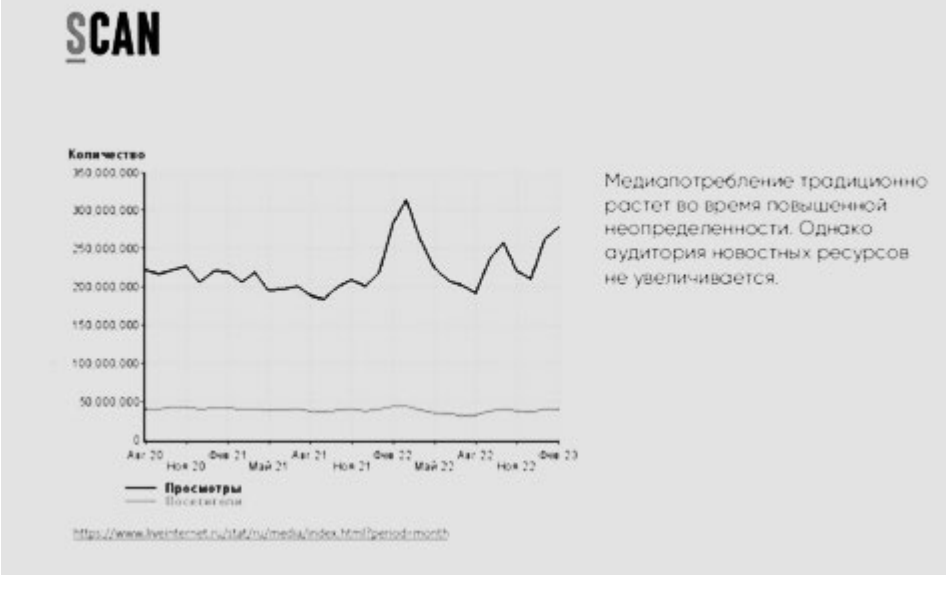

Рисунок 3 — Всплески активности в период медиапотребления

Figure 3 — Bursts of activity during the period of media consumption

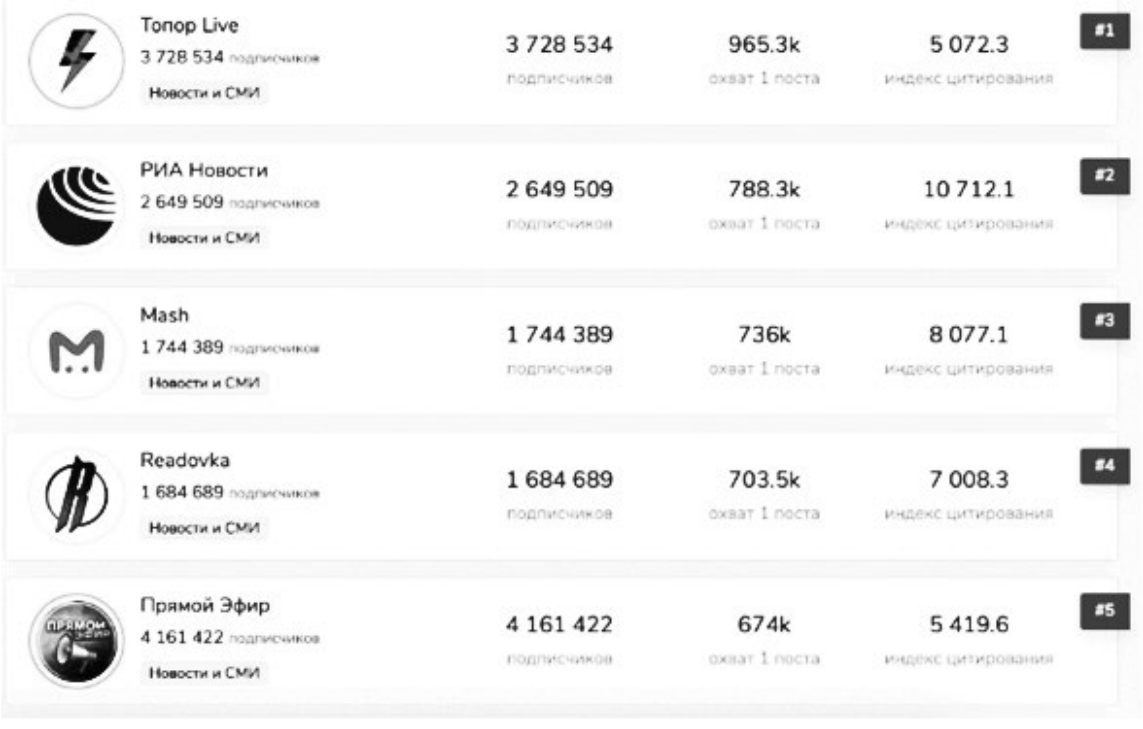

Рисунок 4 — Самые популярные Telegram-каналы за январь 2023 г.

Figure 4 — The most popular Telegram channels for January 2023

Для строительства имиджа политиков, всесторонней публикации новостей, связанных с государственной деятельностью и проведения избирательных кампаний, растет значимость интерактивных онлайн-платформ и социальных медиа [7]. Виртуальные пространства, благодаря своей доступности и экономичности размещения контента, нарастили свою аудиторию, обогнав классические информационные каналы. По сравнению с традиционными СМИ, интернет дает возможность гораздо более выгодного и эффективного распространения политического месседжа, начиная с рекламы и заканчивая организацией предвыборных мероприятий [8]. Интернет, таким образом, превращается в основную арену для политического дискурса с увеличением числа пользователей, которые становятся активными участниками политического процесса через социальные медиа как инструмент общения и воздействия.

Таким образом, медийное пространство и политические аспекты его медиатизации выполняют ключевую функцию в процессе складывания убеждений тех, кто активно погружен в информационный поток. В качестве основных факторов, оказывающих преобладающее влияние на форматирование окончательных суждений индивидуальных потребителей информации, функционируют СМИ, платформы новых медиа, всемирная паутина и иные средства коммуникации. В свете указанных обстоятельств преобразование социального восприятия через медиа превращается в наиболее значимый инструментарий, находящий применение в современных стратегиях политического маркетинга и связей с общественностью.

Список источников

1. Altheide D. L., Snow R. P. Media Logic. Beverly Hills : Sage, 1979. 256 p.
2. Rogers E. M. A history of communication study : a biographical approach : in 2 vol. Original edition. Free Press, 1997. 941 p.
3. Быков И. А. Сетевая политичекая коммуникация в условиях трансформации общества : дис. … д-ра полит. наук. Санкт-Петербург, 2016. 322 с.
4. Вейлер К., Маурер Р. Сетевые СМИ — другая журналистика? Москва : МГУ, 2010. 143 с.

5. Digital 2023: The Russian Federation — DataReportal — Global Digital Insights // Datareportal : сайт. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2023-russian-federation

6. Мониторинг и аналитика СМИ и соцмедиа // SCAN : система управления репутацией, мониторинга СМИ и соцмедиа. URL: https://scan-interfax.ru/media-monitoring

7. Квят А. Г. Новые технологии работы в медиапространстве: медиамем и его функции в политическом PR // Коммуникативно-управленческие стратегии в развитии социальных систем: тенденции, ресурсы, технологии : материалы Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 15–16 ноября 2012 г.). Ч. 1. Интегрированные маркетинговые коммуникации как фактор динамики развития социальных систем. Екатеринбург, 2012. С. 195–202.

8. Козлова Ю. Б., Петрова М. В. Детерминанты возрастания роли государственных связей с общественностью в современной России // Евразийский юридический журнал. 2019. № 4(131). С. 361–362.

References

1. Altheide D. L., Snow R. P. Media Logic. Beverly Hills : Sage; 1979. 256 p.

2. Rogers E. M. A history of communication study: a biographical approach: in 2 vol. Original edition. Free Press; 1997. 941 p.

3. Bykov I. A. Network political communication in the conditions of transformation of society: Dis. ... Dr. Polit. Sci. St. Petersburg; 2016. 322 p. (In Russ.).

4. Weiler K., Maurer R. Network media — another journalism? Moscow: MGU; 2010. 143 p. (In Russ.).

5. Digital 2023: The Russian Federation — DataReportal — Global Digital Insights. Datareportal: site. Available from: https://datareportal.com/reports/digital-2023-russian-federation

6. Monitoring and analytics of media and social media. SCAN: reputation management system, media and social media monitoring. (In Russ.). Available from: https://scan-interfax.ru/media-monitoring

7. Kvyat A. G. New technologies for working in the media space: media meme and its functions in political PR. Communication and management strategies in the development of social systems: trends, resources, technologies: materials of the International scientific and practical conference (Ekaterinburg, November 15–16, 2012). Part 1. Integrated marketing communications as a factor in the dynamics of the development of social systems. Ekaterinburg; 2012. P. 195–202. (In Russ.).

8. Kozlova Yu. B., Petrova M. V. Determinants of the increasing role of state public relations in modern Russia. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Legal Journal*. 2019;(4(131)):361–362. (In Russ.).

Информация об авторах

О. И. Недельченко — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков;

Ю. Б. Козлова — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных и политических коммуникаций;

И. В. Байкова — аспирант.

Information about authors

O. I. Nedelchenko — Candidate of Science (Philological), Assistant Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages;

Yu. B. Kozlova — Candidate of Science (Sociological), Assistant Professor, Associate Professor of the Department of Social and Political Communications;

I. V. Baykova — a graduate student.

Статья поступила в редакцию 07.12.2023; одобрена после рецензирования 21.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 07.12.2023; approved after reviewing 21.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 27–35
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):27–35

Научная статья
УДК 327:123:93/94
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-27-35

ПРОТИВОРЕЧИЯ И СОВМЕСТИМОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ И ГЛОБАЛЬНЫХ ПОТОКОВ

Танзиля Алтафовна Нигматуллина[1], Людмила Олеговна Терновая[2]✉
[1]Башкирский институт социальных технологий (филиал) Академии труда и социальных отношений, Уфа, Россия, ufabist@ufabist.ru
[2]Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия, 89166272569@mail.ru✉

Аннотация. В статье представлен анализ одного из главных противоречий современной эпохи. По мнению авторов, оно состоит в неспособности глобальных потоков, к которым сейчас относятся не только перемещения людей, товаров и услуг, капиталов, идей, но и свободная передача знаний, учитывать особенности самых разных пространств, понимаемых как в географических, так и проблемных координатах. Авторами выделены основные причины такого конфликта, связанные со сложностями многогранной трансформации социальной реальности. Также отмечены теоретические аспекты, относящиеся к изучению взаимодействия глобальных потоков и конкретных пространств, в частности, проявившиеся в постмодернистской методологии. Предлагаются некоторые направления развития исследований взаимодействия глобальных и пространственных акторов, на основе которых возможно осуществлять практические шаги по снижению накала конфликтности между ними.
Ключевые слова: глобальные трансформации, поток, свобода перемещений, пространство, региональная интеграция, поток знаний
Для цитирования: Нигматуллина Т. А., Терновая Л. О. Противоречия и совместимость социальных пространств и глобальных потоков // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 27–35. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-27-35

Research article

CONTRADICTIONS AND COMPATIBILITY OF SOCIAL SPACES AND GLOBAL FLOWS

Tanzilya A. Nigmatullina[1], Ludmila O. Ternovaya[2]✉
[1]Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, Ufa, Russia, ufabist@ufabist.ru
[2]Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russia, 89166272569@mail.ru✉

Abstract. The article presents an analysis of one of the main contradictions of the modern era. According to the authors, it consists in the inability of global flows, which now include not only the movement of people, goods and services, capital, ideas, but also the free transfer of knowledge, to take into account the features of a wide variety of spaces, understood both in geographical and problematic coordinates. The authors have identified the main causes of such a conflict associated with the complexities of the multifaceted transformation of social reality. Also noted are theoretical aspects related to the study of the interaction of global flows and specific spaces, in particular, manifested in postmodern methodology. Some directions for the development of research on the interaction of global and spatial actors are proposed, on the basis of which it is possible to take practical steps to reduce the intensity of conflict between them.

Keywords: global transformations, flow, freedom of movement, space, regional integration, knowledge flow

For citation: Nigmatullina T. A., Ternvaya L. O. Contradictions and compatibility of social spaces and global flows. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):27–35. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-27-35.

Категорию «пространство» с полным правом можно считать одной из древнейших координат, посредством которых регулировалась жизнь и отдельного человека, и социума. Первоначальные представления о пространстве, сконцентрированные в символике мирового древа — *arbor mundi* — задавали опоры архаичной модели мира. Они же позволили наполнить пространство конкретными образами, превратив его из враждебной среды в обитаемую, которую древние греки, начиная с Геродота, использовавшего этот термин в книге 3 «История», называли ойкуменой (др.-греч. *οἰκουμένη* — заселенная земля). Древние римляне известный им мир величали *orbis terrarium* (лат. круг земной, вселенная). Во время государства Шан, существовавшего с 1554 по 1046 год до нашей эры, возникло понятие «Поднебесная, обозначающее территории, находящиеся под властью китайского императора. У древних славян термин «пространство» развивал представление о своей земле, которая была пространной, т. е. широкой, просторной.

И в последующие столетия роль пространства в формировании мировосприятия не уменьшалась. Над его сущностью размышляли философы, его осваивали торговцы и пилигримы, оно манило бесчисленных завоевателей. Неудивительно, что сформировался длинный ряд синонимов, каждый их которых подчеркивает какую-то значимую характеристику пространства. Оно может выражать как близь и даль. Пространство готово предстать в виде простора, но способно явиться перед человеком как просвет, промежуток, прогалина. Пространство имеет силу растворяться в эфире, но не менее очевидно его стремление замкнуться в какой-нибудь особенной зоне. Современная эпоха немыслима без освоения Интернет-пространства, киберпространства, космического пространства. Пространство приобрело отраслевое лицо, став пространством науки или искусства. Все это многообразие потребовало совершенствования пространственного анализа, переноса его в сферу экономики, культуры, политики, международных отношений [1–2].

Именно в области международных отношений пространственный анализ смог полностью доказать свою не только теоретическую, но и практическую ценность. На рубеже XIX и XX столетий одновременно с ростом международной конкуренции, сопровождавшимся бурной милитаризацией, возникает теоретическая ветвь геополитики, которую сразу же понимают как инструмент обоснования борьбы государств за жизненное пространство. Уже после завершения Второй мировой войны, а затем речи сэра Уинстона Черчилля о европейском единстве 19 сентября 1946 г. в Цюрихе, а еще позже — после подписания 25 марта 1957 г. в Риме Договора, учреждающего Европейское Сообщество, — возникла потребность углубления понимания сути регионального пространства как территории, успех развития которой во многом определяется ликвидацией препятствий на пути свободного передвижения людей, товаров, услуг и капитала.

Уже сам дух Римских соглашений 1957 года был порожден энергией этого свободного движения, требующего ликвидации любых барьеров, и запросом самого регионального пространства на процветание, сотрудничество, мир. В рамках европейской региональной интеграции, идущей во второй половине прошлого столетия достаточно продумано и не очень торопливо, неизбежно возникающие противоречия между интересами потоков свободных перемещений идей, людей, капиталов, товаров и услуг, с одной стороны, и необходимостью сохранения специфики пространства как его уникального социально-политического, экономического, историко-культурного, конфессионального, лингвистического лица, с другой стороны, не были пугающими ни для лидеров европейских государств, ни для их населения. Опасность, несомую такими потоками,

для сохранения идентичности пространства чувствовали лишь наиболее прозорливые государственные деятели. Известно, что, будучи президентом Французской Республики, генерал Шарль де Голль дважды накладывал вето на вступление Великобритании в Европейское экономическое сообщество (ЕЭС). Он рассматривал Соединенное Королевство как «троянского коня» Соединенных Штатов Америки, опасаясь, что ЕЭС при посредничестве Великобритании обретет качество не регионального интеграционного объединения, а станет зоной свободной глобальной торговли.

Справедливость проявленной де Голлем осторожности по отношению к глобальным потокам была доказана в конце XX века. Тогда масштабные трансформации в политике, экономике, информационной и иных сферах развернулись во всю мощь и, несмотря на свое многообразие, в разных пространствах проявили удивительно похожие способности [3]. Эти способности были определены самой сутью потока, отличающегося мощностью, бурным течением, которое не пугало своей непредсказуемостью. Чтобы разобраться в источнике этой дикой силы, следует обратиться к этимологии понятия «поток». В романо-германские языки это слово пришло из праиндоевропейского **pleu-*, что значит «течь, плыть», дав основу английскому слову *flow*, означающему «поток», а также, нидерландскому слову *vloeien* — «течь», древнескандинавскому *floa* — «затоплять» и др. И в славянских языках понятие «поток» связывается с представлением о течении воды. Однако у славян имелось иное прочтение данного термина. Его происхождение виделось от глаголов «ткать», «ткнуть», а не от глагола «течь». В этом случае поток означал «изгнание» того, что ему казалось лишним, ненужным, избыточным.

При подходе к глобальным трансформациям, когда они уподобляются потоку, применимы все смыслы, которые разъясняет этимология понятия «поток». Наиболее продуктивным из этих смыслов можно назвать характеристику темпоральности, возникающую на основе общности представлений о течении воды и течении времени. Учет темпорального фактора очень важен при подходе к потоку как чреде социальных, экономических, политических, духовно-нравственных и других трансформаций. Здесь можно вспомнить, что на начальных стадиях европейской интеграции ее организаторы говорили о необходимости следовать модели разных скоростей. Любое искусственное ускорение потока перемен способно разрушить преобразуемое пространство, а не улучшить его качества. Показателен пример Украины, которая 28 февраля 2022 г. подала официальную заявку на членство в Европейском союзе (ЕС). И в этот же день восемь государств-членов ЕС подписали письмо в поддержку ускоренного процесса вступления Украины. Но если разобраться в том, насколько с того времени Украина стала соответствовать интеграционным критериям, то выяснится, что река ее социально-экономических и политических преобразований потекла вспять.

Второе прочтение потока уже как процесса изгнания актуально, когда для последующих преобразований необходимо избавиться от того наследия, которое кому-то из лиц, заинтересованных в переменах мешает. Часто такое изгнание происходит в самой примитивной, а еще и противоправной форме. Если продолжить пример Украины, то там идут сразу несколько процессов с таким смыслом: уничтожение памятников, связанных с советским прошлым; переименование улиц и населенных пунктов; запрет русского языка в публичном пространстве; гонения на Украинскую православную церковь (Московского патриархата) и т. д. Надо учитывать общеисторическую закономерность, которая стоит в том, что у «потока-изгнания» имеются две неразрывные стороны. Первая — очищает место для преобразований. Вторая — создание новой ткани социально-политических, экономических или иных взаимодействий. Их качество не может не зависеть от того, каким образом проходило очищение. Если первая сторона позволяет описать с помощью природной метафоры течения, которые отражают объективную потребность в преобразованиях, то вторая сторона через метафору «ткачества», обращает внимание на субъективные, искусственные, рукотворные свойства перемен [4, с. 101–116].

Как уже отмечалось, к глобальным потокам обычно относят масштабные перемещения людей, идей, капиталов, товаров и услуг

[5, с. 102–112]. Исходя из природы потока, в каждом из них важно находить проявление их двойственного характера. В наиболее простом виде этот дуализм обнаруживается в том, что каждый из глобальных потоков имеет открытую, верхнюю, светлую часть, которая несет позитивные перемены. Но одновременно с ними имеется закрытая, нижняя и темная часть каждого глобального потока. Связанные с ней процессы негативны, но могут быть криминальными, усиливающими беспорядок в том пространстве, куда они направлены. В качестве примера таких действий чаще всего приводят миграцию населения. Это — один из самых древних потоков. Не случайно два его исторических проявления имеют эпитет «великий»: Великое переселение народов в IV–VII веках и Великие географические открытия, начавшиеся в XV столетии и продолжавшиеся до XVII века. Миграция обладает такими яркими проявлениями потока в его первой части как трудовая и интеллектуальная миграция. Она же в своей темной части обнаруживает нелегальные каналы трансграничных перемещений, торговлю людьми и др. Если оценить поток капиталов, то в нем есть активные инвестиционные процессы, развивающие национальную экономику, поддерживающие международные экономические связи, при этом имеются потоки теневого капитала, явления отмывания доходов. Более того, теневая составляющая отмывочного потока проникает в другие области. Например, в экологической сфере она превращается в гринвошинг (англ. *greenwashing*, по аналогии с *whitewash* — отбеливание). В спорте возникло явление спортвошинга (англ. *sportswashing* — отмывание спортом), то есть использования спорта в целях улучшения репутации не как отдельных атлетов или тренеров, а также команд, видов спорта и государств. Показательный пример — одиннадцатые Олимпийские Игры нового времени, которые состоялись в 1936 году в Берлине и явились платформой для развертывания нацистской пропаганды и личного возвеличивания Гитлера.

Любопытно, что до недавнего времени среди глобальных потоков не упоминался поток знаний. В этом можно искать проявление точки зрения, что знания не имеют двойственной природы, которая присуща всем остальным глобальным потокам. Одной из очевидных характеристик обмена знаниями выступает его публичная сторона. Открыто осуществляется индивидуальный и коллективный обмен информацией, навыками, опытом. Даже закрытые учебные заведения готовят своих выпускников к публичной карьере, например, швейцарская школа *Le Rosey*, занимающая, по версии Forbes, первое место в списке лучших школ-пансионов мира. Обмен знаниями — это обязательное условие для инноваций, создания и закрепления конкурентоспособности индивидов, организаций и социальных общностей [6, с. 39–54]. Уже в глубоком прошлом мыслители отмечали, что в открытости знаний заключается их самодостаточность. К античному афоризму восходит одна из наиболее популярных формул: *«Knowledge itself is power»* («Знание само по себе — сила»), которую приписывают английскому философу, публицисту, государственному деятелю Френсису Бэкону (1561–1626).

Нельзя не остановиться на таком основании, которое препятствовало отнести передачу знаний к явлениям потокового порядка, как организованность обучения, не позволяющая отделять обмен от управления знаниями. Управленческие усилия были направлены на то, чтобы и организационно, и проблемно закрепить ответственность разных социальных институтов за конкретные сферы и уровни образования (домашнее обучение, военная подготовка, высшее образование и пр.). Неудивительно, что между этими областями и уровнями обустроились весьма прочные перегородки (можно вспомнить миниатюру Аркадия Райкина, в которой выпускника школы в институте призывали забыть все, чему учили в школе, а выпускника вуза на производстве наставляли забыть то, что узнал в высшей школе). Образовательное пространство выглядело сегментированным. Понимание, что такое препятствие мешает полноценному получению образования, явилось основанием для Болонского процесса, в число главных принципов которого входит поощрение академической мобильности. И она уже есть шаг к превращению обмена знаний в поток.

Опыт европейской интеграции показал императивность этого перехода. Об этом же говорил в мае 2023 г. Президент России Владимир Путин во время заседания лидеров государств, участвующих в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Тогда В. Путин предложил к четырем свободам передвижения товаров, услуг, финансов и человеческого капитала в рамках этого объединении добавить пятую свободу — «свободу знаний, которая реализовывалась бы на основе общих принципов и стандартов образования, здравоохранения и государственного управления» [7]. Необходимость таких действий обусловлена изменением содержания понятия «свобода», теряющего смыслы безграничности, безбашенности и безнаказанности. Их можно было найти в операции «Несокрушимая свобода» (англ. *Operation Enduring Freedom, OEF*), предпринятой США в ответ на террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 года.

Отмеченная в предложении Президента Российской Федерации свобода передвижения знаний на практике приобретает достаточно жесткие рамки, ибо она должна развиваться в одном русле с принципами и стандартами, касающимися, в первую очередь, здравоохранения и государственного управления. Эта связь определена как актуализацией проблем здоровья после пандемии COVID-19, так и приобщением все большего числа людей к здоровому образу жизни. Но в этом частном потоке есть и то общее для всех них новое качество, заключающееся в ослаблении стихийности и повышении управляемости.

Общемировые потоки не пролегают в едином русле. Во многих точках нашей планеты они сталкиваются, образуя своеобразные водовороты, в которые оказываются затянутыми не только находящиеся рядом люди, организации, государства, но и те, кто надеялся, что в этом мальмстрёме погибнут его геополитические, геоэкономическое, духовные, религиозные и прочие конкуренты. Современный миропорядок отличается от предыдущих периодов не тем, что он более сложен, а тем, что в нем вызревают и разворачиваются острые конфликты, и многие из присущих ему противоречий не разрешаются, а становятся основанием для кризисов, перетекающих из одного типа или региона планеты в другой.

Суть отличий социальной картины наших дней от ее предшественниц состоит в новом качестве этих противоречий. Во-первых, они приобретают свойства всеобщности, отличной от той, которая раньше ассоциировалась с глобализацией. Свойственная ей совокупность интеграционных процессов в социально-экономической, политической, культурной и конфессиональной областях, имеющая целью создание унифицированных моделей развития, полностью не исчезла. Но сейчас общность таких усилий достаточно четко канализировалась в рамках либеральных управленческих паттернов, которые попадают во все большую зависимость от либеральных ценностей [8–10].

Во-вторых, все шире остановится разрыв между социальной реальностью и ее интерпретациями, которые могут самым причудливым образом преподносить причину неурядиц в любой из областей жизнедеятельности, часто сводя крупную проблему до мелочной или, наоборот, раздувая единичный случай до всеобщей закономерности. Легче всего это достигается не просто на уровне индивида, а на обращении к его телесности, гендерной идентичности.

В-третьих, сами противоречия современного мира обозначаются не на одной линии, в конце которой можно увидеть их противоположность, например, война и мир, нищета и благоденствие, пандемия и здоровое общество, отчаяние и счастье и т. д. Новая конфигурация противоречий близка к постмодернистской модели ризомы. Этот термин в философский дискурс был введен в середине 1970-х годов Жилем Делёзом и Феликсом-Пьером Гваттари [11]. Буквально «ризома» означает «корневище». Метафора «корня», «корней» присуща европейскому мышлению в целом, она часто встречается и в российском контексте. Термин «ризома» обозначает не «стержневой корень», из которого «растет», «развертывается» определенное явление, уже, в сущности, в нем заложенное и им предопределенное. Под «ризомой», скорее, понимается, «клубень» или «луковица», «грибница». По мнению Ж. Делёза и Ф.-П. Гваттари, невозможно выделить ни начала, ни кон-

ца, ни центра, ни центрирующего принципа («генетической оси»), ни единого кода ризомы. Эти авторы указывали на способность ризомы порождать несистемные и неожиданные различия, отличающиеся настолько, что их нельзя противопоставить по наличию или отсутствию какого-либо признака. Согласно им, ризома характеризуется линиями членения, по которым направляется со «сравнительными скоростями» движение, формирующее ее организацию. В результате соединения таких линий ризомы образуется так называемое «плато». Его философы-постмодернисты увидели как временную зону устойчивости, обладающую пульсирующей конфигурацией.

Действительно, нельзя не заметить наличие свойств, подобных ризомным, у наиболее масштабных и одновременно самых драматических явлений начала XXI столетия: цветных революций, гибридных войн, пандемии COVID-19, новых форм социального протеста, «культуре отмены», ЛГБТ-движения и т. д. Это — с одной стороны. С другой стороны, не исчерпаны ресурсы прежней линейной оценки мировых реалий, поскольку более резко очерчены различия типов развития, глобального большинства и глобального меньшинства. Миропорядок искрит от соприкосновения факторов линейного и нелинейного развития. В то же время наряду с такими вызовами постоянно возникают новые конфигурации и возможности.

Для того чтобы их реализовать, следует понимать тонкости обстоятельств времени и места. Таким местом принятия решений и действий становится социальное пространство. Именно так многие исследователи определяют глобальный мир. В нем господствуют экономические и информационно-технологические силы, при этом изменения в одной части планеты могут иметь далеко идущие последствия для судеб отдельных людей или сообществ на другом конце земного шара. Но из-за политического фатализма возрастает угроза того, что подлинные масштабы социальных и экономических изменений будут на порядок превосходить способность национальных правительств или граждан контролировать или оказывать сопротивление этим изменениям [12].

Этот пессимистический взгляд обретает все больше сторонников, тогда как былой оптимизм, присущий апологетам глобализации, потихоньку сходит на нет. Мир перестает быть «плоским», как еще совсем недавно уверял американский журналист, трехкратный лауреат Пулитцеровской премии Томас Фридман. Причем мир теряет «плоскость» именно в тех двух смыслах, о которых этот автор писал. Во-первых, в нем нет плотного сотрудничества людей и единых правил для всех. Во-вторых, место рождения по-прежнему является гандикапом [13]. Вместе с тем мы не можем полностью отказаться от этих выводов хотя бы в том, что настало время нестандартных решений. Человеку в наши дни необходимо развивать воображение, приобретать гибкие навыки и умение адаптироваться в меняющейся среде, раскрыть свой потенциал, меняя карьеру и область деятельности. Только тогда возникнет то, что Т. Фридман увидел уже сейчас: конкуренция не между странами или транснациональными компаниями, а между людьми. Для этого важно образование, стимулирующее всесторонние способности.

Если еще совсем недавно глобализация преподносилась как торжество потоков идей, людей, финансов, товаров и услуг, знаний, то сегодня уже речь идет не только о ее плюсах, но и минусах, которые приобретают глобальный масштаб. К таковым следует отнести, прежде всего, распространение информации экстремистского и террористического толка, нелегальную миграцию, коррупционные явления и пр.

Одно из главных противоречий современной эпохи возникает вследствие усиливающегося напора глобальных потоков и неспособности различных пространств их принимать. Глобальный поток с его буйным характером и неуправляемостью с трудом ограничивается правовыми рамками, поэтому получающие от этого потока преимущества государства, корпорации и отдельные лица настаивают на замене международного права правилами. Поток мигрантов заставляет ужесточать конкуренцию на национальном или региональном рынке труда ради сбережения присущих этому социальному пространству достижений. «Культура отмены», становящаяся частью потока культурных перемен, в качестве противодействия диктует необходимость возрождения

традиций, часто унижающих человеческое достоинство. Историческая память обращается к прославлению героев былых времен, чтобы закрепить идентичность собственного культурного пространства. Глобальный поток знаний, реализуемый и в форме утечки умов, неизбежно вызывает противодействие в виде уплотнения национального образовательного пространства.

Современный мир заметно отличается от всех предыдущих периодов. Но нельзя не заметить, что, в отличие от XX столетия, XXI век берет из прошлого намного больше того, что отличало общество даже не эпох Научно-технической или Промышленной революций, а ранних времен. Людям в наши дни присуща такая же наивная вера в чудеса и героев, фантастических существ и зачарованные замки, что характеризовала живших в Средние века [14]. Даже то, что большинство подобных представлений локализуется в виртуальном пространстве, не мешает мощнейшему воздействию этих образов на реальную жизнь.

Поток такой информации становится настолько мутным, что требует специальных инструментов и навыков для того, чтобы и в нем, и в других глобальных потоках, на которые он оказывает принципиальное влияние, передвигаться безболезненно. Для этого надо уметь от них отгораживаться. Можно прислушаться к мнению выдающегося этолога, лауреата Нобелевской премии Конрада Лоренса, которому принадлежат замечательные слова: «Каждому человеку традиции его культуры предписывают, чему и каким образом он должен учиться. Но, прежде всего, для него устанавливаются отчетливые границы того, чему он не должен учиться» [15, с. 398]. Оказывается, что эта задача гораздо сложнее, чем возможность свободного «плавания» в потоке знаний, информации, культурных перемен.

Сложность объясняется тем, что в новых реалиях происходят постоянные процессы не только идентификации личности, общества, государства, механизмы которых достаточно отработаны, но и идентификации отдельных пространств. Причем речь идет не только о пространствах географических, которые себя сейчас идентифицируют в новых геополитических определениях, например, как «Большая Евразия». Важнее обратить внимание на сложности, имеющиеся у пространств проблемных: социального, экономического, политического, правового, духовно-нравственного, конфессионального, военного и других. Несмотря на очевидность их предметных полей, Новое осознание их предназначения не происходит автоматически. Оно представляет собой результат решения так называемой *identity problem*, то есть проблемы идентичности, в частности, проявляющейся в симптомах расстройства в передаче опыта или традиции, а также жесткости необходимости отождествления себя с кем-то другим. Признаки подобного расстройства видны в конфликте коренного населения и мигрантов, кризисе мультикультурализма, замене традиционных ценностей на универсальные, ведении военных действий с помощью наемников и пр.

Именно так накапливаются противоречия между тем, что в определенное пространство доставляется благодаря глобальному потоку, и тем, что это пространство готово от такого потока принять и переработать себе на пользу. Для того чтобы снизить накал конфликтности, необходимо:

во-первых, отказаться от ранжирования всего того, что есть в глубине этих потоков, не подходить к ним с точки зрения поиска конкурентных преимуществ, поскольку они не могут быть доставлены извне, а создаются внутри самого пространства;

во-вторых, не расширять предметное поле пространства бесконечно за счет набора данностей, а уметь использовать механизм отбора приоритета;

в-третьих, особое внимание уделять именно тем вопросам, которые вызывают повышенный интерес следующего поколения, учиться смотреть на мир будущего глазами тех, кому предстоит в нем жить.

Эти требования не являются невыполнимыми. С такими ментальными переменами вынуждены считаться и власти, и общественные деятели, и лидеры мнений. Для донесения собственной позиции до масс они часто используют символический язык. В качестве примера можно привести поздравительную картинку ко Дню России с военными шлемами, которой Министерство иностранных дел поздравило

с Днем России в 2022 году, опубликовав ее в Telegram-канале министерства. На открытке были изображены шлемы, которые использовались вражескими армиями разных эпох. В частности, первым в ряду оказался рыцарский шлем топфхельм (нем. *topfhelm* — горшковый шлем), очевидно, символизирующий Тевтонский орден времен Ледового побоища. Далее следуют польский шлем крылатого гусара времен Смуты XVII века, наполеоновская шляпа и каска солдата Вермахта. Завершает ряд пустой квадрат. А над этими головными уборами размещена надпись: «Мы вежливо просили их не расширяться на Восток». В этой открытке ярко проиллюстрировано как взаимодействие отдельных пространств — географических и проблемных, — так и умение пространства противостоять натиску глобального потока.

Список источников

1. Замятин Д. Н. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 352 с.

2. Прохоренко И. Л. Пространственный подход в исследовании международных отношений. Москва : Ин-т мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, 2015. 111 с.

3. Глобальные трансформации: политика, экономика и культура / Хелд Д., Гольдблатт Д,, Макгрю Э., Перратон Дж. ; пер. с англ. В. В. Сапова и др. Москва : Праксис, 2004. 575 с.

4. Зазулина М. Р. Базовые метафоры в социологии: характерные черты и принципы использования // Сибирский философский журнал. 2021. № 19(2). С. 101–116.

5. Терновая Л. О. Пространство свободы в условиях глобализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2007. № 4. С. 102–112.

6. Стрельцова Е. А. Глобальные потоки технологического знания: место России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 5 (57). С. 39–54.

7. Путин предложил добавить к «четырем свободам» в ЕАЭС свободу знаний // Известия. 2023. 25 мая.

8. Манн М. Источники социальной власти : в 4 т. Т. 4. Глобализация, 1945–2011 гг. / пер. с англ. А. В. Лазарева. Москва : Дело, 2018. 664 с.

9. Сакс Дж. Эпохи глобализации: география, технологии и институты. Москва : Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, 2022. 368 с.

10. Удовик С. Л. Глобализация: семиотические подходы. Москва : Рефл-бук; Киев : Ваклер, 2002. 480 с. (Образовательная библиотека).

11. Deleuze G., Cuattari F. Rhizome: Introduction. Paris : Éditions de Minuit, 1976. 74 p.

12. Глобальные трансформации / Д. Хелд, Э. Макгрю, Д. Гольдблатт, Дж. Перратон ; пер. с англ. В. В. Сапова и др. Москва : Праксис, 2004. 576 с.

13. Фридман Т. Плоский мир 3.0. краткая история XXI века / пер. О. Э. Колесникова. Москва : АСТ, 2014. 640 с.

14. Гофф Ле Ж. Герои и чудеса Средних веков / пер. Д. Л. Савосина. Москва : Текст, 2022. 224 с.

15. Лоренц К. Оборотная сторона зеркала / пер. с нем. А. И. Федорова, Г. Ф. Швейника ; послесл. А. И. Федорова. Москва : Республика, 1998. 492 с.

References

1. Zamyatin D. N. The power of space and the space of power: Geographical images in politics and international relations. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); 2004. 352 p. (In Russ.).

2. Prokhorenko I. L. Spatial approach to the study of international relations. Moscow: Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences; 2015. 111 p. (In Russ.).

3. Global transformations: politics, economics and culture / Held D., Goldblatt D., McGrew E., Perraton J.; transl. from English by V. V. Sapov et al. Moscow: Praxis; 2004. 575 p. (In Russ.).

4. Zazulina M. R. Basic metaphors in sociology: characteristic features and principles of use. *Sibirskij filosofskij zhurnal = Siberian Philosophical Journal.* 2021;(19(2)):101–116. (In Russ.).

5. Ternovaya L. O. Space of freedom in the context of globalization. *Srednerusskij vestnik obshhestvenny`x nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2007;(4):102–112. (In Russ.).

6. Streltsova E. A. Global flows of technological knowledge: the place of Russia. *Zhurnal Novoj e`konomicheskoj associacii = Journal of the New Economic Association.* 2022;(5(57)):39–54. (In Russ.).

7. Putin proposed adding freedom of knowledge to the “four freedoms” in the EAEU. *Izvestiya = News*. 2023. May 25. (In Russ.).

8. Mann M. Sources of social power: in 4 volumes. T. 4. Globalization, 1945–2011 / transl. from English by A. V. Lazarev. Moscow: Delo; 2018. 664 p. (In Russ.).

9. Sachs J. Epochs of globalization: geography, technology and institutions. Moscow: Institute of Economic Policy named after E. T. Gaidar; 2022. 368 p. (In Russ.).

10. Udovik S. L. Globalization: semiotic approaches. Moscow: Refl-book; Kyiv: Wakler; 2002. 480 p. (Educational Library). (In Russ.).

11. Deleuze G., Cuattari F. Rhizome: Introduction. Paris: Éditions de Minuit; 1976. 74 p.

12. Global transformations / D. Held, E. McGrew, D. Goldblatt, J. Perraton; transl. from English by V. V. Sapov at al. Moscow: Praxis; 2004. 576 p. (In Russ.).

13. Friedman T. Flat world 3.0. a brief history of the 21st century / trans. by O. E. Kolesnikov. Moscow: AST; 2014. 640 p. (In Russ.).

14. Goff Le J. Heroes and miracles of the Middle Ages / trans. by D. L. Savosin. Moscow: Text; 2022. 224 p. (In Russ.).

15. Lorenz K. The reverse side of the mirror / trans. by A. I. Fedorov, G. F. Shveinik; afterword by A. I. Fedorov. Moscow: Republic; 1998. 492 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Т. А. Нигматуллина — доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, директор;

Л. О. Терновая — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления.

Information about authors

T. A. Nigmatullina — Doctor of Science (Political), Candidate of Science (Historical), Assistant Professor, Director;

L. O. Ternovaya — Doctor of Science (Historical), Professor, Professor of the Department of Sociology and Management.

Статья поступила в редакцию 28.08.2023; одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 28.08.2023; approved after reviewing 18.09.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 36–43
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):36–43

Научная статья
УДК 321(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-36-43

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Наталья Евгеньевна Шакурова
Государственный университет просвещения, Москва, Россия,
natalyapretty@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3229-095X

Аннотация. Конец XX в. ознаменовался существенной перестройкой мирового порядка. Данные события привели к необратимым переменам в военно-политической ситуации. В свою очередь, это оказало прямое воздействие на тот характер вызовов и угроз, с которым столкнулась национальная безопасность Российской Федерации. Полицентричная мировая структура, существующая в пределах системы международных отношений, не смогла разрешить основные разногласия, более того, она способствовала появлению новых. Эти противоречия неизбежно оказывают влияние как на состояние национальной безопасности России, так и всей международной безопасности. Объект исследования — национальная безопасность России. Цель исследования — разработать актуальный механизм, гарантирующий национальную безопасность России в рамках всеобщей международной безопасности. В качестве фундамента исследования взяты принципы научности, объективности и историзма, теоретические элементы политической науки. Применены общенаучные методы: дедукция и индукция, анализ и синтез, наблюдение, изучение документации и др.; политологические методы: ретроспективный, сравнительный, моделирование. Использованы ситуационный, структурно-функциональный и сценарный анализы. Установлено, что реконструкция парадигмы взаимоотношений с Западом и изменение поведения в сфере внешней политики позволят России в полной мере реализовать потенциал перспективной и превентивной политики по созданию лояльной внешнеполитической атмосферы. Положительным результатом этого, в перспективе, станет расширение ближайшего участка зоны геополитической заинтересованности Российской Федерации, в частности ее постсоветского пространства, что позволит решить ряд проблем с внутренней политикой, выведением страны из частичной изоляции, минимизацией угроз столкновения с блоком НАТО напрямую, а также в форме прокси-войны.

Ключевые слова: национальная безопасность, международная безопасность, глобализация, международные отношения, геополитические интересы, противостояние держав, обеспечение коллективной безопасности

Для цитирования: Шакурова Н. Е. Национальная безопасность России в контексте международной безопасности // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 36–43. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-36-43.

Research article

NATIONAL SECURITY OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL SECURITY

Natalia E. Shakurova
State University of Education, Moscow, Russia, natalyapretty@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3229-095X

Abstract. The end of the 20th century was marked by a significant restructuring of the world order. It led to irreversible changes in the military-political situation. In turn, this had a direct impact on the nature of the challenges and threats faced by the national security of the Russian Federation. Not only did the

polycentric world structure existing within the system of international relations fail to destroy the main disagreements, it contributed to the emergence of new ones. These contradictions inevitably influence both the state of Russian national security and all international security. The object of research is the national security of Russia. The purpose of the study is to develop a mechanism that is relevant in our time, guaranteeing the national security of Russia within the framework of general international security. The principles of scientificity, objectivity and historicism, and theoretical elements of political science are taken as the foundation of the study. General scientific methods were used: deduction and induction, analysis and synthesis, observation, study of documentation, etc.; political science methods: retrospective, comparative, modeling. Situational, structural-functional and scenario analyzes were used. It has been established that the reconstruction of the paradigm of relations with the West and a change in behavior in the field of foreign policy will allow Russia to fully realize the potential of a promising and preventive policy to create a loyal foreign policy atmosphere. A positive result of this in the future will be the expansion of the immediate area of the zone of geopolitical interest of the Russian Federation, in particular its post-Soviet space, it will allow solving a number of problems with domestic politics, bringing the country out of partial isolation, and minimizing the threat of a collision with the NATO bloc directly in the form of a proxy war.

Keywords: national security, international security, globalization, international relations, geopolitical interests, confrontation between powers, ensuring collective security

For citation: Shakurova N. E. National security of Russia in the context of international security. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):36–43. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-36-43.

Для термина «национальная безопасность» существует несколько трактовок. Сегодня многие ученые занимаются изучением данного понятия.

В 1901 году президент США Теодор Рузвельт в своем послании к нации в первый раз применил понятие «национальная безопасность». Позднее, в 1947 году данный термин стал официальным. Этот момент совпал с принятием в Америке нового закона «О национальной безопасности» [1, с. 13].

В Российской Федерации это понятие в первый раз упомянули в тексте Федерального закона «Об информации, информатизации и защите информации» 1995 года [2].

Значение данного термина также пояснил Президент России в 1996 году в своем Послании Федеральному собранию «О национальной безопасности». Согласно предложенной трактовке, под «экономической безопасностью» нужно подразумевать состояние защищенности национальных интересов от внешних и внутренних угроз, которое помогает обеспечить прогрессивное развитие государства, общества и личности [3].

Но есть несколько важных критериев, которые необходимо брать во внимание, давая характеристику понятию «национальная безопасность». Первое, Россия — страна, в которой проживает сразу множество наций. Второе — это исключительная важность гарантий безопасности развития и существования российского государства в его общей целостности [4, с. 278].

Существует категория, которая помогает раскрыть характеристику безопасности как «состояние защищенности важнейших жизненных ценностей» государства, личности и общества от внешних и внутренних угроз. Именно эти три составляющие: государство, общество, личность — представляют собой объекты безопасности.

Под государственной безопасностью подразумевают также деятельность, нацеленную на поступательное развитие страны, усиление ее политического, научного, экономического, технического, оборонного потенциала. В узком смысле безопасность общества — это защита его институтов и граждан, а в наиболее широком значении — безопасность всего государства в целом.

Начиная с декабря 2020 г. военный альянс НАТО в открытую представил Россию в качестве своего противника, а также назвал основной военной угрозой до 2030 года. Взяв за основу выбранную позицию, он сформировал базу для вооруженного конфликта путем столкновения своих противников — России и Украины. Для обеспечения безопасности России, а также увеличения присутствия России в акватории стратегически важного Черного моря, Президент России В. В. Путин, осознавая

в полной мере угрозу для безопасности государства, принял решение о включении в состав Российской Федерации четырех украинских областей. А позднее, во время выступления в Кремле 30 сентября 2022 г. по случаю присоединения новых республик, он призвал Киев сесть за стол переговоров и незамедлительно прекратить огонь [5, с. 13].

Так как угрозы государственной безопасности нашей страны носят гибридный характер, для продуктивного развития механизма выработки управленческих решений необходимо соблюдать определенные системные требования. В текущих обстоятельствах необходима рациональность применяемого механизма. Жесткая идеологическая борьба, которая велась во времена холодной войны, не должна повториться. Любые управленческие решения должны вырабатываться, исходя из их целесообразности, рациональности и соответствия политическим интересам страны.

В обстановке гибридной войны, которую мы сейчас наблюдаем, нужно брать в расчет особенности активности США на микрополитической арене. Это важно для выбора верной стратегии во взаимоотношениях с коллективным Западом. При этом США показывают логоритмичную модель своей военно-политической активности. Это значит, что если однажды выбранная стратегическая модель дала хороший показатель эффективности, то она будет использоваться и в будущем при решении аналогичных задач [6, с. 23].

Какова тактика Запада в условиях прокси-войны по отношению к России? Прежде всего — подмена традиционных ценностей, замена суверенной повестки России на деструктивную, созданную искусственно. Кроме того, распад национальных элит, тотальное напряжение экономики нашей страны.

Помимо прочего, США применяют стратегию, нацеленную на полную международную изоляцию России, создание на ее приграничных территориях пояса нестабильности. Это в полной мере соответствует сформированной в 1992 году доктрине Вульфовица, которая утверждала, что Соединенные Штаты должны оставаться единственной сверхдержавой [7]. США должны своевременно предотвращать любую возможность появления противника со стороны постсоветского пространства, или же другой части мира.

Суть упомянутой доктрины была грамотно спрятана за словами о коллективной безопасности, хотя на самом деле она диктовала политику превентивных действий и однополярность. Збигнев Бжезинский — американский политолог, который в своих разработках очертил дугу нестабильности Евразии, считал Соединенные Штаты всемирным гегемоном. Якобы данную роль не смогло бы получить ни одно другое государство в мире, вплоть до 2018–2033 года. Но сегодня ряд консерваторов США частично признают в своих трудах, что Штаты не имеют в арсенале достаточно ресурса, чтобы быть мировым доминантом и осуществлять глобальный контроль. Поэтому политика США претерпевает некоторые изменения [8, с. 21].

В настоящий момент политика США заключается в создании хаоса посредством гибридной войны, истощении ресурсного потенциала государств со слабым политическим режимом. На практике это осуществляется с помощью определенной адаптации геополитического контроля противника. К примеру, в 2021 году Соединенными Штатами был взят на вооружение новый способ ведения гибридной войны с Китаем и Российской Федерацией — через проблему глобального климатического изменения. Внутри политики бушует жесткий кризис, а США ищут новые пути для сохранения за собой статуса гегемона.

Ту гибридную войну, которую мы наблюдаем в настоящее время, можно понимать как составляющую стратегии глобализации. Будучи одной из видов гибридных воин, она носит цивилизационный характер и нацелена на ослабление и разлом своего геополитического противника. Это позволит взять под контроль все государство, с его обществом, элитой и природными богатствами.

Среди ряда экспертов распространена точка зрения, которая гласит, что гибридная война формируется вовсе не благодаря силе нападающей стороны, а ослабленностью той, на которую она наступает. Если вести политику, нацеленную на опережение угрозы, своевременно устранять уязвимые участки на всех общественных уровнях, то есть шанс максимально снизить вероятность возникновения

гибридной войны. Однако полностью согласиться с этим мнением, согласно точке зрения автора, нельзя. Китай является одной из сильнейших стран, тем не менее гибридная война нацелена и на него. Разгадка в том, что потенциально агрессивная сторона успешно достигнет своих целей, направляя силы на те государства, в которых безопасность нации достигается при помощи традиционных методов [4, с. 275].

Таким образом, для того чтобы сформировать наиболее эффективную модель противостояния гибридным угрозам, необходимо придерживаться концепции комплексной безопасности. Она включает в себя совокупность действий по предупреждению всех угроз, их превентивное выявление, регулярный мониторинг, включающий технические и военные методы, непрерывную аналитику ситуации. Все это входит в так называемые «контргибридные» меры. Их суть состоит в минимизации уязвимостей к угрозам со стороны путем улучшения комплексной безопасности в тех сферах государства, где противник наиболее активно применяет свои стратегии и инструменты. Это должен быть ряд мер, охватывающий все стороны общества.

Рассмотрим универсальные нововведения и меры, которые в совокупности с уже существующими механизмами поспособствуют реформации характера взаимоотношений России с коллективным Западом в условиях текущего гибридного противостояния. Эти методы должны быть нацелены, прежде всего, на устранение угроз, направленных на военно-политическую, экономическую, социокультурную и духовную сферы [9, с. 109].

Во-первых, есть необходимость пересмотра некоторых позиций Военной доктрины Российской Федерации, они требуют иного подхода и формулировки. Необходимо внести в текст документа перечень всех гибридных методов, нацеленных на ослабление политической и военной безопасности России. В особенности те инструменты, которые включаются в понятие «мягкой силы».

Во-вторых, в доктрине информационной безопасности необходимо внести изменения, связанные с информационной политикой Российской Федерации.

В-третьих, понятие «пространство безопасности» должно приобрести концептуальный характер для того, чтобы стать основным инструментом современной геополитики Российской Федерации.

В-четвертых, партнерские и стратегические взаимоотношения со странами, входящими в интеграционные структуры (ШОС, АТЭС, Союзное государство, СНГ, БРИКС, ЕАЭС), должны выйти на более высокую ступень. Необходим ориентир на рост числа стран-партнеров, улучшение коллективной безопасности (ОДКБ, СНГ). Это будет достигнуто путем соразвития, с применением политики расширения всеобщего пространства безопасности.

В-пятых, Российская Федерация должна сформировать свою собственную концепцию «мягкой силы», применимую конкретно для нее. Она может быть отличной от той, которая распространена на данный момент. Общепринятая концепция утверждает, что для того, чтобы быть в позиции ведущего игрока на мировой арене необходимы три пункта: привлекательная культура и идеология, высокая степень развития технологий, экономическая привлекательность.

В-шестых, в области контргибридных технологических методов необходимо эффективное привлечение негосударственных игроков. Нельзя не отметить в данном разрезе специфичность взаимодействия государственных структур России с негосударственными акторами международных отношений.

В-седьмых, агрессивное государство необходимо привлекать к ответственности путем внедрения в правовое поле терминов, отражающих гибридное противоборство в современных реалиях, а именно: «предгибридные действия», «ресурсная блокада», «информационное вторжение». Также в пересмотре и доработке нуждается документация, направленная на регуляцию силовой составляющей гибридной войны. В качестве примера возьмем необходимость в перемене акцента в области наказаний за наемническую деятельность — от частных лиц к тем государственным образованиям, в которых были зарегистрированы частные военные компании. В особенности те, которые были задействованы в «цветных революциях» и прокси-войнах [10, с. 29].

В-восьмых, частью внутренней повестки страны должны стать продвижение, разработка и реализация глобального проекта Российской Федерации в условиях глобального кризиса идеологий. Этот проект может включать в себя абсолютно новые идеологические конструкты, которые будут актуальны в текущей ситуации, смогут полноценно соответствовать запросу жителей планеты (неприкосновенность национальных интересов, суверенитет, безопасность, социальная справедливость, сохранение традиционных ценностей). За основу должны быть взяты: популяризированный США образ демократии; неприемлемость для большинства стран принятого в Китае варианта левой идеи; очевидный кризис идеи либерализма на Западе; неприемлемость для подавляющей части современных государств китайского варианта левой идеи; секуляризация в сознаниях людей, живущих в странах «третьего мира», даже вне кризисных явлений.

Таким образом, в наше время, когда мир превратился в поле для гибридной войны, вышеупомянутые рекомендации призваны помочь обеспечить национальную безопасность России, повысить ее субъектность.

Данные методы могут иметь хороший эффект, так как коллективный Запад в текущих обстоятельствах не способен вести тотальный контроль над всеми своими уязвимыми сферами, своевременно реагировать на гибридные и реальные угрозы. Прежде всего этому способствует весьма ограниченное количество располагающих им ресурсов [11, с. 103].

Перед Соединенными Штатами встает значительный стратегический выбор: проявлять избирательность в выборе причин, времени и объекта направления своей военной мощи, или же поддерживать и усиливать обязательства, несмотря на высокую цену этого решения. Америка прекрасно понимает, что будущие военные действия будут растаскивать в разные стороны ее весьма малочисленные ресурсы.

Таким образом, в условиях ведения коллективным Западом гибридной войны против России, стратегия взаимоотношений с агрессором в настоящее время базируется на модели инверсивной векторной нейтрализации, подразумевающей тотальное уничтожение гибридных угроз. Тем не менее, с оглядкой на векторный подход, на котором данная модель основана, при верификации посредством сценарного анализа возникает разнонаправленная и разноуровневая активность [12, с. 115].

В отличие от этого, предложенная нами модель — проактивная, включающая в себя эффективный алгоритм, направленный на отражение Западных угроз. Она выстраивает долгосрочную стратегию взаимных отношений с коллективным Западом. Ее вектор направлен на трансформацию геополитической реальности, в том числе посредством контргибридной и проектной деятельности. В своей совокупности они составляют многоуровневый стратегический подход в обеспечении нацбезопасности Российской Федерации во время гибридной войны с Западом.

Особую важность приобретает тот факт, что используемая во внешнем контуре новая проактивность создается в системе обеспечения национальной безопасности с оглядкой на опыт внешнего воздействия. При этом она лишь «подсказка», позволяющая учесть наиболее уязвимые места оппонента на геополитической арене. Вместе с тем она учитывает особенности отечественной концепции «мягкой силы». Российская Федерация совершенно точно способна занять позицию ключевого актора всемирной политики. Все, что необходимо для этого — внедрять свой индивидуальный глобальный проект. Согласно точке зрения автора, в этих целях необходимо реализовать концепцию «безопасной силы» в пределах проактивного подхода. Это станет достаточно универсальным инструментом для применения его во взаимоотношениях с геополитическими оппонентами [13, с. 31].

Таким образом, новая проактивность России призвана стать транслятором «безопасной силы», основанной на принципе привлекательности, присущему концепции «мягкой силы» Западного мира.

Так мы преодолеем противоречие, возникающее между концепциями «мягкой силы» Запада (которая неприменима по отношению к России), и неверным использованием концепции «жесткой силы» коллективным Западом, который позволяет себе пренебрежение принципами международного права для

обеспечения своих военных и политических интересов.

Автор предполагает, что разработка и использование в области национальных интересов Российской Федерации концепции «безопасной силы» значительно углубит интеграционные процессы, будет способствовать зарождению нового пространства безопасности, силовым центром которого станет Россия. Благодаря этому будут зарождаться обновленные стратегические союзы. Это особенно актуально в наступившее время гибридных войн. Сейчас мир как никогда нуждается в новой концепции безопасности, точно также, как и в возрождении консервативной идеологии.

Эксперты прогнозируют в ближайшее время вспышку конфронтации между США и Китаем, взявшим на себя роль нового гегемона. По поводу возможной природы этого столкновения эксперты еще спорят. Но, по всей видимости, возникновение «новой биполярности» неизбежно. У России есть высокий шанс посредством предложенной выше стратегии помочь миру выбрать «третий путь», который позволит в условиях «новой биполярности» сберечь суверенитет и независимость, обеспечить безопасность и условия для внедрения индивидуальной модели социально-экономического и политического развития. Российская Федерация на фоне остального мирового сообщества, сохраняющего отстраненную позицию во времена нового этапа гибридной вражды, имеет возможность представить себя как стабильная и сильная геополитическая сущность — символ социальной справедливости и безопасности с эффективной моделью соразвития. Все, что необходимо сейчас для реализации этих возможностей — устоять в жесткой гибридной войне, развязанной против Российского государства [14, с. 13].

Можно утверждать, что применение описанного в данной статье стратегического подхода, направленного на ликвидацию совокупности гибридных угроз для национальной безопасности Российской Федерации, а также шаги в сторону комплексного подхода во взаимоотношениях с коллективным Западом помогут в разрезе среднесрочной перспективы сменить курс отношений «Россия — Запад». Эти меры призваны повысить статус России, ее глобальную мировую роль, сделать крепче международную субъектность.

Россия, в полной мере реализуя потенциал перспективной и превентивной политики, будет способствовать созданию среды с лояльной внешнеполитической позицией, только поменяв свою модель поведения во внешней политике, в особенности в отношениях с коллективным Западом. Благоприятным последствием станет расширение зоны геополитических интересов государства в ближнем сегменте (в особенности постсоветском пространстве). Россия сможет выйти из частичной международной изоляции, разрешит основные трудности в области внутренней политики, сведет к минимуму угрозу столкновения напрямую с блоком НАТО в рамках прокси-войны. Описанная перспектива, безусловно, отразится наилучшим образом на состоянии международной системы безопасности.

Список источников

1. Темирбулатов Р. Р. Приоритеты национальной безопасности России в контексте региональной экономической интеграции (на примере стран ЕАЭС и СНГ) // Экономический вестник Республики Татарстан. 2021. № 4. С. 10–15.

2. «Об информации, информатизации и защите информации» : Федеральный закон от 20.02.1995 № 24-ФЗ: Принят Государственной Думой 25 января 1995 г. : последняя редакция // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5887

3. Определение национальной безопасности // New Inspire.ru : сайт. URL: http://newinspire.ru/l/2/25/1050-opredelenie-natsionalnoj-bezopasnosti.html

4. Гапизов З. Р. «Крымский вопрос» в контексте обеспечения национальных интересов и национальной безопасности современной России // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 82. С. 270–289.

5. Назаров В. П., Афиногенова Д. А. Проблемы развития общей теории национальной безопасности в контексте корректировки Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Власть. 2020. Т. 28, № 1. С. 9–19.

6. Штакк Е. А., Приорова Е. М., Приоров Г. Е. Психофизиологические аспекты личной безопасности в контексте национальной безопасности и политики устойчивого развития России // Образование личности. 2020. № 1-2. С. 19–28.

7. Доктрина Вулфовица (1992 год) // Журнал Геополитика.ру : сайт. URL: https://xn--80afgmamexaj0b.xn--p1acf/doktrina-vulfovitsa. Дата публикации: 04.12.2022.

8. Аль-Харкуси С. Д. Формализация понятия «национальная безопасность» в контексте изменения модели международной безопасности // Образование. Наука. Научные кадры. 2022. № 3. С. 17–22.

9. Осавелюк Е. А. Сущность энергетической безопасности в контексте новой редакции Конституции России и национальной безопасности Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 021. № 3. С. 108–110.

10. Хабачиров М. Л. Теоретико-правовые аспекты обеспечения национальной безопасности в контексте международной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2023. № 3(219). С. 28–30.

11. Кочесоков З. Х., Кочесокова М. З. Проблема обеспечения национальной безопасности современной России в контексте международных отношений: политико-правовой аспект // Вестник экспертного совета. 2022. № 1(28). С. 100–104.

12. Маслин М. А. Национальная идея в контексте национальной безопасности России // Философия политики и права. 2022. № 13. С. 109–126.

13. Вефа Д. Фактор международной и национальной безопасности в контексте эволюции концепции безопасности // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9, № 3(32). С. 29–32.

14. Сошников Д. В. Понятие информационной безопасности в контексте обеспечения международной и национальной безопасности // Научно Исследовательский Центр «Science Discovery». 2022. № 10. С. 11–14.

References

1. Temirbulatov R. R. Priorities of national security of Russia in the context of regional economic integration (on the example of the EAEU and CIS countries). *E`konomicheskij vestnik Respubliki Tatarstan = Economic Bulletin of the Republic of Tatarstan.* 2021;(4):10–15. (In Russ.).

2. "On information, informatization and information protection": Federal Law dated February 20, 1995 No. 24-FL: adopted by the State Duma on January 25, 1995: latest edition. ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5887

3. Definition of national security. New Inspire.ru: site. (In Russ.). Available from: http://newinspire.ru/l/2/25/1050-opredelenie-natsionalnoj-bezopasnosti.html

4. Gapizov Z. R. "The Crimean issue" in the context of ensuring national interests and national security of modern Russia. Gosudarstvennoe upravlenie. *E`lektronny`j vestnik = State Administration. Electronic newsletter*. 2020;(82):270–289. (In Russ.).

5. Nazarov V. P., Afinogenova D. A. Problems of development of the general theory of national security in the context of adjusting the National Security Strategy of the Russian Federation. *Vlast` = Power*. 2020;28(1):9–19. (In Russ.).

6. Shtak E. A., Priorova E. M., Priorov G. E. Psychophysiological aspects of personal security in the context of national security and sustainable development policy in Russia. *Obrazovanie lichnosti = Personal Education*. 2020;(1-2):19–28. (In Russ.).

7. Wolfowitz's Doctrine (1992). Journal Geopolitika.ru: site. (In Russ.). Available from: https://xn--80afgmamexaj0b.xn--p1acf/doktrina-vulfovitsa. Publication date: December 4, 2022.

8. Al-Harkousi S. D. Formalization of the concept of "national security" in the context of changing the model of international security. *Obrazovanie. Nauka. Nauchny`e kadry` = Education. The science. Scientific personnel.* 2022;(3):17–22. (In Russ.).

9. Osavelyuk E. A. The essence of energy security in the context of the new edition of the Constitution of Russia and the national security of the Russian Federation. *Obrazovanie. Nauka. Nauchny`e kadry` = Education. The science. Scientific personnel.* 2021;(3):108–110. (In Russ.).

10. Khabachirov M. L. Theoretical and legal aspects of ensuring national security in the context of international security. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*. 2023;(3(219)):28–30. (In Russ.).

11. Kochesokov Z. Kh., Kochesokova M. Z. The problem of ensuring the national security of modern Russia in the context of international relations: political and legal aspect. *Vestnik e`kspertnogo soveta = Bulletin of the Expert Council*. 2022;(1(28)):100–104. (In Russ.).

12. Maslin M. A. National idea in the context of Russian national security. *Filosofiya politiki i prava = Philosophy of politics and law.* 2022;(13):109–126. (In Russ.).

13. Vefa D. The factor of international and national security in the context of the evolution of the security concept. *Azimut nauchny`x issledovanij: e`konomika i upravlenie = Azimuth of scientific research: economics and management*. 2020;9(3(32)):29–32. (In Russ.).

14. Soshnikov D. V. The concept of information security in the context of ensuring international and national security. *Nauchno Issledovatel`skij Centr «Science Discovery» = Scientific Research Center "Science Discovery"*. 2022;(10):11–14. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. Е. Шакурова — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права.

Information about the author

N. E. Shakurova — Candidate of Science (Political), Assistant Professor, Associate Professor of the Department of Political Science and Law.

Статья поступила в редакцию 28.11.2023; одобрена после рецензирования 11.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 28.11.2023; approved after reviewing 11.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 44–49
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):44–49

ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ ПРЕДПРИЯТИЙ

Научная статья
УДК 331.108
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-44-49

МЕСТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА В ПОВЫШЕНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ФИРМЫ

Армен Радьяевич Бабаянц[1]✉, Александр Викторович Захаров[2]
[1,2]Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия
[1]armen@babayants.ru✉
[2]vvzakharov@synergy.ru, SPIN-код: 3602-9043, Author ID: 733775

Аннотация. В современном мире борьба компаний за технологии и средства производства уступает место борьбе за человеческие ресурсы. Развитие человеческого капитала становится путем к приобретению конкурентных преимуществ, поскольку именно сотрудники фирмы, проявляя творческий, созидательный, инновационный подход к решению стоящих перед предприятием задач, заставляют технологии и оборудование работать с максимальной продуктивностью. В статье анализируется современный подход к развитию человеческого капитала фирмы. Теоретические аспекты рассматриваемой проблемы сопоставляются с российской практикой развития человеческого капитала в крупных и успешных ИТ-компаниях. Обращение к ИТ-сектору является не случайным: в условиях складывающейся здесь острой неценовой конкуренции компании должны обеспечить высочайшее качество услуг и сервиса, чего не удастся добиться без привлечения лучших специалистов в области информационных технологий. Рассмотренные примеры показывают, что успех в бизнесе невозможен без учета человеческого фактора, без вложения средств в развитие человеческого капитала, что подразумевает, в том числе, обучение сотрудников, создание комфортных условий труда, их профессиональный и карьерный рост.
Ключевые слова: человеческий капитал, развитие персонала, корпоративное обучение, информационные технологии, конкуренция, ИТ-компании, конкурентное преимущество
Для цитирования: Бабаянц А. Р., Захаров А. В. Место человеческого фактора в повышении конкурентоспособности фирмы // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 44–49. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-44-49.

ECONOMY AND ENTERPRISE MANAGEMENT

Research article

THE ROLE OF THE HUMAN FACTOR IN INCREASING THE COMPETITIVENESS OF A COMPANY

Armen R. Babayants[1]✉, Alexander V. Zakharov[2]
[1,2]Moscow Financial and Industrial University "Synergy", Moscow, Russia
[1]armen@babayants.ru✉
[2]vvzakharov@synergy.ru, SPIN code: 3602-9043, Author ID: 733775

Abstract. In the modern world, the struggle of companies for technology and means of production is giving way to the struggle for human resources. The development of human capital becomes the path to acquiring competitive advantages, since it is the company's employees, showing a creative, constructive, innovative approach to solving the problems facing the enterprise, who make technologies and equipment work with maximum productivity. The article analyzes the modern approach to the development of human

capital of a company. Theoretical aspects of the problem are compared with Russian practice of human capital development in large and successful IT companies. Attention to the IT sector is not accidental: in the conditions of intense non-price competition that is emerging here, companies must provide the highest quality of services, which cannot be achieved without attracting the best specialists in the field of information technology. The examples discussed show that success in business is impossible without taking into account the human factor, without investing in the development of human capital, which includes, among other things, training employees, creating comfortable working conditions, professional and career growth.

Keywords: human capital, personnel development, corporate training, information technology, competition, IT companies, competitive advantage

For citation: Babayants A. R., Zakharov A. V. The role of the human factor in increasing the competitiveness of a company. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):44–49. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-44-49.

Среди множества определений человеческого капитала лаконичной и точной можно назвать дефиницию, предложенную международным стандартом ИСО 30414:2018 «Управление человеческими ресурсами. Руководство по внутренней и внешней отчетности по человеческому капиталу», которая включает в человеческий капитал «совокупные знания, навыки и умственные способности сотрудников организации и их влияние на долгосрочную деятельность организации, а также конкурентные преимущества за счет оптимизации организационных результатов» [1].

Данное определение подчеркивает, что кадры организации имеют ключевое значение для ее успешной работы и способны стать конкурентным преимуществом фирмы. В текущих экономических реалиях акцент на развитие человеческого капитала организации становится все более заметным: если в эпоху промышленной революции лидером становился тот, кто получал доступ к технологиям и оборудованию, то сегодня, в условиях цифровой экономики, на успех могут рассчитывать те компании, которые смогли привлечь в штат сотрудников, заставляющих технологии и оборудование работать с более высокой отдачей.

Схожее видение ситуации прослеживается и в определении, которым оперируют К. А. Устинова, Е. С. Губанова и Г. В. Леонидова. Данные авторы трактуют человеческий капитал как «сформированный в результате инвестиций и накопленный запас способностей, навыков, состояния здоровья, уровня культуры, целесообразно используемый в деятельности и способствующий увеличению индивидуальных доходов, росту конкурентоспособности организации и увеличению благосостояния региона» [2, с. 21].

О значимости человеческого фактора и развития сотрудников для обеспечения конкурентоспособности фирмы говорят многие исследователи. Среди этих авторов — Е. В. Ширинкина, отмечающая, что работа с персоналом фирмы — одна из ключевых задач руководства, поскольку вести предприятие к успеху невозможно без готовности и способности сотрудников постоянно учиться новому, проявлять в своей работе вновь приобретенные когнитивные, поведенческие навыки.

Данный автор указывает, что даже в условиях автоматизации производства и развития информационных технологий, включая искусственный интеллект, требования к квалификации сотрудника не ослабевают. Компаниям интересны не просто соискатели с ранее приобретенным профессиональным опытом, они ищут тех, кто владеет навыками и качествами, способными гарантировать организации успех в будущем [3, с. 183–184].

Андрис Ж. дю Плесси (Andries J. du Plessis) и С. Сумфонфакди (S. Sumphonphakdy) также отмечают, что в новой экономике знаний большее внимание уделяется людям, именно они становятся ключевым источником конкурентных преимуществ для многих организаций, вне зависимости от того, являются ли они производственными или сервисными, крупными или малыми, национальными или международными, коммерческими или некоммерческими. Поэтому фирме необходимо не только привлечь талантливых претендентов на рынке

труда, но также найти способы дальнейшего развития и обучения, мотивации и удержания квалифицированных специалистов [4, с. 9].

О необходимости развивать сотрудников говорил еще Г. Беккер, один из основоположников теории человеческого капитала и сторонник экономического характера поведения человека в целом. В своих работах он выделил два направления инвестиций в человека:

1. Общие инвестиции в человеческий капитал. Благодаря этим инвестициям индивид приобретает те компетенции и опыт, которые способствуют росту его производительности вне зависимости от конкретной сферы деятельности. Подобным образом человек самостоятельно инвестирует в получение профессионального образования, владение различными программными продуктами, изучение иностранных языков, развитие коммуникативных навыков, знание психологии, освоение основ тайм-менеджмента и прочее.

2. Специальные инвестиции. Они позволяют человеку приобрести те специальные знания и навыки, благодаря которым он сможет повысить производительность труда в стенах конкретной организации. Эти инвестиции осуществляет само предприятие, которое заинтересовано в максимальной продуктивности труда своих сотрудников. Сюда могут быть отнесены внутрифирменные ротационные программы или созданная на предприятии система наставничества [5, с. 25–26].

Мнения, высказываемые различными исследователями, позволяют сделать вывод, что фирма не может получить на рынке труда сотрудника, который на протяжении всего трудового пути в ее стенах будет на 100% соответствовать требованиям этой организации. Поэтому она активно участвует в развитии человеческого капитала, стимулирует сотрудников к приобретению новых знаний, умений и навыков в тех сферах, которые обеспечивают организации развитие, достижение стоящих перед нею стратегических целей и превосходство над конкурентами, предлагая потребителю максимально полное удовлетворение его потребностей.

О значимости развития человеческого капитала компании, который дополнял бы ее технологический потенциал, активно говорят сегодня не только теоретики, но и представители крупных российских компаний, работающих в сфере информационных технологий. Ярким примером такого подхода к развитию человеческого капитала являются российские ИТ-гиганты, успешно работающие на рынке не одно десятилетие:

– ПАО «МТС» (чистая прибыль по итогам 2022 года составила 31,3 млрд руб.) [6];

– ПАО «Сбербанк» (величина чистой прибыли в 2022 году достигла 270,5 млрд руб.) [7];

– ООО «Яндекс» (размер чистой прибыли организации в 2022 году составил более 50,3 млрд руб.) [8].

Примером, заслуживающим внимания, является российская телекоммуникационная компания ПАО «МТС». На протяжении нескольких десятилетий здесь функционирует собственный корпоративный университет. Его создание было вызвано объективной необходимостью: в условиях цифровизации изменяется как роль обучения в целом, так и роль корпоративного обучения, которое становится, по мнению директора корпоративного университета, О. Фетисовой, «частью ежедневных рабочих привычек сотрудников цифровых компаний» [9]. Проблема нехватки специалистов, работающих в цифровых направлениях, видится в настоящее время все более насущной. Поэтому, отобрав на рынка труда подходящего сотрудника, многие компании не останавливаются и продолжают вкладывать силы и средства в его подготовку, чтобы довести этого сотрудника до нужного организации уровня профессионализма. Для этого как раз и используется персональное обучение, как внутреннее, так и внешнее.

С одной стороны, университет помогает компании вырастить специалистов в таких востребованных цифровых направлениях, как большие данные, интернет вещей или искусственный интеллект. В условиях дефицита экспертов на внешнем рынке труда, ИТ-компания успешно переобучает своих действующих сотрудников, которые заинтересованы в приобретении новых знаний и овладении востребованными профессиями.

С другой стороны, меняется жизнь общества, которая уже максимально наполнена цифровыми сервисами, от заказа такси и продуктов до поиска необходимой информации. И когда сотрудники имеют личный клиентский опыт мо-

ментального решения возникающих проблем с использованием цифрового пространства, их планка требований к университету тоже возрастает — от корпоративного обучения ожидают не менее высоких скоростей работы и решения рабочих вопросов. Это является наглядным примером того, как уровень компании должен соответствовать тем цифровым продуктам, которые уже стали частью окружения среднестатистического человека. Поэтому в университете МТС активно внедряются современные каналы и форматы обучения персонала — подкасты, которые с интересом слушает приходящее в компанию молодое поколение, образовательные сериалы и т. п. [9]

ПАО «Сбербанк», являясь в глазах многих потребителей банковских услуг, классической и крупнейшей в России кредитной организацией, фактически уже давно вышло за рамки компании, работающей исключительно на финансовом рынке. Трансформация Сбербанка из банковской структуры в экосистему, состоящую из целого комплекса цифровых нефинансовых услуг, от сервисов по доставке продуктов и лекарств до облачного хранения данных и поддержки предпринимательства, стала наиболее успешным примером реализации данной стратегии развития в России. Она позволила банку успешно сочетать финансовые и нефинансовые сервисы и перевести их для удобства клиентов в цифровой формат. Как отмечают М. В. Зелинская и А. М. Адетунжи, кредитная организация уделила максимальное внимание повышению уровня собственной конкурентоспособности, сделав акцент на росте уровня сервиса, развитии цифровых технологий и поддержке корпоративных и розничных клиентов, предложив им использовать множество удобных и актуальных нефинансовых инструментов [10].

Стратегия развития персонала является неотъемлемой составляющей курса ПАО «Сбербанк» на устойчивое развитие и ESG-трансформацию (англ. *environment, social, governance*). Последняя включает в себя внимательное отношение к окружающей среде (*environment*), социальную ответственность, подразумевающую соблюдение трудовых норм, качественное обслуживание, безопасность и благотворительность (*social*), и ответственное корпоративное управление (*governance*). Кадровая составляющая данной стратегии ориентирована на то, чтобы создать для сотрудников компании достойные условия труда, а также профессионального и личностного роста, способствовать сохранению их здоровья и распространению здорового образа жизни [11].

Создание условий, обеспечивающих развитие человеческого потенциала, является ключевой задачей ПАО «Сбербанк» в области HR. Так, его сотрудники регулярно проходят обучение и развивают необходимые им профессиональные навыки и компетенции. Большинство программ обучения доступны персоналу в дистанционном формате.

Вовлечь сотрудников в программы развития и обучения помогают:

– персональные рекомендации подходящего образовательного контента, подготавливаемые искусственным интеллектом;

– масштабные и разнообразные программы, создаваемые в Сбербанке для переобучения и подготовки сотрудников в рамках востребованных направлений развития компании;

– программы микрообучения;

– разнообразие форматов подачи новой информации.

Помимо программы обучения и развития сотрудников, в ПАО «Сбербанк» также действует комплексная система, обеспечивающая оценку и развитие персонала. В рамках данной программы сотрудники имеют доступ к современным и действенным инструментам индивидуального развития, среди которых:

– коучинг и менторинг, подразумевающие работу с персональным наставником;

– shadowing (теневое наставничество или стажировка с руководителем);

– кросс-функциональные бизнес-проекты;

– участие как в очных, так и в дистанционных обучающих программах.

Среди инструментов карьерного развития своим сотрудникам ПАО «Сбербанк» предлагает воспользоваться автоматизированным сервисом «Моя карьера», где работники могут выбрать интересные им позиции для очередного карьерного шага и, подписавшись на них, направить для рассмотрения собственный профиль-резюме при открытии вакансии. Помимо этого, для руководителей в Сбербанке разра-

ботан и запущен сервис «Поиск талантов». С его помощью руководители различных подразделений получили возможность находить кандидатов в свою команду не на внешнем рынке труда, а среди сотрудников организации [12].

ООО «Яндекс» уделяет особое внимание созданию комфортных условий работы своих сотрудников. По мнению HR-директора Яндекса Д. Золотухиной, ИТ-компании культурно более близок гибридный режим занятости. Поэтому у ее сотрудников есть возможность выбрать офис, расположенный в одной из стран, где открыты представительства Яндекса, чтобы они могли совмещать традиционный формат работы с удаленным. Иными словами, работникам не обязательно находиться именно в России. У ИТ-компании открыто более 30 офисов не только в российских городах, но также и за рубежом — в Турции, Сербии, Казахстане, Армении.

По словам HR-директора, ООО «Яндекс» заинтересовано в любых сильных специалистах, которые способны доказать собственную ценность и продемонстрировать соответствие вакантной должности (в том числе и через проверку практических навыков). Безусловно, кадровая служба ИТ-компании обращает внимание на учебное заведение и полученную в его стенах специальность, но это не значит, что для остальных кандидатов трудоустройство здесь невозможно.

Одновременно с этим, сама компания поддерживает большое количество образовательных программ, реализуемых в лучших российских вузах, от Московского физико-технического института до Высшей школы экономики. Они нацелены на то, чтобы уже в студенческие годы будущие специалисты в области информационных технологий получили представление о том, как устроены современные ИТ-компании, приобрели навыки, необходимые для дальнейшей работы.

У молодых специалистов есть возможность попасть в ООО «Яндекс» и через реализуемую компанией программу оплачиваемых стажировок. По словам Д. Золотухиной, каждый второй стажер становится впоследствии сотрудником Яндекса [8].

Приведенные примеры подтверждают, что курс, взятый ИТ-гигантами на развитие собственного человеческого капитала, является верным и вносит свой вклад в устойчивое развитие этих компаний, что находит отражение в финансовых результатах их деятельности. И хотя столь значительные вложения в сотрудников могут себе позволить далеко не все фирмы, для каждого современного предприятия важно найти оптимальные пути развития человеческого капитала, чтобы персонал организации сохранял заинтересованность в развитии своих навыков, осознавал собственный вклад в благополучие фирмы и получал удовлетворение от выполняемой им работы.

Список источников

1. ISO 30414:2018 Human resource management — Guidelines for internal and external human capital reporting // ISO : сайт. URL: https://www.iso.org/standard/69338.html

2. Устинова К. А., Губанова Е. С., Леонидова Г. В. Человеческий капитал в инновационной экономике: монография. Вологда : Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2015. 195 с.

3. Ширинкина Е. В. Теория и методология управления человеческим капиталом предприятий в условиях развития цифровой экономики : дис. … д-ра экон. наук. Екатеринбург, 2021. 326 с.

4. Du Plessis, A. J., Sumphonphakdy S. People as a Source of Competitive Advantage During Recruitment and Retention of Senior Managers in Financial Services Sectors in Laos // International Journal of Innovation and Economics Development. 2016. Vol. 2, Issue 2. Pp. 7–14.

5. Тетеринец Т. А., Попов А. И. Теоретические основы управления человеческим капиталом в условиях инновационных преобразований агропромышленного комплекса. Тамбов : Издательский центр ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет», 2021. 216 с.

6. ООО «ЯНДЕКС»: бухгалтерская отчетность и финансовый анализ // Audit-it.ru : сайт. URL: https://www.audit-it.ru/buh_otchet/7736207543_ooo-yandeks?ysclid=lnfx9vnsc4735349189

7. ПАО «Мобильные ТелеСистемы»: бухгалтерская отчетность и финансовый анализ // Audit-it.ru : сайт. URL: https://www.audit-it.ru/buh_otchet/7740000076_pao-mobilnye-telesistemy?ysclid=lnfx7roujk842385963

8. Дарья Золотухина. «Мы заинтересованы в любых сильных специалистах» // КоммерсантЪ : сайт. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5939832. Дата публикации: 21.04.2023.

9. Ирина Шеян. Корпоративный университет эпохи цифровизации // Открытые системы. СУБД : сайт. URL: https://www.osp.ru/os/2020/01/13055320. Дата публикации: 27.01.2020.

10. Зелинская М. В., Адетунжи А. М. Повышение конкурентоспособности организации на основе управления персоналом (по материалам ПАО «Сбербанк России») // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 128. С. 1071–1086.

11. ESG и устойчивое развитие // Сбер Банк : официальный сайт. URL: https://www.sberbank.com/ru/sustainability

12. Сбербанк впервые с начала кризиса раскрыл чистую прибыль по МСФО // РБК : сайт. URL: https://www.rbc.ru/finances/09/03/2023/640989809a79477fb43c6569?ysclid=lnfyjij8b2113272286. Дата публикации: 09.03.2023.

References

1. ISO 30414:2018 Human resource management — Guidelines for internal and external human capital reporting. ISO: site. Avaliable from: https://www.iso.org/standard/69338.html

2. Ustinova K. A., Gubanova E. S., Leonidova G. V. Human capital in the innovative economy: monograph. Vologda: Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences; 2015. 195 p. (In Russ.)

3. Shirinkina E. V. Theory and methodology of managing human capital of enterprises in the development of the digital economy: Dis. … Doctor of Economic Sciences. Ekaterinburg; 2021. 326 p. (In Russ.)

4. Du Plessis, A. J., Sumphonphakdy S. People as a Source of Competitive Advantage During Recruitment and Retention of Senior Managers in Financial Services Sectors in Laos. International Journal of Innovation and Economics Development. 2016;2(2):7–14.

5. Teterinets T. A., Popov A. I. Theoretical foundations of human capital management in the conditions of innovative transformations of the agro-industrial complex. Tambov: Publishing center of the Tambov State Technical University; 2021. 216 p. (In Russ.)

6. LLC "YANDEX": accounting reporting and financial analysis. Audit-it.ru: site (In Russ.). Avaliable from: https://www.audit-it.ru/buh_otchet/7736207543_ooo-yandeks?ysclid=lnfx9vnsc4735349189

7. PJSC "Mobile TeleSystems": accounting statements and financial analysis. Audit-it.ru: site (In Russ.). Avaliable from: https://www.audit-it.ru/buh_otchet/7740000076_pao-mobilnye-telesistemy?ysclid=lnfx7roujk842385963

8. Daria Zolotukhina. “We are interested in any strong specialists”. Kommersant: site (In Russ.). Avaliable from: https://www.kommersant.ru/doc/5939832. Publication date: April 21, 2023.

9. Irina Sheyan. Corporate university of the digitalization era. Open Systems. DBMS: site (In Russ.). Avaliable from: https://www.osp.ru/os/2020/01/13055320 Publication date: April 21, 2023.

10. Zelinskaya M. V., Adetunji A. M. Increasing the competitiveness of an organization based on personnel management (based on materials from Sberbank of Russia PJSC). *Nauchny`j zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Scientific journal of the Kuban State Agrarian University*. 2017;(128):1071–1086. (In Russ.).

11. ESG and sustainable development. Sber Bank: official site (In Russ.). Avaliable from: https://www.sberbank.com/ru/sustainability

12. Sberbank disclosed its net profit under IFRS for the first time since the beginning of the crisis. RBC: site. (In Russ.). Avaliable from: https://www.rbc.ru/finances/09/03/2023/640989809a79477fb43c6569?ysclid=lnfyjij8b2113272286. Publication date: March 09, 2023.

Информация об авторах

А. Р. Бабаянц — аспирант;

А. В. Захаров — кандидат экономических наук, доцент, декан факультета информационных технологий.

Information about authors

A. R. Babayants — a graduate student;

A. V. Zakharov — Candidate of Science (Economics), Assistant Professor, Dean of the Faculty of Information Technologies.

Статья поступила в редакцию 07.11.2023; одобрена после рецензирования 28.11.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 07.11.2023; approved after reviewing 28.11.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 50–57
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):50–57

Научная статья
УДК 338.984
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-50-57

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЕКТАМИ В СФЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА МЕДИЦИНСКИХ ГОСТИНИЧНЫХ ОБЪЕКТОВ

Светлана Анатольевна Баженова[1]✉, Владислав Сергеевич Горячев[2]
[1]Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Новороссийский филиал, Новороссийск, Россия, sabazhenova@fa.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-5946-8773
[2]Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Россия, goryachev96.94@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4029-2856

Аннотация. Современное предоставление медицинских услуг посредством медицинских отелей можно отнести не только к восходящим трендам системы средств размещения России, но и в первую очередь к увеличению разнообразия форм объектов здравоохранения, предоставляющих качественные медицинские услуги и комфортное проживание. В статье сделан обзор основных стадий и этапов проектирования в строительстве медицинских отелей. Определены основные факторы, влияющие на развитие этого направления в строительстве объектов медицинского назначения. Также в статье приводится последовательность этапов реализации проекта медицинского отеля. В работе акцентируется внимание на важность применения в проектировании и реализации строительства медицинских гостиничных объектов, как и любого другого средства размещения медицинского направления, аутсорсинга и аутстаффинга и управление ими в проекте. Сделаны выводы о том, что управление проектированием строительства медицинских гостиничных объектов в современных реалиях сопряжено с целым рядом проблем и вызовов, среди которых на первом месте обеспеченность достаточным финансированием, поиск инвесторов, согласования по соблюдению норм и требований по безопасности и эксплуатации объекта в дальнейшем, соблюдение сроков и графика работы, высокий уровень бездефектности проекта, соблюдение ряда отраслевых требований и т. п.
Ключевые слова: управление проектной деятельностью, медицинский гостиничный объект, проектирование, строительство, медицинский отель, формы, методы, особенности управления, сфера строительства медицинских объектов
Для цитирования: Баженова С. А., Горячев В. С. Некоторые аспекты управления проектами в сфере строительства медицинских гостиничных объектов // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 50–57. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-50-57.

Research article

SOME ASPECTS OF PROJECT MANAGEMENT IN THE CONSTRUCTION OF MEDICAL HOTEL FACILITIES

Svetlana A. Bazhenova[1]✉, Vladislav S. Goryachev[2]
[1]Financial University under the Government of the Russian Federation, Novorossiysk Branch, Novorossiysk, Russia, sabazhenova@fa.ru✉, https://orcid.org/0000-0001-5946-8773
[2]Scientific Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Moscow Department of Healthcare, Moscow, Russia, goryachev96.94@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-4029-2856

Abstract. The modern provision of medical services through medical hotels can be attributed not only to the upward trends of the Russian accommodation system, but also, first of all, to an increase in the variety of forms of healthcare facilities providing high-quality medical services and comfortable accommodation.

The article provides an overview of the main stages and stages of design in the construction of medical hotels. The main factors influencing the development of this direction in the construction of medical facilities have been identified. The article also provides a sequence of stages in the implementation of the medical hotel project. The paper focuses on the importance of using outsourcing and outstaffing in the design and implementation of the construction of medical hotel facilities, as well as any other means of medical placement, and managing them in the project. Conclusions are drawn that the management of the design of the construction of medical hotel facilities in modern realities is associated with a number of problems and challenges, among which in the first place is the provision of sufficient financing, the search for investors, coordination on compliance with the norms and requirements for the safety and operation of the facility in the future, compliance with deadlines and work schedule, a high level of defect-free project, compliance with a number of industry requirements, etc.

Keywords: project management, medical hotel facility, design, construction, medical hotel, forms, methods, features of management in the field of construction of medical facilities

For citation: Bazhenova S. A., Goryachev V. S. Some aspects of project management in the construction of medical hotel facilities. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):50–57. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-50-57.

По оценкам BusinesStat, в 2022 году в России услугами гостиниц воспользовались 62,4 млн чел., что на 63 % превысило значение 2020 года (38,3 млн чел.) [1]. В сложившихся условиях произошло частичное перераспределение объектов размещения, где увеличилось количество объектов с медицинским назначением. Это курортные поликлиники, курортные клиники, многопрофильные медицинские центры-санатории, санатории, санаторно-курортные spa, медицинские отели и др., медицинские лицензии которых дают возможность не только предоставлять медицинские услуги, но и сопровождать это качественным размещением и сервисом.

По статистике в 2022–2023 гг. средства размещения с медицинским назначением составляли 28 % от всех средств размещения санаторно-курортного и лечебного направления [2–4]. Особенностями современных медицинских отелей является комфортная обстановка для лечения, отличная от санаторных условий, отсутствие среди персонала людей в униформе (белые халаты), прекрасное медицинское оборудование, часто — имя известного врача, открывшего этот отель и работающего вместе с командой в нем. Пациенты находятся, как правило, в номерах с экологической мебелью, а сам отель — в экологически чистом месте (часто, но не всегда). Кроме этого, пребывание в отеле сопровождается диетическим питанием, детокс-процедурами и огромным списком медицинских процедур и услуг. Большинство медицинских отелей следуют концепции «зеленого маркетинга» и «зеленого менеджмента». Все вышеназванное требует не только усилий со стороны персонала по увеличению привлекательности отеля и повышению его «гудвила» и доброй репутации, но и с этапа начала реализации идеи — грамотного проектирования, строительства, умных решений по эргономичности и дифференцированности пространства, индивидуальному подходу к предоставлению лечебной и оздоровительной медицинской услуги.

Важными направлениями в росте количества средств размещения медицинской направленности являются проектирование, строительство и ввод в эксплуатацию медицинских отелей.

Современное предоставление медицинских услуг посредством медицинских отелей можно отнести к восходящим трендам системы средств размещения России. Пока их не так много, но в перспективе их доля рынка по подсчетам аналитиков достигнет 50 % среди средств размещения медицинской направленности [4–5]. Аналитики считают, что со временем могут появиться целые рекреационные комплексы с медицинской компонентой.

В работах И. А. Дорогань [6] исследуется проектная стадия строительства медицинских объектов. Им отмечено, что в проектной стадии по строительству медицинского отеля важным этапом, безусловно, является соблюдение стандартов и необходимых требований

по строительству. Стандартизация и унификация строительных требований, применяемая к определенным проектным конструкциям, является необходимым условием комплексности и компоновки пространства медицинского отеля.

Это стандарты и регламенты по применению огнестойких, огнезащитных материалов, экологичности всех применяемых строительных материалов для стен, потолков, полов медицинского отеля, включая обязательность безопасных путей эвакуации пациентов и медицинского персонала.

В таблице 1 представлены основные этапы реализации проектов строительства медицинских отелей.

Важными являются также и такие направления в строительстве медицинского отеля, как грамотно запланированные и расставленные выходы для эвакуации, противопожарные щиты, безопасная водопроводная питьевая система и др. На основании опыта реализации проектов строительства медицинских отелей отметим некоторую специфику каждого из этапов. Рассмотрим основные стадии проектирования медицинских отелей.

В. Теличенко отмечает, что в некоторых медицинских строительных проектах каждый из этих этапов может быть представлен в большей или меньшей степени, и последовательность этапов не имеет идентичного характера для любого проекта. Кроме всего прочего, это не является идеальным руководством к действию в реализации проекта открытия медицинского отеля [8]. Поэтапность проекта, сохраняя основной канвас, может обрастать собственными подэтапами в компании, реализующей проект в сфере строительства медицинских гостиничных объектов.

В зависимости от проекта меняется последовательность и участники этапов, но, в целом, этот алгоритм применим к открытию множества медицинских отелей. Стоит акцентировать внимание на том, что в современных реалиях все больше места в проектировании и реализации строительства медицинского отеля, как и любого другого средства размещения медицинского направления, занимает аутсорсинг и аутстаффинг и управление ими в проекте.

Аутсорсинг выступает в качестве сравнительно нового метода оптимизации деятельности строительной компании, особенно в ускоспециальных проектах, таких как строительство медицинских объектов, однако, он также имеет как существенные преимущества, так и определенные недостатки [9].

Для наиболее полного понимания источников возникновения преимуществ и рисков проектирования и строительства объектов в медицине нами в первой половине 2023 г. было проведено исследование на основе статистических данных и данных частных компаний (проанализированы финансово-экономические и статистические данные 35 проектных компаний в сфере строительства медицинских средств размещения), которое выявило особенности применения разных методов и видов управления в проектировании строительства медицинских объектов, где были рассмотрены обстоятельства, которые могут выступать в качестве причин использования определенных форм управления в деятельности медицинских организаций при проектировании и строительстве таких медицинских объектов, как медицинский отель.

При помощи перспективного и прогнозного методов, а также серии наблюдений, были выявлены направления применения аутсорсинга и аутстаффинга в проектировании в сфере строительства медицинских отелей. Это исследование входило как раздел в другое более масштабно кабинетное исследование, целью которого было выявление и уточнение задач проектирования в сфере строительства медицинских объектов.

С помощью статистического метода, ретроспективного метода, метода серии наблюдений и на основе статистических данных и данных анализа сайтов строительных компаний, занимающихся проектированием и строительством медицинских гостиничных объектов, нами были выявлены проблемы в управлении проектированием в сфере строительства медицинских средств размещения, получены результаты и сделаны следующие заключения.

Совершенствование управления в строительных компаниях, занимающихся проекти-

Таблица 1 — Последовательность этапов реализации проекта медицинского отеля [7]

Выбор ниши рынка медицинских услуг
Подбор помещения/места под строительство
Формирование финансового прогноза
Создание компании
Подбор исполнителя на услуги по проектированию
Подбор исполнителя по строительству
Начало работ по проектированию медицинского отеля
Начало работ по строительству/ремонту
Подбор исполнителя по неймингу/брендингу/фирменному стилю
Подбор исполнителя по дизайн-проекту
Получение рабочей документации от проектировщиков
Формирование перечня закупаемого оборудования
Строительство/ремонт
Утверждение нейминга/брендинга/фирменного стиля
Утверждение дизайн-проекта
Согласование проектной документации с контролирующими органами
Проведение тендера на выбор поставщика медицинского оборудования и заказ
Подбор генерального директора и главного врача
Получение санитарно-эпидемиологического заключения
Формирование организационной структуры и штатного расписания
Формирование прейскуранта медицинского отеля
Подбор линейного персонала медицинского отеля
Прием строительных работ и пуско-наладочные работы инженерных систем
Монтаж медицинского оборудования
Лицензирование
Формирование регламентов работы всех подразделений
Оформление присутствия медицинского отеля в интернете, создание сайта и сопровождение
Обучение персонала медицинского отеля
Открытие медицинского отеля
Оптимизация и совершенствование работы подразделений медицинского отеля в конце первого месяца работы

рованием и строительством медицинских гостиничных объектов, основано на таких направлениях как:

– необходимость преобразования постоянных расходов в переменные;

– потребность в снижении расходов (как прямых, так и косвенных) компании;

– необходимость перераспределения ресурсов в пользу наиболее важных задач организации на данный момент;

– потребность в увеличении эффективности реализации различных функций компании (например, ввиду профессионализма аутсорсера, в том числе и обмена опытом), особенно

в проектировании очень специализированных объектов медицинского назначения, например, медицинского отеля, специализирующегося на определенной группе болезней, и отсюда поиск специалиста или группы специалистов по установке оборудования, разработке специального дизайна помещения и т. п.

В свою очередь, мы пришли к выводу, что использование аутсорсинга в деятельности строительных компаний при проектировании и управлении проектами в медицинской отрасли при строительстве объектов медицинского назначения будет не так эффективно, если это:

– значительно увеличит риски;

– снизит оперативность деятельности;

– будет приносить компании больше затрат, чем прибыли от итогов деятельности.

Мы рассмотрели, за счет чего может достигаться оптимальное соотношение расходов и доходов строительной компании, реализующей проект строительства медицинского отеля при использовании аутстаффинга и аутсорсинга в проекте, и выяснили, что это происходит за счет:

– снижения издержек, связанных с созданием и обслуживанием рабочих мест;

– обеспечения гарантий того, что за выполнение поставленной задачи возьмутся профессионалы;

– отсутствия зависимости от причин, ухудшающих качество выполнения бизнес-процесса или функции;

– высвобождения времени топ-менеджмента в управлении проектом строительства медицинского отеля;

– повышения эффективности управления проектами строительства в условиях изменений внешней среды;

– гибкого планирования инвестиционных вложений.

В свою очередь, безусловно, решение об использовании аутсорсинга и аутстаффинга в деятельности компании, реализующей проект по строительству медицинского отеля, требует тщательного анализа всех возможных рисков, которые выделяют, исходя из особенностей конкретной организации [10]. Среди общих недостатков управления аутстаффингом и аутсорсингом при реализации проекта в сфере строительства медицинских гостиничных объектов, можно выделить вероятность:

– отсутствия результатов;

– полной потери контроля над функциями и бизнес-процессами, которые были переданы на аутсорсинг и аустаффинг;

– неизменности издержек компании;

– утечки коммерческих тайн и данных компании;

– снижения мотивации сотрудников компании;

– снижения качества выполняемых аутсорсером работ;

– напряженности в коллективе, непринятия нововведений сотрудниками компании;

– ущерба деловой репутации компании;

– преобладания затрат над прибылью от использования аутсорсинга;

– снижения возможностей для развития и обучения сотрудников компании;

– несоблюдения сроков выполнения работ;

– некомпетентности, недобросовестности выбранной компании-аутсорсера.

Таким образом, в ходе принятия решения об использовании аутсорсинга и аутстаффинга для повышения эффективности деятельности строительной компании, специализирующейся на строительстве объектов медицинского назначения и их проектировании, в частности, такой специфической их формы, как медицинский отель, необходимо провести тщательный анализ, выявить все недостатки и преимущества такой меры для компании.

В целом, аутсорсинг и аутстаффинг в медицинском строительстве является достаточно многоаспектным понятием, в чем и заключается его сложность и возможность применения в разных направлениях одновременно.

В результате мы можем сделать следующие выводы. В управлении проектом строительства медицинского отеля требуется большое количество профессиональных навыков и опыта, поэтому часто привлекаются специализированные управляющие компании или консультанты (аутстаффинг, аутсорсинг и т. п.).

В управлении проектированием строительства медицинского отеля важными направлениями являются направления планирования, координации и контроля всех этапов проекти-

рования. Отметим, что в разработке проектного плана важными составляющими являются определение целей, задач, сроков и бюджета проекта. В определении ролей и ответственности важно охватить всех участников проекта, включая заказчика, проектировщиков, подрядчиков и других сторон. На этапе контроля выполнения работ важны регулярность, охват всех видов работ и соблюдение сроков и качества; в управлении рисками — их идентификация и управление теми видами рисков, которые непосредственно связаны с проектом, например, финансовыми, техническими рисками и др.; в направлении коммуникаций и согласования — обеспечение эффективными коммуникативными потоками всех участников проектирования проекта и согласование всех решений и изменений [7–8] (рис. 1).

Таким образом, управление проектированием строительства медицинского отеля в современных реалиях сопряжено с целым рядом проблем и вызовов, таких как: обеспечение достаточным финансированием; поиск инвесторов; большое количество согласований и организационных процессов на стадии разработки и внедрения проекта; соблюдение норм и требований, связанных с безопасностью и эксплуатацией; внедрение аутсорсинга и аутстаффинга на всех стадиях проектирования медицинского отеля и др.

Подводя итоги нашего исследования, отметим, что управление проектированием в сфере строительства медицинского отеля — сложный и многогранный процесс. Эти процессы невозможны без поиска значительных инвестиций, привлечения достаточных средств, а недостаточность финансирования, в свою очередь, приводит к нарушению сроков строительства, простоям и задержкам, что нарушает сроки реализации проекта, из-за чего он может быть закрыт или заморожен, что приведет в дальнейшем еще и к снижению качества проекта.

Управление в проектировании медицинского отеля сопряжено с учетом целой системы факторов, среди которых важнейшими являются: функциональные требования, безопасность, эргономика, энергоэффективность, сложность в доставке и установке медицинского оборудования, соблюдение оптимальности пространства и дизайна в будущем медицинском отеле и др.

Как было отмечено выше, это еще и необходимость в соблюдении множества норм и стандартов, которые связаны с безопасностью, гигиеной, пожарной безопасностью и др., зависимых, в свою очередь, от разрешительной документации и ввода в эксплуатацию.

Управление рисками, как в самом проектировании, где требования к бездефектности проекта достаточно высоки, так и в дальнейшем вводе в эксплуатацию и работе медицинского отеля, являются важнейшим направлением и в проектировании, и строительстве

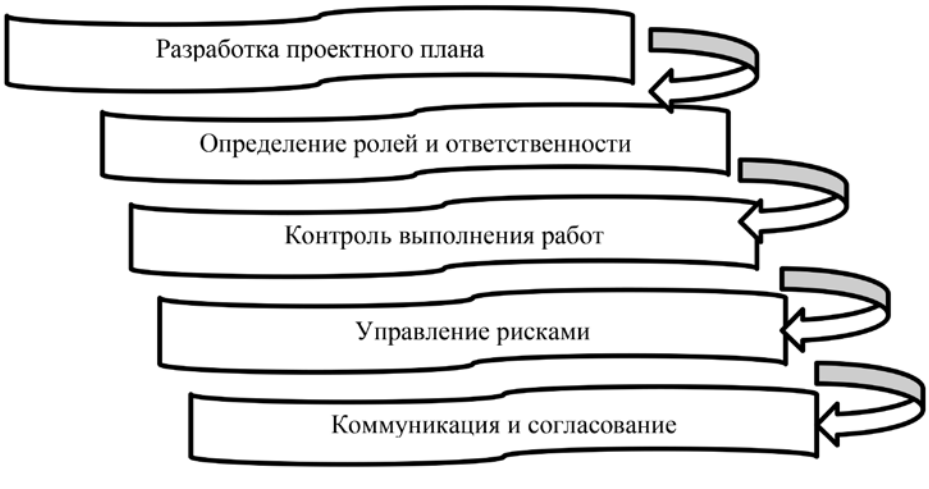

Рисунок 1 — Основные задачи управления проектом строительства медицинского отеля (Источник: составлено авторами)

Figure 1 — Main tasks of managing a medical hotel construction project (Source: compiled by authors)

медицинских отелей, и направлено на снижение уровня рисков, в том числе и для персонала и пациентов (гостей) отеля.

Управление проектированием строительства медицинского отеля сопряжено еще и с регулированием организационных процессов работы множества различных специалистов и подрядчиков, таких как архитекторы, инженеры, строители, медицинские консультанты и др., и применением аутсорсинга и аутстаффинга в деятельности, управляющей проектами и строительством медицинского отеля, компании.

Новые технологии, изменения в медицинской практике, требования корректировок в проекте, что влечет дополнительные затраты и согласования, также находятся в зоне внимания компаний, занимающихся управлением проектированием строительства медицинских отелей.

В целом, строительный процесс медицинских отелей основан на грамотном и эффективном управлении планированием, учете множества факторов для успешной реализации проекта в готовый объект медицинского назначения. Медицинская сфера постоянно развивается. Проектирование и строительство медицинских отелей — это всегда системность, модульность, гибкость, адаптивность, структурированность и комплексность. Стратегической целью управления проектированием и строительством медицинских отелей является достижение поставленных целей и решение сложных задач, которые неразрывно связаны с развитием и оптимизацией системы здравоохранения Российской Федерации.

Список источников

1. Анализ рынка гостиничных услуг в России в 2018–2022 гг., прогноз на 2023–2027 гг. в условиях санкций // BusineStat : сайт. URL: https://businesstat.ru/images/demo/hotels_russia_demo_businesstat.pdf

2. Официальный сайт Федеральной службы Государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/

3. Здравоохранение в России. 2021. Москва : Росстат, 2021. С. 43–46.

4. Об итогах работы Министерства здравоохранения Российской Федерации в 2022 году и задачах на 2023 год. Москва, 2023 // Министерство здравоохранения Российской Федерации: официальный сайт. URL: http://medinvestclub.ru/wp-content/uploads/2023.pdf

5. Краткий статистический сборник. Санкт-Петербург : Петростат, 2022.

6. Malykha G. G., Dorogan I. A., Tesler N. D. Improving processes of design and construction of nuclear medicine facilities // MATEC Web of Conferences. 2017. Vol. 106. P. 08054.

7. Дорогань И. А. Управление требованиями при строительстве медицинских организаций // Вестник МГСУ. 2019. Т. 14, вып. 8. С. 1046–1056.

8. Telichenko V., Dorogan I. Radiation safety in designing of health care facilities // International Journal of Applied Engineering Research. 2016. Vol. 11, No. 3. P. 1649–1652.

9. Исавнин А. Г., Фархутдинов И. И. Особенности применения производственного аутсорсинга. Москва, 2018. 302 с.

10. Guenther R., Vittori G. Sustainable healthcare architecture. John Wiley & Sons, Inc., 2013. 480 p.

References

1. Analysis of the hotel services market in Russia in 2018–2022, forecast for 2023–2027. under sanctions. BusineStat: site. (In Russ.). Available from: https://businesstat.ru/images/demo/hotels_russia_demo_businesstat.pdf

2. Official website of the Federal State Statistics Service. (In Russ.). Available from: https://rosstat.gov.ru

3. Healthcare in Russia. 2021. Moscow: Rosstat; 2021. P. 43–46. (In Russ.).

4. On the results of the work of the Ministry of Health of the Russian Federation in 2022 and tasks for 2023. Moscow, 2023. Ministry of Health of the Russian Federation: official site. (In Russ.). Available from: http://medinvestclub.ru/wp-content/uploads/2023.pdf

5. Brief statistical collection. St. Petersburg: Petrostat, 2022.

6. Malykha G. G., Dorogan I. A., Tesler N. D. Improving processes of design and construction of nuclear medicine facilities. MATEC Web of Conferences. 2017;106:08054.

7. Dorogan I. A. Management of requirements for the construction of medical organizations. *Vestnik MGSU = Vestnik MGSU.* 2019;14(8):1046–1056. (In Russ.).

8. Telichenko V., Dorogan I. Radiation safety in designing of health care facilities. International Journal of Applied Engineering Research. 2016;11(3):1649–1652.
9. Isavnin A. G., Farkhutdinov I. I. Features of the application of production outsourcing. Moscow; 2018. 302 p. (In Russ.).
10. Guenther R., Vittori G. Sustainable healthcare architecture. John Wiley & Sons, Inc.; 2013. 480 p.

Информация об авторах
С. А. Баженова — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, финансов и менеджмента;
В. С. Горячев — аспирант.

Information about authors
S. A. Bazhenova — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Economics, Finance and Management;
V. S. Goryachev — a graduate student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.11.2023; одобрена после рецензирования 27.11.2023; принята к публикации 25.12.2023.
The article was submitted 07.11.2023; approved after reviewing 27.11.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 58–65
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):58–65

Научная статья
УДК 336.58(470.57)
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-58-65

СЕЛЬСКАЯ МЕДИЦИНА В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Лилия Закировна Буранбаева[1]✉, Земфира Эмильевна Сабирова[2]
[1,2]Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, Уфа, Россия
[1]blz05101969@mail.ru✉
[2]zemfira-2601@mail.ru

Аннотация. Предмет исследования — региональная система здравоохранения. Цель исследования — проблемы и перспективы развития сельской медицины Республики Башкортостан. Задачи исследования — рассмотрение проблем, анализ современного состояния и выявление перспектив развития здравоохранения на селе. Новизна исследования: проведено ранжирование основных показателей функционирования сельских медицинских учреждений Республики Башкортостан в разрезе Российской Федерации и регионов Приволжского федерального округа. Выводы: причинами ухудшения демографической ситуации в сельской местности являются низкий уровень рождаемости, высокая смертность, миграционный отток сельского населения (внутрирегиональный, межрегиональный, межстрановой), сокращение женского населения репродуктивного возраста в сравнении с городским и т. д. Одним из существенных факторов, оказывающих негативное влияние на демографическую ситуацию на селе, является и состояние здравоохранения в муниципальных образованиях. Наряду с федеральной поддержкой необходимы собственные инициативы региональных властей по привлечению и удержанию медицинских специалистов на селе, повышению качества предоставляемых медицинских услуг.
Ключевые слова: демография, демографическая ситуация, здравоохранение, здоровье, медицина, медицина сельская, медицинская помощь
Для цитирования: Буранбаева Л. З., Сабирова З. Э. Сельская медицина в Республике Башкортостан: современное состояние и тенденции развития // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 58–65. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-58-65.

Research article

RURAL MEDICINE IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT TRENDS

Liliya Z. Buranbaeva[1]✉, Zemfira E. Sabirova[2]
[1,2]Bashkir Academy of Public Administration and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia
[1]blz05101969@mail.ru✉
[2]zemfira-2601@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the regional healthcare system. The purpose of the study is the problems and prospects for the development of rural medicine in the Republic of Bashkortostan. The objectives of the study are to consider problems, analyze the current state and identify prospects for the development of healthcare in rural areas. Novelty of the research: the ranking of the main indicators of the functioning of rural medical institutions of the Republic of Bashkortostan in the context of the Russian Federation and

the regions of the Volga Federal District was carried out. Conclusions: The reasons for the deterioration of the demographic situation in rural areas are low birth rates, high mortality, migration outflow of the rural population (intraregional, interregional, intercountry), reduction in the female population of reproductive age in comparison with urban ones, etc. One of the significant factors that has a negative impact The impact on the demographic situation in rural areas is also the state of health care in municipalities. Along with federal support, regional authorities need their own initiatives to attract and retain medical specialists in rural areas and improve the quality of medical services provided.

Keywords: demography, demographic situation, healthcare, health, medicine, rural medicine, medical care

For citation: Buranbaeva L. Z., Sabirova Z. E. Rural medicine in the Republic of Bashkortostan: current state and development trends. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):58–65. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-58-65.

Состояние демографической ситуации является одной из наиболее острых проблем для Республики Башкортостан, которая оказывает существенное влияние на устойчивость ее социально-экономического развития. В настоящее время в сфере демографии складываются негативные тенденции. По итогам 2022 года естественная убыль населения составила 12,6 тыс. чел., что на 53,38% меньше, чем в 2021 году и на 34,3% меньше, чем в 2020 году. В демографической ситуации в регионе, особенно в сравнении с допандемийным 2019 годом, естественная убыль возросла на 72% по сравнению с 2020 годом.

Существенным сдерживающим фактором устойчивого развития сельской местности является депопуляция сельского населения. Доля сокращения сельского населения составляет 60% естественной убыли. Привлечение внимания к проблеме сокращения сельского населения республики является неотъемлемой частью ее решения.

По уровню рождаемости Республика Башкортостан (+36 213 чел.) в 2022 году заняла 2-е место в Приволжском федеральном округе (ПФО), уступив первую позицию Республике Татарстан. Положительная тенденция по естественному приросту (на 10 000 чел.) отмечена в Бурзянском (+3,5), Уфимском (+2,8) и Абзелиловском (+0,7) районах республики. Число умерших в республике — 48,8 тыс. человек. Рекордная убыль зафиксирована в Бураевском (–12,7), Федоровском (–11,0), Шаранском (–9,8), Стерлибашевском (–9,5) и Ермекеевском (–8,9) районах. Смертность уменьшилась на 26,4%, а рождаемость на 7,9% [1].

Наибольшее значение коэффициента рождаемости на 10 000 чел. в 2022 году (в сравнении со значением по Республике Башкортостан, равным 9,1) в разрезе муниципальных образований отмечено в Бурзянском (15,4), Баймакском (12,7), Иглинском (11,9), Абзелиловском (11,5) и Уфимском (11,3) районах. Бураевский, Шаранский, Балтачевский районы имеют высокий уровень смертности в расчете на 10 000 населения — с 18,0 до 20,8 [2].

Убыль сельского населения региона за 2022 год составляет 17 063 чел. при росте городского на 3042 человек. Основной причиной убыли населения является сокращение рождаемости и рост смертности. Так, в регионе по статистическим данным в прошлом году зафиксировано родившихся 36,2 тыс. чел., умерших — 48,8 тыс. Рождаемость в сельской местности существенно выше в сравнении с городской. Однако в динамике наблюдается падение рождаемости на селе вследствие сокращения высокими темпами женского населения репродуктивного возраста в сравнении с городским. Само же сокращение числа женщин обусловлено влиянием демографических волн и миграционным оттоком. Кроме того, уровень смертности сельского населения выше городского. Причинами высокой смертности сельского населения могут быть низкий уровень качества жизни, суициды, безработица, нестабильность социально-экономической обстановки, высокий удельный вес пенсионеров, пьянство.

Основными причинами смертности сельского населения республики являются болезни системы кровообращения, эндокринной и нервной систем, онкология, COVID-19 и др. (табл. 1). К сожалению, республика вошла по уровню общей заболеваемости в тройку лидеров

Таблица 1 — Показатели заболеваемости сельского населения Республики Башкортостан [3]

РФ		ПФО в разрезе субъектов РФ				РБ в разрезе субъектов ПФО			
Абс. значение		Абс. значение		Ранг		Абс. значение		Ранг	
2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022
Общая заболеваемость, тыс. чел.									
46 127,4	48 008,9	12 051,0	12 490,1	1	1	2601,7	2774,1	1	1
Общая заболеваемость на 10 000 сельского населения									
124,8	129,8	150,0	155,6	1	1	170,3	178,7	4	5
Новообразования, тыс. случаев									
1224,3	1259,4	340,5	339,5	1	1	50,1	53,3	1	1
Новообразования на 10 000 сельского населения									
3,3	3,4	4,2	4,2	1	1	3,3	3,4	14	12
Болезни эндокринной системы, тыс. случаев									
2469,6	2600,4	647,9	694,4	1	1	97,2	108,3	1	1
Болезни эндокринной системы на 10 000 сельского населения									
6,7	7,0	8,1	8,6	2	2	6,4	7,0	11	11
Болезни нервной системы, тыс. случаев									
1552,9	1624,2	423,0	454,2	1	1	152,6	175,2	1	1
Болезни нервной системы на 10 000 сельского населения									
4,2	4,4	5,3	5,7	1	1	10,0	11,3	1	1
COVID-19, абс. число									
2236,1	2273,2	550,5	573,4	1	1	106,5	96,9	1	1
COVID-19 на 10 000 сельского населения									
6,0	6,1	6,8	7,1	5	5	7,0	6,2	7	9

среди регионов ПФО. Доля заболеваемости в 2022 году по региону составляет 5,79% в общей заболеваемости, выявленной в Российской Федерации. В расчете на 10 000 сельского населения значения показателей общей заболеваемости в разрезе ее видов республика занимает средние и последние позиции. Например, по общей заболеваемости — 5-е место, по новообразованиям — 12-е, по болезням эндокринной системы — 11-е.

Ухудшает демографическую ситуацию сельских территорий региона миграционный отток: в 2022 году уровень миграции составил 9,5 тыс. чел., в том числе в города республики 6,9 тыс., в другие регионы и за рубеж — 2,5 тыс. человек. Как видно по данным, села являются донором развития городов, что, безусловно, ведет к деградации демографических показателей в целом по республике.

Одной из причин высокой смертности населения на селе является состояние здравоохранения. В то же время по основным показателям деятельности системы здравоохранения на селе (по числу медицинских организаций, оказывающих стационарную помощь; численности коечного фонда, врачей и среднего медицинского персонала, укомплектованности ими) Республика Башкортостан лидирует в разрезе регионов ПФО (табл. 2).

В 2023 году в соответствии с национальным проектом «Здравоохранение» в целях укрепления и модернизации медицины в сельской местности значительно расширится медицинская инфраструктура. По числу амбулаторий,

Таблица 2 — Ранжирование показателей оценки материально-технического оснащения сельского здравоохранения Республики Башкортостан в разрезе Российской Федерации и ПФО [3]

РФ		ПФО в разрезе субъектов РФ				РБ в разрезе субъектов ПФО			
Абс. значение		Абс. значение		Ранг		Абс. значение		Ранг	
2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022
Число медицинских организаций, всего									
991	959	232	230	1	1	48	48	1	1
Число медицинских организаций, оказывающих стационарную медпомощь, ед.									
865	837	199	197	1	1	38	38	1	1
Число медицинских организаций, оказывающих амбулаторную медпомощь (без стоматологической)									
18	17	2	2	3	3	–	–	–	–
Численность коечного фонда									
138 904	136 036	22 799	22 466	3	3	5092	4928	1	1
Обеспеченность койками на 10 000 сельского населения									
37,5	36,8	28,4	28,0	8	8	32,8	31,7	5	7
Средняя длительность пребывания на койке, дн.									
14,8	14,7	11,7	11,7	7	7	10,4	10,3	8	9

ФАПов (в том числе передвижных) регион занимает первую позицию в ПФО (табл. 3).

В соответствии с национальным проектом планируется возведение новых капитальных и модульных объектов с современным медицинским оборудованием, водоснабжением и водоотведением, системой отопления, стабильным интернетом. Модули будут оснащены кабинетами приема, смотровым и процедурно-прививочным кабинетами, зоной ожидания, санузлом, комнатой для персонала. Передвижные комплексы имеют ЭКГ-аппарат, дефибриллятор, холодильную установку для хранения медикаментов, медицинские препараты. На сегодня регион получил 46 передвижных ФАПов и 49 мобильных диагностических комплексов.

В настоящее время сельская медицина ощущает влияние цифровизации, благодаря которой сформированы электронная база данных о пациентах и электронный документооборот, производится выписка электронных рецептов и больничных листов [4]. Подключены к интернету почти 2 тыс. ФАПов, более 1,6 тыс. имеют право электронной подписи. В Бирске реализуется пилотный проект по созданию платформы цифровой аналитики.

До 2025 года планируется направить на строительство 12 поликлиник, 2 центральных районных больниц, 3 участковых больниц, 414 ФАПов, 21 офиса врача общей практики, 43 врачебных амбулаторий около 10,5 млрд руб. за счет федерального транша, размер которого составит 18 млрд руб.

Модернизации подлежат в течение 2023 года 286 ФАПов. За последние четыре года обновлено 340 ФАПов. На сегодня находятся в аварийном состоянии 100 объектов. Доля зданий, не соответствующих санитарным нормам и требованиям и неподлежащих ремонту, в течение последних двух лет снижается (с 6,48 до 4,09%).

Наиболее актуальной проблемой для сельской медицины является дефицит кадров, несмотря на то, что республика занимает 1-е место по численности как врачей, так и среднего медперсонала. По показателю обеспеченности ими на 10 000 сельского населения регион занимает, соответственно, 6-е и 4-е места в разрезе регионов ПФО (табл. 4).

Недостаточный приток молодых специалистов тормозит формирование кадрового потенциала в сельской местности, что негативно отражается на уровне доступности и качестве медицинской помощи.

Таблица 3 — Показатели оценки качества объектов недвижимости сельских медучреждений Республики Башкортостан в разрезе Российской Федерации и ПФО [3]

РФ		ПФО в разрезе субъектов РФ				РБ в разрезе субъектов ПФО			
Абс. значение		Абс. значение		Ранг		Абс. значение		Ранг	
2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022
Доля зданий, находящихся в аварийном состоянии, требуют сноса, %									
4,65	3,88	4,89	3,94	3	4	6,48	4,09	4	7
Доля зданий, требующих реконструкции, %									
0,88	0,73	0,29	0,21	6	6	0,03	0,03	7	3
Доля зданий, требующих капитального ремонта, %									
14,2	12,1	18,6	16,5	2	2	8,3	7,0	9	9
Число амбулаторий									
н/д	5081	н/д	1066	–	1	н/д	196	–	1
Число участковых больниц									
н/д	1142	н/д	159	–	4	н/д	22	–	2
Число фельдшерско-акушерских пунктов (в том числе передвижные)									
н/д	32 911	н/д	10 420	–	1	н/д	2083	–	1
Число фельдшерских пунктов (в том числе передвижные)									
н/д	2585	н/д	476	–	4	н/д	–	–	–

Таблица 4 — Показатели оценки кадрового обеспечения сельского здравоохранения Республики Башкортостан в разрезе Российской Федерации и ПФО

РФ		ПФО в разрезе субъектов РФ				РБ в разрезе субъектов ПФО			
Абс. значение		Абс. значение		Ранг		Абс. значение		Ранг	
2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022	2021	2022
Число врачей в медицинских организациях, расположенных в сельской местности									
50 289	48 867	11 135	10 816	1	1	2504	2447	1	1
Обеспеченность врачами на 10 000 сельского населения									
13,6	13,2	13,9	13,5	3	3	16,1	15,8	6	6
Средний медперсонал в медицинских организациях, расположенных в сельской местности									
181 089	173 901	43 762	41 889	1	1	9722	9364	1	1
Обеспеченность средним медперсоналом на 10 000 сельского населения									
48,9	47,0	54,5	52,2	3	4	62,6	60,3	4	4
Укомплектованность врачами									
78,8	80,3	82,2	84,6	2	1	87,0	95,0	3	1
Число физических лиц среднего медперсонала, работающих на ФАПе, ФП									
н/д	30 607	н/д	9506	–	1	н/д	1834	–	1

По состоянию на 1 октября 2023 г. в Республике Башкортостан наметился дефицит медработников среднего медицинского персонала (932 чел.), санитаров (120 чел.), водителей скорой помощи (124 чел.).

Потребности медучреждений в врачах составляют в 2023 году более 1,3 тыс. человек. На селе остро ощущается дефицит педиатров и терапевтов (в том числе участковых), а также врачей общей практики.

Кадровая проблема в сельской местности объясняется не только слабым притоком молодых специалистов в виду их негативного восприятия данной территории в качестве постоянного места проживания. Ситуация усугубляется оттоком работников-пенсионеров.

Проблемы нехватки медицинских кадров помимо федеральных мер поддержки решаются региональными программами. Так, разработана программа «Врачи для малых медицинских организаций», в соответствии с которой в 2023 году из республиканского бюджета запланировано выплатить 150 млн руб. пятидесяти молодым специалистам. Размер подъемных составляет 3 млн руб., выплачиваемых выпускникам медицинских вузов в течение пяти лет работы в деревнях и селах с населением не более 25 тыс. человек. Данному критерию соответствуют 24 центральных районных больницы.

По программе «Земский доктор» на 2023 год утвержден список ФАПов (а их 33), в которые будут направлены выразившие желание работать в течение пяти лет врачи. Единовременные выплаты врачам составят до 1,5 млн рублей. За четыре года реализации данной программы около 4 тыс. молодых специалистов переехали на работу в села республики. С начала 2023 г. выплаты произведены 81 врачу и 48 медработнику среднего звена на общую сумму 144,5 млн рублей. Несмотря на положительные стороны, программа не в полной мере удовлетворяет спрос на медицинские кадры в сельской местности. Основной причиной этому является отсутствие необходимого оснащения и медикаментов для лечения пациентов.

По программе «Земский фельдшер» 33 фельдшера (акушерки) получили в течение 11 месяцев 2023 года выплаты на общую сумму 16,5 млн рублей.

Мерами привлечения врачей и среднего медперсонала являются единовременные выплаты и пособия. В 2022 году объем финансирования составил 185 млн рублей. Получателями станут 172 медработника. Специальные социальные выплаты будут производиться Отделением Социального фонда России по Республике Башкортостан в размере от 4,5 тыс. до 18,5 тыс. руб. и назначены медицинским работникам первичного звена здравоохранения, центральных районных, районных и участковых больниц, а также работникам станций и отделений скорой помощи и специалистам дефицитных специальностей (врачам-психиатрам, фтизиатрам, медсестрам и др.) [5].

Республика вошла в число регионов по внедрению лучших практик для привлечения кадров в медицину. В качестве собственных мер поддержки медицинских кадров на селе следует выделить создание комфортных условий для их жизни: в 2022 году обеспечены жильем 186 врачей, 43 человека из числа среднего медперсонала; предусмотрены льготное кредитование, предоставление мест в дошкольных учреждениях, компенсация транспортных расходов и расходов по аренде жилья, выделение земельных участков на индивидуальное жилищное строительство.

Лучшим примером поддержки медработников, проживающих на селе, является пилотный проект по строительству жилья для передачи по договору найма, реализуемый в Дуванском районе республики. Финансирование строительства производится за счет федеральных и региональных бюджетных средств, а также за счет средств работодателей. По истечении пяти лет возможен выкуп жилья по цене, равной не более 10 % от стоимости, или через десять лет по цене не более 1 % от стоимости жилого помещения.

В целях привлечения и закрепления медицинских кадров на селе необходима реализация мер образовательного (например, целевое обучение в вузах и колледжах; разработка и внедрение специальных программ обучения по профилактике и лечению сельского населения; повышение эффективности послевузовского образования и т. д.), регламентирующего (целевое направление выпускников с предоставлением гарантийного места работы, жилья),

экономического (материальное стимулирование, гранты и т. д.) характера. В 2023 году закончили обучение по целевому договору в Башкирском государственном медицинском университете почти 600 выпускников, каждый из которых прошел государственное распределение.

Таким образом, на селе накопилось достаточно проблем в обеспечении населения доступной и качественной медицинской помощью, разрешение которых невозможно без государственной поддержки [6]. Региональные власти помимо федеральной поддержки должны решать данную проблему, проявляя собственную инициативу и используя внутренние источники, что позволит обеспечить развитие сельской медицины на соответствующем уровне.

Список источников

1. Естественная убыль населения Башкирии в 2022 году сократилась вдвое // ufa.rbc.ru : сайт. URL: https://ufa.rbc.ru/ufa/13/02/2023/63e9011a9a7947c9fe32b69a?from=copy. Дата публикации: 13.02.2023.

2. Оперативные итоги естественного движения населения Республики Башкортостан за январь-декабрь 2022 года // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан : официальный сайт. URL: https://02.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/!migraciya-12-2022.pdf

3. Сельское здравоохранение России в 2022 году: статистические материалы / Е. Г. Котова, О. С. Кобякова, В. И. Стародубов и др. Москва : ФГБУ «ЦНИИОИЗ» Минздрава России, 2023. 88 с.

4. Буранбаева Л. З. Тенденции развития цифровых технологий в системе здравоохранения // Цифровая трансформация социально-экономического развития региона : коллективная монография / отв. ред. З. Э. Сабирова, О. В. Сидорова. Уфа : Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, 2022. С. 160–171.

5. На «подъемные» врачам в селах и малых городах Башкирии выделят 150 млн // ufa.rbc.ru : сайт. URL: https://ufa.rbc.ru/ufa/01/02/2023/63da2b2e9a7947dbc3e32591?from=copy. Дата публикации: 01.02.2023.

6. Буранбаева Л. З., Сабирова З. Э., Юлдыбаев Б. Р. Медицина на селе: современное состояние и финансирование, проблемы и перспективы развития // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2020. № 1 (46). С. 103–107.

References

1. The natural decline in the population of Bashkiria in 2022 was halved. ufa.rbc.ru: site. (In Russ.). Available from: https://ufa.rbc.ru/ufa/13/02/2023/63e9011a9a7947c9fe32b69a?from=copy. Publication date: February 13, 2023.

2. Operational results of the natural movement of the population of the Republic of Bashkortostan for January-December 2022. Local body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Bashkortostan: official site. (In Russ.). Available from: https://02.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/!migraciya-12-2022.pdf

3. Rural healthcare in Russia in 2022: statistical materials / E. G. Kotova, O. S. Kobyakova, V. I. Starodubov at al. Moscow: Central Research Institute for Organization and Informatization of Health Care of the Ministry of Health of Russia; 2023. 88 p.

4. Buranbaeva L. Z. Trends in the development of digital technologies in the healthcare system. Digital transformation of the socio-economic development of the region: collective monograph / ed. by Z. E. Sabirova, O. V. Sidorova. Ufa: Bashkir Academy of Public Service and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan; 2022. P. 160–171. (In Russ.).

5. 150 million will be allocated for “lifting” doctors in villages and small towns of Bashkiria. ufa.rbc.ru: site. (In Russ.). Available from: https://ufa.rbc.ru/ufa/01/02/2023/63da2b2e9a7947dbc3e32591?from=copy. Publication date: February 1, 2023.

6. Buranbaeva L. Z., Sabirova Z. E., Yuldybaev B. R. Medicine in rural areas: current state and financing, problems and development prospects. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2020;(1(46)):103–107. (In Russ.).

Информация об авторах

Л. З. Буранбаева — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления;

З. Э. Сабирова — кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономики и управления.

Information about authors
L. Z. Buranbaeva — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Economics and Management;
Z. E. Sabirova — Candidate of Science (Pedagogical), Associate Professor of the Department of Economics and Management.

Статья поступила в редакцию 27.11.2023; одобрена после рецензирования 12.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.
The article was submitted 27.11.2023; approved after reviewing 12.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 66–70
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):66–70

Научная статья
УДК 339
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-66-70

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИКИ: ПУТИ РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Альбина Фатиховна Гарифуллина[1]✉, Зарина Лероновна Сизоненко[2], Елена Николаевна Крайнова[3]
[1,2,3]Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
[1]albina.garifullina.86@bk.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-0407-7510
[2]marian01@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5951-5346
[3]chutcheva81@mail.ru

Аннотация. COVID-19 стал глобальным вызовом, который оказал сильное влияние на мировую экономику. Запреты на поездки, локдауны, закрытие предприятий и прекращение международной торговли привели к серьезному падению ВВП и растущей безработице. Пандемия вызвала серьезные проблемы в таких отраслях, как туризм, рестораны, авиационная и гостиничная сфера. В особенности пострадали малые и средние предприятия. Финансовые рынки также испытали нестабильность и значительные потери. Чтобы быстро вернуться к стабильности и ускорить восстановление, многие страны приняли экономические стимулирующие меры, такие как увеличение государственных инвестиций, снижение налогов и предоставление финансовой поддержки компаниям и домохозяйствам. Однако, долгосрочные перспективы остаются неопределенными. Возможны внезапные скачки заболевания и появление новых вариантов вируса, что может повлечь за собой новые ограничения и негативно повлиять на экономику.
Ключевые слова: COVID-19, пандемия, экономический кризис, глобальная экономика, последствия ковида
Для цитирования: Гарифуллина А. Ф., Сизоненко З. Л., Крайнова Е. Н. Влияние пандемии Covid-19 на состояние экономики: пути решения и перспективы развития // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 66–70. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-66-70.

Research article

THE IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON THE STATE OF THE ECONOMY: SOLUTIONS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Albina F. Garifullina[1]✉, Zarina L. Sizonenko[2], Elena N. Krainova[3]
[1,2,3]Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
[1]albina.garifullina.86@bk.ru✉, https://orcid.org/0000-0002-0407-7510
[2]marian01@mail.ru , https://orcid.org/0000-0002-5951-5346
[3]chutcheva81@mail.ru

Abstract. COVID-19 has become a global challenge that has had a strong impact on the global economy. Travel bans, lockdowns, business closures and the cessation of international trade have led to a serious drop in GDP and rising unemployment. The pandemic has caused serious problems in industries such as tourism, restaurants, aviation and hotels. Small and medium-sized enterprises have been particularly affected. Financial markets have also experienced instability and significant losses. In order to quickly return to stability and accelerate the recovery, many countries have taken economic stimulus measures,

such as increasing public investment, lowering taxes and providing financial support to companies and households. However, the long-term prospects remain uncertain. Sudden jumps in the disease and the emergence of new variants of the virus are possible, which may entail new restrictions and negatively affect the economy.

Keywords: COVID-19, pandemic, economic crisis, global economy, consequences of covid

For citation: Garifullina A. F., Sizonenko Z. L., Krainova E. N. The impact of the Covid-19 pandemic on the state of the economy: solutions and development prospects. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):66–70. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-66-70.

Пандемия COVID-19 с угрожающей скоростью вызвала глобальный экономический шок огромного масштаба, приведший к резкому спаду во многих странах по сей день. Ожидается, что доходы на душу населения в подавляющем большинстве индустриально-развитых стран (ИРС) сократятся, что снова ввергнет многие миллионы людей в нищету. Мировой финансовый кризис был бы более масштабным, если бы взятие пандемии «под контроль» заняло больше времени, чем ожидалось, или если бы финансовый стресс спровоцировал каскад дефолтов. Пандемия подчеркивает настоятельную необходимость принятия мер в области здравоохранения и экономической политики, включая глобальное сотрудничество, для смягчения ее последствий, защиты уязвимых групп населения и повышения способности стран предотвращать подобные события и справляться с ними в будущем. Поскольку ИРС особенно уязвимы, крайне важно укрепить их системы общественного здравоохранения, чтобы решить проблемы, связанные с неформальностью и ограниченными системами социальной защиты, и, как только кризис в области здравоохранения утихнет, провести реформы, которые обеспечат сильный и устойчивый рост.

Пандемия COVID-19 распространилась с поразительной скоростью по всему миру и заразила миллионы людей (табл. 1). Потери среди населения велики и они не прекращаются.

Таблица 1 — Статистика заражения COVID-19 по странам

№	Страна	Подтверждено	Заражено за сутки	Смертей	Погибло за день
1	Индия	44 681 981	174	530 725	2
2	Бразилия	36 597 935	19 070	695 236	148
3	Франция	39 640 595	7178	164 287	53
4	Россия	22 900 755	2379	398 736	26
5	Испания	13 693 478	0	117 413	0
6	Аргентина	10 004 679	0	130 249	0
7	Колумбия	6 343 059	0	141 959	0
8	Италия	25 279 682	0	185 417	0
9	Мексика	7 297 914	13 412	331 407	74
10	Перу	4 471 726	0	218 455	0
11	Южная Африка	4 051 060	170	102 568	0
12	Иран	7 562 371	96	144 722	2
13	Чили	5 078 573	3736	63 437	51

* Данные Всемирной организации здравоохранения по ситуации с распространением коронавируса в мире на 21.09.2023 [1].

Пандемия вызвала крупнейший экономический шок, с которым столкнулась мировая экономика за последние десятилетия, который привел к спаду глобальной активности. Различные меры по смягчению последствий, такие как карантин, закрытие школ и предприятий, не являющихся стратегическими, а также ограничения на поездки были введены большинством стран для сокращения распространения COVID-19 и снижения нагрузки на систему здравоохранения.

Пандемия и связанные с ней меры по смягчению последствий резко сократили и инвестиции, а также ограничили спрос рабочей силы и производство. Трансграничные побочные эффекты привели к нарушению функционирования финансовых и товарных рынков, глобальной торговли, цепочек поставок, ограничению путешествий и туризма.

Финансовые рынки были чрезвычайно волатильными, что отражает исключительно высокую неопределенность и ухудшающиеся перспективы развития. Устремленность стран к созданию безопасных условий привела к резкому ужесточению глобальных и финансовых условий ИРС. Фондовые рынки по всему миру резко упали, спреды по более рискованным категориям долговых обязательств значительно расширились, и в течение большей части марта и апреля 2023 года ИРС испытывали значительный отток капитала, который достиг «критического минимума» лишь недавно. В результате падения мирового спроса цены на сырьевые товары резко снизились, особенно это коснулось нефти [2].

Многие страны оказали крупномасштабную макроэкономическую поддержку, чтобы смягчить экономический удар, что способствовало недавней стабилизации на финансовых рынках. Центральные банки в странах с развитой экономикой снизили процентные ставки и предприняли другие далеко идущие шаги по обеспечению ликвидности и поддержанию доверия инвесторов.

В настоящее время центральные банки также преобразовали денежно-кредитную политику [3]. Объявленная поддержка налогово-бюджетной политике намного превышает ту, которая была оказана во время глобального финансового кризиса 2008–2009 гг.

В целом ожидается, что пандемия ввергнет большинство стран в рецессию в этом году, при этом объем производства на душу населения сократится в большинстве стран [4].

По прогнозам, в 2024 году экономика ИРС сократится на 3–5% из-за широко распространенного социального дистанцирования, резкого ужесточения финансовых условий и падения внешнего спроса активности со стороны инвесторов и стран-партнеров. Однако специалисты в сфере финансов и экономики прогнозируют, что контрольные меры, предпринятые странами, позволят восстановить экономический сектор к концу 2024 года [5].

Ожидается, что в 2024 году доходы на душу населения сократятся более чем у 90% развивающихся стран, и многие граждане, вероятно, снова окажутся за чертой бедности. Однако в 2024 году ожидается умеренное восстановление различных сфер экономики, объем производства увеличится в среднем на 5,2% [6].

Поскольку неопределенность в отношении перспектив остается исключительно высокой, альтернативные сценарии помогают проиллюстрировать диапазон вероятных результатов экономического роста в ближайшей перспективе. В частности, базовый прогноз на 2024 год может оказаться оптимистичным [5]. Если вспышки COVID-19 сохранятся в 2024 году, возможно, придется вновь ввести новые ограничения, что однозначно окажет влияние на восстановление экономического сектора. Перебои в работе объектов и субъектов экономической деятельности ослабят экономику страны и возможность обслуживать свои долги. Учитывая, что уровень «закредитованных» организаций уже достиг исторических максимумов, это может привести к каскадным дефолтам и финансовым кризисам во многих странах [7]. При таком негативном сценарии глобальный экономический рост сократится почти на 8% в 2024 году и плановое, постепенное восстановление будет заметно «вялым», чему будут способствовать серьезные нарушения балансов: повышенный стресс на финансовом рынке и банкротство субъектов предпринимательства.

Уполномоченные органы власти в области экономики и финансов сталкиваются с огромными трудностями, стремясь сдержать разру-

шительные последствия пандемии для здоровья, макроэкономики и социальной сферы.

Таким образом, прогнозирование влияния COVID-19 на экономику стран в 2024 году представляет большую сложность, поскольку многое будет зависеть от принятых мер к сокращению рисков и способов восстановления экономики. Однако можно предположить, что в 2024 году большинство стран уже будет находиться на пути к восстановлению экономической активности после пандемии. Вот некоторые возможные сценарии:

1. Медленное восстановление. Если пандемия продолжит свое влияние в 2024 году, общая экономическая активность может быть замедлена, а рост ВВП будет ниже ожидаемого уровня. Это может привести к наращиванию безработицы, увеличению долговых обязательств государств и снижению выплат налогов.

2. Ускоренное восстановление. Если в 2024 году пандемия будет под контролем, и страны смогут восстановить экономическую активность более быстро, то можно ожидать роста ВВП, сокращения безработицы и восстановления потребительского спроса. Ключевыми факторами здесь будут эффективная вакцинация, внедрение мер социальной и экономической поддержки, а также развитие новых отраслей экономики, связанных с пандемией (таких как биотехнологии и цифровые технологии).

3. Структурные изменения. COVID-19 вызвал значительные структурные изменения в экономике, такие как переход к онлайн-торговле, удаленной работе и цифровизации многих отраслей. В 2024 году ожидается, что такие изменения будут продолжаться, и успешно адаптирующиеся к ним страны смогут получить конкурентное преимущество. Однако некоторые отрасли, такие как авиационная и туризм, могут продолжить страдать от последствий пандемии.

В целом, влияние COVID-19 на экономику стран в 2024 году будет зависеть от динамики самой пандемии, эффективности принимаемых мер по ее контролю и восстановлению, а также способности стран адаптироваться к новым трендам и изменениям в экономике.

Список источников

1. Онлайн карта распространения коронавируса Covid-19. Общая мировая статистика заражения на сегодня // coronavirus-monitorus.ru : сайт. URL: https://coronavirus-monitorus.ru

2. Селищева Т. А. Влияние пандемии COVID-19 на экономику стран-членов Евразийского экономического союза и перспективы ее восстановления // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 3 (129). С. 36–42.

3. Шишкина Н. В., Мамистова Е. А., Сабетова Т. В. Взаимное влияние развития рынка труда и течения пандемии КОВИД-19 // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2021. Т. 83, № 1 (87). С. 421–428.

4. Маркова Н. Н. Влияние Ковид-19 на экономическое развитие Калужской Области и России в целом // Альманах мировой науки. 2021. № 3 (46). С. 32–34.

5. Чудоякова А., Раздерищенко И. Н. Влияние и последствия пандемии COVID-19 на уровень безработицы в ряде стран // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 5-3 (75). С. 183–185.

6. Саенко А. Н. Влияние пандемии COVID-19 на темпы экономического роста стран Африки // Modern Economy Success. 2022. № 1. С. 130–137.

7. Синицына И. В., Богачева Е. А. Влияние КОВИД-19 на бюджет России 2021–2023 года // Научный вестник НГГТИ. 2022. № 1. С. 169–173.

References

1. Online map of the spread of coronavirus Covid-19. General global infection statistics for today // coronavirus-monitorus.ru: site. (In Russ.). Available from: https://coronavirus-monitorus.ru

2. Selishcheva T. A. The impact of the COVID-19 pandemic on the economy of the member countries of the Eurasian Economic Union and the prospects for its recovery. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo e`konomicheskogo universiteta = News of the St. Petersburg State Economic University*. 2021;(3(129)):36–42. (In Russ.).

3. Shishkina N. V., Mamistova E. A., Sabetova T. V. Mutual influence of the development of the labor market and the course of the COVID-19 pandemic. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenerny`x texnologij = Proceedings of the Voronezh State University of Engineering Technologies*. 2021;83(1(87)):421–428. (In Russ.).

4. Markova N. N. The influence of Covid-19 on the economic development of the Kaluga Region and Russia as a whole. *Al`manax mirovoj nauki = Almanac of World Science*. 2021;(3(46)):32–34. (In Russ.).

5. Chudoyakova A., Razderishchenko I. N. Impact and consequences of the COVID-19 pandemic on the unemployment rate in a number of countries. *E`konomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and business: theory and practice.* 2021;(5-3(75)):183–185. (In Russ.).

6. Saenko A. N. Impact of the COVID-19 pandemic on the rate of economic growth of African countries. *Modern Economy Success = Modern Economy Success.* 2022;(1):130–137. (In Russ.).

7. Sinitsyna I. V., Bogacheva E. A. The impact of COVID-19 on the Russian budget for 2021–2023. *Nauchny`j vestnik NGGTI = Scientific Bulletin of the NGGTI*. 2022;(1):169–173. (In Russ.).

Информация об авторах

А. Ф. Гарифуллина — кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления;

З. Л. Сизоненко — кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного управления;

Е. Н. Крайнова — ведущий специалист кафедры государственного управления, старший преподаватель.

Information about authors

A. F. Garifullina — Candidate of Science (Political), Associate Professor of the Department of Public Administration;

Z. L. Sizonenko — Candidate of Science (Sociological), Associate Professor of the Department of Public Administration;

E. N. Krainova — Leading Specialist of the Department of Public Administration, senior lecturer.

Статья поступила в редакцию 26.09.2023; одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 26.09.2023; approved after reviewing 16.10.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 71–76
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):71–76

Научная статья
УДК: 368.01
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-71-76

ПРИМЕНЕНИЕ ФИНАНСОВЫХ ИННОВАЦИЙ В СИСТЕМЕ ПЕРЕСТРАХОВОЧНОЙ ЗАЩИТЫ: ОПЫТ РАЗВИТЫХ СТРАН И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЛЯ РОССИИ

Александр Владимирович Жуковский
Московский финансово-юридический университет (МФЮА), Москва, Россия, supra94@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы применения финансовых инноваций в системе перестраховочной защиты в России с учетом мирового опыта. Отмечается растущая потребность в модернизации российского перестраховочного рынка в условиях глобализации финансов и усиления внешних ограничений. Анализируются характеристики современного состояния национальной системы перестрахования, выявляются ключевые проблемы и дисбалансы. Показано, что традиционные формы перестрахования не снижают системные риски отрасли, а зависимость от зарубежных емкостей уязвима перед санкционным давлением. Рассмотрен успешный опыт развитых стран по использованию инновационных перестраховочных инструментов. Предложен комплекс мер по внедрению финансовых инноваций в России через инфраструктурное реформирование системы перестрахования и налаживание международного сотрудничества. Сделан вывод о высоком потенциале финансовых инноваций для повышения устойчивости и конкурентоспособности российского страхового сектора.
Ключевые слова: перестрахование, финансовые инновации, страхование, риски, перестраховочная емкость
Для цитирования: Жуковский А. В. Применение финансовых инноваций в системе перестраховочной защиты: опыт развитых стран и перспективы для России // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 71–76. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-71-76.

Research article

APPLICATION OF FINANCIAL INNOVATIONS IN REINSURANCE PROTECTION SYSTEMS: EXPERIENCE OF DEVELOPED COUNTRIES AND PROSPECTS FOR RUSSIA

Alexander V. Zhukovsky
Moscow University of Finance and Law (MFUA), Moscow, Russia, supra94@mail.ru

Abstract. The article examines the prospects for the application of financial innovations in the reinsurance protection system in Russia, taking into account global experience. The growing need to modernize the Russian reinsurance market in the context of financial globalization and increased external constraints is noted. The characteristics of the current state of the national reinsurance system are analyzed, key problems and imbalances are identified. It is shown that traditional forms of reinsurance do not reduce systemic risks in the industry, and dependence on foreign capacity is vulnerable to sanctions pressure. The successful experience of developed countries in using innovative reinsurance tools is considered. A set of measures is proposed for the introduction of financial innovations in Russia through the infrastructural reform of the reinsurance system and the establishment of international cooperation. It is concluded

that financial innovations have high potential for increasing the sustainability and competitiveness of the Russian insurance sector.

Keywords: reinsurance, financial innovations, insurance, risks, reinsurance capacity

For citation: Zhukovsky A. V. Application of financial innovations in the reinsurance protection system: experience of developed countries and prospects for Russia. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):71–76. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-71-76.

В статье осуществляется комплексный анализ применимости финансовых инноваций в контексте перестраховочной защиты России, акцентируя внимание на мировых практиках. Методология строится на ригорозном многокомпонентном подходе.

В первом блоке проводится квантитативный анализ текущего состояния российского перестраховочного рынка, где метод сравнительного анализа статистических данных применяется для выявления трендов и динамических характеристик ключевых показателей. Второй блок включает изучение международного опыта через систематический обзор академической литературы и данных международных аналитических агентств, что способствует глубинному пониманию глобальных тенденций в применении финансовых инноваций в перестраховании. Третий блок касается систематизации и синтеза информации об инновационных финансовых инструментах, широко используемых в развитых странах. В этой части применяется табличное сопоставление с детальной характеристикой каждого инструмента. Четвертый блок направлен на конструирование сценарных моделей и формулирование предложений, обоснованных изученным международным опытом. Завершающий этап включает обобщение результатов через аналитические методы синтеза и индукции, с последующей формулировкой выводов относительно перспектив интеграции инноваций для укрепления устойчивости российского перестраховочного рынка.

Совокупность этих методов обеспечивает объективность и глубину исследования, позволяя адекватно оценить перспективы применения финансовых инноваций в перестраховании на российском рынке в глобальном контексте.

В условиях прогрессирующей глобализации мировой финансовой системы и нарастающей взаимозависимости глобальных рынков капитала экспоненциально повышается императивность имплементации инновационных финансовых инструментов в локальные системы перестраховочной протекции.

Эффективное функционирование перестраховочного рынка имеет критическую важность для поддержания финансовой устойчивости страховых компаний и надежной защиты имущественных интересов страхователей. Оптимизация риск-менеджмента в страховой индустрии посредством развития перестрахования является одним из ключевых трендов развития мирового страхового сектора. Инновации в сфере перестрахования приобретают особую значимость в условиях нарастающей волатильности глобальных финансовых рынков и ужесточения режима санкционных ограничений в отношении Российской Федерации. Несмотря на общность применяемых методов ведения бизнеса первичными страховщиками и перестраховщиками, а также единство правил бухгалтерского учета и контроля, традиционные формы перестрахования демонстрируют ограниченную эффективность в плане снижения системных рисков для отрасли, что, в свою очередь, и обусловлено, прежде всего, иерархической структурой самого страхового рынка, демпфирующей распространение возмущений по системе. Даже в случае дефолта отдельных перестраховщиков цеденты способны компенсировать перестраховочные убытки без критических последствий для финансовой устойчивости [1]. Тем не менее, институт перестрахования выполняет важнейшую роль в реализации механизмов трансфера и диверсификации рисков, смягчая негативные эффекты их реализации.

Количественные и качественные характеристики национального перестраховочного рынка являются значимым фактором в оценке потенциала развития страховой отрасли

и выявлении имеющихся резервов повышения ее устойчивости к макроэкономическим потрясениям.

Рост доли международного перестрахования в Российской Федерации при недостаточных внутренних емкостях повышает системные риски отрасли в текущих геоэкономических условиях. Эмпирические данные свидетельствуют, что в 2021 году около 72% перестраховочной защиты было размещено за рубежом, что, в свою очередь, обусловило высокую зависимость отечественных страховщиков от иностранных контрагентов.

В 2022 году объем перестраховочных премий, переданных российскими страховщиками за рубеж, существенно сократился, что было обусловлено действием санкционных ограничений на размещение рисков в иностранных юрисдикциях [2]. Вместе с тем регулятором были реализованы меры по расширению внутренних перестраховочных емкостей путем рекапитализации Российской национальной перестраховочной компании с расширенными государственными гарантиями, а также введению повышенных нормативов обязательного внутреннего перестрахования для цедентов.

Сжатие кредитного страхования и страхования жизни в Российской Федерации, обусловленное санкционным режимом, привело к сокращению комиссионных доходов страховщиков от банковского канала продаж и повышению эффективности расходов на ведение дела.

По данным международных аналитических агентств, в 2022 году наблюдалась негативная динамика глобальных показателей традиционного и альтернативного перестраховочного капитала, что было обусловлено инвестиционными убытками перестраховщиков на фоне высокой волатильности мировых финансовых рынков. Таким образом, в сложившихся условиях критически важной задачей является поиск новых высокоэффективных инструментов расширения внутренней перестраховочной емкости российского страхового рынка с учетом текущей макроэкономической конъюнктуры и возможностей применения финансовых инноваций, что будет способствовать повышению общей устойчивости национальной системы страхования к воздействию внешних факторов.

Согласно отчету Aon о динамике рынка перестрахования от 1 января 2023 г., снижение было в основном результатом значительных нереализованных убытков в инвестиционных портфелях [3].

Согласно исследованиям ведущих международных аналитических агентств, в экономически развитых странах активно применяется целый спектр финансовых инноваций в сфере перестрахования. Наиболее распространены такие инструменты, как использование производных финансовых активов (деривативов), секьюритизация страховых рисков, креация специализированных перестраховочных фондов и прочие [4].

Перспективным направлением модернизации российской системы перестрахования представляется активное внедрение параметрических и индексных продуктов, основанных на моделировании заранее определенных триггерных событий и параметров.

В отличие от традиционных форм перестрахования, где выплаты увязаны с размером реального ущерба страхователя, в параметрических продуктах выплаты рассчитываются по заранее оговоренной формуле на основе объективных параметров, таких как скорость ветра, уровень осадков, индекс урожайности и т. д., что, в свою очередь, позволяет значительно повысить скорость урегулирования убытков, снизить административные издержки на оценку реального ущерба, а также минимизировать споры между перестраховщиком и цедентом относительно выплат.

Например, при параметрическом перестраховании риска засухи для сельхозпроизводителей триггерным событием может быть снижение регионального индекса урожайности ниже определенного порогового уровня, а размер выплаты рассчитывается как произведение страховой суммы на коэффициент отклонения фактического индекса от порогового значения.

По оценкам экспертов, применение параметрических продуктов позволяет сократить убыточные расходы перестраховщиков на 30–50% по сравнению с традиционными программами.

Еще одним перспективным инструментом являются перестраховочные облигации (ILS) и сделки секьюритизации рисков.

Путем выпуска облигаций, обеспеченных пулами перестраховочных контрактов, или структурированных ценных бумаг по секьюритизации рисков перестраховщики получают доступ к значительному дополнительному объему инвестиционного капитала через рынки долгового финансирования. Эмпирические данные свидетельствуют, что эти технологии позволяют кардинально повысить эффективность диверсификации рисков, аккумулировать существенный дополнительный капитал на перестраховочном рынке, масштабно увеличивать емкость перестраховочной защиты.

Инструменты рынка перестрахования в зарубежных странах комплексно отображены в таблице 1.

Как видно из анализа, ключевыми инновациями являются использование производных инструментов, секьюритизация рисков, различные формы структурированного пере-

Таблица 1 — Инструменты рынка перестрахования в зарубежных странах*

Финансовая инновация	Описание	Преимущества	Недостатки	Страны использования
Использование производных финансовых инструментов (деривативов)	Применение таких инструментов, как опционы, фьючерсы, свопы для перестраховочной защиты	Диверсификация рисков, доступ к международным рынкам капитала	Сложность оценки, высокие требования к квалификации	США, Великобритания, Германия, Швейцария, Сингапур, Гонконг, ЮАР
Секьюритизация страховых рисков	Выпуск ценных бумаг, обеспеченных пулами страховых рисков	Привлечение инвесторов, увеличение емкости перестраховочной защиты	Нормативные ограничения в некоторых странах	США, Великобритания, Япония, Сингапур, Гонконг, Кения
Перестраховочные свопы	Обмен потоками перестраховочных премий и выплат с контрагентом	Гибкость, настройка риск-профиля	Поиск надежных контрагентов	США, Германия, Швейцария, Сингапур, Гонконг, ЮАР
Перестраховочные облигации	Выпуск долговых ценных бумаг под обеспечение пула перестраховочных контрактов	Доступ к рынку капитала, расширение емкости	Риск дефолта, сложность структурирования	США, Великобритания, Франция, Япония, Сингапур, Кения
Перестраховочные фонды	Объединение капитала страховщиков в фонд для коллективного перестрахования	Эффект масштаба, диверсификация	Ограниченная гибкость, сложность управления	Франция, Германия, Япония, Сингапур, Гонконг, Нигерия
Перестрахование в аграрном секторе на основе индексов поголовья	Страхование риска гибели животных на основе индексов поголовья	Новые возможности для аграрного сектора	Ограниченная емкость, специфические риски	США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Кения, Эфиопия
Параметрическое перестрахование	Выплаты рассчитываются на основе заранее определенных параметров	Прозрачность и предсказуемость выплат	Сложность моделирования, ограниченное применение	США, Великобритания, Германия, Япония, Сингапур, ЮАР

* Источник: составлено автором.

страхования. Данные инструменты позволяют расширить емкость рынка, обеспечить доступ к дополнительному капиталу. Вместе с тем отмечаются и сдерживающие факторы в виде сложности внедрения и потенциальных рисков. Тем не менее мировой опыт свидетельствует об эффективности финансовых инноваций для развития системы перестрахования локального рынка.

В Российской Федерации, согласно проведенному нами анализу, локальный перестраховочный рынок пока лишь в ограниченной степени использует потенциал современных финансовых инноваций. На отечественном рынке доминируют преимущественно традиционные формы перестрахования, такие как облигаторное перестрахование, факультативное перестрахование, перестрахование в нетто- и брутто-облигаторной форме. Внедрение более прогрессивных инновационных перестраховочных инструментов существенно сдерживается такими факторами, как недостаточный уровень капитализации и ликвидности отечественного страхового рынка, избыточно консервативная модель государственного регулирования страховой сферы, острый дефицит высококвалифицированных кадров в области современных перестраховочных технологий.

Проведенное нами исследование генезиса и современного состояния российского рынка перестрахования в условиях турбулентности глобальной финансовой системы позволяет заключить, что имплементация передовых финансовых инноваций в национальную систему перестраховочной защиты объективно требует реализации комплекса взаимосвязанных институциональных трансформаций.

В частности, ключевыми направлениями инфраструктурного реформирования должны стать:

1. Создание современной биржевой инфраструктуры, обеспечивающей полноценные условия для организации торгов финансовыми инструментами, применимыми в сфере перестрахования, прежде всего производными инструментами (деривативами).

2. Формирование высокотехнологичной и надежной системы клиринга и расчетно-платежных услуг по операциям с инновационными перестраховочными продуктами, отвечающей лучшим мировым стандартам.

3. Развитие современных институтов специализированных депозитариев и регистраторов для обеспечения юридически безупречного учета прав на новые типы перестраховочных активов.

4. Стимулирование креации и роста высокопрофессионального пула российских консалтинговых и актуарных организаций мирового уровня, способных оказывать экспертную поддержку внедрению инноваций.

5. Налаживание партнерских отношений с передовыми финансовыми институтами Китая, Индии, стран Персидского залива, Африки для импорта лучших практик и технологий в сфере современного перестрахования.

Реализация данного комплекса инфраструктурных мер будет катализировать развитие высокотехнологичного инновационного сегмента в российской системе перестрахования. Это позволит расширить внутренние перестраховочные емкости и минимизировать зависимость от внешних контрагентов на фоне геоэкономической турбулентности, а также укрепить стратегические позиции России на перспективных рынках Азии и Африки.

Реализация данного комплекса мер, по нашему мнению, будет катализировать процессы модернизации и повышения конкурентоспособности российской системы перестраховочной протекции в контексте глобальных вызовов 20-х годов XXI в., что, в свою очередь, позволит кардинально расширить возможности отечественного перестраховочного рынка по привлечению дополнительных финансовых ресурсов из мировых финансовых центров, обеспечит выход российского страхового сектора на качественно новый уровень капитализации, финансовой устойчивости и надежности страховой защиты имущественных интересов хозяйствующих субъектов и населения страны.

Применение перестраховочных облигаций и сделок секьюритизации особенно актуально в условиях ограниченного доступа российских компаний к мировому перестраховочному рынку и позволит расширить внутренние емкости за счет «длинных» инвесторов пенсионных и инфраструктурных фондов.

Еще одним важным направлением является развитие механизмов взаимного пере-

страхования, предполагающих объединение страховщиков для коллективного перестраховочного покрытия на кооперационной основе. Например, российские агростраховщики могут создать пул для внутреннего перестрахования рисков гибели урожая и позволит накопить значительные емкости за счет кооперации и солидарной ответственности участников.

Таким образом, использование современных инструментов параметрического и индексного перестрахования, перестраховочных облигаций, а также развитие механизмов взаимного перестрахования открывают значительные возможности для расширения внутренней перестраховочной емкости российского страхового рынка и повышения его устойчивости.

Список источников

1. Reinsurers react to the impact of the pandemic // Lockton : сайт. URL: https://global.lockton.com/news-insights/the-pandemic-starts-shaking-up-the-reinsurance-market. Дата публикации: 07.10.2020.

2. Обзор ключевых показателей деятельности страховщиков : информационно-аналитический материал. 2022. № 4 // Центральный банк Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/43835/review_insure_22Q4.pdf

3. Аналитические исследования компании Aon // Aon : сайт. URL: https://www.aon.com

4. Давыдова М. С. Международный опыт использования секьюритизации в целях управления рисками страховщиков и расширения предложения страховых услуг : дис. … канд. экон. наук. Москва , 2023. 193 с. : ил.

References

1. Reinsurers react to the impact of the pandemic. Lockton : site. Available from: https://global.lockton.com/news-insights/the-pandemic-starts-shaking-up-the-reinsurance-market. Publication date: October 7, 2020.

2. Review of key performance indicators of insurers: information and analytical material. 2022. No. 4 // Central Bank of the Russian Federation: official site. (In Russ.). Available from: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/43835/review_insure_22Q4.pdf

3. Analytical research of the Aon company // Aon: site. Available from: https://www.aon.com

4. Davydova M. S. International experience in using securitization to manage the risks of insurers and expand the supply of insurance services: Dis. ... Cand. Econ. Sci. Moscow, 2023. 193 p.: ill. (In Russ.).

Информация об авторе

А. В. Жуковский — аспирант.

Information about the author

A. V. Zhukovsky — a graduate student.

Статья поступила в редакцию 09.11.2023; одобрена после рецензирования 27.11.2023; принята к публикации 25.12.2023.
The article was submitted 09.11.2023; approved after reviewing 27.11.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 77–83
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):77–83

Научная статья
УДК 379.832(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-77-83

КАЧЕСТВО УСЛУГ В ИНДУСТРИИ ГОСТЕПРИИМСТВА

Татьяна Юрьевна Кротенко[1]✉, Ольга Валентиновна Лесникова[2], Маргарита Игоревна Кануникова[3]
[1]Государственный университет управления, Москва, Россия, krotenkotatiana@rambler.ru✉
[2,3]Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
[2]lesnikovamslu@gmail.com
[3]m.kameneva72@mail.ru

Аннотация. Качество в предоставлении гостиничных услуг всегда являлось главным фактором удовлетворенности и лояльности клиентов. Несмотря на нынешнюю политическую обстановку в мире, люди продолжают путешествовать и посещать отели. Безусловно, количество гостей в отелях в последнее время значительно сократилось, однако это никаким образом не должно влиять на качество предоставления услуг. Удовлетворенность гостей отеля — это когда гость чувствует, что технические характеристики услуги четко привязаны к его ожиданиям. Повышение качества предоставляемых гостиничных услуг имеет решающее значение для улучшения управления гостиничным сервисом в конкурентном гостиничном бизнесе России. В статье предметом исследования выступает совершенствование качества гостиничных услуг с целью повышения лояльности и удовлетворенности гостей. Рассмотрены понятия качества гостиничных услуг, методы оценки качества обслуживания гостей. Детально обсуждаются особенности управления качеством в отеле.
Ключевые слова: индустрия гостеприимства, гостиничный бизнес, отель, гостиничные услуги, лояльность клиентов, качество обслуживания, методы оценки качества
Для цитирования: Кротенко Т. Ю., Лесникова О. В., Кануникова М. И. Качество услуг в индустрии гостеприимства // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 77–83. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-77-83.

Research article

SERVICE QUALITY IN THE HOSPITALITY INDUSTRY

Tatyana Yu. Krotenko[1]✉, Olga V. Lesnikova[2], Margarita I. Kanunikova[3]
[1]State University of Management, Moscow, Russia, krotenkotatiana@rambler.ru✉
[2,3]Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
[2]lesnikovamslu@gmail.com
[3]m.kameneva72@mail.ru

Abstract. Quality in the provision of hotel services has always been the main factor in customer satisfaction and loyalty. Despite the current political situation in the world, people continue to travel and visit hotels. Of course, the number of guests in hotels has recently decreased significantly, but this should in no way affect the quality of service. Hotel guest satisfaction is when the guest feels that the technical characteristics of the service are clearly tied to his expectations. Improving the quality of hotel services provided is critical to improving hotel service management in Russia's competitive hotel business. The subject of the article is improving the quality of hotel services in order to increase the loyalty and satisfaction of guests. The concepts of quality of hotel services and methods for assessing the quality of guest service are considered. The features of quality management in a hotel are discussed in detail.

Keywords: hospitality industry, hotel business, hotel, hotel services, customer loyalty, service quality, quality assessment methods
For citation: Krotenko T. Yu., Lesnikova O. V., Kanunikova M. I. Service quality in the hospitality industry. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):77–83. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-77-83.

Введение

Падение спроса на гостиничные номера из-за западных санкций в отношении Российской Федерации способствует расширению гостиничной конкуренции, поскольку отели должны сосредоточиться на удержании текущих клиентов.

Правильная презентация и постоянное повышение качества услуг, которые превосходят ожидания клиентов во всех отношениях, начиная с предварительного бронирования и заканчивая последующим пребыванием, способствуют успеху гостиничной компании. Разнообразие гостиничных услуг, их качество, надежность и стоимость имеют решающее значение при выборе отеля.

Учитывая большое количество конкурирующих отелей, предлагающих одинаковые или сопоставимые услуги, крайне важно не только привлечь, но и удержать клиента. Чтобы сохранить свои позиции и конкурировать в будущем, жизненно важно предлагать высококачественные услуги, которые позволяют удерживать постоянных клиентов и приобретать новых, в том числе путешественников.

Качество услуг в индустрии гостеприимства — по сути, решающий фактор в формировании доверительных отношений с клиентом на высоко конкурентном рынке, что, в свою очередь, ведет индустрию гостеприимства к достижению устойчивого конкурентного преимущества, реальной возможности создания конкурентной дифференциации для организаций.

Качество услуг рассматривается как важнейшее фундаментальное понятие и единственный наиболее важный компонент успеха в гостиничном секторе. Успешный отель предоставляет своим гостям превосходный сервис, и этот уровень обслуживания оценивается с точки зрения функциональных и технических качеств, а также с позиций свойств окружающей среды.

Согласно данным статистики, на долю индустрии гостиничных услуг приходится 38% стоимости, внесенной мировым экономическим сообществом. В этой отрасли качество и удовлетворенность клиентов жизненно важны. Завоевание нового клиента обходится в семь-восемь раз дороже, чем удерживание имеющегося.

Требования гостей отеля определяют качество гостиничных услуг. Гостиничные услуги должны не только удовлетворять желаниям клиентов, но и обеспечивать комфорт гостей. Качество лежит в основе компетентности. Лояльность клиентов, благоприятная окружающая среда, повышенная безопасность и лучшее соотношение цены и качества — все эти показатели демонстрируют удовлетворенность качеством предоставляемых услуг, которые они получили в отеле. Эти критерии помогают менеджерам гостиничного предприятия понимать требования клиентов и принимать решения об изменениях, которые следует предпринять для повышения качества обслуживания гостей и их удовлетворенности.

Методы оценки качества обслуживание гостиничных услуг

В гостиничном бизнесе управление качеством относится к постоянному предоставлению услуг, которые соответствуют высоким стандартам бизнеса или отеля. Гости ожидают и вознаграждают отличное обслуживание постоянством, рекомендациями. Каждое новое посещение отеля посетителем, сопровождаемое стабильно добротным обслуживанием, должно быть нормой для отеля. Это означает, что в отеле успешно внедрили управление качеством.

Управление качеством услуг — это практика управления качеством услуг, предоставляемых

клиенту в соответствии с его ожиданиями. По сути, управление качеством услуг необходимо для того, чтобы постоянно улучшать его в будущем, выявлять и решать проблемы, а также повышать уровень удовлетворенности клиентов. Управление качеством услуг предполагает мониторинг услуг, которые гостиничное предприятие предоставляет своим клиентам.

В гостиничной индустрии управление качеством услуг является жизненно важным аспектом управления ожиданиями клиентов и развития бизнеса. Качество обслуживания может быть измерено с точки зрения потенциала обслуживания (квалификации тех, кто предоставляет услуги), процесса обслуживания (скорость, надежность и т. д.) или результата обслуживания (соответствие ожиданиям клиентов).

Качество обслуживания определяется впечатлением клиента, которое может отличаться от предполагаемой услуги. Для определения разницы между ожидаемыми и воспринимаемыми услугами используются многочисленные модели, включая модель качества услуг, модель оценки и качество электронных услуг. Перечислим основные факторы, которые способствуют определению качества услуг:

1. Способность предоставлять услугу последовательно и правильно, как было обещано, называется надежностью. В программном обеспечении это относится к правильной технической эксплуатации приложения и многочисленным операциям, таким как функции графического пользовательского интерфейса, выставление счетов и информация о предоставляемой услуге в отеле.

2. Оперативность — это скорость, с которой услуги предоставляются клиенту. В случае программных услуг это будет способность реагировать на проблемы клиентов и предлагать решения.

3. Уверенность — это показатель способности отеля передавать доверие клиентам и того, насколько эффективно сотрудники отеля демонстрируют вежливость. Обеспечение безопасности требует доверия клиента к использованию программного приложения или просмотру веб-сайта, его веры в предлагаемую информацию и ее ясность, репутацию и так далее.

4. Эмпатия — это способность уделять внимание каждому клиенту индивидуально, понимать его потребности и заботиться о них. Индивидуальные приложения, особое внимание к клиентам, безопасность личных данных и общая безопасность клиента — все это будет включено в сервис отеля.

5. Материальные активы — это материальные характеристики бизнеса, такие как его внешний вид, дизайн интерьера, оборудование, связь, наличие Интернета, информирование. При предоставлении гостиничных услуг важно учитывать эстетику обеспечения отеля, веб-сайта, функции навигации, доступность и адаптивность.

6. Регулярная оценка качества обслуживания дает возможность точно выявить зоны повышенного внимания, области для развития, сделать «замер» для сравнения результатов деятельности сотрудников, конкретизировать цели.

Рассмотрим некоторые практические методы и показатели для измерения качества предоставляемых гостиничных услуг.

Рейтинги — эта практика, при которой потребителям предлагается оставить отзыв вскоре после получения услуги. Это предпочтительный метод для отелей, так как память об услуге остается нетронутой и «неразбавленной». Например, если отель использует практику рейтинга для чата в режиме реального времени, то можно настроить окно чата таким образом, чтобы оно отображало рейтинг сервиса после его закрытия. Клиенты оставляют оценку, предоставляют некоторые объяснительные отзывы, а затем выходят из обсуждения. Чем проще организована эта практика, чтобы клиенты отеля могли оставить мгновенные отзывы, тем точнее результаты оценки. Лучше всего использовать пятизвездочную систему в рейтинге чата или три варианта: отлично — хорошо — плохо.

Опрос после отъезда из отеля. Работники гостиницы по электронной почте предлагают клиентам дать оценку качества предоставляемых гостиничных услуг. Опрос позволяет измерить целостное мнение клиентов о своих услугах. Данный метод оценки гостиничных услуг будет полезным, если не проводился рейтинг и необходимо получить краткий

обзор состояния качества услуг. Например, отель может разослать опрос всей своей клиентской базе.

Тайный аудит. Этот метод достаточно популярен для оценки качества услуг отелей. Оказывается, что просто наблюдения за работой сотрудников отеля мало, куда масштабнее и полнее оценка тайного клиента, причем многокритериальная оценка.

Анализ документации. Выполняющие тестирование качества обслуживания проверяют, насколько подходящие действия работники службы поддержки предприняли в различных ситуациях. Далее они могут контактировать с клиентом по поводу устранения нарушения. Усилия, связанные с проведением такого рода анализа, в значительной степени зависят от канала обслуживания клиентов. Поддержка в чате и по электронной почте обеспечивает мгновенную документацию.

Еще одним важным методом оценки лояльности гостей является NPS (индекс потребительской лояльности). Данный индекс определяет отношение потребителей к компании. В современном мире большое количество крупных компаний использует именно эту систему оценки качества и лояльности гостей, потому что она не занимает много времени, но при этом четко демонстрирует преданность клиентов отелю и обрисовывает перспективу гостиничного бизнеса. Посетители могут оставить оценку от 0 до 10 (будете ли вы рекомендовать отель друзьям и знакомым). На основании ответов гостей в индексе потребительской лояльности выделяются три группы: «сторонники», «нейтралы» и «критики». NPS рассчитывается как количество «сторонников» минус количество «критиков», деленное на количество респондентов и умноженное на 100 %.

Таким образом, наблюдение, эксперимент и опрос — наиболее типичные подходы, используемые для оценки качества гостиничных услуг.

Спрос на более структурированные способы измерения качества обслуживания привел к созданию подхода SERVQUAL (англ. SERV для service — сервис, QUAL для quality — качество). Этот подход основан на опросе клиентов, в ходе которого респонденты оценивают многие аспекты (или атрибуты) предоставляемой услуги, классифицированные по ключевым параметрам услуги.

SERVQUAL — это метод для оценки субъективных моментов качества услуг. В анкете работники гостиницы предлагают своим клиентам оценить оказываемые услуги в сравнении с их ожиданиями. Вопросы анкеты посвящены пяти зонам качества обслуживания:

– надежность, т. е. способность последовательно и точно предоставлять обещанные услуги;

– гарантия, т. е. степень компетентности и вежливости сотрудников, а также их способность внушать доверие и уверенность;

– ценности, прилагаемые к материалам, т. е. внешний вид отеля, веб-сайта, оборудования, персонала;

– симпатия, т. е. в какой степени работники проявляют заботу и обращают внимание на детали;

– восприимчивость, т. е. как персонал стремится обеспечить быстрое обслуживание.

Метод SERVQUAL родился из потребности в более систематических способах количественной оценки качества обслуживания.

Особенности управления качеством в гостиничном предприятии

Для тех, кто работает в гостиничном секторе, единственное правило, которое имеет значение, — это обеспечение неизменно высокого качества обслуживания клиентов. Кроме того, поддержание качества обслуживания позволяет предприятиям получить конкурентное преимущество в этом секторе. Если отель стремится предоставлять качественные услуги, нужно сначала понять важные компоненты качества гостеприимства, а затем обучить своих сотрудников этим компонентам.

В большинстве случаев качество обслуживания оценивается в соответствии с ожиданиями потребителя. Если сервис соответствует ожиданиям клиентов и превосходит их, он считается высококачественным.

Обучение сотрудников отеля имеет решающее значение, так как благодаря ему есть возможность обеспечить качество обслуживания

клиентов. Однако для того, чтобы должным образом обучить сотрудников отеля, следует глубже изучить компоненты качества обслуживания и на основании этого разработать соответствующие программы обучения.

Проектирование и разработка учебных программ с целью повышения квалификации сотрудников для их работы могут осуществляться на основе этих двух важных критериев. Используя современное программное обеспечение для управления обучением, можно предоставить своим сотрудникам адаптируемые программы обучения, которые оказывают минимальное влияние на их производительность.

Однако стремление к совершенству на этом не заканчивается. Есть и другие факторы, которые следует учитывать.

Любая компания должна стремиться регулярно повышать качество своей продукции или процессов — и гостиничный сектор не является исключением. Главное отличие заключается в том, что это требует повышения общего качества обслуживания. Было бы предпочтительнее, если бы гостиничные предприятия сосредоточились на предоставлении услуг более высокого качества, поскольку это повысило бы вероятность завоевания преданной потребительской базы. Благодаря долгосрочным связям отелей со своими клиентами они смогут обеспечить большую ценность для своей организации.

Во многих случаях непрерывные улучшения отражают приверженность компании качеству и передовым практикам, в процессе чего отель становится авторитетным и заслуживающим доверия брендом. Самое главное, предоставление высококачественных услуг дает потребителям повод вернуться.

Постоянное совершенствование повышает стандарты качества во все большей и большей степени, демонстрируя, что компания расширяет свою деятельность. Отели могут использовать систему менеджмента качества для определения основных областей, требующих улучшения, а затем планировать и осуществлять улучшения более эффективным образом. Поскольку качество и продвижение — это постоянные процессы, выбранная система менеджмента качества для гостиничного сектора поможет создать замкнутый процесс, который обеспечит частые улучшения с течением времени.

Управление взаимоотношениями с клиентами (CRM) — это второй шаг. Способность удерживать текущих потребителей, одновременно расширяя горизонты компании, очень важна в гостиничном секторе. Отели часто разрабатывают программы лояльности и другие специальные стимулы для привлечения и удержания клиентов, а также стремятся улучшить общее качество обслуживания клиентов с помощью индивидуальных услуг и других инициатив. Это означает, что управление взаимоотношениями с клиентами не так просто, как может показаться на первый взгляд. Несмотря на то, что они предоставляют несколько специальных бонусов, скидок и предложений, они не могут наладить долгосрочные клиентские связи.

Одной из ключевых причин является недостаточная эффективность управления жалобами потребителей. Как правило, жалобы свидетельствуют о плохом опыте, особенно в гостиничном бизнесе. Особенности того, что необходимо изменить, заключаются в следующем:

– рассмотрение жалоб клиентов как возможность улучшения может помочь гостиничному бизнесу внести существенные коррективы, которые понравятся клиентам и увеличат прибыль;

– изменение точки зрения может оказать существенное влияние на общее качество обслуживания.

Менеджеры отеля могут более эффективно отслеживать, управлять и рассматривать жалобы потребителей, если используется облачное решение для управления жалобами. Это также гарантирует, что клиенты получат быстрый ответ, позволяя им чувствовать себя признанными. Кроме того, можно объединить программное обеспечение для управления жалобами с существующими системами качества для решения любых проблем с качеством обслуживания, которые могут возникнуть. Все, что нужно отелю — это изменение менталитета, которое сделает его актуальным для сегодняшних клиентов. Только таким образом отель улучшить управление своими взаимоотношениями с клиентами.

Отели должны развивать высококачественные партнерские отношения со своими поставщиками, чтобы оставаться на шаг впереди конкурентов, сохранять лояльность клиентов и в конечном итоге передавать ценность

своим потребителям. Передовые системы управления качеством поставщиков позволяют компаниям чаще взаимодействовать со своими поставщиками, позволяя им углублять свои деловые связи при одновременном совместном совершенствовании.

Контроль и управление качеством поставщиков также важны, как контроль и управление затратами и качеством обслуживания. Программное обеспечение для управления качеством обеспечивает индустрии гостеприимства больший контроль над процессами и данными, связанными с поставщиками, позволяя им принимать более обоснованные бизнес-решения. Это особенно важно, когда речь заходит о выборе правильных поставщиков, так как в индустрии гостеприимства нельзя менять поставщиков по прихоти. Правильные поставщики могут оказать значительное влияние на общее качество гостиничных услуг.

Аудиты, проводимые на регулярной основе, выявляют несоответствия, которые необходимо устранить немедленно, в дополнение к финансовой стабильности. Используя инструмент оповещения и уведомления, менеджеры имеют возможность отслеживать результаты аудита и предложения.

Следует осознавать, что аудиты — это инструменты, которые способствуют культуре постоянного совершенствования, повышая общее качество гостиничных услуг и выводя их на совершенно новый уровень.

Безбумажный подход к ведению бизнеса становится все более популярным в гостиничном секторе, который внедрил систему электронного документооборота, чтобы идти в ногу с последними технологическими достижениями. Программа помогает предприятиям гостиничной индустрии собирать, сохранять и передавать информацию комплексным образом.

Электронный документооборот специально разработан для отелей с целью оптимизации их операций, связанных с документами, с использованием программного обеспечения для управления документами последнего поколения. Это также дает предприятиям больший контроль над получаемыми данными, позволяя им обеспечивать безупречную работу, соответствие данным и значительное снижение операционных расходов.

Благодаря новой облачной системе управления документами, отелям больше не нужно беспокоиться об ограничениях на хранение, поскольку она может быть расширена для удовлетворения их растущих потребностей.

Таким образом, система менеджмента качества в гостиничном секторе определяется как последовательное предоставление услуг, отвечающих высоким стандартам, установленным бизнесом или владельцами отеля. Системы менеджмента качества используются для обеспечения постоянного уровня обслуживания клиентов. Клиенты ожидают высококачественного обслуживания и выражают свою признательность, возвращаясь и приглашая других. Наличие превосходного управления качеством означает, что клиенты знают, что они могут рассчитывать на один и тот же уровень обслуживания каждый раз, когда они приходят в гостиничное предприятие.

Выводы

Качество гостиничных услуг определяется потребностями клиента. Гостиничные услуги должны не только соответствовать потребностям клиентов, но и способствовать комфорту гостей. Качество лежит в основе компетентности. Лояльность клиентов, приятная атмосфера, безопасность и наилучшее соотношение цены и качества — все это показатели удовлетворенности услугами отеля. Эти критерии помогают менеджерам отелей понимать потребности клиентов и принимать решения о том, как повысить уровень обслуживания гостей.

Управление качеством улучшает экономическое положение и долговечность предприятия за счет улучшения качества предоставляемых гостиничных услуг. Как правило, целью управления качеством в гостиничном комплексе является достижение исключительных результатов в области качества обслуживания с учетом интересов сотрудников и менеджеров. Управление качеством — это эволюция управленческих решений, влияющих на качество обслуживания.

Список источников

1. Комарницкая Е. А., Шаповал Е. В. Эффективная рекламная кампания как часть маркетинговой стратегии гостиничного предприятия в условиях высокой конкуренции // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2019. Т. 13, № 2. С. 71–76.
2. Кобяк М. В., Скрябин С. С. Управление качеством в гостинице : учебное пособие. Москва : Озон, 2014. 511 с.
3. Никольская Е. Ю., Зайцева А. А. Современные методы оценки качества на предприятиях индустрии гостеприимства // SETERIS PARIBUS. 2015. № 4. С. 75–78. URL: https://sciartel.ru/arhiv-journal/CP-2015-04.pdf
4. Технология и организация гостиничных услуг / Л. Н. Семеркова, В. А. Белякова, Т. И. Шерстобитова, С. В. Латынова. Москва : ИНФРА-М, 2016. 224 с.

References

1. Komarnitskaya E. A., Shapoval E. V. Effective advertising campaign as part of the marketing strategy of a hotel enterprise in conditions of high competition. *Vestnik Associacii vuzov turizma i servisa = Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service*. 2019;13(2);71–76. (In Russ.).
2. Kobyak M. V., Skryabin S. S. Quality management in a hotel: a textbook. Moscow: Ozon; 2014. 511 p. (In Russ.).
3. Nikolskaya E. Yu., Zaitseva A. A. Modern methods for assessing quality at enterprises of the hospitality industry. SETERIS PARIBUS. 2015;(4);75–78. (In Russ.). Available from: https://sciartel.ru/arhiv-journal/CP-2015-04.pdf
4. Semerkova L. N., Belyakova V. A., Sherstobitova T. I., Latynova S. V. Technology and organization of hotel services. Moscow: INFRA-M, 2016. 224 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Т. Ю. Кротенко — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теории и организации управления;
О. В. Лесникова — кандидат экономических наук, доцент кафедры гостиничного дела и международного бизнеса;
М. И. Кануникова — кандидат экономических наук, доцент кафедры гостиничного дела и международного бизнеса.

Author information

T. Yu. Krotenko — Candidate of Science (Philosophical), Assistant Professor, Associate Professor of the Department of Theory and Organization of Management;
O. V. Lesnikova — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Hotel Business and International Business;
M. I. Kanunikova — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Hotel Business and International Business.

Статья поступила в редакцию 09.10.2023; одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 25.12.2023.
The article was submitted 09.10.2023; approved after reviewing 30.10.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 84–91
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):84–91

Научная статья
УДК 338.46
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-84-91

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ СЕБЕСТОИМОСТИ ГОСТИНИЧНЫХ УСЛУГ

Ольга Николаевна Пережогина
Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, Казань, Россия,
perezhogina-on@yandex.ru, Scopus Author ID 57073829100, РИНЦ Author ID 557514,
Researcher ID AAH-8115-2019, https://orcid.org/0000-0003-0159-5838

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы расчета себестоимости услуг в индустрии гостеприимства, обоснованы их место и роль в современной управленческой практике. Проведена классификация расходов в структуре себестоимости гостиничных услуг. Обобщены методические подходы к формированию себестоимости гостиничных услуг в отечественной и зарубежной практике, раскрыты особенности их применения в деятельности гостиничных организаций. Предложены способы расчета фактической себестоимости гостиничных услуг с учетом специфики номерного фонда гостиницы и набора услуг.
Ключевые слова: фактическая себестоимость, гостиница, экономика услуг, сфера гостеприимства, классификация затрат
Для цитирования: Пережогина О. Н. Методологические подходы к формированию себестоимости гостиничных услуг // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 84–91. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-84-91.

Research article

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE FORMATION OF COST OF SERVICES IN HOTELS

Olga N. Perezhogina
Volga State University of Physical Culture, Sports and Tourism, Kazan, Russia,
perezhogina-on@yandex.ru, Scopus Author ID 57073829100, RSCI Author ID 557514,
Researcher ID AAH-8115-2019, https://orcid.org/0000- 0003-0159-5838

Abstract. The article discusses current issues of calculating the cost of services in the hospitality industry, and substantiates their place and role in modern management practice. A classification of expenses in the cost structure of hotel services is carried out. Methodological approaches to the formation of the cost of hotel services in domestic and foreign practice are generalized, and features releaved of their application in the activities of hotel organizations are substantiated. Methods for calculating the actual cost of hotel services are proposed, taking into account the specifics of the hotel's room stock and range of services.
Keywords: actual cost, hotel, economics of services, hospitality industry, cost classification
For citation: Perezhogina O. N. Methodological approaches to the formation of cost of services in hotels. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):84–91. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-84-91.

Экономическая эффективность функционирования гостиничного предприятия значительно зависит от корректного формирования информации о себестоимости реализуемых услуг по нескольким причинам:

– полная себестоимость услуг размещения является базой для установления продажной цены номерного фонда гостиницы;

– информация о себестоимости лежит в основе планирования процесса производства, а также используется при решении огромного количества текущих оперативных задач управления [1].

Проблемы, связанные с классификацией и учетом затрат, формированием себестоимости услуг в гостиничных организациях рассматривали в своих научных работах А. С. Гривина, О. В. Каурова, Н. А. Лытнева, И. А. Рогова, Л. Б. Самарина, Ю. Н. Самопальникова и некоторые другие авторы. Однако публикаций, детально раскрывающих экономическую специфику формирования себестоимости гостиничных услуг, в настоящее время недостаточно. В этой связи наиболее актуальными представляются вопросы формирования методологических подходов к расчету фактической себестоимости услуг в гостиничных организациях, в частности, себестоимости услуг размещения.

Анализ исследований, посвященных обозначенной проблематике, позволяет выделить два вида себестоимости услуг гостиничного предприятия:

– нормативная (плановая) себестоимость;

– фактическая себестоимость.

Нормативный метод калькуляции предполагает установление нормы для каждого вида затрат на выполнение осуществляемых хозяйственных операций [2]. Преимуществами нормативного калькулирования себестоимости являются:

– возможность выбора объекта калькулирования: себестоимости гостиничного номера или отдельных типов номеров, комплекса услуг и т. п.;

– упорядочение и формализация процессов планирования и бюджетирования в гостиничных организациях.

Недостатки нормативного калькулирования себестоимости:

– необходимость нормирования расхода ресурсов, в том числе нормирования труда, а также периодической актуализации и пересмотра таких норм в связи с динамической трансформацией сервисных процессов под требования рынка и меняющихся запросов гостей. Все это требует наличия в штате экономиста со знаниями и навыками в области планирования и нормирования труда, что могут позволить себе лишь крупные гостиничные организации;

– отклонения нормативной себестоимости от фактических показателей.

Расчет и мониторинг фактической себестоимости номеров приобретает особую значимость для экономики гостиницы в условиях повсеместного применения в гостиничном бизнесе методов динамического ценообразования, суть которого состоит в определении максимально возможной цены в конкретный момент времени для каждого клиентского сегмента. При этом активно используются такие маркетинговые инструменты, как акции, скидки и спецпредложения. В этой связи рассчитанная фактическая себестоимость гостиничного номера служит индикатором критического порога цены, ниже которого не следует опускаться даже в низкий для отеля сезон, и основой для планирования эксплуатационных расходов номерного фонда в системе бюджетирования гостиничного предприятия.

Информационной базой для расчета фактической себестоимости гостиничных услуг служит система бухгалтерского финансового учета, где аккумулируются данные о расходах гостиницы за отчетный период. При этом затраты в течение отчетного периода собираются и классифицируются по следующим экономическим элементам [3]:

– материальные затраты;

– затраты на оплату труда;

– амортизация;

– прочие расходы.

При формировании финансового результата в финансовой отчетности можно увидеть так называемую себестоимость продаж, включающую в большинстве своем прямые затраты, а также сумму коммерческих и управленческих расходов, что в совокупности дает полную себестоимость услуг [4].

Главным с точки зрения принятия управленческих решений недостатком описанного выше алгоритма формирования себестоимости гостиничных услуг в бухгалтерском учете является то, что объектом учета в данном случае являются расходы на производство услуг в целом, а не отдельно взятая единица продукта или услуги. В этой связи возникает объективная необходимость в формировании системы управленческого учета, который, безусловно, базируется на данных бухучета, однако информация группируется и представляется в зависимости от потребностей лиц, принимающих управленческие решения, в том числе в части политики ценообразования и формирования затратной части в системе бюджетирования гостиничного предприятия. Настройка управленческого учета позволяет организовать ведение раздельного учета расходов на содержание и эксплуатацию номерного фонда гостиницы, который в большинстве случаев требуется для более точного экономического обоснования фактической себестоимости отдельных видов услуг в гостиничной деятельности.

Одним из наиболее важных вопросов с точки зрения расчета себестоимости гостиничных услуг является классификация расходов [3]. В зависимости от объема оказываемых гостиницей услуг следует выделить следующие виды затрат (рис. 1).

В зависимости от способа включения в себестоимость выделяют следующие виды затрат (рис. 2).

В гостинице переменными расходами будут те, которые зависят от количества проживающих гостей: расходы на предметы гостеприимства, стирку белья, коммунальные расходы и т. п. Общая сумма таких расходов меняется пропорционально количеству гостей, а в расчете на один номер/койко-место/гостя они остаются неизменными. Переменные расходы при возможности их точного определения в расчете на один гостиничный номер или койко-место целесообразно напрямую включать в себестоимость услуги как прямые расходы. Те переменные расходы, которые невозможно точно рассчитать на один номер или койко-место, включаются в себестоимость как косвенные путем распределения пропорционально избранной экономически обоснованной базе.

В состав постоянных затрат гостиницы входят те расходы, которые не зависят или зависят незначительно от количества проживающих гостей: аренда или расходы на амортизацию зданий, амортизация оборудования, анимация, заработная плата управленческого персонала, содержание офиса и т. п. Общая сумма таких расходов остается примерно одинаковой при разной загрузке отеля, а в расчете на один номер/койко-место/гостя они меняются обратно пропорционально объему загрузки. Постоянные расходы при формировании себестоимости гостиничного номера включаются в состав себестоимости путем распределения пропорционально базе распределения: количеству койко-мест или номеров, либо площади номерного фонда.

Рисунок 1 — Классификация затрат гостиницы в зависимости от объема услуг

Figure 1 — Classification of hotel costs depending on the volume of services

Рисунок 2 — Классификация затрат гостиницы в зависимости от способа включения в себестоимость

Figure 2 — Classification of hotel costs depending on the method of inclusion in the cost price

С учетом международного опыта при определении себестоимости услуг размещения гостиницы следует выделять эксплуатационную и полную себестоимость (рис. 3). Эксплуатационная себестоимость одних человеко-дней или койко-места используется преимущественно в управленческом учете в целях управления затратоемкостью услуг, формируя информацию, необходимую для принятия эффективных управленческих решений по экономическим аспектам деятельности гостиницы. Эксплуатационная себестоимость определяется как сумма общих эксплуатационных затрат на единицу услуг и включает прямые и определенную часть общих эксплуатационных затрат.

Полная же себестоимость услуг размещения включает как эксплуатационные затраты, так и общехозяйственные расходы (административные затраты, затраты на сбыт и прочие общехозяйственные затраты). Полная себестоимость используется в индустрии гостеприимства как база для определения цены гостиничных услуг.

К прямым эксплуатационным затратам в гостинице можно отнести:

– заработную плату обслуживающего персонала с социальными отчислениями, в том случае, если ее можно прямо соотнести с отдельными категориями номерного фонда;

– амортизацию номерного фонда;

– текущий ремонт номерного фонда;

– затраты на содержание помещений номерного фонда (коммунальные расходы, стирка белья и прочие подобные затраты), в том случае, если возможно определить их сумму в расчете на отдельные категории номерного фонда;

– другие материальные затраты (на приобретение предметов гостеприимства и проч.);

– затраты на содержание оборудования и систем связи номерного фонда (телефоны, компьютеры и проч.).

Общие эксплуатационные затраты включают:

– затраты на содержание помещений общего использования гостиницы и примыкающей территории, амортизационные отчисления;

– затраты на противопожарные мероприятия;

– износ малоценного и быстро изнашивающегося инвентаря;

– затраты на охрану труда и технику безопасности;

– затраты на повышение квалификации кадрового состава гостиничной организации и прочие общие эксплуатационные затраты.

Общие хозяйственные затраты, в свою очередь, можно разделить на несколько групп:

– административные затраты гостиничного комплекса (заработная плата сотрудников аппарата управления с отчислениями на соци-

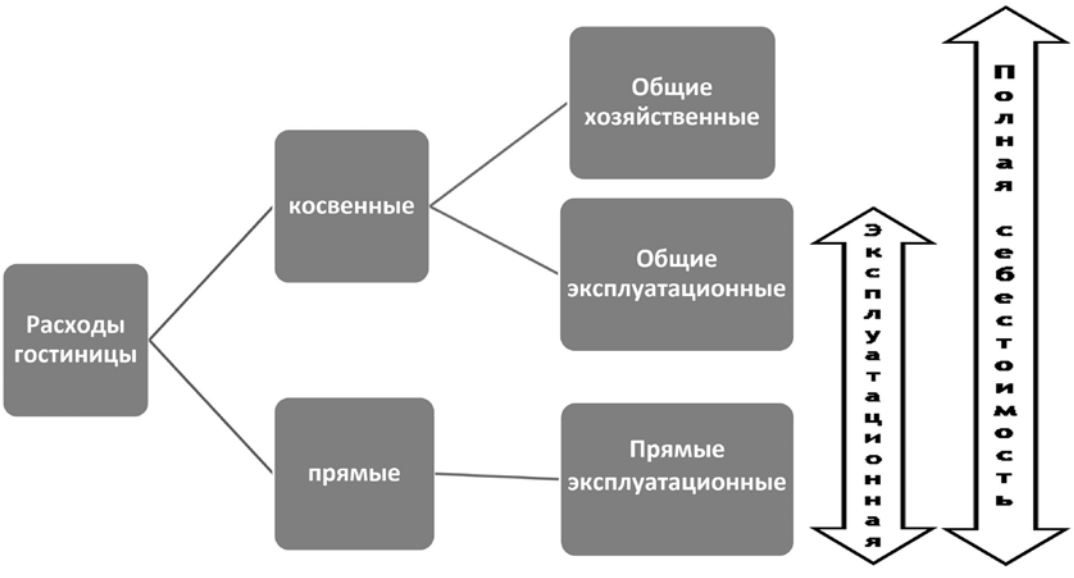

Рисунок 3 — Структура себестоимости гостиничных услуг

Figure 3 — Cost structure of hotel services

альные нужды, а также расходы на подготовку управленческих кадров, командировки, содержание административных помещений, приобретение канцелярских принадлежностей, содержание офисной техники и проч.);

– коммерческие расходы (затраты на маркетинг и сбыт, в том числе рекламу, представительские затраты по сбыту услуг);

– прочие общие хозяйственные затраты.

На практике в хозяйственной деятельности отечественных и зарубежных гостиниц можно выделить несколько подходов к расчету фактической себестоимости гостиничных услуг размещения. При этом для применения каждого из них существуют следующие важные условия:

1. Состав и виды затрат гостиницы, относящихся к переменным и постоянным, не регламентированы. Каждая гостиница самостоятельно, исходя из экономической целесообразности и специфики своей деятельности, разрабатывает перечень постоянных и переменных затрат, а также устанавливает базу распределения для каждого вида косвенных расходов.

2. Чем больше расходов будет включено в состав прямых затрат, тем точнее и ближе к реальной будет расчетная себестоимость.

3. Расчетную себестоимость всегда необходимо корректировать на уровень загрузки гостиницы [5].

Единой методики для расчета фактической себестоимости гостиничного номера нормативными документами не установлено. Метод калькуляции стоимости услуг размещения каждое предприятие определяет самостоятельно, исходя из типа гостиницы, набора услуг, входящих в стоимость номера, разницы в классе номеров и обслуживании, а также некоторых других факторов.

Рассмотрим метод средней себестоимости. Суть данного метода определения фактической себестоимости гостиничных услуг состоит в том, что себестоимость услуг проживания рассчитывается путем деления общей суммы затрат на общее количество койко-мест/номеров, скорректированное на загрузку гостиницы (фактическую или планируемую) (1).

При этом все расходы отчетного периода не делятся на прямые и косвенные, а учитываются в общей сумме в целом по гостинице. Таким образом определяется средняя стоимость единицы услуг (одни человеко-сутки размещения гостей/ один номер).

$$С = Р : (Н \cdot Д \cdot З), \qquad (1)$$

где С — себестоимость номера в сутки,

Р — общая сумма расходов,

Н — количество номеров,

Д — количество дней в расчетном периоде,

З — коэффициент загрузки.

При этом объектом калькулирования себестоимости выступает гостиничный номер (или койко-место в номере) «абстрактной» категории, то есть без привязки к типу номеров. Затем, если необходимо при ценообразовании учесть разницу в типе, комфортности, вместимости, площади номеров, формируются поправочные коэффициенты на стоимость номера в зависимости от его размера, расположения и других факторов (вид из окна, наличие/отсутствие уличного шума, близость к лифту, лестнице, качество внутренней отделки и т. п.).

При необходимости рассчитать себестоимость койко-места рассчитанная себестоимость номера делится на количество койко-мест в нем. Для определения цены расчетную себестоимость увеличивают на норму прибыли и косвенные налоги, входящие в цену.

Достоинством данного метода является то, что он не требует трудоемких усилий по дифференциации и распределению затрат. Недостатком же является его недостаточная экономическая обоснованность, в результате чего получается лишь усредненная фактическая себестоимость номера, которая может значительно отклонятся от реальной.

Эта методика может быть использована без угрозы значимого искажения фактической себестоимости услуг размещения в случае, если:

– гостиница предоставляет только услуги размещения;

– отсутствует или незначительна разница в уровне комфортности и классе обслуживания номеров.

Применение метода полной себестоимости предполагает, что объектом калькулирования себестоимости является номер (или койко-место в номере) конкретной категории, например, одно- или двухместные стандартные, люксы, сюиты и т. п, то есть себестоимость рассчитывается для каждой категории номеров, имеющихся в гостинице, отдельно. При этом общая сумма расходов по гостинице за расчетный период затрат делится на постоянные и переменные затраты. Прямые затраты относятся в сумме фактических расходов на себестоимость каждой категории номеров, а все постоянные расходы в зависимости от экономического смысла распределяются по номерному фонду согласно избранной базе, которая, исходя из экономического смысла, может выступать в деятельности гостиницы в двух вариантах:

– пропорционально количеству номеров (или койко-мест). Таким образом можно распределить, например, управленческие расходы, расходы на услуги связи, униформу персонала, информационное обслуживание и другие прочие расходы;

– пропорционально площади номеров. Это целесообразно в отношении расходов, которые зависят от площади номеров, к примеру, уборка, коммунальные услуги, охрана.

Площадь номерного фонда в отеле, как правило, можно разделить на основную — непосредственно площадь номерного фонда, а также дополнительную — места общественного пользования (коридоры, лифты, туалеты на этажах, которыми пользуются гости, проживающие в гостинице). Поэтому при расчете доли косвенных расходов, приходящихся на один номер, путем распределения пропорционально площади номеров, необходимо учитывать, что гостиница несет расходы на эксплуатацию не только площади внутри номера, но и прилегающей к номеру территории — коридоров, холлов, лестничных пролетов и т. п.

При определении косвенных расходов, приходящихся на номер, пропорционально площади, необходимо сначала определить сумму этих затрат в расчете на один квадратный метр площади номерного фонда, а затем умножить на условную площадь номера. Под условной площадью номера понимается основная площадь самого номера плюс дополнительная площадь прилегающей территории номерного фонда, приходящаяся на один номер [5]. Рассчитывается дополнительная площадь номера, исходя из соотношения площади номерного фонда и площади прилегающей территории номерного фонда.

Полная себестоимость гостиничного номера складывается из прямых расходов на соответствующее количество гостей и распределенных пропорционально количеству номеров или площади косвенных. Полученную расчетную себестоимость услуг размещения необходимо скорректировать на уровень загрузки гостиницы (2).

$$С = (ПР + КР) : З, \quad (2)$$

где С — себестоимость номера в сутки,

ПР — прямые расходы на количество гостей в номере,

КР — косвенные расходы в расчете на номер,

З — коэффициент загрузки.

При этом косвенные расходы на номер складываются из двух частей: распределенные пропорционально количеству номеров и распределенные пропорционально площади номера. Для определения цены расчетную себестоимость увеличивают на норму прибыли и косвенные налоги, входящие в цену.

Достоинствами этого метода можно считать следующие:

– экономическая обоснованность и относительная точность расчета реальной себестоимости услуг размещения;

– позволяет учесть дифференциацию гостиничных номеров по площади, уровню комфортности и обслуживанию;

– может применяться для расчета себестоимости других гостиничных услуг (например, SPA и др.).

Недостатки метода полной себестоимости:

– трудоемкий, требует значительных усилий по дифференциации и распределению затрат,

– необходим раздельный учет затрат, включаемых напрямую в себестоимость.

Данная методика может быть использована без угрозы значимого искажения фактической себестоимости услуг размещения в гостиничных комплексах с разным набором услуг и дифференциацией номеров по уровню комфорта и обслуживания.

Альтернативой применения вышеуказанного метода полной себестоимости может быть вариант расчета, когда раздельный учет прямых расходов не ведется, и соответственно, затраты не делятся на переменные и постоянные. В этом случае общая сумма расходов гостиницы в совокупности признается условно-постоянными расходами и распределяется как косвенные расходы, исходя из экономического смысла, следующим образом: зависящие от количества гостей распределяются в соответствии с количеством койко-мест в номере, зависящие от количества номеров распределяются между единицами номерного фонда, а зависящие от площади распределяются пропорционально площади номерного фонда. Полученные суммы распределенных условно-постоянных затрат корректируются на % загрузки.

Достоинства такого варианта применения метода полной себестоимости:

– не требует раздельного учета прямых расходов;

– позволяет учесть разницу номеров по вместимости и площади.

К недостаткам следует отнести то, что в данном случае не учитывается разница номеров по уровню комфортности и классу обслуживания, а также возможность его применения для расчета себестоимости только услуг размещения. Соответственно, такая методика подойдет гостинице, у которой одинаковые по уровню комфортности, но разные по площади и вместимости номера, а также отсутствуют дополнительные услуги.

Таким образом, каждый из представленных методологических подходов имеет свои особенности, достоинства и недостатки в применении. Гостиничная организация самостоятельно выбирает подходящий ей способ расчета фактической себестоимости гостиничных услуг, который учитывает специфику ее деятельности в части структуры номерного фонда и набора предоставляемых услуг. Расчет фактической себестоимости способствует проведению экономически обоснованной политики ценообразования, а также усилению контроля в системе бюджетирования гостиничных организаций.

Список источников

1. Лытнева Н. А., Парушина Н. В. Методические подходы к организации оперативного контроля калькуляционных статей себестоимости гостиничных услуг // Экономический обзор. 2019. № 1(1). С. 44–49.

2. Самарина Л. Б. Особенности учета затрат и калькулирования себестоимости гостиничных услуг // Экономика. Бизнес. Банки. 2013. № 2(3). С. 86–93.

3. Рогова И. А. Особенности классификаций затрат как основного объекта управленческого учета гостиничного предприятия // Вестник университета. 2017. № 2. С. 210–215.

4. Лытнева Н. А., Лычева Л. А. Способы калькулирования себестоимости гостиничных услуг в системе бухгалтерского учета // Интеграция и гармонизация учета, анализа и аудита в условиях цифровой экономики : сборник научных трудов Международного экономического форума (Орел, 22–23 ноября 2018 г.). Орел : Орловский государственный университет экономики и торговли, 2019. С. 68–73.

5. Ембергенов Р. А., Ембергенова А. А., Жарылкасинова М. Ж. Калькулирование себестоимости в гостиничном бизнесе от теорий до практики на примере ТОО «Altyn» // Central Asian Economic Review. 2018. № 4(122). С. 84–93.

References

1. Lytneva N. A., Parushina N. V. Methodological approaches to organizing operational control of calculation items of the cost of hotel services. *E`konomicheskij obzor = Economic review*. 2019;1(1):44–49. (In Russ.).

2. Samarina L. B. Features of cost accounting and calculation of the cost of hotel services. *E`konomika. Bisnes. Banki = Economics. Business. Banks*. 2013;2(3):86–93. (In Russ.).

3. Rogova I. A. Features of classifications of costs as the main object of management accounting of a hotel enterprise. *Vestnik universiteta = University Bulletin*. 2017;(2):210–215. (In Russ.).

4. Lytneva N. A., Lycheva L. A. Methods for calculating the cost of hotel services in the accounting system. Integration and harmonization of accounting, analysis and audit in the digital economy: collection of scientific papers of the International economic forum (Orel, November 22–23, 2018). Orel: Oryol State University of Economics and Trade; 2019. P. 68–73. (In Russ.).

5. Embergenov R. A., Embergenova A. A., Zharylkasinova M. Zh. Cost calculation in the hotel business from theories to practice using the example of Altyn LLP. Central Asian Economic Review. 2018;(4(122)):84–93. (In Russ.).

Информация об авторе

О. Н. Пережогина — кандидат экономических наук, доцент кафедры сервиса и туризма.

Information about the author

O. N. Perezhogina — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Service and Tourism.

Статья поступила в редакцию 30.11.2023; одобрена после рецензирования 11.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.
The article was submitted 30.11.2023; approved after reviewing 11.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 92–97
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):92–97

Научная статья
УДК 65(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-92-97

ВЛИЯНИЕ СТРУКТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ НА ИННОВАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Кирилл Васильевич Трушин
Московская международная академия, Москва, Россия, aspirant-mma@yandex.ru,
https://orcid.org/0009-0003-1671-4147

Аннотация. Современная экономическая ситуация, характеризующаяся быстро меняющимися правилами на рынке, требует от бизнес-структур немедленного реагирования в целях удержания конкурентных преимуществ. Часто меняющиеся требования клиентов, приоритеты которых обновляются также быстро, как технологические прорывы и инновации, диктуют бизнесу свои потребительские условия. Кроме того, вновь созданные компании уникальным образом структурируют свою деятельность в соответствии с меняющимися требованиями клиентов и бросают вызов традиционным корпоративным структурам. В статье рассмотрены вопросы функционирования, развития и совершенствования организационных структур управления организаций при внедрении инноваций. Освещены особенности иерархического и органического типов управления. Представлены элементы организационной структуры предприятия, присущие любой модели управления. Рассмотрены результаты опроса 148 крупных российских предприятий, проведенного консалтинговой компанией КПМГ совместно с Агентством стратегических инициатив (АСИ). Сделаны авторские выводы по результатам исследования. Предложены рекомендации для успешного функционирования организации при внедрении инноваций.
Ключевые слова: структура управления, внедрение инноваций, типы управления, инновационное развитие, организационная интеграция, совершенствование
Для цитирования: Трушин К. В. Влияние структуры управления на инновационные возможности организации // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 92–97. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-92-97.

Research article

THE IMPACT OF THE MANAGEMENT STRUCTURE ON THE INNOVATIVE CAPABILITIES OF THE ORGANIZATION

Kirill V. Trushin
Moscow International Academy, Moscow, Russia, aspirant-mma@yandex.ru,
https://orcid.org/0009-0003-1671-4147

Abstract. The current economic situation, characterized by rapidly changing market rules, requires business structures to respond immediately in order to maintain competitive advantages. The frequently changing requirements of customers, whose priorities are updated as quickly as technological breakthroughs and innovations dictate their consumer conditions to the business. In addition, newly created companies structure their activities in a unique way in accordance with changing customer requirements and challenge traditional corporate structures. The article considers the issues of functioning, development and improvement of organizational management structures of organizations in the implementation of innovations. The features of hierarchical and organic types of management are highlighted. The elements of the organizational structure of the enterprise inherent in any management model are presented. The

results of a survey of 148 large Russian enterprises conducted by KPMG consulting company together with the Agency for Strategic Initiatives (ASI) are considered. The author's conclusions based on the results of the study are made. Recommendations for the successful functioning of the organization in the implementation of innovations are proposed.

Keywords: structure of management, introduction of innovations, types of management, innovative development, organizational integration, improvement

For citation: Trushin K. V. The impact of the management structure on the innovative capabilities of the organization. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):92–97. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-92-97.

Инновации в современном мире выступают значимым фактором обеспечения конкурентоспособности компаний и их устойчивости на рынке в условиях турбулентной внешней среды. Структура управления организацией оказывает непосредственное влияние на результаты ее деятельности. Внедрение инноваций не может не отражаться на бизнес-процессах организации и на деятельности сотрудников, а соответственно, и на ее структуре управления. Бизнесу нужна структура, чтобы расти и приносить прибыль, иначе в компании будут собраны люди, тянущие компанию в разные направления. Планирование структуры гарантирует наличие достаточного количества человеческих ресурсов с нужными навыками для достижения целей компании и четкое определение обязанностей. В этой связи вопросы развития и совершенствования организационной структуры управления организацией в современной экономике приобретают огромное значение.

Технологические прорывы современного общества отражаются на всех сферах его жизнедеятельности, начиная с изменений вкусов, предпочтений и ожиданий потребителей, заканчивая структурной перестройкой деятельности предприятий. Организационная структура любого предприятия состоит из взаимосвязанных элементов, например, задач и ответственности, которые помогают достичь целей организации. Она отвечает за поток информации и взаимодействие сотрудников внутри компании. Инновации и новые проекты являются результатом коллективных усилий и идей организации. Безусловно, каждый проект начинается с творческой идеи, но для успеха его реализации необходима соответствующая организационная структура. Процесс реализации проекта зависит от команды разработчиков, инвестиций, компетенции исполнителей и много другого и требует времени, ресурсов и терпения. Другими словами, успех внедрения инноваций влияет на то, как организация сталкивается с уникальными возможностями и вызовами, которые могут изменить ее управленческие нормы и практику.

Многие отечественные и зарубежные авторы исследовали вопросы построения, функционирования, развития и совершенствования различных структур управления организациями в условиях новых вызовов современной экономики.

По мнению Д. В. Жаворонкова, под организационной структурой управления понимается установленная схема взаимодействия и координации технологических и человеческих элементов. Автор подчеркивает, что «именно структура организации определяет, каким образом должны быть распределены задачи, кто докладывает и кому, каковы формальные координирующие механизмы и модели взаимодействия» [1].

Также автор утверждает, что «связь организационной структуры с ключевыми составляющими менеджмента, такими как: цели, функции, процессы, механизм функционирования, работники и их полномочия показывает ее значительное влияние на все стороны управления. И именно поэтому высшие менеджеры всех организаций уделяют пристальное внимание принципам и методам формирования организационных структур, выбору типа или комбинации типов структур, изучению тенденций их развития и оценке их соответствия решаемым целям и задачам» [1].

Стоит отметить, что организационная структура — это способ организации компании или команды. Она может быть иерархической, с разными уровнями управления, или дивизио-

нальной, с разными продуктовыми линейками и подразделениями. Иногда иерархии практически нет вообще. Однако у каждой компании и команды есть организационная структура, даже если она формально не определена.

По мнению А. Н. Дубоносовой, «основной характеристикой органического типа управления является гибкость и адаптивность к изменяющимся условиям во внешней среде при одновременном почти полном отказе от иерархии и преобладании горизонтальных связей» [2]. При этом иерархическому типу управления, по мнению того же автора, присущи иерархичность управления; четкое и полное распределение труда; преобладание вертикальных связей и наем на работу исключительно квалифицированных работников.

Иерархический тип управления в большинстве случаев присущ традиционным корпоративным структурам, имеющим длительный период функционирования, что зачастую негативно отражается на структуре управления, делая ее застывшей и безжизненной. Казалось бы, кто как не крупная корпорация, имея финансовые и человеческие ресурсы, способен быстро адаптироваться к изменениям. Но на практике сложные иерархические структуры, требующие длительное время на согласование и принятие решения и характеризующиеся чрезмерной централизованностью власти, зачастую не способны к мгновенным реакциям на изменяющиеся условия. Вновь созданные компании, наоборот, уникальным образом структурируют свою деятельность в соответствии с меняющимися требованиями клиентов и тем самым бросают вызов традиционным корпоративным структурам.

Рассмотрим элементы организационной структуры предприятия, присущие любой модели управления.

Во-первых, это лица, наделенные полномочиями принимать управленческие решения (субъекты управления). Это могут быть как один человек, так и группа людей.

Во-вторых, это уровни управления. Структура может быть двухуровневая, трехуровневая, четырехуровневая и т. д. Под уровнями могут быть как отдельные отделы (службы, отделения), занимающие разные ступени, так и структурные подразделения. Между уровнями существуют вертикальные (по иерархии) и горизонтальные связи (на одном управленческом уровне). На верхнем уровне централизуется управленческая власть, определяющая цели компании и стратегическое планирование. Верхний уровень децентрализует власть (передает полномочия по принятию управленческих решений в разных объемах) на средний уровень управления (как правило, функциональным подразделениям), на котором принимаются тактические решения для достижения стратегических целей. Низший уровень (уровни) состоят их первичных структурных подразделений, руководители которых координируют действия рядовых сотрудников.

В-третьих, это правила и нормы (инструкции, регламенты), которые должны соблюдать все сотрудники. Зачастую правила зафиксированы документально и являются обязательными к исполнению.

В-четвертых, это обязанности, которые выполняют сотрудники согласно утвержденных должностных инструкций. Наличие положений отделов (служб) и должностных инструкций является важной необходимостью для эффективного функционирования структуры и отсутствия дублирования или избыточности функций.

В-пятых, это связи, которые проявляются как процесс взаимодействия по уровням управления. Также это информационные потоки, без движения которых функционирование организации попросту бессмысленно.

Рассмотренные элементы организационных структур позволяют сделать вывод о том, что для успешного функционирования организации необходимо определить стратегические цели и определить задачи для ее достижения. Стратегия и структура в сочетании могут определять конкурентное преимущество коммерческого предприятия. Инновационные предприятия могут выходить за рамки дозволенного, преодолевая технологические и рыночные ограничения, развивая особые организационные возможности, которые трудно имитировать [3].

Кроме того, не стоит забывать о персонале. Когда структура создана таким образом, чтобы люди чувствовали мотивацию и ценность, эффективность инноваций может резко воз-

расти благодаря признанию и поддержке, которые сотрудники получают от руководства. При условии, что некоторые типы организаций нацелены на минимизацию транзакционных издержек и процветание, несмотря на потенциальные сбои на рынке, именно сотрудники, участвующие во всех инновационных мероприятиях предприятия, делают стратегический выбор в ответ на рыночные возможности. Это означает только то, что изменение организационных структур может способствовать успеху инноваций, особенно на конкретных (точечных) товарных рынках.

Не стоит забывать и о развитии компетентностного потенциала сотрудников. При отсутствии регулярного обучения персонала (курсы повышения квалификации, семинары, форумы и т. д.), трудовые ресурсы быстро потеряют квалификацию, ввиду активно внедряющихся новых программных продуктов и нормативно-правовой базы как результата реагирования на изменения внешней среды организации и в целом социально-экономической ситуации в стране.

Для успешного функционирования организации при внедрении инноваций стоит следовать некоторым правилам:

– наделить ключевых лиц, принимающих решения, знаниями, властью и стимулами для управления ресурсами фирмы, особенно при выявлении рыночных угроз и возможностей;

– применять организационную интеграцию, при которой применяется как горизонтальная, так и вертикальная интеграция навыков и знаний;

– выделять достаточную часть бюджета на развитие компетенций персонала.

Следовательно, организационные и управленческие процессы, такие как обучение, интеграция и реконфигурация, необходимы для инновационной деятельности компании.

Рассмотрим результаты опроса 148 крупных российских предприятий, проведенного консалтинговой компанией КПМГ совместно с Агентством стратегических инициатив (АСИ). Опрос заключался в выявлении целей внедрения инноваций в деятельность крупных российских предприятий и изучении процесса его реализации [4].

В рамках опроса респондентам были заданы вопросы, связанные с целями внедрения инноваций, организацией работы с инновациями, назначением ответственных лиц, критериями оценивания результатов внедрения и системой вознаграждений за инновационную деятельность.

Исследование показало, что в 51% компаний респондентов были осуществлены пилотные проекты по внедрению тех или иных цифровых технологических инноваций. Главные цели респондентов в работе с инновациями представлены на рисунке 1.

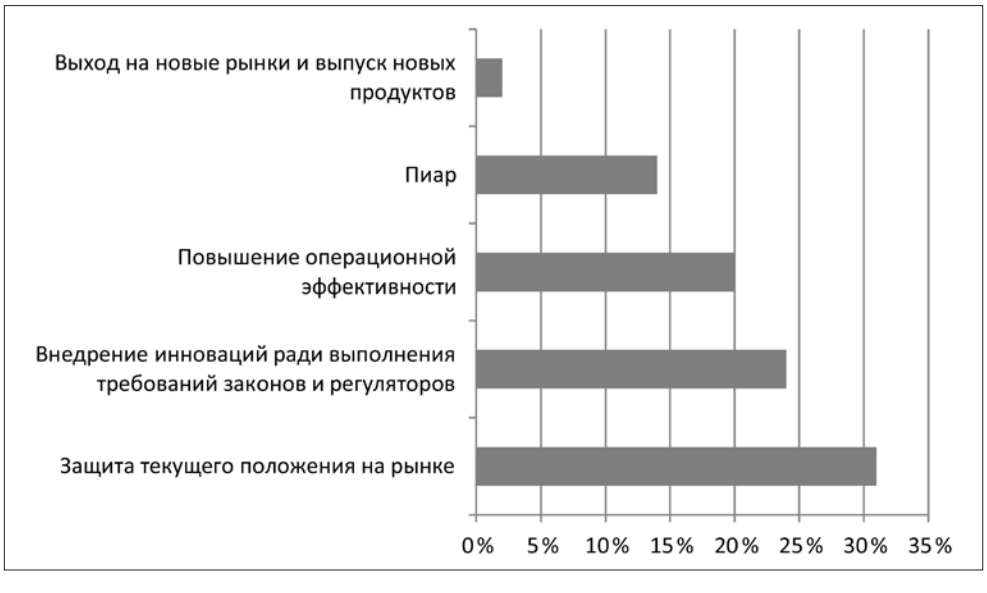

Рисунок 1 — Главные цели респондентов в работе с инновациями [4]

Figure 1 — Main goals of respondents in working with innovations [4]

Как представлено на рисунке 1, главная цель внедрения цифровых инноваций — обеспечение устойчивости занятого положения компании на рынке (31%). 25% респондентов назвали требования законов и регуляторов, то есть, потому что так надо, а не потому, что есть желание. Пятая часть опрошенных работает с инновациями с целью обеспечения операционной эффективности, а некоторые просто ради пиара. И только у 2% респондентов инновации служат развитию и расширению бизнеса за счет диверсификации продуктового портфеля.

Результаты второй части опроса явились не менее ошеломляющими. Как указано в отчете по итогам исследования, «только в 7% компаний есть должности директора по цифровым технологиям или руководителей программ цифровизации. У 27% респондентов вообще нет подразделений, которые бы занимались работой с инновациями и НИОКР. Большинство оценивает результаты инвестиционной деятельности главным образом по суммам сделанных инвестиций и только у каждой пятой компании есть система мотивации, стимулирующая инновационную деятельность. В четверти компаний происходят конфликты, связанные с финансированием инновационной деятельности» [4].

По словам Андрея Филатова, гендиректора SAP CIS, «подразделения по инновациям нуждаются в больших инвестициях при сравнительно низкой результативности: из 15 проектов могут выстрелить один или два, а остальные прогорят. И даже успешные проекты принесут прибыль не сразу» [4].

Результаты представленного опроса позволяют сделать вывод, что внедрение инноваций не всегда гарантируют успешность компании, а иногда может привести к неудаче. Такие ситуации связаны с несовершенством организационных структур управления и некорректно поставленными целями.

Во-первых, у таких организаций отсутствует в организационной структуре управления отдельная структура (служба), отвечающая за внедрение инноваций, и как следствие, отсутствуют процессы, связанные с этим. Когда у фирм нет структуры и процессов в их инновационной стратегии, им будет трудно добиться больших и ощутимых результатов.

Во-вторых, это нехватка внутренней коммуникации. В попытке быть эффективными современные компании объединились в специализированные отделы, которые работают изолированно. У предприятия, которое занимается этим, плохая внутренняя коммуникация, поэтому необходимые идеи и информация остаются неразделенными. Несмотря на усердную работу, изолированность в группах может препятствовать сотрудничеству. Может возникнуть ненужная конкуренция внутри отделов, и будут установлены внутренние барьеры. Как только от всех отделов потребуется вклад, необходимо внедрить внутреннюю коммуникацию и сотрудничество.

Несмотря на понимание того, что инновации необходимы для выживания на высококонкурентном рынке, некоторые организации отказываются разрабатывать структуры и системы вознаграждения, способствующие инновационному развитию. Многие руководители также отказываются признавать тот факт, что структура организации порождает инновации. Результатом такой практики является структура, которая не мотивирует и не поощряет людей генерировать и реализовывать идеи, которые потенциально могут стать масштабными.

Время авторитарного управления с бюрократическим типом ушло в прошлое. Новые реалии диктуют свои правила и жесткие условия конкуренции на рынке. Целью деятельности любой коммерческой организации является прибыль. И, если есть желание достичь эту цель, необходимо перестраиваться, развиваться, совершенствовать структуру управления организации, идти в ногу со временем, вырабатывая адекватные реакции на изменения внешней и внутренней среды.

Список источников

1. Жаворонков Д. В. Организационные структуры управления : учебное пособие. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2020. 100 с.

2. Дубоносова А. Н. Структура управления предприятия: особенности построения, виды и пути улучшения // Планово-экономический отдел. 2020. № 4. ПЭО : официальный сайт. URL: https://www.profiz.ru/peo/4_2020/struktura_upravlenija_1/

3. How Organizational Structure May Affect Innovation / Accept mission. URL: https://www.acceptmission.com/blog/organizational-structure-innovation/

4. Мария Подцероб, Юлиана Вербицкая (Петрова). Как крупнейшие компании внедряют инновации // Ведомости : сайт. URL: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2020/09/24/841148-krupneishie-kompanii. Дата публикации: 25.09.2020.

References

1. Zhavoronkov D. V. Organizational management structures: a textbook. Krasnodar: Kuban State University; 2020. 100 p. (In Russ.).

2. Dubonosova A. N. Enterprise management structure: features of construction, types and ways of improvement. *Planovo-e`konomicheskij otdel = Economic Planning Department*. 2020;(4). EPD: official site. (In Russ.). Available from: https://www.profiz.ru/peo/4_2020/struktura_upravlenija_1

3. How Organizational Structure May Affect Innovation. Accept mission: site. Available from: https://www.acceptmission.com/blog/organizational-structure-innovation/

4. Maria Podtserob, Yuliana Verbitskaya (Petrova). How the largest companies implement innovations. Vedomosti: site. (In Russ.). Available from: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2020/09/24/841148-krupneishie-kompanii

Информация об авторе

К. В. Трушин — аспирант.

Information about the author

K. V. Trushin — a graduate student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.12.2023; одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.
The article was submitted 08.12.2023; approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 98–107
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):98–107

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИКИ

Научная статья
УДК 330 (470)
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-98-107

НЕРАВЕНСТВО ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Елена Владимировна Кабашова
Лаборатория региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Уфа, Россия, e_kabashova@bk.ru

Аннотация. Высокая степень межрегионального неравенства показателей социально-экономического развития, в том числе качества жизни населения, является актуальной проблемой пространственного развития Российской Федерации. Статья посвящена оценке неравенства индикаторов качества жизни населения в регионах Приволжского федерального округа. В основу исследования положены показатели, характеризующие рынок труда и качество занятости, доходы населения, жилищные условия, в том числе благоустройство жилищного фонда, а также обеспеченность объектами социальной инфраструктуры. Анализ проведен на основе данных официальной статистики и субъективных оценок населения. В результате исследования выявлено, что субъективные оценки населения свидетельствуют о более высоком доходном неравенстве, чем показатели официальной статистики (денежные доходы, уровень бедности и др.).
Ключевые слова: социальное неравенство, качество жизни, занятость, доходы населения, заработная плата, дифференциация, регион, жилье, социальная инфраструктура, Приволжский федеральный округ
Для цитирования: Кабашова Е. В. Неравенство показателей качества жизни населения в регионах Приволжского федерального округа // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 98–107. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-98-107.

SOCIAL ASPECTS OF THE ECONOMY

Research article

INEQUALITY OF QUALITY OF LIFE INDICATORS OF THE POPULATION IN REGIONS OF THE VOLGA FEDERAL DISTRICT

Elena V. Kabashova
Laboratory of Regional Studies of Quality of Life of the Centre for the Study of Russian Regions, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia, e_kabashova@bk.ru

Abstract. The high degree of interregional inequality in indicators of socio-economic development, including the quality of life of the population, is an urgent problem of spatial development of the Russian Federation. The article is devoted to assessing the inequality of indicators of the quality of life of the population in the regions of the Volga Federal District. The study is based on indicators characterizing the labor market and the quality of employment, income of the population, housing conditions, including the improvement of the housing stock, as well as the provision of social infrastructure facilities. The analysis was carried out on the basis of official statistics and subjective estimates of the population. As a result of the study, it was revealed that subjective estimates of the population indicate higher income inequality than the indicators of official statistics (monetary income, poverty level, etc.).

Keywords: social inequality, quality of life, employment, income, wages, differentiation, region, housing, social infrastructure, Volga Federal District

For citation: Kabashova E. V. Inequality of quality of life indicators of the population in regions of the Volga Federal District. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):98–107. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-98-107.

Проблема расширяющихся диспропорций в социально-экономическом развитии российских регионов, которые проявляются в серьезных разрывах в показателях качества жизни населения, актуальна на сегодняшний день. По мнению ученых, «пространственное развитие всегда неравномерно, это его объективное свойство» [1].

На сегодняшний день проблема межрегионального социального неравенства все чаще находит отражение в научных трудах зарубежных и российских ученых [2]. Однако до сих пор в данной сфере существует множество нерешенных задач, таких как измерение качества жизни на основе субъективных и объективных показателей, выбор наиболее адекватных индикаторов качества жизни, комбинация показателей для более точного отражения качества жизни, выбор системы показателей для группировки российских регионов с целью выработки стратегий улучшения качественных характеристик населения и др. [3–4]. Ученые считают, что в новых социальных условиях необходима модернизация старых и разработка новых подходов к изучению социального неравенства [5].

Цель исследования — разработка инструментария для количественной оценки неравенства показателей качества жизни населения в регионах Приволжского федерального округа (ПФО) Российской Федерации.

Эмпирическая база исследования интегрирует в себе официальные данные Федеральной службы государственной статистики в разрезе регионов России, итоги Обследования рабочей силы (ОРС), а также социальные индикаторы из вопросника для домохозяйств и индивидуального вопросника для лиц в возрасте 15 лет и более, Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ). Для возможности сопоставимости данных официальной статистики и результатов КОУЖ, проводимого один раз в два года, для исследования нами взят 2020 г.

В данном исследовании мы рассматриваем четыре основные компоненты качества жизни населения, составляющих материальную основу его жизнедеятельности: занятость, доходы, жилищные условия, а также социальную инфраструктуру и удовлетворенность ею. Это те индикаторы, которые, на наш взгляд, человек воспринимает ближе всего при оценке качества своей жизни. Они играют значимую роль в обеспечении его жизнедеятельности, позволяют удовлетворять его потребности, влияют на процесс самореализации.

В статье предпринята попытка дополнить методический инструментарий по изучению неравенства качества жизни населения регионов в рамках федерального округа с помощью статистических показателей (размах вариации, коэффициент дифференциации, коэффициент вариации) [6].

Дифференциацию субъектов ПФО по показателям качества жизни населения демонстрируют их ключевые социально-экономические показатели. Несмотря на целый ряд общих для некоторых регионов черт (уровень развития, специализация региона и др.), «каждый субъект Российской Федерации отличается своими уникальными социально-экономического характеристиками» (табл. 1) [7].

Таким образом, пять регионов ПФО относятся к развитым регионам, девять — к среднеразвитым. Среди субъектов ПФО по численности населения лидируют республики Башкортостан и Татарстан. Стоит отметить, что Татарстан лидирует по всем трем рассматриваемым в таблице 1 показателям. Среди развитых регионов ПФО самый низкий объем валового регионального продукта (ВРП) в расчете на душу населения наблюдается в Башкортостане.

В концепции качества жизни центральное место занимает качество занятости, оценить которое можно с помощью метода субъективных оценок, основанного на анализе удовлетворенности работников различными аспектами

Таблица 1 — Уровень социально-экономического развития регионов Приволжского федерального округа, 2022 год*

Уровень развития	Специализация региона	Регион ПФО	Численность населения на 1 января, тыс. чел.	ВРП на душу населения, тыс. руб.**	Отношение медианных доходов к стоимости фиксированного набора товаров и услуг, раз
Развитый	Диверсифицированная экономика	Республика Татарстан	4000	556,7	2,08
		Нижегородская область	3109	451,2	1,73
		Самарская область	3164	438,1	1,64
	Добывающая промышленность	Республика Башкортостан	4092	358,6	1,56
		Пермский край	2525	474,9	1,55
Средне-развитый	Промышленно-аграрные	Удмуртская Республика	1449	396,1	1,46
	Аграрно-промышленные	Республика Марий Эл	676	258,1	1,21
		Республика Мордовия	781	308,2	1,25
		Чувашская Республика	1184	257,6	1,28
		Кировская область	1149	307,0	1,40
		Оренбургская область	1856	469,0	1,39
		Пензенская область	1261	324,9	1,39
		Саратовская область	2431	310,9	1,40
		Ульяновская область	1192	326,4	1,40

* Составлено автором по данным [8–9].

** Примечание. 1) ВРП в расчете на душу населения приводится за 2021 г.
2) Численность населения приведена с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2020 г.

своей работы. Для характеристики неравенства региональных значений показателей рынка труда и качества занятости населения среди регионов ПФО за 2020 год использованы показатели, представленные в таблице 2.

Степень дифференциации регионов ПФО по уровню занятости, в том числе занятости женщин с детьми дошкольного возраста, невысокая: коэффициенты вариации равны 4,8 % и 9,8 % соответственно.

По показателю напряженности на рынке труда по регионам ПФО наблюдается сильное неравенство: даже в пределах ПФО коэффициент вариации, равный 36,2 %, свидетельствует о высокой степени неравенства. В целом по Российской Федерации соотношение максимального и минимального значений данного показателя составляет 130 раз, а коэффициент вариации более 180 % [12]. Самые высокие показатели напряженности на рынке труда наблюдаются в Оренбургской области и Республике Марий Эл: 5,5 и 4,4 соответственно. Самые низкие значения данного показателя отмечаются в высокоразвитых регионах: в Республике Татарстан (1,7) и Нижегородской области (1,8). Республика Башкортостан с показателем напряженности на рынке труда, равным 2,6, занимает 6-е место в рейтинге регионов ПФО.

В восьми регионах ПФО на поиск нового места работы уходит полгода и более (сюда относятся даже такие развитые регионы, как Пермский край, Республика Башкортостан). Быстрее всего найти работу в Нижегородской (4 мес.) и Кировской (4,1 мес.) областях. Сложнее всего найти работу в республиках Мордовия (7,5 мес.), Марий Эл (7,2 мес.), а также Удмуртской (7,2 мес.).

В 2020 году в среднем по Российской Федерации номинальная начисленная заработная

Таблица 2 — Неравенство показателей рынка труда и качества занятости в регионах Приволжского федерального округа*

Показатели	Минимальное значение показателя	Максимальное значение показателя	Размах вариации	Коэффициент дифференциации, раз	Коэффициент вариации, %
Статистические показатели					
1. Уровень занятости, %	53,5	61,5	8,0	1,15	4,8
2. Занятость женщин с детьми дошкольного возраста, %	57,4	80,2	22,8	1,40	9,8
3. Коэффициент напряженности на рынке труда	1,7	5,5	3,8	3,24	36,2
4. Время поиска работы, мес.	4,0	7,5	3,5	1,88	17,9
5. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, тыс. руб.	31,1	42,0	10,9	1,35	9,8
6. Занятые в неформальном секторе, в % к общей численности занятого населения	16,6	29,6	13,0	1,79	20,1
*Социальные индикаторы***					
7. Доля работающих на основе трудового договора на неопределенный срок, %	80,1	95,1	15,0	1,19	4,5
8. Доля работающих на основе устной договоренности, без оформления, %	2,7	13,2	10,5	4,89	45,6
9. Доля работающих не по полученной специальности, %	38,0	54,9	16,9	1,44	10,4
10. Доля работающих, основная работа которых тяжелая / очень тяжелая с точки зрения физических затрат на ее выполнение, %	10,2	35,2	25,0	3,45	34,7
11. Доля респондентов, работа которых все время связана с нервным напряжением, стрессами, %	13,2	27,1	13,9	2,05	17,5
12. Доля работников, испытывающих воздействие вредных производственных факторов на рабочем месте, %	13,9	27,6	13,7	1,99	19,1
13. Доля работников, вполне удовлетворенных, %:					
– заработной платой	25,1	52,4	27,3	2,09	19,0
– надежностью работы	64,3	81,8	17,5	1,27	7,0
– условиями труда	29,4	81,6	52,2	2,78	18,1
14. Доля работников, испытывающих на своей работе, %:					
– профессиональную удовлетворенность	54,2	74,4	20,2	1,37	9,4
– моральное удовлетворение	63,5	81,6	18,1	1,29	6,5

* Составлено автором по данным [9–11].

** Примечание. Социальные индикаторы разработаны автором на основе индивидуального вопросника для лиц в возрасте 15 лет и более КОУЖ 2020.

плата составила 51,3 тыс. руб. В ПФО размер оплаты труда ниже среднероссийского уровня и составляет 37 тыс. рублей. В пяти регионах ПФО, а именно: Пермском крае (41,9 тыс. руб.), Республике Татарстан (39,8 тыс. руб.), Самарской области (38,7 тыс. руб.), Республике Башкортостан (38,7 тыс. руб.) и Нижегородской области (37,6 тыс. руб.) заработная плата выше, чем в среднем по федеральному округу.

Неравенство заработной платы лежит в основе дифференциации доходов населения: избыточное неравенство доходов в современных условиях во многом обусловлено зарплатным неравенством. В границах ПФО соотношение максимальной заработной платы с минимальной составляет всего 1,35 раза, а коэффициент вариации равен всего 9,8%.

В 2020 году уровень неформальной занятости в ПФО составил 21,8%, что выше среднероссийского показателя на 1,8%. Наименьший уровень неформальной занятости наблюдается в Ульяновской области (16,6%), Пермском крае (17,0%), Самарской области (17,5%), наибольший — в Саратовской области (29,6%) и Чувашской Республике (28,0%). Степень неравенства регионов ПФО по коэффициенту вариации составляет 20,1%, коэффициенту дифференциации — в 1,8 раз.

Среди всех рассматриваемых социальных индикаторов КОУЖ наибольший уровень неравенства наблюдается по доле работающих без оформления трудовых отношений: коэффициент вариации в ПФО составил 45,6%, свидетельствуя о неоднородности регионов ПФО по данному показателю; коэффициент дифференциации составил почти 4,9 раз. Наибольшее значение данного показателя как индикатора прекарной занятости наблюдается в Чувашской Республике (13,2%), наименьшее — в республиках Мордовия (2,7%) и Татарстан (3,3%), а также в Самарской области (3,3%).

Также наблюдается высокая степень регионального неравенства по условиям труда, а именно работе, связанной с физическими затратами на ее выполнение. Наибольшая доля работников, указавшая, что работа является тяжелой, наблюдается в Саратовской области и Республике Башкортостан (почти треть респондентов); наименьшая доля работников, отметивших тяжелую работу, — в Ульяновской (10,2%), Кировской областях (11,1%), Республике Марий Эл (11,5%).

Таким образом, наибольшее межрегиональное неравенство среди субъектов ПФО выявлено по показателю напряженности на рынке труда и доле занятых в неформальном секторе экономики. По социальным индикаторам качества занятости наибольший разрыв в показателях наблюдается по доле работающих на основе устной договоренности (без оформления) и доле работников, работа которых тяжелая (очень тяжелая) с точки зрения физических затрат на ее выполнение.

Проблема доходного неравенства больше всего волнует население российских регионов и страны в целом. По оценке экспертов Высшей школы экономики, более 67% респондентов назвали самым острым неравенство населения по уровню доходов [13]. Показатели межрегионального неравенства в ПФО основных индикаторов материального положения населения и его субъективных оценок приведены в таблице 3.

Среди статистических показателей доходов населения наибольшая степень неравенства наблюдается по уровню бедности и среднедушевым доходам населения. К регионам ПФО с высоким уровнем бедности относятся Республика Марий Эл (19,5%), Республика Мордовия (17,6%), Чувашская Республика (16,8%). Республика Башкортостан занимает среди регионов ПФО по уровню бедности 3-е место, с долей населения с доходами ниже величины прожиточного минимума (11,7%).

Что касается различий в структуре денежных доходов населения, то если по доле оплаты труда в них регионы ПФО более-менее однородны, то по доле социальных выплат в денежных доходах населения наблюдаются некоторые различия: коэффициент вариации почти в два раза выше и составляет 14,9% (в целом по Российской Федерации — 19,9%). К регионам с наибольшей долей социальных выплат относятся: Республика Мордовия (32,7%), Кировская область (32,1%), Республика Марий Эл (31,9%), Чувашская Республика (31,5%). В развитых регионах доля социальных выплат значительно ниже. Так, в Республике Татарстан доля социальных выплат в денежных доходах населения составляет 19,1%, Республике

Таблица 3 — Неравенство показателей доходов населения в регионах ПФО*

Показатели	Минимальное значение показателя	Максимальное значение показателя	Размах вариации	Коэффициент дифференциации, раз	Коэффициент вариации, %
Статистические показатели					
1. Среднедушевой денежный доход, тыс. руб. в месяц	20,6	35,7	15,1	1,73	18,0
3. Величина прожиточного минимума, тыс. руб.	9,3	10,9	1,5	1,16	5,1
4. Доля оплаты труда в денежных доходах, %	46,6	61,7	15,1	1,32	7,9
5. Доля социальных пособий в денежных доходах, %	19,1	32,7	13,6	1,71	14,9
6. Коэффициент Джини	0,33	0,39	0,06	1,19	5,4
7. Коэффициент фондов, раз	8,8	13,6	4,8	1,54	13,7
8. Уровень бедности, %	6,6	19,5	12,9	2,95	24,1
9. Соотношение среднедушевых доходов и стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг, раз	1,44	2,48	1,04	1,72	16,0
Социальные индикаторы					
10. Доля домохозяйств, которые не могут купить легковой автомобиль из-за отсутствия средств, %	36,7	78,0	41,3	2,13	20,6
11. Доля домохозяйств с одним источником средств к существованию, %	13,0	50,1	37,1	3,85	32,5
12. Доля домохозяйств, в которых ребенок по финансовым причинам не имеет возможности, %:					
– участвовать в платных школьных мероприятиях	5,9	26,2	20,3	4,44	34,1
– посещать дополнительные занятия для развития своих способностей на платной основе	15,7	36,6	20,9	2,33	24,9
– уехать на каникулы из дома, по крайней мере, на 1 неделю в год	21,1	41,0	19,9	1,94	21,7
– не имеет возможности пригласить друзей на празднование своего дня рождения или по особым случаям	7,0	22,9	15,9	3,27	34,8

* Составлено автором по данным [9, 11].

Башкортостан — 22,7 %, Нижегородской области — 23,3 %. Соотношение среднедушевых доходов и стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг в регионах ПФО варьирует в диапазоне от 1,44 до 2,48 раз.

Совокупность регионов ПФО не однородна по доле домохозяйств, имеющих один источник средств к существованию. В Пензенской области половина домохозяйств отметили, что имеют единственный источник доходов. Также этот показатель достаточно высок в Саратовской (45,4 %) и Самарской (42,4 %) областях.

Кроме прямых показателей благосостояния населения имеются также косвенные, полученные на основе оценок населения своего материального положения (табл. 3). Регионы ПФО

по данным показателям достаточно разнородны: коэффициент вариации находится в пределах от 21,7 до 34,8 % (табл. 3). Наибольший разрыв среди регионов ПФО наблюдается по таким социальным индикаторам, как доли домохозяйств, в которых дети не имеют возможности по финансовым причинам участвовать в платных школьных мероприятиях и приглашать друзей на празднование дня рождения.

Таким образом, наиболее сильное неравенство между регионам ПФО наблюдается по субъективным оценкам населения своего материального благосостояния (социальным индикаторам). Субъективные оценки населения свидетельствуют о более высоком доходном неравенстве, чем показатели официальной статистики (денежные доходы, уровень бедности и др.).

Состояние жилья, его благоустроенность напрямую влияют на качество жизни населения. Домашний уют, комфорт, отсутствие стесненности при проживании максимально благотворно влияют практически на все сферы жизнедеятельности человека, включая его психоэмоциональное состояние. Основные индикаторы межрегионального неравенства жилищных условий приведены в таблице 4.

Среди регионов ПФО показатель ввода жилых домов на 1000 человек населения варьирует в пределах от 366 м^2 (в Кировской области) до 845 м^2 (в Ульяновской области); коэффициент вариации составил 23,7 %. Высокие значения данного показателя наблюдаются в Республике Татарстан (687 м^2), Пензенской области (656 м^2), Республике Башкортостан (610 м^2).

Соотношение максимальной и минимальной цены за 1 м^2 жилья составляет 1,8 раз, коэффициент вариации — 20,2 %. Самое дорогое жилье в экономически развитых регио-

Таблица 4 — Оценка неравенства жилищной обеспеченности в регионах ПФО*

Показатели	Минимальное значение признака	Максимальное значение показателя	Размах вариации	Коэффициент дифференциации, раз	Коэффициент вариации, %
Статистические показатели					
1. Ввод жилых домов на 1000 чел., м^2	366	845	479	2,31	23,7
2. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, м^2	23,7	31,4	7,7	1,32	7,0
3. Средняя цена 1 м^2 общей площади квартир, тыс. руб.	41,0	75,9	34,9	1,85	20,9
4. Удельный вес общей площади, оборудованной:					
– водопроводом, %	71,7	96,3	24,6	1,34	6,58
– отоплением, %	66,4	99,3	32,9	1,50	9,38
– газом, %	71,6	95,5	23,9	1,33	10,57
Социологические индикаторы					
5. Доля домохозяйств, испытывающих стесненность при проживании, %	12,3	28,0	15,7	2,28	22,1
6. Доля домохозяйств, испытывающих потребность в улучшении жилищных условий, %	20,3	35,6	20,3	1,75	14,3
7. Доля домохозяйств, оценивающих состояние своего жилого помещения на «хорошо» и «отлично», %	40,8	64,1	23,3	1,57	13,8

* Составлено автором по данным [9, 11].

нах: Республике Татарстан (75,9 тыс. рублей), Нижегородской области (75,2 тыс. руб.), Республике Башкортостан (68,7 тыс. руб.), что свидетельствует о высокой стоимости жизни в развитых регионах. В Самарской области, относящейся также к развитым регионам, стоимость жилья ниже среднего по ПФО (47,9 тыс. руб.). Самое дешевое жилье среди регионов ПФО в Оренбургской области — 41,0 тыс. руб. за один квадратный метр.

Анализ субъективных оценок жилищных условий показал, что наименьшую стесненность при проживании испытывают домохозяйства в Ульяновской области (12,3%), Республике Мордовия (13,4%), Кировской области (14,3%). Корреляционный анализ не выявил никакой зависимости между долей домохозяйств, испытывающих стесненность при проживании, с уровнем их материального положения.

Таким образом, наиболее высокая степень межрегионального неравенства среди регионов ПФО отмечается по показателям ввода жилых домов в расчете на 1000 чел. населения, средней цене 1 м^2 площади квартир, а также доле домохозяйств, испытывающих стесненность при проживании.

От состояния и уровня развития социальной инфраструктуры во многом зависит качество жизни населения, формирование человеческого капитала [14]. Показатели обеспеченности социальной инфраструктурой приведены в таблице 5.

По обеспеченности детей дошкольного возраста местами в образовательных организациях среди регионов ПФО лидируют Чувашская

Таблица 5 — Неравенство показателей социальной инфраструктуры в регионах Приволжского федерального округа*

Показатели	Максимальное значение признака	Минимальное значение показателя	Размах вариации	Коэффициент дифференциации, раз	Коэффициент вариации, %
Статистические показатели					
1. Валовой коэффициент охвата дошкольным образованием, в % от численности детей в возрасте 1–6 лет	68,0	85,9	17,3	1,25	6,35
2. Обеспеченность детей дошкольного возраста местами в образовательных организациях, приходится мест на 1000 детей, чел.	666	893	227	1,34	9,5
3. Обеспеченность больничными койками, на 10 тыс. чел. населения	63,9	97,0	33,1	1,52	9,75
4. Численность врачей всех специальностей на 10 000 чел.	36,4	54,6	18,2	1,5	9,67
Социальные индикаторы					
5. Доля респондентов, отметивших большую отдаленность в их населенном пункте: – торговых точек	4,5	15,8	11,3	3,51	40,3
– аптек	12,6	29,2	16,6	2,32	25,1
– учреждений культуры	13,8	45,8	32,0	3,32	34,2
– мест проведения отдыха и досуга	19,3	49,4	30,1	2,56	27,8
– объектов для занятия физкультурой и спортом	19,0	46,6	27,6	2,45	24,3

* Составлено автором по данным [9, 11].

Республика (893 места на 1000 детей), Кировская область (874 места), Удмуртская Республика (827 мест), Пермский край (825 мест), Нижегородская область (822 места). Наименьшая обеспеченность детей местами в дошкольных образовательных учреждениях — в Республике Татарстан, Ульяновской области, Республике Башкортостан.

Регионы ПФО достаточно дифференцированы по оценкам проживающего в них населения проблем в их населенных пунктах. По показателю отдаленности торговых точек в населенном пункте коэффициент вариации даже в пределах ПФО составляет 40,3 %, по отдаленности учреждений культуры — 34,2 %. В Республике Татарстан и Ульяновской области самая высокая доля респондентов, отметивших большую отдаленность торговых точек в их населенных пунктах: 15,8 % и 14,7 % соответственно. Республика Башкортостан в рейтинге регионов ПФО по данному показателю занимает 10-е место.

Таким образом, настоящее исследование показало, что на качество жизни населения как в Российской Федерации в целом, так и в ее регионах, комплексное влияние оказывают уровень социально-экономического развития регионов, их потенциал, сбалансированность рынка труда, доступность объектов социальной инфраструктуры. Анализ степени неравенства показателей качества жизни населения среди регионов ПФО позволил выявить наиболее существенные различия между регионами. В результате исследования не выявлено каких-то обще выраженных тенденций и четких закономерностей в уровне развития регионов Российской Федерации и показателей четырех рассматриваемых сфер: развитие и качество рынка труда, материальное благосостояние населения, его жилищная обеспеченность, а также доступность социальной инфраструктуры. Выявлено, что у регионов имеются свои индивидуальные особенности развития, обусловленные географическим положением, природно-климатическими условиями, специализацией региона, его экономическим потенциалом, уровнем социально-экономического развития, качеством сферы труда, научно-техническим прогрессом, внедрением инноваций и др.

Список источников

1. Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. Москва : Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.

2. Шаталова О. М., Касаткина Е. В. Социально-экономическое неравенство регионов РФ: вопросы измерения и долгосрочная ретроспективная оценка // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 4. С. 74–87.

3. Зубец А. Н. Российские и международные подходы к измерению качества жизни. Москва, 2020. 112 с. // Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации : официальный сайт. URL: http://www.fa.ru/science/index /SiteAssets/Pages/Zubets_Pubs/LQ_B_2020.pdf

4. Локосов В. В., Рюмина Е. В., Ульянов В. В. Кластеризация регионов России по показателям качества жизни и качества населения // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 4. С. 4–17.

5. Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России / под общ. ред. Н. Г. Осиповой. Москва: Перспектива, 2021. 276 с.

6. Костылева Л. В. Неравенство населения России: тенденции, факторы, регулирование. Вологда : Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2011. 223 с.

7. Приволжский федеральный округ: 2021 год — точка отчета для новых трендов : аналитический бюллетень Приволжского федерального округа / под общ. ред. А. В. Овчинниковой. Екатеринбург : Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, 2022. 114 с.

8. Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации / под ред. Л. М. Григорьева, Н. В. Зубаревич, Г. Р. Хасаева. Москва : ТЕИС, 2011. С. 340.

9. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2021 // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm

10. Итоги выборочного обследования рабочей силы. 2020 // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265

11. Комплексное наблюдение условий жизни населения. 2020 // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html

12. Кабашова Е. В. Оценка межрегионального неравенства качества жизни населения в Российской Федерации // Управленческий учет. 2022. № 11-3. С. 748–758.

13. Ученые ВШЭ назвали источники социального напряжения в России // Информационное агентство URA.RU : сайт. URL: https://m.ura.news/news/1052512496. Дата публикации: 22.10.2021.

14. Ризакулов Т. Р. Шарипова Ш. А. Социальная инфраструктура в системе факторов, повышающих качество жизни населения // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. 2019. № 3 (80). С. 35–40.

References

1. Zubarevich N. V. Regions of Russia: inequality, crisis, modernization. Moscow: Independent Institute for Social Policy; 2010. 160 p. (In Russ.).

2. Shatalova O. M., Kasatkina E. V. Socio-economic inequality of regions of the Russian Federation: measurement issues and long-term retrospective assessment. *E`konomicheskie i social`ny`e peremeny`: fakty`, tendencii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2022;15(4):74–87. (In Russ.).

3. Zubets A. N. Russian and international approaches to measuring the quality of life. Moscow, 2020. 112 p. Financial University under the Government of the Russian Federation: official site. (In Russ.). Available from: http://www.fa.ru/science/index /SiteAssets/Pages/Zubets_Pubs/LQ_B_2020.pdf

4. Lokosov V. V., Ryumina E. V., Ulyanov V. V. Clustering of Russian regions according to indicators of quality of life and quality of the population. *Narodonaselenie = Population*. 2019;22(4):4–17. (In Russ.).

5. Social inequality in the modern world: new forms and features of their manifestation in Russia / ed. by N. G. Osipova. Moscow: Perspective; 2021. 276 p. (In Russ.).

6. Kostyleva L. V. Inequality of the Russian population: trends, factors, regulation. Vologda: Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences; 2011. 223 p. (In Russ.).

7. Volga Federal District: 2021 — reporting point for new trends: analytical bulletin of the Volga Federal District / ed. by A. V. Ovchinnikov. Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; 2022. 114 p. (In Russ.).

8. Russian regions: economic crisis and problems of modernization / ed. by L. M. Grigoriev, N. V. Zubarevich, G. R. Khasaev. Moscow: TEIS; 2011. P. 340. (In Russ.).

9. Regions of Russia. Socio-economic indicators — 2021. Federal State Statistics Service: official site. (In Russ.). Available from: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm

10. Results of a labor force sample survey. 2020. Federal State Statistics Service: official site. (In Russ.). Available from: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265

11. Comprehensive observation of living conditions of the population in 2020. Federal State Statistics Service: official site. (In Russ.). Available from: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html

12. Kabashova E. V. Assessment of interregional inequality in the quality of life of the population in the Russian Federation. *Upravlencheskij uchet = Management accounting*. 2022;(11-3):748–758. (In Russ.).

13. HSE scientists named the sources of social tension in Russia. Information agency URA.RU: site (In Russ.). Available from: https://m.ura.news/news/1052512496. Publication date: October 22, 2021.

14. Rizakulov T. R. Sharipova Sh. A. Social infrastructure in the system of factors that increase the quality of life of the population. *Vestnik Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki = Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics*. 2019;(3(80)):35–40. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. В. Кабашова — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

E. V. Kabashova — Candidate of Science (Economics), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 08.12.2023; одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.
The article was submitted 08.12.2023; approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 108–117
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):108–117

Научная статья
УДК 330 (470.57)
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-108-117

ОЦЕНКА НЕРАВЕНСТВА ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Елена Владимировна Кабашова
Лаборатория региональных исследований качества жизни Центра изучения регионов России Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Уфа, Россия, e_kabashova@bk.ru

Аннотация. В настоящее время проблема избыточного неравенства доходов населения как одна из форм социального неравенства остается нерешенной. При этом в современных научных исследованиях отмечаются негативные социальные и экономические последствия неравенства для жизни общества, его развития и устойчивости. В статье проведена оценка степени неравенства денежных доходов населения в Республике Башкортостан, в том числе на фоне межрегионального доходного неравенства в контексте с уровнем социально-экономического развития регионов России. Для выявления взаимосвязи уровня неравенства с социально-экономическим развитием регионов был использован статистический инструментарий — аналитическая группировка. Результаты исследования показали, что в Республике Башкортостан с учетом уровня ее социально-экономического развития степень неравенства доходов населения достаточно высокая, что требует разработки неотложных мер региональной политики, направленной на выравнивание доходов населения.
Ключевые слова: социальное неравенство, доходы населения, неравенство доходов, оплата труда, уровень бедности, индекс Джини, Республика Башкортостан
Для цитирования: Кабашова Е. В. Оценка неравенства доходов населения в Республике Башкортостан // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 108–117. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-108-117.

Research article

ESTIMATION OF INCOME INEQUALITY IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Elena V. Kabashova
Laboratory of Regional Studies of Quality of Life of the Centre for the Study of Russian Regions, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia, e_kabashova@bk.ru

Abstract. Currently, the problem of excessive income inequality of the population as one of the forms of social inequality remains unresolved. At the same time, modern scientific research notes the negative social and economic consequences of inequality for the life of society, its development and sustainability. The article evaluates the degree of inequality of monetary incomes of the population in the Republic of Bashkortostan, including against the background of interregional income inequality in the context of the level of socio-economic development of the regions of Russia. To identify the relationship between the level of inequality and the socio-economic development of the regions, statistical tools were used — analytical grouping. The results of the study showed that in the Republic of Bashkortostan taking into account the level of its socio-economic development the degree of income inequality of the population is quite high, which requires the development of urgent regional policy measures aimed at equalizing the incomes of the population.

Keywords: social inequality, income of the population, income inequality, wages, poverty level, Gini index, Republic of Bashkortostan
For citation: Kabashova E. V. Estimation of income inequality in the Republic of Bashkortostan. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):108–117. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-108-117

Одной из основных целей устойчивого развития стран мира является снижение уровня неравенства внутри стран и между ними [1]. Большинство ученых и политиков рассматривают неравенство как ключевой глобальный вызов для устойчивого развития страны. Излишне высокое и нелегитимное в глазах населения неравенство имеет целый ряд негативных последствий: сокращение возможности для инклюзивного экономического роста; создание барьеров для снижения бедности; увеличение социальной напряженности в обществе [2].

На сегодняшний день в России проблема избыточного социального неравенства, в том числе неравенства доходов населения, остается нерешенной, несмотря на то, что по оценкам экспертов, это неравенство достигло угрожающих величин [3]. Так, в России по данным Федеральной службы государственной статистики в 2021 году почти половина всего денежного дохода, а именно 46,7 %, была сосредоточена в руках 20 % населения с наибольшими доходами (в Республике Башкортостан — 45,7 %). С другой стороны, по итогам Комплексного наблюдения условий жизни населения (по состоянию на 2022 год) 75,7 % домохозяйств указали, что с затруднениями «сводят концы с концами» при покупке самого необходимого (в Республике Башкортостан данный показатель составляет 79,7 %), то есть, по сути, относятся к категории бедного населения.

В целом неравенство доходов есть результат комплексного взаимодействия «экономических, политических, социальных, демографических, географических, профессиональных, психологических и других факторов» [4]. На макроуровне к факторам дифференциации доходов населения относятся: уровень социально-экономического развития страны или региона; их потенциал; уровень научно-технического прогресса; дифференциация заработной платы; инфляция; демографическая нагрузка. Политическая ситуация в стране (регионе), государственная политика в области занятости населения, цен, доходов, развитость системы социальной защиты, выгодность географического положения, богатство природных ресурсов также оказывают влияние на уровень дифференциации доходов населения.

На микроуровне к факторам неравенства доходов населения относятся: вид деятельности предприятия, форма собственности, конкурентоспособность, условия труда. На индивидуальном (субъективном уровне) на неравенство доходов оказывают влияние: профессия, должностной статус, профессиональный опыт, квалификация, знания, производительность труда, личная мотивация и другие, которые зависят, в первую очередь, от самого человека.

Неравенство доходов населения может быть справедливым, когда оно основано на знаниях, умении, опыте, квалификации человека, его образовательном уровне, стремлении реализовывать свой трудовой и творческий потенциал, самореализации, то есть когда неравенство определяется показателями, зависящими от самого человека и его поведения как участника рынка труда. Однако на сегодняшний день эти факторы играют далеко не главную роль. Определяющее воздействие оказывают такие не зависящие от человека факторы как: отрасль, в которой занят работник, финансовое положение организации, режим работы, место жительства, бюджетная и социальная политика, а также уровень социально-экономического развития регионов и страны в целом. Так, по результатам социологического исследования «Качество занятости и человеческое развитие» (2020 год) четверть респондентов отметили, что у них размер заработной платы не такой, как у других, занятых в их сфере, не говоря уже о других отраслях.

Справедливое неравенство доходов населения, а, следовательно, и вытекающее отсюда неравенство качества жизни населения, являются своего рода стимулом для саморазвития (на микроуровне), драйвером социаль-

но-экономического развития страны, а также отдельного региона (на макроуровне).

Эксперты в сфере экономического неравенства пришли к выводу, что нормальное неравенство, при котором все экономически активное население имеет возможность полностью реализовать свой потенциал, является позитивным фактором развития общества и экономики [5]. И наоборот, общество с резкой дифференциацией доходов населения отличается социальной неустойчивостью, напряженностью, отсутствием стимулов к профессиональному росту [6].

Цель исследования — оценка степени неравенства денежных доходов населения в Республике Башкортостан, в том числе на фоне межрегионального доходного неравенства в контексте с уровнем социально-экономического развития регионов России.

Эмпирической базой исследования явились официальные данные Федеральной службы государственной статистики, Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан, а также данные агентства РИА Рейтинг.

Методика исследования неравенства доходов населения включает анализ уровня и динамики традиционных официальных показателей дифференциации доходов (индекс Джини, коэффициент фондов).

По мнению ученых, измерение неравенства доходов, являющегося сложным общественным явлением, требует применения надежных статистических инструментов [7]. Для оценки межрегионального доходного неравенства нами выбраны статистические индикаторы, учитывающие расходы населения (например, отношение медианного дохода к стоимости фиксированного набора товаров и услуг). Для установления взаимосвязи неравенства доходов населения с уровнем социально-экономического развития регионов используется метод аналитической группировки.

В 2021 году уровень доходного неравенства в Российской Федерации по официально принятым показателям дифференциации доходов населения составил: по коэффициенту фондов — 15,2, индексу Джини — 0,409 (по Республике Башкортостан — 13,8 и 0,396 соответственно). В 2021 году по уровню неравенства доходов среди субъектов Российской Федерации (по коэффициенту фондов) лидируют следующие: Тюменская область (17,5), Москва (16,9), Краснодарский край (15,7), Республика Адыгея (15,6), Чукотский автономный округ (15,4), Санкт-Петербург (15,1), Сахалинская область (14,3), Республика Саха (Якутия) (14,3), Магаданская область (14,1), то есть регионы с высоким уровнем социально-экономического развития.

По нашему мнению, для наиболее адекватной оценки межрегионального неравенства доходов необходимо учитывать также и расходы населения на приобретение продуктов, услуг, а также сбережения. Так, для анализа межрегионального неравенства нами выбраны: 1) отношение медианных доходов населения к стоимости фиксированного набора товаров и услуг с учетом расходов и динамики цен (табл. 1); 2) потенциально возможный остаток денежных средств среднестатистической семьи с двумя детьми после минимальных расходов (табл. 2).

Наибольшее отношение медианных доходов к стоимости фиксированного набора товаров и услуг наблюдается в Ямало-Ненецком и Ненецком автономных округах, Москве, Магаданской области, Чукотском автономном округе. Республика Башкортостан в 2018 году в рейтинге регионов Российской Федерации по данному показателю находилась на 29-м месте, в 2020 году — на 36-м месте, в 2021 и 2022 — на 39-м месте. Несмотря на увеличение отношения медианного дохода к стоимости фиксированного набора товаров и услуг, на фоне других регионов республика снизила свои позиции в рейтинге с 29-го по 39-е место. Стабильные высшие и низшие позиции в рейтинге регионов Российской Федерации занимают Ямало-Ненецкий автономный округ и Республика Тыва соответственно.

К регионам — лидерам по благосостоянию семей (табл. 2) относятся представители добывающих регионов и финансовые центры: с 2020 года первые три строчки рейтинга занимают Ямало-Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ и Москва. Республика Башкортостан за период с 2018 по 2022 год улучшила свои позиции в рейтинге с 32-го по 26-е место.

Таблица 1 — Межрегиональное неравенство доходов населения в Российской Федерации [8–9]

Место в рейтинге регионов в 2022 г.	Название региона	Отношение медианных доходов к стоимости фиксированного набора товаров и услуг, раз			Доля населения за чертой бедности в 2022 г., %
		2020 г.	2021 г.	2022 г.	
1	Ямало-Ненецкий автономный округ	3,13	3,12	3,24	4,5
2	Ненецкий автономный округ	2,88	2,78	2,97	9,0
3	г. Москва	2,39	2,48	2,63	5,0
4	Магаданская область	2,27	2,28	2,59	7,4
5	Чукотский автономный округ	2,38	2,39	2,52	6,7
39	**Республика Башкортостан**	**1,48**	**1,46**	**1,56**	**10,1**
81	Республика Калмыкия	1,03	1,00	1,09	21,0
82	Республика Алтай	1,00	0,98	1,05	20,4
83	Карачаево-Черкесская Республика	1,02	1,00	1,04	22,0
84	Республика Тыва	0,95	0,93	1,01	28,8
85	Республика Ингушетия	1,02	0,95	1,00	30,5

Таблица 2 — Дифференциация регионов России по потенциально возможным остаткам денежных средств [8–9]

Годы	Место Республики Башкортостан в рейтинге регионов	Потенциально возможный остаток денежных средств среднестатистической семьи с двумя детьми после минимальных расходов, руб. в месяц		
		Республика Башкортостан	минимальное значение среди регионов РФ	максимальное значение среди регионов РФ
2018	32	29 451	6010	128 519
2019	26	26 171	–1018	88 456
2020	26	29 407	2379	105 428
2021	28	31 791	631	102 478
2022	26	34 530	–7298	118 310

В настоящее время среди проблем в отношении неравенства доходов активно обсуждается его взаимосвязь с «продуктивностью экономики» [10]. По оценке экспертов между уровнем экономического развития и неравенством существует не причинно-следственная, а двусторонняя связь: неравенство само влияет на социально-экономическое развитие страны [11].

Следующим этапом нашего исследования явилось построение аналитической группировки регионов Российской Федерации, характеризующей взаимосвязь неравенства доходов населения в регионах и уровня их социально-экономического развития (группировочный признак — индекс Джини, группировка проводилась с равными интервалами). В качестве показателей «продуктивности экономики» нами выбраны валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения и показатели доходов населения (табл. 3).

Проведение аналитической группировки регионов Российской Федерации выявило взаимосвязь между степенью неравенства доходов населения и уровнем их социально-экономического развития: чем выше уровень развитости региона, тем больше в нем доходная дифференциация. Данный результат получил подтверждение и в оценках экспертов: в регионах с более высоким уровнем среднедушевых реальных доходов их дифференциация оказыва-

Таблица 3 — Взаимосвязь доходного неравенства в регионах Российской Федерации и уровня их социально-экономического развития, 2021 год*

Показатели	Группы регионов по неравенству доходов населения		
	I группа	II группа	III группа
Уровень неравенства доходов	Слабый	Средний	Сильный
Количество регионов в группе	41	29	12
Значение индекса Джини	0,329–0,362	0,362–0,395	0,395–0,428
ВРП на душу населения, тыс. руб. (2020 г.)	413,3	540,8	1036,6
Медианный доход на душу населения, тыс. рублей	23,4	27,1	42,0
Соотношение медианного дохода со стоимостью фиксированного набора, раз	1,39	1,56	2,09

* Составлено автором по данным [12].

ется выше [13]. Кроме того, развитие большинства регионов сопровождается ростом дифференциации доходов населения [14].

Республика Башкортостан по величине коэффициента Джини входит в третью группу, включающую регионы с высоким уровнем социально-экономического развития, такие как: Магаданская, Сахалинская, Тюменская области, Республика Саха, Москва, Санкт-Петербург, Чукотский автономный округ, Краснодарский край и другие.

Однако по социально-экономическим показателям регион отстает. Так, в республике величина медианного среднедушевого денежного дохода населения в 2021 году составила всего 25,0 тыс. руб. (то есть почти наравне с регионами первой группы) при среднем доходе в третьей группе 42 тыс. рублей. ВРП на душу населения в республике по данным за 2020 год — 425,2 тыс. руб. (почти как в первой группе) при среднем значении в третьей группе 1036,6 тыс. рублей. Соотношение медианного дохода со стоимостью фиксированного набора товаров и услуг в Республике Башкортостан 1,53 (на уровне второй группы).

Таким образом, при сложившемся на сегодняшний день уровне социально-экономического развития в Республике Башкортостан уровень доходной дифференциации достаточно высокий. Субъект входит в группу высокоразвитых регионов по индексу Джини, занимая в ней отстающие позиции по социально-экономическим показателям.

В 2022 году среднедушевые денежные доходы населения в Республике Башкортостан составили 35 251 руб. в месяц, что меньше по сравнению с Приволжским федеральным округом (ПФО) и Российской Федерацией в целом (рис. 1). Реальные располагаемые доходы сократились по сравнению с 2021 годом на 2,8 %.

С 2013 по 2021 год денежные доходы в республике были ниже среднероссийских, но выше, чем уровень доходов в среднем по ПФО. В 2022 году доходы в Республике Башкортостан и ПФО практически сравнялись, что свидетельствует о снижении позиции Башкортостана в рейтинге регионов по уровню доходов.

Важнейшими факторами дифференциации доходов являются различия в их структуре [15], обусловленные, в первую очередь, ролью неравенства заработной платы в доходном неравенстве [16]. В структурах денежных доходов Республики Башкортостан и Российской Федерации имеются существенные различия в источниках их формирования. Так, в 2021 году в республике доля оплаты труда в денежных доходах населения составила всего 47,7 % при среднем уровне по стране — 57,2 %. Значительные отличия также имеются по доле прочих денежных поступлений, включая скрытую зарплату: 23,4 % в Республике Башкортостан при среднероссийском уровне — 10,8 %. Это во многом обусловлено распространением в регионе неформальной занятости, уровень которой составил

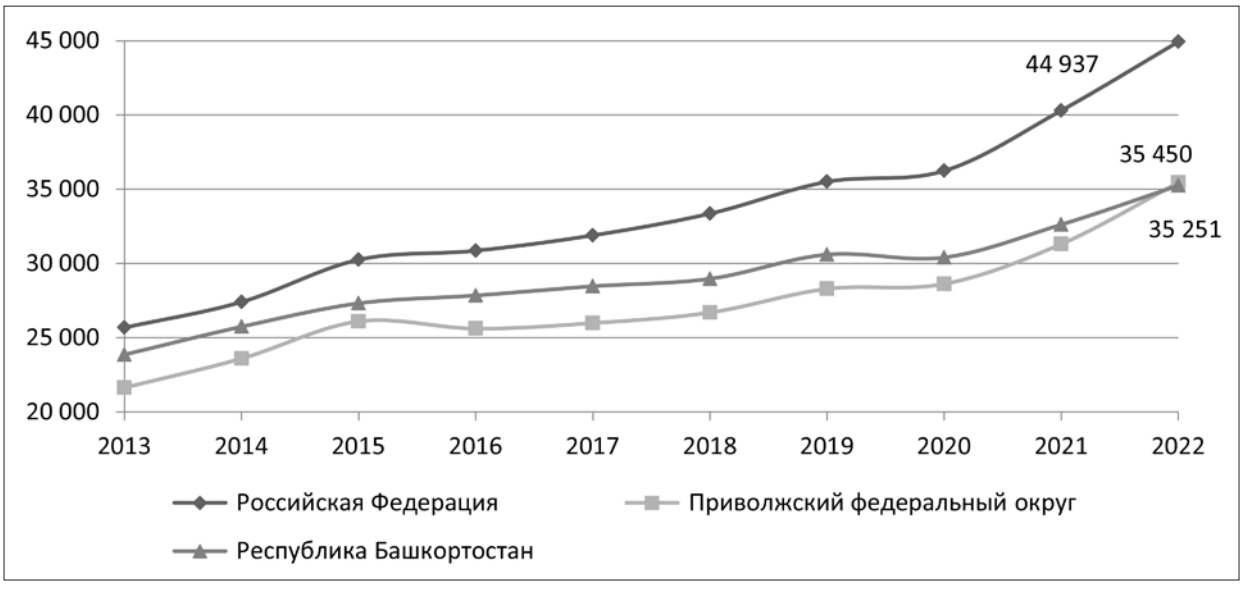

Рисунок 1 — Динамика денежных доходов населения, руб.
(Источник: данные Росстата)

Figure 1 — Dynamics of cash income of the population, rubles
(Source: Rosstat data)

в 2021 году 26,2 % (в среднем по Российской Федерации — 20,3 %).

За рассматриваемый период с 2010 по 2022 год до 2018 года в Республике Башкортостан уровень доходного неравенства был выше, чем в среднем по Российской Федерации, за исключением 2015 года, когда их уровни совпадали (рис. 2). С 2018 года неравенство доходов в Республике Башкортостан снижается, причем в наибольшей степени это наблюдается с 2020 года.

По оценке экспертов, для современного этапа развития характерен крайне низкий уровень покупательной способности модального среднедушевого денежного дохода. В 2022 году в Республике Башкортостан также как и в Российской Федерации его уровень составил 1,6 среднедушевых прожиточных минимумов. Более половины населения имеет доходы, покупательная способность которых существенно ниже, чем у среднедушевых денежных доходов. Главная причина — высокое экономическое неравенство, при котором 44,0 % (в Республике Башкортостан — 45,7 %) доходов стабильно принадлежит пятой квинтильной группе [16].

Распределение общего объема денежных доходов по квинтильным группам населения также характеризует масштаб межрегиональной дифференциации доходов населения [15]. В 2022 году соотношение денежных доходов пятой (с наивысшими доходами — 103 685 руб.) и первой (с наименьшими доходами — 12 949 руб.) групп населения в целом по Российской Федерации составило 8,0 раз. По Республике Башкортостан значение данного показателя несколько ниже — 7,1 раз (величина доходов в крайних квинтильных группах составляют 11 161 руб. и 79 274 руб. соответственно). Для сравнения можно отметить, что в 2021 году соотношение доходов крайних групп составило в Российской Федерации 8,7, в Республике Башкортостан — 8,0 раз, то есть по данному показателю уровень дифференциации сокращается. К регионам Российской Федерации с уровнем дифференциации выше среднего по стране относятся: Ямало-Ненецкий автономный округ (10,4 раз), Тюменская область (9,5 раз), Ненецкий автономный округ (9,2 раз), Москва (8,8 раз), Чукотский автономный округ (8,7 раз), Краснодарский край (8,6 раз), Республика Адыгея (8,4 раз), Республика Саха (8,4 раз), то есть, как правило, развитые социально-экономические регионы.

Наглядное распределение населения по объему денежных доходов (рис. 3) свидетельствует о более низких уровнях доходов в республике. Наблюдается существенное разли-

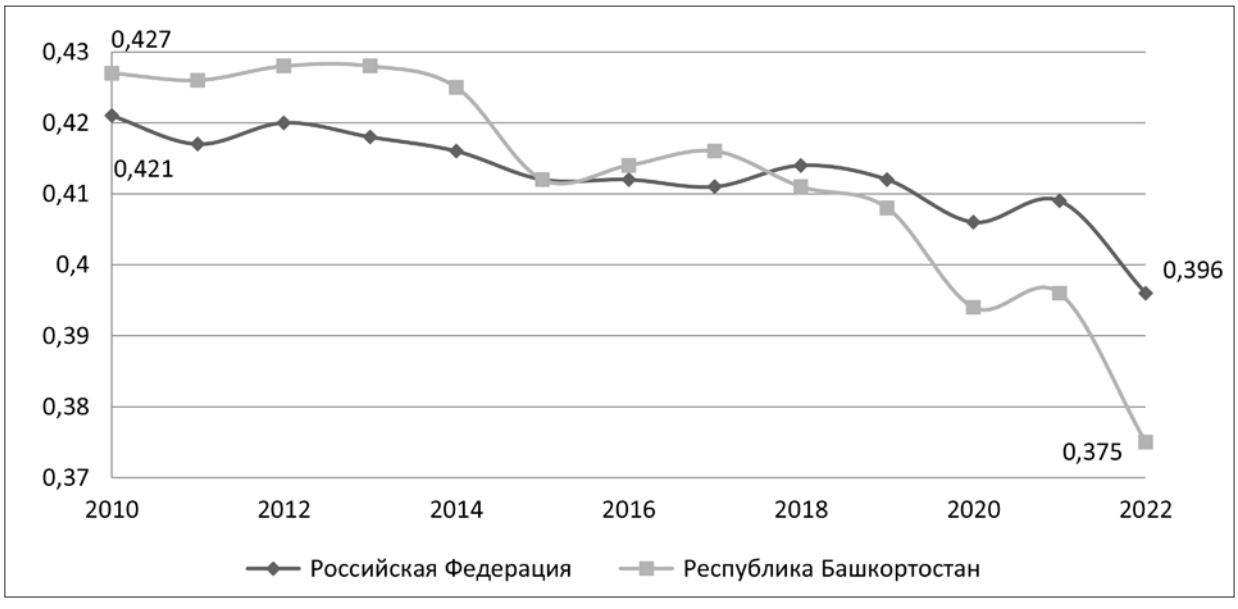

Рисунок 2 — Динамика индексов Джини в Российской Федерации и Республике Башкортостан (Составлено автором по данным [12])

Figure 2 — Dynamics of Gini indices in the Russian Federation and the Republic of Bashkortostan (Compiled by the author based on data [12])

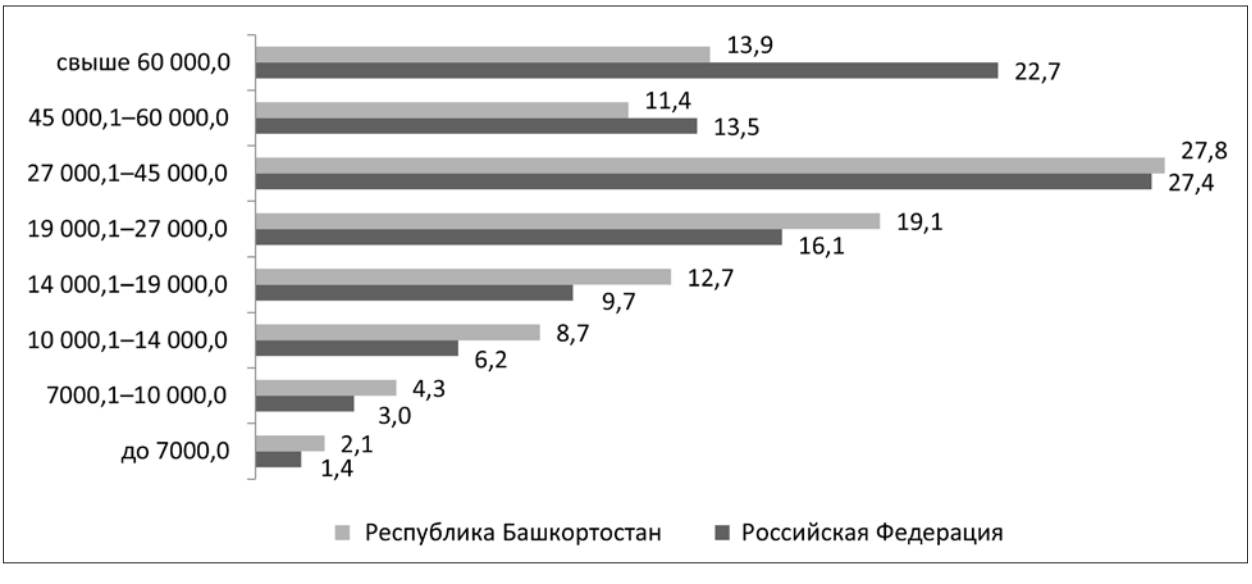

Рисунок 3 — Распределение населения по величине среднедушевых денежных доходов в 2022 году, руб. в месяц (Построено по данным Росстата)

Figure 3 — Distribution of the population by average per capita cash income in 2022, rubles per month (Based on Rosstat data)

чие в доле самой высокообеспеченной группы с доходами свыше 60 тыс. руб. в месяц: 13,9 % в Республике Башкортостан против 22,7 % в целом по России. Величина модального интервала одинакова как для Республике Башкортостан, так и для Российской Федерации и составляет от 27 до 45 тыс. руб. в месяц.

В 2021 году в Республике Башкортостан объем социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения (в среднем на 1 жителя муниципального района / городского округа) составил 25,6 тыс. руб. в месяц (что на 76 % больше по сравнению с 2015 годом), в том числе в городских округах — 33,8 тыс. руб., в муниципальных районах —

Таблица 4 — Дифференциация муниципальных образований Республики Башкортостан по объему социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения, руб. в месяц [12]

Показатели	2015 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Максимальное значение показателя, тыс. руб.	22,4	28,4	30,8	36,2	42,2
Минимальное значение показателя, тыс. руб.	6,4	9,1	10,0	11,6	12,9
Размах вариации, тыс. руб.	16,0	19,3	20,8	24,6	29,3
Отношение максимального значения показателя к минимальному, раз	3,47	3,13	3,10	3,10	3,27
Коэффициент вариации, %	29,0	24,2	23,6	23,4	24,7

17,6 тыс. рублей. Показатели неравенства данного показателя по муниципальным образованиям Республики Башкортостан приведены в таблице 4.

Наибольший объем социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения в 2021 году наблюдается в Уфе (42,2 тыс. руб.), а также городах Октябрьский (25,2 тыс. руб.), Салават (24,2 тыс. руб.), Нефтекамск (22,9 тыс. руб.), Стерлитамак (22,4 тыс. руб.), муниципальных районах Уфимский (24,8 тыс. руб.), Альшеевский (23,4 тыс. руб.) и Учалинский (22,1 тыс. руб.). К отстающим районам республики по объему социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения относятся: Мишкинский (12,9 тыс. руб.), Бурзянский (13,2 тыс. руб.), Бирский (13,4 тыс. руб.), Зианчуринский (13,9 тыс. руб.), Кигинский (14,0 тыс. руб.). Соотношение максимального и минимального значений данного показателя в муниципальных районах составляет 1,9 раз, в городских округах — 1,7 раз.

Несмотря на тенденцию сокращения доходного неравенства между муниципальными образованиями в республике, на основе значений коэффициента вариации можно сделать вывод о его повышении в 2021 году до 24,7 %. За весь рассматриваемый период с 2015 по 2021 год значение коэффициента вариации не превышает 33 %, что, в принципе, свидетельствует об однородности муниципальных образований Республики Башкортостан по объему социальных выплат и налогооблагаемых денежных доходов населения.

Таким образом, неравенство доходов населения — это сложное социально-экономическое явление со своими закономерностями, причинно-следственными связями (в том числе и скрытыми), которое не всегда поддается прямым измерениям. Проведенное исследование показало, что в Республике Башкортостан с учетом уровня ее социально-экономического развития, степень неравенства доходов населения достаточно высокая, что требует разработки мер региональной политики, направленной на выравнивание доходов населения (пересмотр распределительных отношений, увеличение доходов малоимущих слоев населения, обеспечение равенства возможностей населения в доступе к рабочим местам, образованию, здравоохранению и др.).

Список источников

1. Цели в области устойчивого развития // ООН : официальный сайт. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru

2. Мареева С. В., Слободенюк Е. Д. Неравенство в России на фоне других стран: доходы, богатство, возможности : аналитический доклад. Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2021. 28 с.

3. Шевяков А. Ю., Кирута А. Я. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. Москва : М-Студио, 2009. 192 с.

4. Костылева Л. В. Неравенство населения России: тенденции, факторы, регулирование. Вологда : Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2011. 223 с.

5. Шевяков А. Ю. Социальное неравенство: тормоз экономического и демографического роста // Уровень жизни населения регионов России. 2010. № 5(147). С. 38–52.

6. Бобков В. П. Дифференциация благосостояния // Экономист. 2005. № 6. С. 54–67.

7. Суринов А. Е., Луппов А. Б. Неравенство по доходам в России. Измерение на основе эквивалентного дохода // Экономический журнал ВШЭ. 2020. Т. 24, № 4. С. 539–571.

8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022 // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

9. Рейтинги регионов по уровню благосостояния семей — 2022 // РИА РЕЙТИНГ : сайт. URL: https://riarating.ru/infografika/20220530/630222891.html. Дата публикации: 30.05.2022.

10. Костылева Л. В., Дубиничев Р. В. Неравенство населения и его влияние на социально-экономическое развитие региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2009. № 4(8). С. 95–103.

11. Малкина М. Ю. Институциональные основы неравенства доходов в современной экономике // Журнал институциональных исследований. 2016. № 1. С. 100–120.

12. Уровень жизни населения Республики Башкортостан : статистический сборник. Уфа : Башкортостанстат, 2021. 93 с.

13. Малкина М. Ю. Исследование взаимосвязи уровня развития и степени неравенства доходов в регионах Российской Федерации // Экономика региона. 2014. № 2. С. 238–247.

14. Малкина М. Ю. Динамика и факторы внутрирегиональной и межрегиональной дифференциации доходов населения // Пространственная экономика. 2014. № 3. С. 44–66.

15. Герасимова И. А., Герасимова Е. В. Неравенство денежных доходов населения России (пространственно-временной подход) // Мир России. Социология. Этнология. 2014. № 2. С. 38–74.

16. Гулюгина А. А. Покупательная способность денежных доходов населения России в условиях современных вызовов // Уровень жизни населения регионов России. 2023. № 3. С. 395–406.

References

1. Sustainable Development Goals. UN: official site. (In Russ.). Available from: https://www.un.org/sustainabledevelopment/en

2. Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D. Inequality in Russia against the background of other countries: income, wealth, opportunities: analytical report. Moscow: National Research University Higher School of Economics; 2021. 28 p. (In Russ.).

3. Shevyakov A. Yu., Kiruta A. Ya. Inequality, economic growth and demography: unexplored relationships. Moscow: M-Studio; 2009. 192 p. (In Russ.).

4. Kostyleva L. V. Inequality of the Russian population: trends, factors, regulation. Vologda: Institute of Socio-Economic Development of Territories of the Russian Academy of Sciences; 2011. 223 p. (In Russ.).

5. Shevyakov A. Yu. Social inequality: a brake on economic and demographic growth. *Uroven` zhizni naseleniya regionov Rossii = Living standards of the population of Russian regions*. 2010;(5(147)):38–52. (In Russ.).

6. Bobkov V. P. Differentiation of welfare. *E`konomist = Economist*. 2005;(6):54–67. (In Russ.).

7. Surinov A. E., Luppov A. B. Income inequality in Russia. Measurement based on equivalent income. *E`konomicheskij zhurnal VShE` = Economic Journal of Higher School of Economics.* 2020;24(4):539–571. (In Russ.).

8. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2022. Federal State Statistics Service: official site. (In Russ.). Available from: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204

9. Ratings of regions by level of family well-being — 2022. RIA RATING: site. (In Russ.). Available from: https://riarating.ru/infografika/20220530/630222891.html. Publication date: 05/30/2022.

10. Kostyleva L. V., Dubinichev R. V. Inequality of the population and its influence on the socio-economic development of the region. *E`konomicheskie i social`ny`e peremeny`: fakty`, tendencii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2009;(4(8)): 95–103. (In Russ.).

11. Malkina M. Yu. Institutional foundations of income inequality in the modern economy. *Zhurnal institucional`ny`x issledovanij = Journal of Institutional Research*. 2016;(1):100–120. (In Russ.).

12. Standard of living of the population of the Republic of Bashkortostan: statistical collection. Ufa: Bashkortostanstat; 2021. 93 p. (In Russ.).

13. Malkina M. Yu. Study of the relationship between the level of development and the degree of income inequality in the regions of the Russian Federation. *E`konomika regiona = Regional Economics*. 2014;(2):238–247. (In Russ.).

14. Malkina M. Yu. Dynamics and factors of intraregional and interregional differentiation of population incomes. *Prostranstvennaya e`konomika = Spatial Economics*. 2014;(3):44–66. (In Russ.).

15. Gerasimova I. A., Gerasimova E. V. Inequality of monetary income of the population of Russia (spatio-temporal approach). *Mir Rossii. Sociologiya. E`tnologiya = World of Russia. Sociology. Ethnology*. 2014;(2):38–74. (In Russ.).

16. Gulyugina A. A. Purchasing power of monetary income of the population of Russia in the conditions of modern challenges. *Uroven` zhizni naseleniya regionov Rossii = Living standards of the population of the regions of Russia*. 2023;(3):395–406. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. В. Кабашова — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник.

Information about the author

E. V. Kabashova — Candidate of Science (Economics), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 08.12.2023; одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 08.12.2023; approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 118–122
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):118–122

Научная статья
УДК 304.3
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-118-122

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЕГО СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА: ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алексей Михайлович Кубланов
Воронежская государственная академия спорта, Воронеж, Россия, kublanoff@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3998-898X

Аннотация. В статье представлен краткий обзор научных публикаций, исследующих вопрос субъективного восприятия качества жизни и т.п. Отмечено, что качество жизни как объект исследования рассматривается со второй половины XX в. в рамках междисциплинарных исследований, отражающих разнообразие подходов к пониманию сущности и содержания качества жизни и представляющих качество жизни как некий концепт, восприятие которого меняется в зависимости от базовой основы исследования. Таким образом, в рамках медицины качество жизни рассматривается в контексте здоровья человека, в рамках социологии — в контексте социального самочувствия и социального взаимодействия и т. д. Субъективное качество жизни выступает показателем самооценки человека степени удовлетворенности физическими, социальными, экономическими и иными факторами жизни. Проведенный обзор указывает на то, что исследование качества жизни и индивидуализация оценок его элементов дифференцирована в зависимости от социально-демографических характеристик индивида. Сделан вывод о том, что качество жизни — это сложная и многогранная концепция, которая используется для изучения различных аспектов жизни людей, включая физическое и психологическое благополучие, финансовую независимость, социальные отношения, личные убеждения и жизненную ситуацию.
Ключевые слова: качество жизни, субъективное качество жизни, измерение, оценка, восприятия, дифференциация, элементы, показатели
Для цитирования: Кубланов А. М. Качество жизни и его субъективная оценка: обзор литературы // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 118–122. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-118-122.

Research article

QUALITY OF LIFE AND ITS SUBJECTIVE ASSESSMENT: FOREIGN LITERATURE REVIEW

Aleksei M. Kublanov
Voronezh State Academy of Sports, Voronezh, Russia, kublanoff@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3998-898X

Abstract. The article presents a brief overview of scientific publications investigating the issue of subjective perception of the quality of life. etc. It is noted that the quality of life as an object of research has been considered since the second half of the XX century in the framework of interdisciplinary research reflecting a variety of approaches to understanding the essence and content of the quality of life and representing the quality of life as a concept, the perception of which varies depending on from the basic basis of the study. Thus, within the framework of medicine, the quality of life is considered in the context of human health, within the framework of sociology — in the context of social well-being and social interaction, etc. Subjective quality of life is an indicator of a person's self-esteem of the degree of satisfaction with physical, social, economic and other factors of life. The conducted review indicates that the study of the

quality of life and the individualization of assessments of its elements is differentiated depending on the socio-demographic characteristics of the individual. It is concluded that the quality of life is a complex and multifaceted concept that is used to study various aspects of people's lives, including physical and psychological well–being, financial independence, social relationships, personal beliefs and life situation.

Keywords: quality of life, subjective quality of life, measurement, assessment, perceptions, differentiation, elements, indicators

For citation: Kublanov A. M. Quality of life and its subjective assessment: Literature Review. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):118–122. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-118-122.

Качество жизни (КЖ) стало важным приоритетом в западном обществе после Второй мировой войны. В 1960-х и 1970-х годах в Соединенных Штатах были проведены первые опросы для измерения и описания КЖ. КЖ определяется через совокупность объективно и субъективно воспринимаемых факторов, таких как доход, жилье, физическое и психическое здоровье, образование, работа и пр. При этом объективные факторы в лучшем случае являются лишь справедливыми показателями субъективно воспринимаемого КЖ индивида.

Однако различные контексты, в которых используются показатели КЖ, затрудняют определение этого термина способом, приемлемым для исследователей во всех областях. Соответственно, начиная с 1960-х годов, исследователи предложили ряд определений КЖ, фокусирующихся на различных факторах, включая базовые потребности человека, субъективное благополучие, надежды и ожидания на будущее и другие феноменологические соображения [1]. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определила КЖ как «восприятие индивидом своего положения в жизни в контексте культуры и систем ценностей, в которых он живет, и в связи со своими целями, ожиданиями, стандартами и заботами» [2], и далее призывает исследователей измерять КЖ в различных культурах и контекстах, чтобы получить более целостное представление о здоровье и обеспечить лучшее лечение пациентов.

КЖ — это социальный показатель, который возник в экономике и социологии. За последние два десятилетия субъективные аспекты КЖ появились в области социальных наук, наук о поведении и окружающей среде с точки зрения политики. Хотя концепция КЖ включает в себя два измерения, субъективное и объективное КЖ или благосостояние, денежные аспекты социального развития обычно охватывают только объективные показатели благосостояния. Например, экономическое благополучие измеряется доходом, экологическое благополучие измеряется выбросами углекислого газа (CO_2), а благополучие, связанное со здоровьем, измеряется средней продолжительностью жизни. Однако объективные показатели необходимы, но недостаточны для понимания и отражения истинной природы благополучия сообщества. КЖ в основном включает в себя четыре важные области: физическое, материальное, социальное и эмоциональное благополучие.

Субъективное КЖ — это восприятие индивидом своей собственной жизни с точки зрения физического, материального и эмоционального благополучия [3], или иными словами — степень удовлетворенности физических, материальных и эмоциональных потребностей. По мнению ряда авторов «удовлетворение потребностей просто определяется материальными или нематериальными ресурсами, которыми обладает индивид, и сосредоточено вокруг концепции уровня жизни. Однако не все потребности могут быть определены на основе обладания материальными ресурсами. Потребности в любви, солидарности и т. д. определяются не материальными ресурсами, а тем, как люди общаются друг с другом. Кроме того, необходимы потребности в социальном и политическом участии или те, которые представляют вселенную отчуждения» [4].

Субъективное суждение индивидов о своем глобальном КЖ как о положительном или отрицательном определяется в первую очередь их восприятием уровня удовлетворенности и/или счастья по отношению к различным важным для них сферам жизни. «Удовлетворение и аффект (счастье) связаны, но они не идентич-

ны и при некоторых обстоятельствах движутся в противоположных направлениях» [5].

Воспринимаемые уровни этих двух атрибутов, удовлетворенности и счастья, по отношению к различным условиям жизни индивида были атрибутами, наиболее часто идентифицируемыми как проявления субъективно воспринимаемого КЖ в рассмотренных определениях.

Удовлетворенность жизнью с точки зрения субъективно воспринимаемого качества жизни имеет долгосрочную временную перспективу и жизнь в целом в качестве системы отсчета. Уровень удовлетворенности — это «воспринимаемое несоответствие между стремлением и достижением, варьирующееся от восприятия самореализации до того, что человек ощущает от лишений» [5]. Субъективно воспринимаемое КЖ может быть высоким, даже если некоторые цели индивида могут быть недостижимы.

Удовлетворенность важными для людей сферами жизни, как правило, более стабильна с течением времени, чем счастье. Счастье, эмоциональное переживание относятся к преходящим настроениям веселости или эйфории, которые люди испытывают по отношению к своему текущему положению дел. Уровень счастья отражает степень, в которой положительные чувства перевешивают негативные чувства. Основываясь на двух важнейших атрибутах, наиболее часто выявляемых в рассмотренных определениях, КЖ может быть концептуально определено как когнитивный опыт, проявляющийся в удовлетворенности важными для индивида сферами жизни, и эмоциональный опыт, проявляющийся в счастье в важных сферах жизни. Верные предположениям феноменологической исследовательской традиции, индивидуальные представления об уровнях удовлетворенности и счастья в зависимости от жизненных сфер (то есть исторического, социально-политического контекста) указывают, как люди оценивают качество своей жизни.

Рассматривая социальную уязвимость с точки зрения детерминант КЖ, Д. Шойту, А. Ребеляну и Л. Опрея утверждают, что «человека не следует считать уязвимым по своей сути, поскольку он трансформируется под воздействием ряда дополнительных факторов, среди которых упоминаются: бедность, неадекватное жилье, получение услуг низкого качества, неоправданные правовые нормы, проявления власти и неравенства на уровне семьи, общества — включая институты, структуры, иерархии, политику, меры» [6].

Юстин Лупу анализирует КЖ с позиции медицинских наук в виде физического, психического и социального благополучия и способности пациентов выполнять свои обычные задачи. Оценка КЖ и его вариаций полезна в медицинской практике для понимания значимости заболевания, особенно хронического, для отдельных людей, с одной стороны, а с другой — для оценки эффективности терапевтического воздействия и лечения пациентов, определения их потребностей в физической, психической и социальной поддержке на протяжении всего периода болезни. Автор представляет среди полезных направлений обеспечения КЖ пациентов возможность информирования их о значении и возможных последствиях различных медицинских процедур [7].

Субъективное КЖ становится стандартным показателем состояния здоровья, особенно для людей с множественными, хроническими, функциональными, психологическими или неизлечимыми заболеваниями. КЖ является логическим итоговым показателем эффективности современного здравоохранения, большая часть которого направлена на облегчение страданий и восстановление нормальной жизни. Основными понятиями показателей КЖ являются субъективность, многомерность и благополучие. КЖ, связанное со здоровьем, фокусируется на измерениях, которые могут быть изменены состоянием здоровья. Общее восприятие здоровья, психологическое благополучие и функционирование являются важными измерениями HRQOL (англ. *Measiring Health-related quality of life, HRQOL*), в то время как симптомы и жизнеспособность являются важными причинными переменными.

С развитием социальных детерминант качества жизни была признана роль социального капитала (СК) в КЖ [8]. Поэтому в новых исследованиях социального аспекта рассматривается роль СК в субъективном КЖ. СК обычно включает когнитивный и структурный аспекты:

– когнитивный аспект относится к предрасположенности индивидов действовать так, чтобы это приносило пользу обществу,

– структурный аспект относится к взаимодействию между индивидами [9].

Субъективные показатели КЖ в основном включают измерение уровня удовлетворенности индивидов жизнью в том виде, в каком они ее ощущают. Удовлетворенность людей жизнью может быть измерена путем рассмотрения различных аспектов их опыта, таких как социальная активность, личное здоровье, среда обитания, богатство и трудовая деятельность. Например, знаковое концептуальное исследование Д. Фелси и Дж. Перри, посвященное измерениям КЖ, четко определило показатели двух измерений КЖ [3].

Исследования показали, что СК положительно коррелирует с высоким уровнем КЖ, поскольку дает основания испытывать удовлетворенность жизнью, а также для восприятия значимости себя в социальном пространстве и экономического неравенства с точки зрения опыта отдельных людей. Хотя эти три области связаны с физическим и психическим здоровьем людей [10], большинство ученых рассматривали только одну область для измерения субъективного КЖ. Кроме того, текущие исследования по СК и субъективному КЖ были проведены в основном в развитых странах, в развивающихся странах было проведено мало исследований.

КЖ — это сложная и многогранная концепция, которая используется для изучения различных аспектов жизни людей, включая физическое и психологическое благополучие, финансовую независимость, социальные отношения, личные убеждения и жизненную ситуацию. В результате позитивного восприятия КЖ, индивид свободен расходовать имеющиеся ресурсы для продолжения личностного роста. Следствие продолжающегося личностного роста согласуется с теорией мотивации субъективно воспринимаемого КЖ А. Маслоу, которая постулировала, что по мере удовлетворения потребностей индивидов по иерархической схеме возникает возможность для самореализации.

КЖ — это скрытая переменная, которую невозможно измерить напрямую. Для количественной оценки его необходимо преобразовать в показатели составляющих его измерений и областей. Для достижения поставленной цели показатели должны быть достоверными, важными, репрезентативными и адекватными. Показатель КЖ представляет показатели в виде элементов, которые могут быть оценены по шкалам ответов, которые затем представляются в виде оценок в профильной области или составного индекса качества жизни.

Список источников

1. Moons P., Budts W., De Geest S. Critique on the conceptualisation of quality of life : a review and evaluation of different conceptual approaches // International Journal of Nursing Studies. 2006. No. 43. P. 891–901.

2. The World Health Organization Quality of Life assessment (WHOQOL): position paper from the World Health Organization // Social Science and Medicine. 1995. No. 41. P. 1403–1409.

3. Felce D., Perry J. Quality of life: its definition and measurement // Research in Developmental Disabilities. 1995. No. 16. P. 51–74.

4. Allardt E., Uusitalo H. Dimension of welfare in a comparativ Scandinavian study // Scandinavian Political Studies. 1994. Vol. 7, No. A7. P. 9–27.

5. Campbell A. The sense of well-being in America. New York : McGraw-Hill, 1981. 263 p.

6. Şoitu D., Rebeleanu A., Oprea L. Politicile publice sociomedicale, între „vulnerabilităţi” şi „riscuri” // Revista Română de Bioetică. 2013. Vol 11, No. 1. P. 18–29.

7. Lupu I. Calitatea vieţii în sănătate. Definiţii şi instrumente de evaluare // Calitatea Vieţii. 2006. Vol. 17, No. 1-2. P. 73–91.

8. Social capital is associated with improved subjective well-being of older adults with chronic non-communicable disease in six low- and middle-income countries / A. K. Christian, O. A. Sanuade, M. A. Okyere, K. Adjaye-Gbewonyo // Global Health. 2020. No. 16. P. 1–11.

9. Kaasa A. Parts E. Individual-level determinants of social capital differences between country groups // Acta Sociologica. 2008. No. 51. P. 145–168.

10. A daily analysis of physical activity and satisfaction with life in emerging adults / J. P. Maher, S. E. Doerksen, S. Elavsky et al. // Health Psychology. 2013. No. 32. P. 647–656.

References

1. Moons P., Budts W., De Geest S. Critique on the conceptualisation of quality of life: A review and evaluation of different conceptual approaches. International Journal of Nursing Studies. 2006;43:891–901.
2. The World Health Organization Quality of Life assessment (WHOQOL): position paper from the World Health Organization. Social Science and Medicine. 1995;41:1403–1409.
3. Felce D., Perry J. Quality of life: its definition and measurement. Research in Developmental Disabilities. 1995;16:51–74.
4. Allardt E., Uusitalo H. Dimension of welfare in a comparativ Scandinavian study. Scandinavian Political Studies. 1994;7(A7):9–27.
5. Campbell A. The sense of well-being in America. New York: McGraw-Hill; 1981. 263 p.
6. Şoitu D., Rebeleanu A., Oprea L. Sociomedical public policies, between "vulnerabilities" and "risks". *Revista Română de Bioetică = Romanian Journal of Bioethics.* 2013;11(1):18–29. (In Romanian.)
7. Lupu I. Quality of life in health. Definitions and assessment tools. *Calitatea Vieţii = Life quality*. 2006;17(1-2):73–91. (In Romanian.)
8. Christian A. K., Sanuade O. A., Okyere M. A., Adjaye-Gbewonyo K. Social capital is associated with improved subjective well-being of older adults with chronic non-communicable disease in six low- and middle-income countries. Global Health. 2020;16:1–11.
9. Kaasa A., Parts E. Individual-level determinants of social capital differences between country groups. Acta Sociologica. 2008;51:145–168.
10. Maher J. P., Doerksen S. E., Elavsky S. et al. A daily analysis of physical activity and satisfaction with life in emerging adults. Health Psycholjgy. 2013;32:647–656.

Информация об авторе

А. М. Кубланов — кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики сложнокоординационных и прикладных видов спорта.

Information about the author

A. M. Kublanov — Candidate of Science (Pedagogical), Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Complex Coordination and Applied Sports.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.
The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 123–129
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):123–129

Научная статья
УДК 336.439.4:638.1
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-123-129

ДЕМОГРАФИЯ И МИРОВАЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Елена Анатольевна Хунафина[1]✉, Айгуль Фаритовна Ахмадиева[2], Алия Алифовна Атажанова[3]
[1]Башкирский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Уфа, Россия, e.a.hunafina@ruc.su
[2,3]Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия
[2]aigul_73@mail.ru
[3]Ata-aliya@yandex.ru

Аннотация. Предмет исследования — демография и продовольственная безопасность. Цель исследования — выявление влияния демографических процессов на обеспечение продовольственной безопасности в мире. Задачи исследования — рассмотрение демографической и продовольственной проблем, анализ современного состояния и выявление перспектив развития сельского хозяйства как основы продовольственной безопасности, а также разработка мер по предотвращению мирового продовольственного кризиса, одним из причин которого является рост численности населения планеты. Новизна исследования: освещены цифровые данные, характеризующие состояние демографических процессов на фоне роста численности и старения населения во многих странах, спроса на продовольствие и его нехватку. Выводы: массовый голод как последствие структурного продовольственного кризиса является не только проблемой отдельных стран, но и вызовом всему мировому сообществу. Разработка и реализация государственных мер в борьбе с голодом — одна из приоритетных задач современного международного сообщества в вопросах обеспечения мировой продовольственной безопасности. Продовольственная проблема вызвана различными факторами (рост численности населения, изменение климата, недостаточное инвестирование сельского хозяйства, неравномерное распределение продовольствия, бедность и неравенство, политическая обстановка). Демографический фактор, обусловленный ростом числа бедных и голодающих людей, определяет ухудшение продовольственной безопасности любой страны.
Ключевые слова: демография, национальная безопасность, продовольственная безопасность, продовольственный кризис, продолжительность жизни, рождаемость, сельское хозяйство, смертность, старение населения
Для цитирования: Хунафина Е. А., Ахмадиева А. Ф., Атажанова А. А. Демография и мировая продовольственная безопасность // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 123–129. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-123-129.

Research article

DEMOGRAPHY AND WORLD FOOD SECURITY

Elena A. Khunafina[1]✉, Aigul F. Akhmadieva[2], Aliya A. Atazhanova[3]
[1]Bashkir Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, Ufa, Russia, e.a.hunafina@ruc.su
[2,3]Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia
[2]aigul_73@mail.ru
[3]Ata-aliya@yandex.ru

Abstract. The subject of the research is demography and food security. The purpose of the study is to identify the impact of demographic processes on ensuring food security in the world. The objectives of the

study are to consider demographic and food problems, analyze the current state and identify prospects for the development of agriculture as the basis of food security, as well as develop measures to prevent the global food crisis, one of the reasons for which is the growth of the planet's population. Novelty of the study: digital data characterizing the state of demographic processes against the background of population growth and aging in many countries, demand for food and its shortage are highlighted. Conclusions: mass hunger as a consequence of a structural food crisis is not only a problem for individual countries, but also a challenge for the entire world community. The development and implementation of government measures to combat hunger is one of the priorities of the modern international community in ensuring global food security. The food problem is caused by various factors (population growth, climate change, underinvestment in agriculture, uneven food distribution, poverty and inequality, political environment). The demographic factor, caused by the growing number of poor and hungry people, determines the deterioration of food security in any country.

Keywords: demography, national security, food security, food crisis, life expectancy, fertility, agriculture, mortality, population aging

For citation: Khunafina E. A., Akhmadieva A. F., Atazhanova A. A. Demography and global food security. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):123–129. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-123-129.

Мировые проблемы с динамикой и структурой народонаселения, его размещением оказывают влияние на состояние окружающей среды, природных ресурсов, продовольственную безопасность [1]. Последний из представленных факторов является одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности государства, фактором сохранения его государственности и суверенитета, важной составляющей демографической политики, условием повышения качества жизни, гарантирования высоких стандартов жизнеобеспечения. Стремление к продовольственной безопасности является постоянным и непрерывным процессом [2].

Глобальными демографическими трендами на планете считаются сокращение численности населения Китая (почти двукратное), лидирующее место Индии по численности населения (по состоянию на 1 января 2023 г. — 1,41 млрд чел. (факт), на 2065 год — 1,70 млрд чел. (прогноз)), замедление роста населения мира (ниже 1 %), перенос прироста населения на восемь стран (Республику Конго, Египет, Эфиопию, Индию, Нигерию, Пакистан, Танзанию, Филиппины), рост молодой возрастной структуры, стремительное старение населения (с долей людей в возрасте 65 лет и старше — 10 % (факт), к 2025 году — 16 % (прогноз)). Россия к 2050 году войдет в число наиболее населенных стран мира (133 млн чел.).

Темпы роста численности населения отличаются в разрезе стран, групп доходов и географических регионов. Так, в странах с низким доходом они непропорционально высоки и, наоборот, являются низкими в странах со средним и высоким уровнями доходов.

Растущее население мира сложно обеспечить продовольствием в виду изменения климата вследствие роста выбросов парниковых газов, которые, в свою очередь, приводят к повышению температуры на земле, разрушению окружающей среды, росту числа стихийных бедствий и катастроф.

Реальным путем решения проблемы перенаселения планеты видится регулирование численности населения. Во многих странах наметилась тенденция к сокращению рождаемости за счет сочетания экономического развития страны и планирования семьи, применения штрафов и экономических льгот.

Старение населения по демографическому признаку является серьезной экономической проблемой, имеющей всемирный характер. В развивающихся странах наблюдается не только низкий уровень рождаемости, но и высокий уровень смертности пожилых людей. Причинами данной тенденции являются низкий уровень развития экономики, медицинского обслуживания. Старение населения в европейских государствах происходит вследствие сокращения уровня рождаемости, увеличения продолжительности жизни (в 2022 году до 72 лет), перехода больших групп людей в категорию пожилых.

По прогнозам в течение 2000–2050 годов доля лиц в возрасте 80 лет и старше в мире увеличится в 4 раза и составит 5 %. Цифры свидетельствуют о существенных последствиях данного процесса: сокращение рабочей силы, рост расходов на здравоохранение, снижение качества жизни пожилых людей.

Продовольственная безопасность отражает физическую и экономическую доступность продовольствия, которого должно быть на территории страны в достаточном объеме и ассортименте, высокого качества и безопасности с учетом его импорта или самообеспечения, либо сочетания импорта и собственного производства.

Безопасность продуктов определяется как состояние обоснованной уверенности потребителей в отсутствии опасности при их использовании, то есть не являются вредными и не представляют опасности для жизни и здоровья. Источниками подобной опасности могут выступать природные вещества, входящие в состав пищи, а также химические и биологические компоненты. Так, опасности могут возникнуть вследствие использования несоответствующего сырья, загрязненного оборудования, работы персонала, несоблюдающего правила гигиены и санитарии. Существует вероятность наступления риска как допустимого для потребителя, так и недопустимого, превышающего предельно установленные уровни.

Обеспечение качества и безопасности продуктов питания и сырья осуществляется за счет производства продукции в соответствии с установленными требованиями (стандартами); наличия документации о соответствии правилам/стандартам; регламентированных полномочий и ответственности исполнителей; используемой упаковки согласно требованиям; контроля технологического процесса и качества продукции; разработки процедур самоконтроля и аудита качества, необходимых для оценки эффективности применяемой системы обеспечения качества. Управление качеством продуктов способствует повышению прибыли от производства, снижению риска производства некачественной продукции, сокращению фактов пищевых отравлений, повышению имиджа производителя.

Обеспечение продовольственной безопасности является одной из главных целей аграрной и экономической политики государства. Ее достижение приводит к изменению приоритетов развития, инструментов и механизмов реализации аграрной политики.

Несмотря на рост объемов производства сельскохозяйственной продукции, численность населения, страдающего от голода и недоедания, к сожалению, не сокращается. Число голодающих в мире из-за пандемии, экстремальных природных катаклизмов и конфликтов, социального неравенства, нерационального использования продуктов питания, перенаселения, экономических проблем, начиная с 2019 года увеличилось на 122 млн чел. (с 691 до 783 млн человек) [3]. По статистике от голода больше процент смертности у трудоспособных мужчин, детей, пожилых людей.

Наиболее продовольственным кризисным регионом является Африка, где каждый пятый житель голодает. Из числа бедствующих стран выделяются Эфиопия и Мадагаскар. В 2023 году крупные продовольственные кризисы зафиксированы в Конго, Афганистане, Йемене. В Южной Америке и регионах Азии отмечается ослабление глобального продовольственного кризиса.

В 2022 году примерно у 30 % населения мира (2,4 млрд чел.) отсутствовал постоянный доступ к продуктам питания, примерно у 900 млн человек возникла острая проблема нехватки продовольствия. Для миллионов детей в возрасте до пяти лет характерно отставание в росте (22,3 %), избыточный вес (5,6 %), истощение (6,8 %) [4].

По прогнозам в 2023 году 27 млн чел. столкнутся с проблемой голода, примерно 970 тыс. окажутся на грани голодной смерти. В 2023 году в ТОП-10 стран с наибольшим числом голодающих вошли: Индия (189,2 млн чел.), Нигерия (140,4), Конго (61,9), Индонезия (47,8), Пакистан (37,5), Эфиопия (34,4), Бангладеш (32,7), Кения (29,2), Танзания (27,8), Судан (26,7) [4].

В среднем от голода ежегодно умирает 18 млн чел., в том числе детей — $^3/_4$. В 2023 году наиболее высокий уровень смертности от голода зафиксированы в Анголе (101,32 смертей на 100 тыс. населения), Мали (57,15),

Бангладеш (56,36), Камбодже (50.19), Сомали (46,73).

Кроме роста голода в мире наблюдается тенденция ухудшения доступа к здоровому питанию. В 2021 году у более 3 млрд чел. отсутствовала возможность употреблять здоровую пищу. Абсолютный недостаток продовольствия по калорийности ощущает каждый седьмой житель Земли.

Проблемы с продовольствием коснутся как сельское (до 33 %), так и городское население (26 %). Специфично и питание детей в разрезе города и села: отставание в росте характерно в большей степени у детей, проживающих на селе (36 %) [3]. Истощением чаще страдают дети в сельской местности (10,5 %), чем в городской (7,7 %). Избыточный вес характерен для детей, проживающих в городских районах (5,4 %), в сравнении с сельскими районами (3,5 %).

Дисбаланс между сельским и городским населением имеет тенденцию к росту — ожидается стихийное, не подлежащее контролю увеличение численности горожан до 70 %. С 1950 года доля городского населения на сегодня почти удвоилась: с 30 до 57 %.

Размещение сельских жителей определяется историческими, экономическими и зональными особенностями. В ТОП-10 стран с наибольшей долей сельского населения, по данным ООН (%), вошли: Бурунди (87), Папуа-Новая Гвинея (86,8), Лихтенштейн (85,7), Нигер (83,6), Малави (83,1), Руанда (82,8), Самоа (81,8), Шри-Ланка (81,5), Южный Судан (80,4), Непал (80,3). Численность сельского населения в мире составляет 44,7 % (более 3,5 млрд чел.). Доля горожан минимальна в наименее развитых странах, а максимальна в развитых и нефтедобывающих. «Городскими» странами, то есть странами с наибольшей долей городского населения (%) являются Кувейт (100), Сингапур (100), Монако (100), Катар (99,1), Бельгия (98,0) и др. В России 74,4 % населения проживают в городах [5].

Плотность расселения сельского населения неоднородна. Так, Азиатско-африканский регион насчитывает 88 % жителей сельских территорий, Европа и Америка — 8 %.

Уровень экономического развития является основным фактором расселения населения между сельскими и городскими районами любой страны. Индустриализация в развивающихся странах провоцирует отток сельского населения в города, в связи с чем им необходима разработка стратегии эффективного преодоления разрастания городов за счет сокращения миграции.

Миграция молодежи из сельской местности в поисках работы ведет к изменениям демографического состава населения, способствует старению сельского населения и усилению нагрузки на города. Для молодых людей, обладающих производственным и инновационным потенциалом, необходимы инвестиции в образование и обучение, повышение квалификации.

Представители коренных народов (более 370 млн чел.), составляющие примерно 15 % беднейшего населения мира, вследствие маргинализации вынуждены мигрировать из сельской местности в города. Последствиями урбанизации стали их экономическое обнищание и усиление негативного воздействия на экосистемы. Государственная поддержка в отношении коренных народов должна проявляться через расширение их доступа к рынкам и ресурсам (финансовым, техническим), соблюдение прав на земельные ресурсы, стимулирование участия в создании ценностей [6].

Сельское хозяйство является крупнейшим в мире работодателем и крупнейшей отраслью экономики в большинстве стран. Сельское население составляет примерно 80 % беднейшего населения мира — 3,5 млрд человек. Ликвидация причин голода и нищеты на основе сосредоточения внимания сельскому населению, предоставления ему доступной социальной защиты, роста инвестиций в интересах бедных и содействия устойчивому развитию аграрного производства — это приоритетные задачи, стоящие перед всеми государствами.

Сегодня складывается ситуация, когда развитие сельского хозяйства в мире не соответствует объему и структуре мирового спроса на продовольствие. Согласно прогнозам, к 2030 году потребность в импорте зерна увеличится в несколько раз. Так, Китай с численностью населения в 3,5 млрд чел. будет вынужден ввозить ежегодно до 200 млн т зерна. Недостаток продовольствия спровоцирует существен-

ный рост мировых цен. В настоящее время инвестирование в сельское хозяйство столкнулось с определенными ограничениями: деградация сельхозземель требует дополнительных средств; строительство иррациональных оросительных систем способствует не только росту производства сельхозкультур, но и пересыханию рек и снижению уровня морей; происходит перенасыщение земель сельскохозяйственного назначения минеральными удобрениями.

Специальная военная операция на Украине выявила зависимость мира от сельскохозяйственной продукции из России и Украины, от которых зависит экспорт пшеницы в более 50 стран мира. Покупателями российских удобрений являются около 25 стран. Рост цен на зерновые и удобрения влечет за собой подорожание мясомолочной продукции, отказ сельхозпроизводителей использовать минеральные удобрения, что, соответственно, влияет и на сокращение урожайности сельскохозяйственных культур.

В 2022 году сельское хозяйство России оказалось под санкционным давлением. Возникли сложности с реструктуризацией логистических связей, поставками запчастей для импортной техники, средств защиты растений и минеральных удобрений. Благодаря принятию и реализации антикризисных мер в части возмещения затрат на производство и реализацию зерна, расширения перечня товаров «параллельного импорта», обнуления тарифов на некоторые виды сельскохозяйственной техники, упрощения ввоза пестицидов и инсектицидов агропромышленный сектор смог остаться стабильным [7].

В 2022 году на территории России посевные площади гречихи, сахарной свеклы, рапса, сои, картофеля и овощей открытого грунта увеличены более чем на 1 млн га. Уровень самообеспеченности в 2021 году по зерну составил 150,7 % (185,5 % на начало 2023 г.), маслу растительному — 176,6 % (221,1 % в 2023 году), сахару — 100 %, мясу — 100,2 % (101,6 % в 2023 г.). ЕС увеличил объемы закупок российского зерна — на 22 % за месяц и в 10 раз за год — до 180 тыс. т. Так, Россия стала четвертым крупнейшим экспортером зерна в ЕС.

В мире большинство мировой бедноты — мелкие фермеры, производящие основную долю продукции, потребляемой в развивающихся странах. Выступая движущей силой перемен, фермерство вносит значительный вклад в производство продовольствия, обработку земли, выращивание скота, защиту природных ресурсов, создание рабочих мест, а также в оказание благотворного и длительного влияния на благосостояние и экономический рост любой страны. Актуальным является доступ фермеров к новым инновационным технологиям взамен архаичным формам ведения сельского хозяйства. Ограничение доступа к качественным технологиям хранения сельскохозяйственных культур ведет к потерям урожая после его сбора. Например, применение герметично закрывающихся мешков устранит необходимость обработки зерна вредными пестицидами. Усиление поддержки программ, обеспечивающих фермеров финансовыми ресурсами, позволит им приобрести качественные сельскохозяйственные материалы и удобрения. Доступ фермеров к рынкам сбыта позволит увеличить объемы продаж, удовлетворяя спрос на продукцию не только на локальном уровне, но и расширить сельскохозяйственные цепочки на национальном и мировом уровнях.

Предотвратить масштабный продовольственный кризис реально за счет ускоренного урегулирования политических конфликтов, организации доступности для детей качественных и недорогих продуктов питания, укрепления логистических поставок продовольствия и продуктов питания на локальном уровне, соблюдения международного гуманитарного права, улучшения координации при финансировании, усиления роли гуманитарной помощи странам. Однако, по мнению экспертов, поставка продуктов питания не является логическим решением, целесообразно оказать голодающим денежную поддержку, так как у большинства людей отсутствуют деньги на приобретение еды.

Продовольственная проблема как сложное явление требует применения комплексного подхода и взаимодействия правительств, международных организаций и общественности.

К числу решений по обеспечению продовольственной безопасности на мировом уровне следует отнести:

– увеличение объемов производства продовольствия и продуктов питания за счет внедрения современных технологий, повышения эффективности использования ресурсов, поддержки сельхозпроизводителей;

– повышение доступности продуктов питания на основе внедрения эффективных систем их распределения, снижения цен, финансирования сельхозпроизводителей, развития инфраструктуры для хранения урожая и его транспортировки;

– реализация мер по борьбе с потерями и продовольственными отходами благодаря правильной их утилизации и созданию программ по перераспределению избытков продуктов питания, внедрению не истощительных сельскохозяйственных методов;

– устойчивое развитие сельского хозяйства на основе финансовой и технической поддержки сельхозпроизводителей (в том числе субъектов малого и среднего предпринимательства), использования эффективных методов производства, сохранения биоразнообразия, восстановления деградировавших земель, противостояния необходимости вырубки лесов под сельхозугодия, разумной эксплуатации водных ресурсов на основе совершенствования технологий орошения и хранения, выведения новых засухоустойчивых сортов культур;

– развитие сельских территорий путем создания рабочих мест, доступа к социальным услугам (здравоохранения, образования и т. д.), укрепления инфраструктуры (например, строительство дорог, подключение к электричеству, водоснабжению), обеспечения жильем [8];

– использование возобновляемых естественных источников энергии и достижений в области генетики и селекции сельскохозяйственных культур;

– увеличение инвестиций в проведение исследований, проектов в области разработки и внедрения новых технологий в целях повышения устойчивости продовольственных систем с учетом ожидаемого изменения климата.

Таким образом, продовольственная проблема является актуальной и злободневной. Она возникает из-за недостатка продовольствия, изменения климата, роста численности населения в отдельных странах мира, экономических и политических факторов. В отношении последствий продовольственного кризиса (голод, неравенство, миграция, социальные конфликты) требуются принятие и реализация комплексных мер, направленных на увеличение объемов производства, их рационального распределения, улучшение доступа к продуктам питания, поддержку сельского хозяйства. Лишь совместные усилия международного сообщества будут способствовать обеспечению продовольственной безопасности.

Список источников

1. Демографическая проблема и продовольственная безопасность // Студопедия : сайт. URL: https://studopedia.ru/28_3308_demograficheskaya-problema-i-prodovolstvennaya-bezopasnost.html. Дата публикации: 27.09.2020.

2. Жилина Е. В., Никитина А. А., Буранбаева Л. З. Роль потребительской кооперации в обеспечении продовольственной безопасности регионов Российской Федерации // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2022. № 2. С. 99–107.

3. ООН: число голодающих в мире с 2019 года увеличилось на 122 миллиона человек // Организация Объединенных Наций : официальный сайт. URL: https://news.un.org/ru/story/2023/07/1442797

4. Рейтинг голодающих стран в 2023 году //kafebochka.ru : сайт. URL: https://kafebochka.ru/reiting-golodayushhix-stran-v-2023-godu. Дата публикации: 29.10 2023.

5. Самые сельские и самые городские страны мира // dzen.ru : сайт. URL: https://dzen.ru/a/ZFtYy_ptM1Gjqq9G

6. Продовольствие и сельское хозяйство // Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций : официальный сайт. URL: https://www.fao.org/3/i7454ru/i7454ru.pdf

7. Буранбаева Л. З., Сабирова З. З., Мухамедьянова А. Ф. Продовольственная безопасность страны: анализ состояния и перспективы укрепления // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 3(60). С. 36–41.

8. Продовольственная проблема: причины, последствия и пути решения // Научные Статьи.ру : сайт. URL: https://nauchniestati.ru/spravka/prodovolstvennaya-problema

References

1. Demographic problem and food securityю Studopedia: site. (In Russ.). Available from: https://studopedia.ru/28_3308_demograficheskaya-problema-i-prodovolstvennaya-bezopasnost.html. Publication date: September 27, 2020.
2. Zhilina E. V., Nikitina A. A., Buranbaeva L. Z. The role of consumer cooperation in ensuring food security of the regions of the Russian Federation. *Fundamental`ny`e i prikladny`e issledovaniya kooperativnogo sektora e`konomiki = Fundamental and applied studies of the cooperative sector of the economy*. 2022;(2):99–107. (In Russ.).
3. UN: the number of hungry people in the world has increased by 122 million people since 2019. United Nations: official site. (In Russ.). Available from: https://news.un.org/ru/story/2023/07/1442797
4. Rating of hungry countries in 2023. kafebochka.ru: site. (In Russ.). Available from: https://kafebochka.ru/reiting-golodayushhix-stran-v-2023-godu. Publication date: October 29, 2023.
5. The most rural and most urban countries in the world. dzen.ru: site. (In Russ.). Available from: https://dzen.ru/a/ZFtYy_ptM1Gjqq9G
6. Food and Agriculture. Food and Agriculture Organization of the United Nations: official site. (In Russ.). Available from: https://www.fao.org/3/i7454ru/i7454ru.pdf
7. Buranbaeva L. Z., Sabirova Z. Z., Mukhamedyanova A. F. Food security of the country: analysis of the state and prospects for strengthening. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Bulletin of BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(3(60)):36–41.
8. Food problem: causes, consequences and solutions. Scientific Articles.Ru: site. (In Russ.). Available from: https://nauchniestati.ru/spravka/prodovolstvennaya-problema

Информация об авторах

Е. А. Хунафина — кандидат технических наук, доцент кафедры экономики и предпринимательства;

А. Ф. Ахмадиева — кандидат экономических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин;

А. А. Атажанова — старший преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин.

Information about authors

E. A. Khunafina — Candidate of Science (Technical), Associate Professor of the Department of Economics and Entrepreneurship;

A. F. Akhmadieva — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines;

A. A. Atazhanova — Senior Lecturer of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines.

Статья поступила в редакцию 04.12.2023; одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 04.11.2023; approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 130–140
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):130–140

СФЕРА ТРУДА: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Научная статья
УДК 331.526
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-130-140

ВОЗМОЖНОСТИ И БАРЬЕРЫ РАЗВИТИЯ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЗАНЯТОСТИ СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ (ОТ 45 ЛЕТ И СТАРШЕ) НА РЫНКЕ ТРУДА

Елена Георгиевна Калабина[1], Елена Александровна Шадрина[2]✉
[1,2]Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия
[1]kalabina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3952-7665
[2]elena.shadrina.75@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-1288-7512

Аннотация. Бурный рост цифровизации экономики за последние десятилетия показал возможные перспективы решения сложившихся у работников старших возрастных групп (от 45 лет и старше) проблем на рынке труда, благодаря их включению в платформенную занятость. Целью данной статьи является анализ возможностей и барьеров развития платформенной занятости у старших возрастных групп населения (от 45 лет и старше) как факторов повышения их социализации. В рамках исследования проведен анализ трактовок понятия «платформенная занятость» и предложено собственное определение термина. Исследована отраслевая стратификация платформенной занятости старших возрастных групп и их соотношение с количеством резюме кандидатов. Проведен анализ трактовок понятия «трансакционные издержки» и предложено собственное определение трансакционных издержек в платформенной занятости как новой формы трудовых отношений. Представлены рекомендации оптимизации трансакционных издержек в платформенной занятости работников старших возрастных групп.
Ключевые слова: платформенная занятость, цифровая экономика, рынок труда, старшие возрастные группы, трансакционные издержки
Для цитирования: Калабина Е. Г., Шадрина Е. А. Возможности и барьеры развития платформенной занятости старших возрастных групп населения (от 45 лет и старше) на рынке труда // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 130–140. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-130-140.
JEL коды: F66, J23, J71

FIELD OF LABOR: CHALLENGES OF THE TIME

Research article

OPPORTUNITIES AND BARRIERS TO THE DEVELOPMENT OF PLATFORM EMPLOYMENT OF OLDER AGE GROUPS OF THE POPULATION (45 YEARS AND OLDER) IN THE LABOR MARKET

Elena G. Kalabina[1], Elena A. Shadrina[2]✉
[1,2]Ural State Economic University, Ekaterinburg, Russia
[1]kalabina@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3952-7665
[2]elena.shadrina.75@mail.ru✉, https://orcid.org/0000-0003-1288-7512

Abstract. The rapid growth of the digitalization of the economy over the past decades has shown possible prospects for solving the problems that have developed among workers of older age groups (45 years and older) in the labor market, thanks to their inclusion in platform employment. The purpose of this article is

to analyze opportunities and barriers to the development of platform employment among older age groups of the population (45 years and older) as factors in increasing their socialization. Within the framework of the study, an analysis of interpretations of the concept of "platform employment" was carried out and its own definition of the term was proposed. The industry stratification of platform employment of older age groups and their correlation with the number of candidates' resumes is investigated. The analysis of the interpretation of the concept of "transaction costs" is carried out and its own definition of transaction costs in platform employment as a new form of labor relations is proposed. Recommendations for optimizing transaction costs in the platform employment of workers of older age groups are presented.
Keywords: platform employment, digital economy, labor market, older age groups, transaction costs
For citation: Kalabina E. G., Shadrina E. A. Opportunities and barriers to the development of platform employment of older age groups of the population (45 years and older) in the labor market. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):130–140. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-130-140.
JEL codes: F66, J23, J71

Введение

Общемировая тенденция демографического старения населения, а также проникновение цифровых технологий в сферу труда и занятости, изменившие принципы организации бизнеса приводят к трансформации социально-трудовой сферы. Дефицит кадров, являющийся главной проблемой российского бизнеса, требует максимального использования трудового потенциала населения и поиска новых гибких форматов активизации занятости. Поэтому развитие платформенной занятости, привлекающей новизной, перспективами распространения, а также ожидаемыми эффектами от реализации у работников старших возрастных групп (от 45 лет и старше), являющихся самыми многочисленными в структуре населения, приобретает в настоящее время особую актуальность.

Таким образом, содействие развитию платформенной занятости работников старших возрастных групп, является одной из стратегически важных задач для экономики Российской Федерации и обеспечения устойчивости ее социально-экономического развития.

Анализ и обсуждение проблемы

Цифровые платформы, ставшие настоящим трендом на рынке труда и основой современного предпринимательства, оказывают преобразовывающее влияние на отрасли экономики и увеличивают вариативность доступности занятости старших возрастных групп населения (от 45 лет и старше), испытывающих, как правило, проблемы трудоустройства. Таким образом, ориентация рынка труда на развитие цифровых платформ обусловлена возможностью их позитивного влияния на управление занятостью старших возрастных групп населения, усилению роли их индивидуальных качеств и преодолению возрастных ограничений традиционных трудовых отношений с устоявшимися «эйджистскими» стереотипами работодателей.

Вместе в тем появление платформенной занятости, ставшей продуктом научно-технического прогресса в качестве альтернативной формы на рынке труда, требует создания новых требований к ее управлению, поскольку разрушает традиционные определения и показатели трудовых отношений.

С онлайн-платформами в настоящее время взаимодействуют практически все возрастные группы населения. По данным Росстата, во II квартале 2023 г. число занятых на онлайн-платформах в России насчитывает почти 5 млн чел., из них 4 млн приходится на городское население, 900 тыс. — на сельских жителей [1]. При этом население старшей возрастной группы (от 45 лет и старше) демонстрирует высокий уровень вовлеченности в платформенную занятость (рис. 1).

Как показало исследование, в платформенную занятость вовлечены в той или иной степени практически все возрастные группы. При этом население старшего возраста (от 40 лет и старше), демонстрируют высокий уровень интереса к платформенной занятости, что

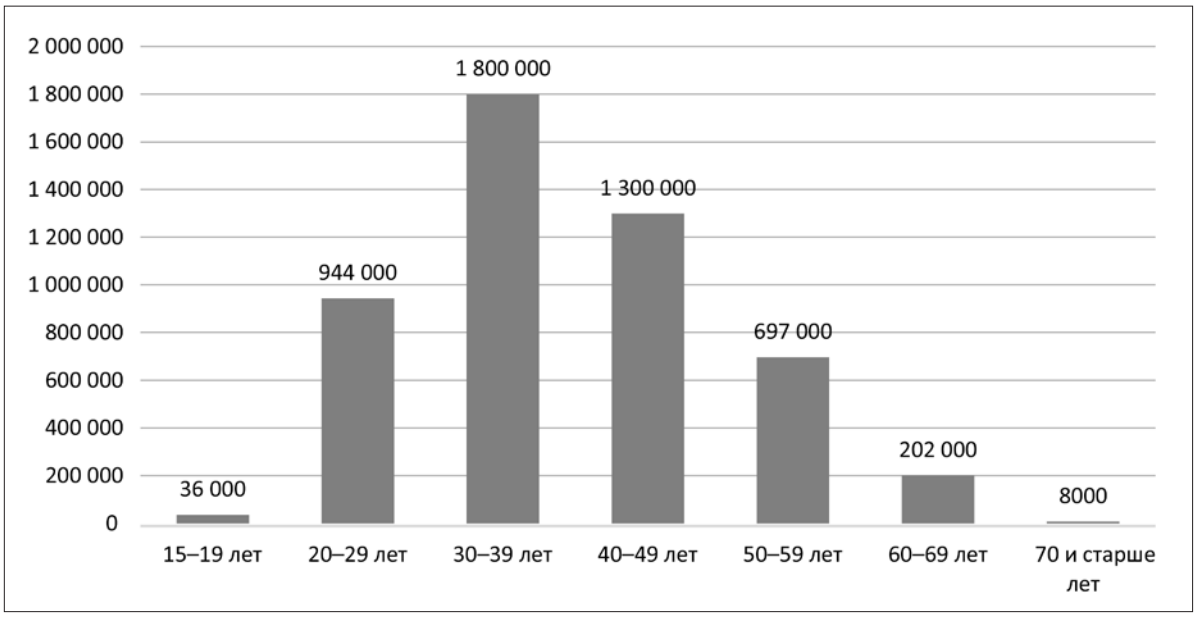

Рисунок 1 — Платформенная занятость в Российской Федерации по возрастным группам (2023 г.) [15]

Figure 1 — Platform employment in the Russian Federation by age group (2023) [15]

обусловлено ее влиянием на повышение доходов и способностью решать социально-экономические вопросы [2].

Платформенная занятость в настоящее время является предметом изучения ряда научных исследователей, таких как Н. Л. Лютова, И. В. Войтковской [3], В. В. Павловой [4], Е. А. Савельевой [5], группы исследователей «Высшей школы экономики»: О. В. Синявской, С. С. Бирюковой, А. П. Аптекаря, Е. С. Горват [6–7], Л. М. Гохберга [8], что подтверждает интерес научного сообщества к данной теме.

В феврале 2022 г. Центром проектной деятельности и коммуникационных технологий впервые было проведено исследование влияния платформенной экономики на трудовую деятельность поколения X [2], которое позволяет оценить проблемы развития трудовых отношений, возникающих в связи с применением цифровых и информационных технологий.

Однако проведенный нами анализ научной литературы выявил недостаток внимания к изучению платформенной занятости для разных возрастных групп населения и ее влияния на трансакционные издержки участников процесса.

Несмотря на отсутствие нормативно-законодательного регулирования платформенной занятости, в настоящее время порождающего проблему закрепления трактовки термина, анализ научных исследований позволяет выделить основные подходы к ее характеристике в трудах различных ученых (табл. 1).

Оценка представленных в таблице 1 подходов позволяет нам предложить собственное определение платформенной занятости в качестве инструмента вовлечения физических лиц в экономическую деятельность на эпизодической или регулярной основе по возмездному оказанию работ (услуг) путем использования цифровой платформы, выступающей в качестве посредника между поставщиками работ, услуг (исполнителями) и потребителями (заказчиками).

Наблюдаемый в России процесс стремительного старения населения, оказывающий влияние на социально-экономическую ситуацию, общее сокращение численности рабочей силы, приводящий к дефициту рабочей силы, заставляет работодателей пересматривать свою кадровую политику с эйджистскими стереотипами и охотнее привлекать для решения задач бизнеса население старшего возраста (от 45 лет и старше).

Численность рабочей силы на 1 января 2023 г. по данным Росстата составила 75,6 млн чел., из которых 72,9 млн чел. класси-

Таблица 1 — Теоретический обзор понятия «платформенная занятость» [3, 6, 9–13]

Исследователь	Определение понятия
Лютов Н. Л., Войтковская И. В. [3]	Занятость с использованием цифровой платформы, с целью предоставления юридическим или физическим лицам — клиентам (заказчикам) доступ к неограниченному и неизвестному им кругу других физических или юридических лиц —исполнителей для решения специфических проблем или оказания специализированных услуг на платной основе
Синявская О. В., Бирюкова С. С., Аптекарь А. П., Горват Е. С., Грищенко Н. Б., Гудкова Т. Б., Карева Д. Е. [6]	Гибкий формат включения в рынок труда, предполагающий использование онлайн-платформы (цифровой платформы) в качестве посредника между поставщиками услуг (исполнителями работ) и потребителями (клиентами)
Алекин А. [9]	Форма занятости, при которой компании или используют интернет-сайт (т. н. «платформу») для связи с другими компаниями или отдельными заказчиками для предоставления определенных услуг за деньги
Дрыгина Н. А. [10]	Взаимодействие поставщиков и потребителей рабочей силы посредством онлайн платформы, содействующей созданию связей между пользователями и обмену товарами и услугами, обеспечивая создание ценности всеми участникам процесса
Проект Федерального закона «О занятости населения в Российской Федерации» [11]	Деятельность граждан (платформенных занятых) по личному выполнению работ и (или) оказанию услуг на основе заключаемых договоров, организуемая с использованием информационных систем (цифровых платформ занятости), обеспечивающих взаимодействие платформенных занятых, заказчиков и операторов цифровых платформ занятости посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»
Шевчук А. В. [12]	Информационная система (веб-сайт или мобильное приложение), основная функция которой состоит в технологической и институциональной организации взаимодействия между самозанятыми работниками и заказчиками (индивидами или фирмами) по поводу купли-продажи разовых услуг, отдельных трудовых заданий и краткосрочных проектов
Kristin Jesnes [13]	Трехсторонние отношения между онлайн платформой, исполнителем и заказчиком (физическим лицом или юридическим лицом) по оказанию работ (услуг), при отсутствии для выполнения работ (услуг) стационарного рабочего места и оборудования, предоставляемого платформой

фицируются как занятые экономической деятельностью [1]. При этом в общей численности населения наблюдается преобладание населения в возрасте от 45 лет и старше (рис. 2).

Таким образом, интенсивное включение в платформенную занятость самой многочисленной в структуре населения группы, обладающей высокой профессиональной компетентностью и трудолюбием, создаст возможность решения проблемы дефицита кадров.

Оценка соотношения количества вакансий и резюме респондентов возрастной группы от 45 лет и старше в Уфе, размещенных в базе компании Авито, крупнейшего российского интернет-сервиса для размещения объявлений о вакансиях и резюме на рынке труда (за I–III кварталы 2023 г. по выборке более 38 тыс. вакансий), позволяет выделить основные сферы деятельности на рынке труда с предложениями платформенной занятости (рис. 3).

Исследование отраслевой стратификации платформенной занятости позволяет выделить в качестве наиболее привлекательных отраслей для работников старшей возрастной группы (от 45 лет и старше) сферы услуг, транспорта и образования.

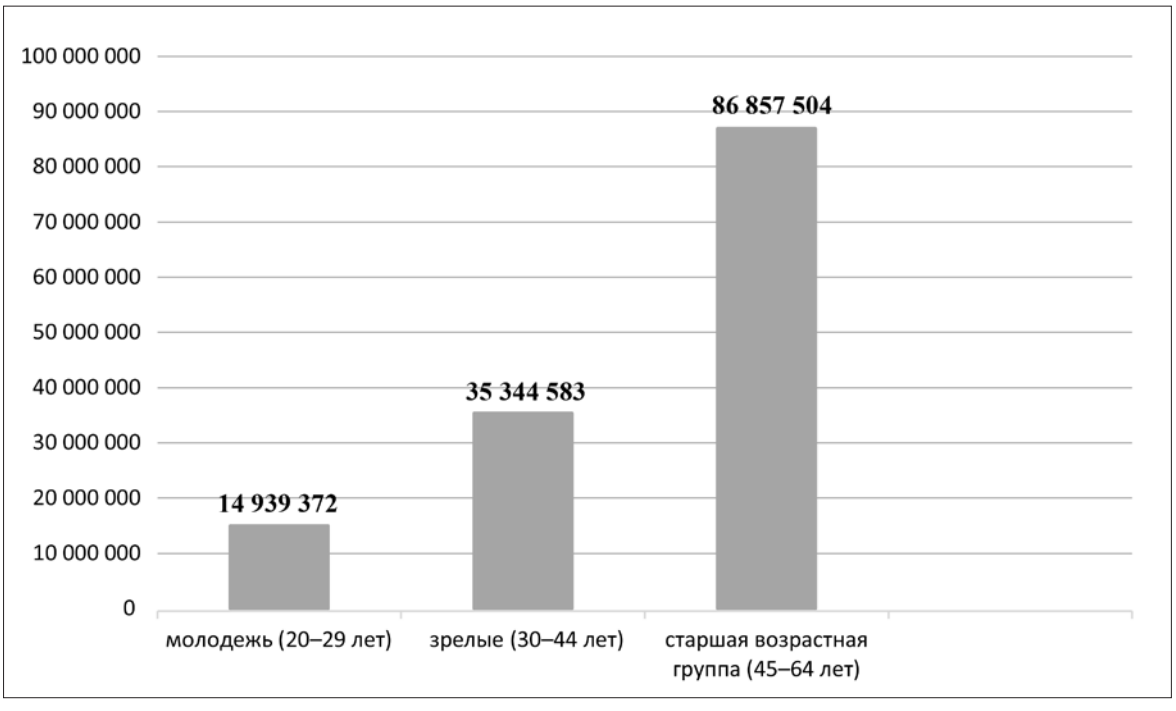

Рисунок 2 — Численность населения Российской Федерации по возрасту (на 1 января 2023 г.) [1]

Figure 2 — Population of the Russian Federation by age (on January 1, 2023) [1]

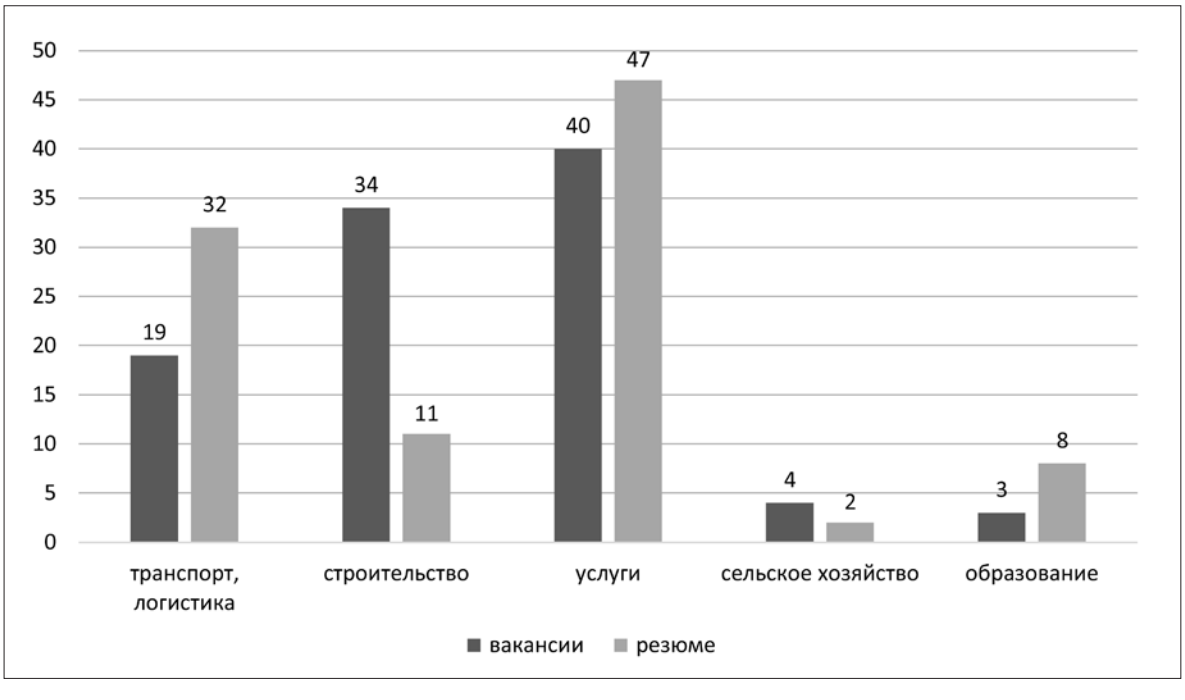

Рисунок 3 — Распределение вакансий с предложениями платформенной занятости и резюме кандидатов возрастной группы от 45 лет и старше за I–III квартал 2023 г. (составлено автором по данным анализа интернет-сервиса Авито в г. Уфа за I–III квартал 2023 г.)

Figure 3 — Distribution of vacancies with platform employment offers and resumes of candidates aged 45 years and older for the I–III quarter of 2023 (compiled by the author according to Internet Service Avito analysis in the Ufa city for the I–III quarter of 2023)

Высокие показатели спроса и предложений в сфере услуг у работников старшей возрастной группы (от 45 лет и старше) можно объяснить широким спектром направлений в данной области, а также, как указывают исследователи А. Л. Абаев, М. В. Болдырев, возможностью преодоления дискриминационных ограничений, получения дополнительного дохода путем совмещения с основной работой и независимостью рабочей деятельности [2].

Результаты исследования резюме, размещенных в базе компании Авито в г. Уфа за I–III квартал 2023 г. представленных сферой услуг, позволяют выделить основные группы в платформенной занятости старшего возрастного сегмента (от 45 лет и старше) (рис. 4).

На основании полученных результатов мы приходим к выводу, что платформенная занятость интересна старшим возрастным группам населения с высоким уровнем профессиональной подготовки и трудового опыта (68%), стремящихся к профессиональной и карьерной реализации [2].

Вместе с тем развитие цифровых платформ приводит к увеличению проблем обмена между сторонами сделки и возникновению рисков ее заключения, что является следствием роста трансакционных издержек. Исследование трансакционных издержек в платформенной занятости является актуальным, поскольку предполагает определение границ неоклассических моделей (где издержки равны нулю) и требует анализа их минимизации. На базе изучения трансакционных издержек появляется возможность количественной оценки результатов и определения перспектив.

Результаты анализа основных подходов к рассмотрению научной характеристики термина «трансакционные издержки» различных ученых позволяют выделить основные характеристики его определения (табл. 2).

Оценка представленных в таблице 2 определений позволяет нам предложить собственное определение трансакционных издержек платформенной занятости на рынке труда в качестве затрат, возникающих у участников экономических отношений по обеспечению исполнения, оплаты и обеспечения гарантий возмездного оказания работ (услуг) по запросу заказчика путем использования цифровой платформы.

Проведенное исследование трансакционных издержек в платформенной занятости возрастной группы от 45 лет и старше позволяет установить основные их группы для каждой из сторон экономической деятельности (табл. 3).

На основании представленной в таблице 3 классификации трансакционных издержек в платформенной занятости можно выделить в качестве основных проблем неопределенность правового статуса, вследствие чего она базируется, как правило, в теневом секторе экономики, и факторы цифровых рисков.

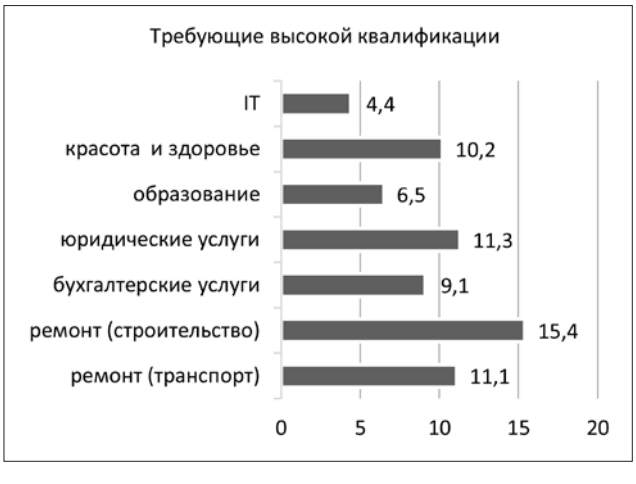

Рисунок 4 — Основные группы сферы услуг в платформенной занятости работников старшей возрастной группы (от 45 лет и старше) [14–15]

Figure 4 — The main groups of the service sector in the platform employment of workers of the older age group (45 years and older) [14–15]

Таблица 2 — Теоретический обзор понятия «трансакционные издержки» [2, 15–18]

Исследователь	Определение понятия
Половинкина Н. В. [2]	Издержки, возникающие в отношениях между субъектами по поводу согласования их экономических интересов
Шаститко А. Е. [15]	Относительная ценность ресурсов, используемых для планирования, адаптации и контроля над выполнением поставленных задач в различных структурах, упорядочивающих отношения между экономическими агентами, обменивающихся правами собственности и свобод
Коуз У. [16]	Издержки сбора и обработки информации, издержки проведения переговоров и принятия решения, издержки контроля и юридической защиты выполнения контракта
Коммонс Д. [17]	Процесс отчуждения и присвоение прав собственности и свобод, которые даются человеку обществом
Мэтьюз Р. [18]	Издержки составления и заключения контракта, а также издержки надзора за соблюдением контракта и обеспечения его выполнения в противоположность производственным издержкам, которые являются, по сути, издержками собственно выполнения контракта

Таблица 3 — Трансакционные издержки в платформенной занятости [7, 19]

№	Оператор цифровой платформы	Заказчик	Исполнитель (возрастная группа от 45 лет и старше)
1	Цикличность характера сферы услуг. Риск снижения активности заказчиков и исполнителей на платформе в связи с наработанной базой	Риск признания заказчика налоговым агентом по отношению к самозанятому исполнителю вследствие отсутствия четкого нормативного регулирования платформенной занятости	Отсутствие социальных гарантий вследствие отсутствия нормативно-правового регулирования платформенной занятости
2	Высокая конкуренция среди аналогичных цифровых платформ	Низкая мотивация	Низкий уровень цифровых знаний
3	Потенциальные конфликты по качеству выполненных работ (услуг)	Дефицит методов взаимодействия с работниками	Низкий уровень доходов
4	Сложности в организации сотрудничества с большим количеством исполнителей	Низкий уровень профессиональных навыков, несоответствие квалификации запросу	Высокий риск профессионального «выгорания» из-за высокой интенсивности работы
5	Риски сбоя в информационных системах и утечки информации	Размывание рабочей силы	Отсутствие механизмов защиты трудовых прав
6	Заказчики не всегда могут четко поставить задачу и описать требования к исполнителям	Случаи отказа исполнителей	Колебание спроса, сезонность

В таблице 4 для всех участников процесса предложены рекомендации по минимизации трансакционных издержек и ограничению их негативных проявлений.

Таким образом, отсутствие формализации платформенной занятости и отсутствие возможности ее включения в формат традиционных трудовых отношений создают риски трансакционных издержек и теневизации трудовых отношений, что требует государственного вмешательства в регулирование данного сегмента экономики. Поиск соглашения о создании основ развития социального обеспечения занятых в платформенной занятости должен способствовать развитию занятости на онлайн-платформах. Следует вырабатывать гибкий подход к законодательному контролю платформенной занятости, поскольку избыточное регулирование приведет к нерентабельности деятельности, а как следствие, к отказу от легального рынка труда и снижению доходов самой многочисленной группы в структуре населения (от 45 лет и старше).

Результаты исследования привели к выводам, что основными направлениями регулирования трансакционных издержек в платформенной занятости должны стать:

1) определение правового статуса платформенного труда для всех сторон отношений;

2) внедрение экономических стимулов и налоговых льгот для всех участников отношений в платформенной экономике в целях стимулирования ее развития;

3) установление прозрачности условий работы и выработки социальных гарантий исполнителей;

4) выработка ценовой политики платформенной занятости и определение минимальных тарифов.

Заключение

Бурное развитие цифровых технологий в современном обществе послужило драйвером трансформации трудовой занятости путем образования нового типа трудовых отношений — платформенной занятости, предоставляющей бизнесу возможность быстрого выпол-

Таблица 4 — Оценка возможностей снижения трансакционных издержек в платформенной занятости [20–21]

№	Оператор цифровой платформы	Заказчик	Исполнитель
1	Установление моделей договорных отношений с заказчиками и исполнителями услуг в зависимости от характера взаимодействия (выступает посредником или контролирует качество и процесс выполнения работ (услуг)	Определение правового статуса заказчика в зависимости от того является ли он физическим лицом или юридическим	Определение правового статуса занятости исполнителя, исходя из определения: – регулярности выполнения работы (эпизодический или регулярный характер работы); – нанимателя (физического лица, юридического лица)
2	Выработка ценовой политики цифровой платформы	Субсидирование первоначального участия	Определение минимального тарифа за единицу времени
3	Обеспечение качественными программными продуктами	Установление правил регулирования отказов	Усиление государственного правового контроля платформенной занятости
4	Внедрение внутренних рейтингов исполнителей, мотивирующих на долговременное сотрудничество	Внедрение государственных экономических льгот и стимулов	Определение базового пакета социальных гарантий
5	Введение специальных налоговых режимов, стимулирующих их развитие	Обеспечение прозрачности платежей и сборов, собираемых платформами	Активное государственное вложение в обучение старшего поколения компьютерной грамотности

нения конкретной задачи, оптимизации затрат и ускорения роста даже в условиях кризиса.

В настоящее время в платформенную экономику привлекается значительное количество исполнителей различных возрастных групп, обладающих многосторонними навыками, что позволяет платформам стать проводниками бизнес-решений, а также максимальному использованию трудового потенциала групп населения, испытывающих трудности на рынке труда. Со временем предполагается увеличение масштабов платформенной занятости, в силу объективной возможности минимизации дискриминационных ограничений работников старших возрастных групп (от 45 лет и старше), способствованию их трудовой самореализации и предоставления дополнительного дохода.

Поэтому платформенная занятость как новая область трудовых отношений требует выработки четких законодательных правил и принятия решений, направленных на реализацию ее преимуществ и ограничению трансакционных угроз.

Список источников

1. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284

2. Абаев А. Л., Болдырев М. В. Платформенная занятость как инструмент трудовой социализации представителей старших возрастных групп поколения X : исследовательская работа // Центр проектной деятельности и коммуникативных технологий : сайт. URL: https://rsuh.digital/generation-x-platform-economy?ysclid=lmq57jus8303547773/

3. Лютов Н. Л., Войтковская И. В. Водители такси, выполняющие работу через онлайн-платформы: каковы правовые последствия «урберизации» труда? // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6. С. 149–159.

4. Павлова В. В. Роль платформенной занятости в условиях санкций // Сборник материалов ежегодной Международной научно-практической конференции по проблемам социально-трудовых отношений «Инновационные доминанты социально-трудовой сферы: экономика и управление» (22 заседание). (Воронеж, 25 мая 2022 г.). Москва : Истоки, 2022. С. 223–226.

5. Савельева Е. А. Цифровые трудовые платформы: новые формы организации и регулирования труда. Москва : ИНФРА-М, 2023. 213 с.

6. Платформенная занятость: определение и регулирование : доклад / О. В. Синявская, С. С. Бирюкова, А. П. Аптекарь и др. Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2021. 78 с.

7. Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия : аналитический доклад / О. В. Синявская, С. С. Бирюкова, Е. С. Горват и др. Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2022. 30 с.

8. Платформенная экономика в России: потенциал развития : аналитический доклад / Г. И. Абдрахманова, Л. М. Гохберг, А. В. Демьянова и др. Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2023. 72 с.

9. Алекин А. Платформенная занятость как способ ужесточения эксплуатации // Российская коммунистическая рабочая партия : официальный сайт. URL: https://xn--j1akbb.xn--p1acf/2023/05/23/. Дата публикации: 23.05.2023.

10. Дрыгина Н. А. Цифровые трудовые платформы как современная форма занятости // Молодой ученый. 2023. № 24 (471). С. 158–161.

11. «О занятости населения в Российской Федерации» : Проект Федерального закона № 275599-8 : редакция, принятая ГД ФС РФ в I чтении 15.03.2023 // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/law/review/208601783.html. Дата публикации: 17.03.2023.

12. Шевчук А. В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике // Социология власти. 2020. Т. 32, № 1. С. 30–54.

13. Jesnes K. Employment models of platform companies in norway: a distinctive approach? // Nordic journal of working life studies. 2019. Vol. 9, No. S6. P. 53–73.

14. Международный опыт позитивного влияния платформенной экономики на национальные рынки труда // Институт региональных проблем : официальный сайт. URL: https://www.irpr.ru/2021/07/20/mezhdunarodnyj-opyt-pozitivnogo-vliyaniya-platformennoj-ekonomiki-na-nacionalnye-rynki-truda. Дата публикации: 20.07.2021.

15. Шаститко А. Е. Новая институциональная экономическая теория. 3-е издание, переработанное и дополненное. Москва : ТЕИС, 2002. 591 с.

16. Коуз Р. Фирма, рынок и право : сборник статей / пер. с англ. Б. Пинскера. Москва : Дело, 1993. 192 с.

17. Commons J. R. Institutional Economics: its place in political economy. Madison : University of Wisconsin Press, 1934. 921 p.

18. Mathews R. C. O. The Economics of Institutions and Sources of Growth // The Economic Journal. 1986. Vol. 96, No. 384. P. 903–918.

19. Бобков В. Н., Черных Е. А. Платформенная занятость: масштабы и признаки неустойчивости // Мир новой экономики. 2020. № 14 (2). С. 6–15.

20. Акманов Д. Р. Платформенная занятость: проблемы и перспективы законодательного регулирования // Вопросы российской юстиции. 2021. № 14. С. 396–408.

21. Черных Е. А. Качество платформенной занятости: неустойчивые (прекаризованные) формы, практики регулирования, вызовы для России // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16, № 3. С. 82–97.

References

1. Population of the Russian Federation by gender and age. Federal State Statistics Service: official site. (In Russ.). Available from: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284

2. Abaev A. L., Boldyrev M. V. Platform employment as a tool for labor socialization of representatives of older age groups of generation X: research work. Center for Project Activities and Communication Technologies: site. (In Russ.). Available from: https://rsuh.digital/generation-x-platform-economy?ysclid=lmq57jus8303547773

3. Lyutov N. L., Voitkovskaya I. V. Taxi drivers performing work through online platforms: what are the legal consequences of the "urberization" of labor? *Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava = Current problems of Russian law.* 2020;15(6):149–159. (In Russ.).

4. Pavlova V. V. The role of platform employment in conditions of sanctions. Collection of materials of the annual International scientific and practical conference on problems of social and labor relations "Innovative Dominants of the Social and Labor Sphere: Economics and Management" (22 meeting). (Voronezh, May 25, 2022). Moscow: Istoki; 2022. P. 223–226. (In Russ.).

5. Savelyeva E. A. Digital labor platforms: new forms of organization and regulation of labor. Moscow: INFRA-M; 2023. 213 p. (In Russ.).

6. Platform employment: definition and regulation: report / O. V. Sinyavskaya, S. S. Biryukova, A. P. Aptekar at al. Moscow: National Research University Higher School of Economics; 2021. 78 p. (In Russ.).

7. Platform employment in Russia: scale, motives and barriers to participation: analytical report / O. V. Sinyavskaya, S. S. Biryukova, E. S. Gorvat at al. Moscow: National Research University Higher School of Economics; 2022. 30 p. (In Russ.).

8. Platform economy in Russia: development potential: analytical report / G. I. Abdrakhmanova, L. M. Gokhberg, A. V. Demyanova at al. Moscow: National Research University Higher School of Economics; 2023. 72 p. (In Russ.).

9. Alekin A. Platform employment as a way to tighten exploitation. Russian Communist Workers' Party: official site. (In Russ.). Available from: https://xn--j1akbb.xn--p1acf/2023/05/23/. Publication date: May 23, 2023.

10. Drygina N. A. Digital labor platforms as a modern form of employment. *Molodoj ucheny`j = Young scientist.* 2023;(24(471)):158–161. (In Russ.).

11. "On Employment in the Russian Federation" : Draft Federal Law No. 275599-8: edition adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation in the first reading on March 15, 2023. ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/law/review/208601783.html. Publication date: March 17, 2023.

12. Shevchuk A. V. From factory to platform: autonomy and control in the digital economy. *Sociologiya vlasti = Sociology of power.* 2020;32(1):30–54. (In Russ.).

13. Jesnes K. Employment models of platform companies in norway: a distinctive approach? Nordic journal of working life studies. 2019;9(S6):53–73.

14. International experience of the positive influence of the platform economy on national labor markets. Institute of Regional Problems: official site. (In Russ.). Available from: https://www.irpr.ru/2021/07/20/mezhdunarodnyj-opyt-pozitivnogo-vliyaniya-platformennoj-ekonomiki-na-nacionalnye-rynki-truda. Publication date: July 20, 2021.

15. Shastitko A. E. New institutional economic theory. 3rd edition, revised and expanded. Moscow: TEIS; 2002. 591 p. (In Russ.).

16. Coase R. Firm, market and law: collection of articles / trans. from English by B. Pinsker. Moscow: Delo; 1993. 192 p. (In Russ.).

17. Commons J. R. Institutional Economics: its place in political economy. Madison : University of Wisconsin Press, 1934. 921 p.

18. Mathews R. C. O. The Economics of Institutions and Sources of Growth. *The Economic Journal*. 1986;96(384):903–918.

19. Bobkov V. N., Chernykh E. A. Platform employment: scale and signs of instability. *Mir novoj e`konomiki = World of new economics*. 2020;(14(2)):6–15. (In Russ.).

20. Akmanov D. R. Platform employment: problems and prospects of legislative regulation. *Voprosy` rossijskoj yusticii = Issues of Russian justice*. 2021;(14):396–408. (In Russ.).

21. Chernykh E. A. Quality of platform employment: unsustainable (precarious) forms, regulatory practices, challenges for Russia. *Uroven` zhizni naseleniya regionov Rossii = Living standards of the population of Russian regions*. 2020:16(3):82–97. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. Г. Калабина — доктор экономических наук, профессор;

Е. А. Шадрина — аспирант.

Information about authors

E. G. Kalabina — Doctor of Science (Economics);

E. A. Shadrina — a graduate student.

Статья поступила в редакцию 09.10.2023; одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 09.10.2023; approved after reviewing 30.10.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 141–147
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):141–147

Научная статья
УДК 331.101.4(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-141-147

ГУМАНИЗАЦИЯ СФЕРЫ ТРУДА В РОССИИ: РОЛЬ ПРОФСОЮЗОВ

Танзиля Алтафовна Нигматуллина
Башкирский институт социальных технологий (филиал) Академии труда и социальных отношений,
Уфа, Россия, ufabist@ufabist.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль профсоюзов как одного из важнейших институтов гражданского общества, в центре внимания которого — гуманизация труда в России, включающая защиту прав и интересов работников, повышение качества их социально-экономического положения; создание условий труда, удовлетворяющих их потребности и интересы; сохранение социальной стабильности общества.
Ключевые слова: гуманизация труда, человеческий фактор, глобальные перемены, социальная стабильность, социальное партнерство, социализация и культура труда
Для цитирования: Нигматуллина Т. А. Гуманизация сферы труда в России: роль профсоюзов // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 141–147. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-141-147.

Research article

HUMANIZATION OF LABOR IN RUSSIA: THE ROLE OF TRADE UNIONS

Tanzilya A. Nigmatullina
Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations,
Ufa, Russia, ufabist@ufabist.ru

Abstract. The article examines the role of trade unions as one of the most important institutions of civil society, the focus of which is the humanization of labor in Russia, including the protection of the rights and interests of workers, improving the quality of their socio-economic situation; creating working conditions that satisfy their needs and interests; maintaining the social stability of society.
Keywords: humanization of work, human factor, global changes, social stability, social partnership, socialization and work culture
For citation: Nigmatullina T. A. Humanization of the labor sphere in Russia: the role of trade unions. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):141–147. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-141-147.

Выражая интересы более 20 миллионов человек, ФНПР выполняет ответственную миссию — участвует в совершенствовании трудового законодательства и механизмов социального партнерства, в решении вопросов, прямо связанных с повышением качества жизни людей».

В. В. Путин. 1 мая 2023 г.

Развитие Российской Федерации в последние десятилетия вызвало кардинальные изменения всех сторон жизни страны и общества, в том числе в экономике, трудовых отношениях и социальной сфере. Новые жизненные реалии внесли заметные перемены и в деятельность профсоюзов России, потребовали от них переосмысления и пересмотра идеологии, целей,

задач и функций, форм и методов работы. При этом требования профсоюзов к власти и работодателям за 33 года существования в России практически не изменились: введение 8-часового рабочего дня, отмена штрафов на производстве и повышение зарплаты — это те процессы, которые позволяют говорить о стремлении профсоюзов к повышению гуманизации трудовой деятельности работников.

Концепция «человеческих отношений», одобренная профсоюзами, положила начало новому этапу в развитии науки управления. Прежде всего, и это принципиально, в состав научных терминов было включено понятие «человеческий фактор», что, в свою очередь, повлекло за собой и осознание необходимости строить работу каждой организации с его учетом. В поле внимания науки, а затем и управления как практической деятельности был включен человек с его потребностями, интересами, проблемами. А концепция «Гуманизация труда» стала социальным ориентиром для управления трудовой деятельностью, которая предполагает более полное использование производительных резервов персонала организации, создание для работников достойных условий: безопасности труда, социальной защиты, возможности повышения квалификации, что обеспечит карьерный рост и, соответственно, заработной платы. Именно на реализацию этих направлений направлены действия профсоюзов.

Профсоюзы также выступают:

– за демократизацию трудовых отношений, которая предполагает участие работников в управлении предприятиями, принятии решений, касающихся труда и социальной политики, а также контроле за их исполнением;

– за социализацию труда, которая предполагает расширение социальных функций и обязанностей работников, а также их взаимодействие с другими социальными группами и общественными организациями.

Еще одним значимым направлением деятельности профсоюзов в России является формирование социального партнерства на разных уровнях, которое представляет собой систему взаимоотношений между профсоюзами, работодателями и государством, направленную на согласование и урегулирование интересов и конфликтов в сфере труда и социальной политики. Профсоюзы участвуют в разработке и заключении коллективных договоров и соглашений, в создании и деятельности органов социального партнерства, таких как трехсторонние комиссии, советы, конференции и другие, а также в проведении социального диалога и консультаций по вопросам труда и социальной политики.

Вместе с тем гуманизация труда сегодня требует самого пристального внимания. Не секрет, что благосостояние населения находится далеко не на высоком уровне, проблемы занятости по-прежнему остаются актуальными, заработные платы работников не всегда позволяют обеспечить благополучную жизнь граждан. Не решив эти проблемы, мы не добьемся ускорения темпа экономического роста, следовательно, и достойного уровня жизни.

С чем это связано? Почему вопросы гуманизации сферы труда стали сегодня одной из самых актуальных тем?

По мнению В. В. Куценко, и мы с ним солидарны, «в настоящее время гуманизация труда является одним из краеугольных камней менеджмента вообще и управления персоналом в частности, важнейшим принципом управленческой деятельности по развитию социальной среды организации. Создавать работникам условия для удовлетворенности своим трудом, доставлять им ощущения радости и осмысленности трудовой жизни — не чья-то прихоть, модное увлечение, проявление человеколюбия, а властное веление времени, которое требует предоставить больший простор для свободного и разнообразного развития личности» [1, с. 102].

Происходящие в мире глобальные перемены меняют ситуацию во многих сферах, в том числе в области трудовых отношений. Они требуют глубокого анализа, постоянного поиска новых, чаще всего нестандартных, не принимавшихся ранее решений, соответствующих вызовам времени и способствующих их решению, прежде всего — снижению уровня безработицы и, соответственно, повышению занятости. Так, по инициативе Президента России В. В. Путина впервые начала работать Всероссийская ярмарка трудоустройства: трудоустроены более 123 тыс. человек. По результатам мероприятия в перечне поруче-

ний Президента обозначено: «Правительству Российской Федерации... обеспечить разработку и проведение комплекса информационно-просветительских и культурно-массовых мероприятий, направленных на продвижение востребованных и перспективных профессий, включая ежегодное проведение Всероссийской ярмарки трудоустройства» [2].

Что касается участия в этом профсоюзов, то В. В. Путин всегда подчеркивал их большой вклад в гуманизацию сферы труда. Так, в своем выступлении на заседании X съезда Федерации независимых профсоюзов он отметил, что «именно российские профсоюзы… являются одной из самых влиятельных сил нашего гражданского общества… Сейчас в экономике, на производствах идут преобразования, и их цель в конечном итоге обеспечить и новые условия труда, и более высокую заработную плату. Для профсоюзов, так же, как и для работодателей, важно видеть эти перспективы и вместе их приближать, избегать при этом постановки невыполнимых претензий или искусственной консервации проблем» [3]. Он обратил внимание и на то, что негативная ситуация складывается в тех регионах, где трехсторонние комиссии действуют формально, где главы субъектов Федерации не уделяют должного внимания сотрудничеству с профсоюзами, а их лидеры — такое тоже бывает — просто подстраиваются под сложившийся порядок, не имеют в регионах ни авторитета, ни влияния. И в итоге люди предоставлены сами себе в решении своих трудовых и социальных проблем. Эти проблемы, подчеркнул В. В. Путин, нарушают гармонию труда и приводят к его дегуманизации.

Нельзя обойти вниманием и вопросы культуры труда, которые способствуют сохранению гуманизации в этой сфере: во-первых, это совершенствование трудовой среды, то есть условий, в которых протекает трудовой процесс; во-вторых, это культура взаимоотношений между участниками труда, создание благоприятного нравственно-психологического климата в трудовом коллективе; в-третьих, осмысление участниками трудовой деятельности содержания трудового процесса, его особенностей, а также творческое воплощение заложенного в него инженерного замысла [4].

На процессах гуманизации труда не могла не сказаться и Специальная военная операция: ряд работников, в том числе высококвалифицированных, ушли защищать свою страну; Евросоюзом были введены экономические санкции; большинство зарубежных организаций приостановили свою работу в России — и перед работодателями встала непростая задача: как не остановить производство? На помощь пришел проявивший себя позитивно в период COVID-19 дистанционный формат работы, что позволило не только сохранить производство, но и расширить уровень открытости рынка труда, обеспечить работой достаточно большое число людей, повысив тем самым их жизненный уровень.

Трансформация структуры занятости потребовала внесения оперативных изменений в законодательство, доработку Трудового кодекса с учетом новых обстоятельств, которые способствовали сохранению основных принципов гуманизации труда. Соответствующие поправки были внесены и в Конституцию Российской Федерации: понятие «социальное партнерство» теперь закреплено в Основном законе. В соответствии со ст. 114 (е. 4) Конституции правительство страны «обеспечивает реализацию принципов социального партнерства в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений». Кроме того, в Конституции теперь прописано, что минимальный размер оплаты труда не может быть ниже прожиточного минимума, и закреплено обязательство государства индексировать пенсии, пособия и иные социальные выплаты не реже раза в год. Также закреплено, что «система пенсионного обеспечения формируется на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений» [5].

Не менее важным было принятие Государственной Думой в 2020 году закона о молодежной политике, в котором закреплены такие понятия, как «молодой специалист» и «специалист по работе с молодежью». В документ вошел и ряд положений, связанных с трудоустройством молодежи [6].

Эти шаги подтверждают слова председателя Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) М. В. Шмакова, который еще в 2020 году в своем докладе на Генеральном

совете ФНПР заявил: «Профсоюзы борются не „против" (работодателей, правительства или кого бы то ни было еще), а „за": за поиск справедливых соотношений, соответствующих сохранению баланса интересов в обществе», за гуманизацию сферы труда» [7].

Отметим, что ситуация в сфере труда, несмотря на проблемы, связанные с мобилизацией достаточно большого числа работников на Специальную военную операцию и изменениями в соотношении спроса и предложения на рынке труда в соответствии с запросами рынка, в целом сохраняет свою устойчивость. Ниже представлены данные интернет-ресурса «stats.hh.ru» — открытого сервиса для анализа состояния рынка труда на основе данных о вакансиях и резюме, размещаемых гражданами Российской Федерации и хранящихся в базе данных онлайн-платформы, сравнительные данные и заметные изменения в текущем году (рис. 1).

Приведенные данные свидетельствуют о росте в 2023 году доступных вакансий, коррелирующем с ростом запросов от соискателей, хотя за ноябрь он, как мы видим, пусть и незначительно, но все-таки снизился. Вполне возможно, что это связано с отсутствием необходимости на предприятиях дополнительного числа работников в рамках этих направлений.

Что касается вакансий, доступных для людей с ограниченными возможностями здоровья, то здесь ситуация несколько иная: взлет — снижение, опять взлет — и опять снижение (рис. 2).

Такая ситуация требует особого внимания со стороны государства и принятия необходимых мер для сохранения устойчивости. На сегодняшний день этот вопрос находится в центре внимания и правительства, и профсоюзов.

Интерес представляют и опубликованные данные о количестве поданных в 2022

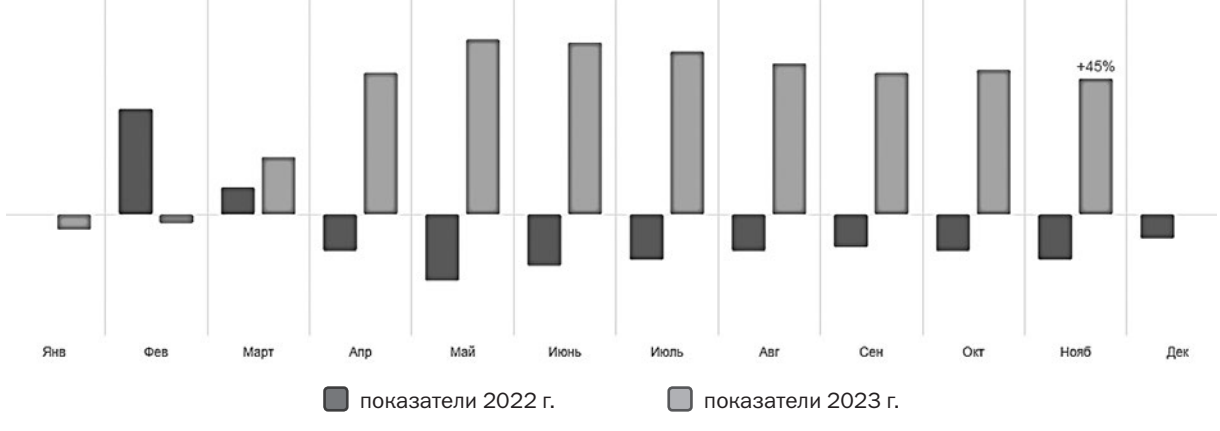

Рисунок 1 — Динамика вакансий 2023 г. по отношению к 2022 г. [8]

Figure 1 — Dynamics of vacancies in 2023 in relation to 2022 [8]

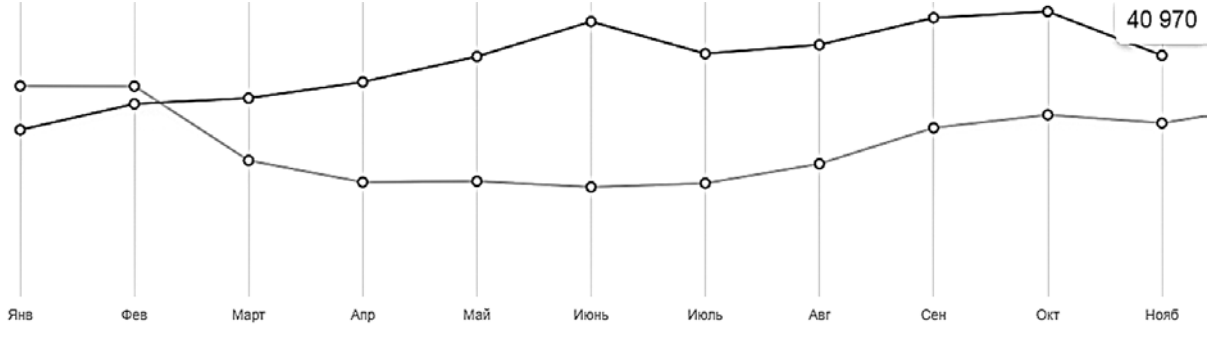

Рисунок 2 — Динамика вакансий, доступных для людей с ограниченными возможностями здоровья [8]

Figure 2 — Dynamics of vacancies available for people with disabilities [8]

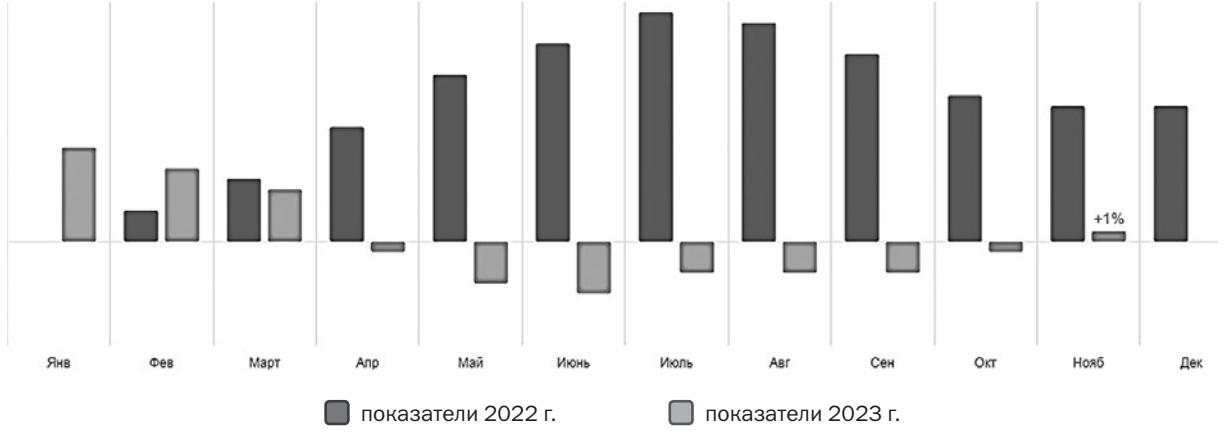

Рисунок 3 — Количество поданных в 2022 и 2023 годы резюме с целью трудоустройства [8]

Figure 3 — Number of resumes submitted in 2022 and 2023 for the purpose of employment [8]

и 2023 годы резюме с целью трудоустройства (рис. 3).

Как видим, их число заметно снизилось, что свидетельствует о росте занятых вакансий и, соответственно, снижении безработицы.

Когда же речь заходит о трудовых мигрантах, то здесь следует отметить, что количество зарегистрированных долгосрочных прибытий (регистрация в стране — от девяти месяцев) мигрантов в Российской Федерации за I полугодие 2023 г. сократилось до 282 тыс. чел. по сравнению с 333 тыс. в этот же период 2022 года. Существующий кризис отличается возможными долговременными последствиями, в числе которых потеря привлекательности как страны-реципиента трудовых мигрантов, как квалифицированных, так и не обладающих специфическими знаниями или умениями [9].

Вместе с тем, по мнению Л. И. Швец, и мы с ней солидарны, «это может оказать и благоприятное влияние на состояние рынка труда: сократится нелегальная и теневая занятость, компании более активно будут взаимодействовать с местной рабочей силой, что мы сейчас и наблюдаем» [9].

Однако на сегодняшний день не все так идеально, как хотелось бы: ряд актуальных проблем сферы труда все еще сохраняется:

– безработных стало меньше, но их число пока еще остается достаточно высоким;

– несоответствие уровня заработной платы квалификации сотрудников;

– высокий уровень потенциальной текучести кадров;

– необходимость совершенствования организации труда, а также модернизации применяемых технологий и оборудования.

Правительство и профсоюзы предпринимают определенные шаги, чтобы изменить создавшуюся ситуацию и, по возможности, решить эти проблемы. Еще в 2022 году в докладе на Генеральном Совете ФНПР «О текущем моменте и задачах профсоюзов» М. В. Шмаков отметил: «Практика показала, что предложения профсоюзов совпадали и совпадают по направлению с вектором стратегических интересов нашего Отечества. В условиях глобального экономического противостояния России и стран Запада руководство страны фактически реализовало предложения профсоюзов по совершенствованию денежно-кредитной, налоговой и промышленной политики» [10].

Пять главных пунктов уже реализованы. «Первое — поддержка отечественного производства, технологического суверенитета страны. Второе — доступный кредит. Третье — налоговые льготы для производственного сектора. Четвертое — регулирование цен на продукты, лекарства и товары первой необходимости. Пятое — национализация капитала иностранных организаций, уходящих из России» [10]. Вместе с тем, по мнению М. В. Шмакова, сохранились еще три проблемы, которые требуют «не просто пристального внимания, как со стороны государства, так и со

стороны профсоюзов, но и срочного решения. Это — низкий уровень жизни населения, принятие важных социально-экономических решений органами власти и работодателями без участия профсоюзов (по сути, игнорирование норм социального партнерства), а также отсутствие трудовых прав и профсоюзной защиты трудящихся в нестандартных формах занятости» [10].

Нельзя не согласиться с тем, что игнорирование этих проблем явится шагом к дегуманизации трудовой сферы, приведет к взрывоопасной ситуации в обществе, и потому необходимо обратить особое внимание на их решение.

Все обозначенные выше вопросы были обсуждены депутатами Государственной Думы. Результатом стало принятие 4 декабря 2023 г. новой версии закона «О занятости населения в Российской Федерации» [11] (вступит в силу с 1 января 2024 г.), включающего предложения профсоюзов, направленные на регулирование государственной политики в области занятости населения в соответствии с новыми реалиями рынка труда, внедрение дополнительных инструментов защиты граждан от безработицы и национального рынка труда в целом, содействие развитию социального партнерства. Это будет новый этап гуманизации сферы труда, соответствующий вызовам времени.

В ноябре 2023 г., выступая на заседании Генерального совета ФНПР «От советских профсоюзов к современным профсоюзам России» и говоря о сегодняшней миссии профсоюзов, М. В. Шмаков заявил: «Сегодня мы живем не просто в эпоху перемен. Мы живем в период целенаправленной хаотизации мира… Наш девиз — Единство, Солидарность, Справедливость! И мы должны следовать сегодня ему с удвоенной силой!» [12]. И с этим нельзя не согласиться.

Список источников

1. Куценко В. В., Ровбель С. В. Гуманизация труда: теоретические подходы и оценка условий труда // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 100–104.

2. Путин поручил разработать предложения по развитию рынка труда // РИА НОВОСТИ : сайт. URL: https://ria.ru/20231102/putin-1907015687.html?in=t. Дата публикации: 02.11.2023.

3. Владимир Путин отметил особую роль профсоюзов в обществе // Общероссийский Профсоюз образования. Омская областная организация : официальный сайт. URL: https://www.eseur.ru/omskiy/Vladimir_Putin_otmetil_osobuu_rol_profsouzov_v_obschestve. Дата публикации: 23.05.2019.

4. Трудовая деятельность — явление многогранное // helpiks.org : сайт. URL: https://helpiks.org/5-17249.html

5. Конституция РФ с изменениями 2022 года // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации : официальный сайт. URL: http://duma.gov.ru/news/55446

6. «О молодежной политике в Российской Федерации» : Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ : Принят Государственной Думой 23 декабря 2020 года : Одобрен Советом Федерации 25 декабря 2020 года // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192

7. Доклад председателя ФНПР М. В. Шмакова на Генеральном совете ФНПР 19 сентября 2020 г. // Профсоюз строителей России : официальный сайт. URL: http://www.strop-rf.ru/novost/doclad-shmakova

8. Динамика вакансий // hh статистика : сайт. URL: https://stats.hh.ru

9. Строителева М. Пока они дома: за полгода в РФ въехало на 50 тыс. меньше мигрантов // Известия : сайт. URL: https://iz.ru/1581723/mariia-stroiteleva/poka-oni-doma-za-polgoda-v-rf-vekhalo-na-50-tys-menshe-migrantov. Дата публикации: 02.10.2023.

10. Новый закон о занятости принят с учетом предложений профсоюзов // Федерация независимых профсоюзов России : официальный сайт. URL: https://fnpr.ru

11. Новый закон о занятости принят с учетом предложений профсоюзов // Федерация независимых профсоюзов России : официальный сайт. URL: https://fnpr.ru

12. «О текущей ситуации и задачах профсоюзов» : Доклад Председателя ФНПР М. В. Шмакова на заседании Генерального Совета ФНПР 20 апреля 2022 г. // Федерация независимых профсоюзов России : официальный сайт. URL: https://fnpr.ru/events/novosti-fnpr/doklad-predsedatelya-fnpr-shmakova-m-v-na-zasedanii-generalnogo-soveta-fnpr-20-aprelya-2022-goda-o-t.html

References

1. Kutsenko V. V., Rovbel S. V. Humanization of labor: theoretical approaches and assessment of working conditions. *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2014;(21):100–104. (In Russ.).
2. Putin instructed to develop proposals for the development of the labor market. AIA NEWS: site. (In Russ.). Available from: https://ria.ru/20231102/putin-1907015687.html?in=t. Publication date: November 2, 2023.
3. Vladimir Putin noted the special role of trade unions in society. All-Russian Trade Union of Education. Omsk regional organization: official site. (In Russ.). Available from: https://www.eseur.ru/omskiy/Vladimir_Putin_otmetil_osobuu_rol_profsouzov_v_obschestve. Publication date: May 5, 23. 2019.
4. Labor activity is a multifaceted phenomenon. helpiks.org: site. (In Russ.). Available from: https://helpiks.org/5-17249.html
5. The Constitution of the Russian Federation as amended in 2022. State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: official site. (In Russ.). Available from: http://duma.gov.ru/news/55446
6. "On Youth Policy in the Russian Federation": Federal Law dated December 30, 2020 No. 489-FL: Adopted by the State Duma on December 23, 2020: Approved by the Federation Council on December 25, 2020. GARANT.RU: information and legal portal. (In Russ.). Available from: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192
7. M. V. Shmakov Report of the Chairman of the Federation of Independent Trade Unions of Russia at the General Council of the FNPR on September 19, 2020 // Trade Union of Builders of Russia: official site. (In Russ.). Available from: http://www.strop-rf.ru/novost/doclad-shmakova
8. Dynamics of vacancies. hh statistics: site. (In Russ.). Available from: https://stats.hh.ru
9. Stroiteleva M. While they are at home: 50 thousand fewer migrants entered the Russian Federation in six months. Izvestia: site. (In Russ.). Available from: https://iz.ru/1581723/mariia-stroiteleva/poka-oni-doma-za-polgoda-v-rf-vekhalo-na-50-tys-menshe-migrantov. Publication date: October 2, 2023.
10. The new employment law was adopted taking into account the proposals of trade unions. Federation of Independent Trade Unions of Russia: official site. (In Russ.). Available from: https://fnpr.ru
11. The new law on employment was adopted taking into account the proposals of trade unions. Federation of Independent Trade Unions of Russia: official site. (In Russ.). Available from: https://fnpr.ru
12. "On the Current Situation and Tasks of Trade Unions": M. V. Shmakov Report of the Chairman of the Federation of Independent Trade Unions of Russia at a meeting of the General Council of the Federation of Independent Trade Unions of Russia on April 20, 2022. Federation of Independent Trade Unions of Russia: official site. (In Russ.). Available from: https://fnpr.ru/events/novosti-fnpr/doklad-predsedatelya-fnpr-shmakova-m-v-na-zasedanii-generalnogo-soveta-fnpr-20-aprelya-2022-goda-o-t.html

Информация об авторе

Т. А. Нигматуллина — доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, директор.

Information about the author

T. A. Nigmatullina — Doctor of Science (Political), Candidate of Science (Historical), Assistant Professor, Director.

Статья поступила в редакцию 04.12.2023; одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.
The article was submitted 04.12.2023; approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 148–153
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):148–153

НАУЧНОЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Научная статья
УДК 331.5(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-148-153

СТРУКТУРА И ЭЛЕМЕНТЫ СИСТЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ, ПОДГОТОВКИ, ПЕРЕПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ КАДРОВ

Алиса Александровна Арефьева[1,2]
[1]Московский университет имени А. С. Грибоедова, Москва, Россия, cveiky@mail.ru, https://orcid.org/0009-0005-7394-7355
[2]Институт международного образования Российского государственного университета имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Россия

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена тем, что динамичные изменения последних лет, связанные с цифровизацией и глобализацией общества, оказали негативное влияние на рынок труда, в результате чего появились специалисты, профессиональный профиль которых не соответствует ожиданиям работодателей. В результате проведенного исследования установлено, что наибольшую сложность в обучении кадров представляет адаптация образовательного процесса к потребностям работодателей, что актуализирует проблему изучения структуры и элементов системы формирования профессиональных компетенций, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров. В качестве методов исследования были использованы анализ научной литературы, систематизация и обобщение теоретических концепций развития компетенций персонала. Предложена структура системы формирования профессиональных компетенций, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров, которая позволяет ей быть гибкой и адаптивной, способной к изменениям внутренней и внешней среды рынка труда. Особое внимание было уделено совместимости дополнительного образования с потребностями работодателей как важнейшему фактору, позволяющему людям найти работу.
Ключевые слова: рынок труда, управление персоналом, профессиональные компетенции, дополнительное образование, человеческий капитал
Для цитирования: Арефьева А. А. Структура и элементы системы формирования профессиональных компетенций, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 148–153. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-148-153.

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL SPACE

Research article

STRUCTURE AND ELEMENTS OF THE SYSTEM OF FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCES, TRAINING, RETRAINING AND PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF STAFF

Alisa A. Arefeva
[1]A. S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russia, cveiky@mail.ru, https://orcid.org/0009-0005-7394-7355
[2]Institute of International Education of the Russian State University named after A. N. Kosygin (Technology. Design. Art), Moscow, Russia

Abstract. The relevance of the article is due to the fact that the dynamic changes of recent years have had a negative impact on the labour market, resulting in specialists whose professional profile does not meet the

expectations of employers. As a result of the study, it was found that the greatest difficulty in training personnel is the adaptation of the educational process to the needs of employers, which actualizes the problem of studying the structure and elements of the system for the formation of professional competencies, training, retraining and advanced training of personnel. The analysis of scientific literature, systematization and generalization of theoretical concepts for the development of personnel competencies were used as research methods. The structure of the system for the formation of professional competencies, training, retraining and advanced training of personnel is proposed, which allows it to be flexible and adaptive, capable of changing the internal and external environment of the labour market. Particular attention was paid to the compatibility of additional education with the needs of employers as the most important factor allowing people to find a job.
Keywords: labour market, personnel management, professional competencies, additional education, human capital

For citation: Arefeva A. A. Structure and elements of the system of formation of professional competencies, training, retraining and professional development of staff. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):148–153. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-148-153.

Термин «компетентность» в науке управления появился в то время, когда возросло значение человеческого капитала. Данное понятие тесно связано с человеческим и личным капиталом. В индустриальную эпоху понятие «персонал» ориентировалось, главным образом, на труд, занятый в промышленности (в меньшей степени в сельском хозяйстве), который, используя полученные знания, управлял основными фондами в виде машин. В индустриальную эпоху приобретенные знания длились около десяти лет, затем их приходилось обновлять.

Изменения на рынке сократили это время более чем в два раза, в результате чего человеческий капитал обновлялся все чаще, а в настоящее время считается, что человеческий ресурс должен приобретать знания непрерывно, посредством обучения на протяжении всей жизни. С появлением цифровой экономики знаниям и информации стало придаваться все бо́льшее значение, тогда и сформировалась концепция компетентности. В научных исследованиях термин «компетенция» используется для описания склонностей человека, достигнутых посредством обучения. В этом подходе компетентность понимается как усвоенный, удовлетворительный, хотя и не необычный, уровень эффективности, обусловливающий результативное поведение в определенной области. Поэтому этот термин используется для обозначения особенностей субъекта, проявляющихся в его поведении, являющемся выражением целеустремленности, направленности и интенциональности [1]. В этом смысле компетенция является условием способности человека справляться с давлением и требованиями повседневных ситуаций на протяжении всей жизни. В трудовой деятельности важнейшими являются профессиональные компетенции, представляющие собой навыки, позволяющие качественно и результативно выполнять свои обязанности на работе. К ним принято относить как технические, так и межличностные, известные как социальные навыки.

Анализ научной литературы [2–4] показал, что можно выделить структуру «пирамиды компетенций», являющейся основой системы формирования профессиональных компетенций, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров — четырех типов (групп) компетенций, которые можно получить в системе дополнительного образования, подготовки и повышения квалификации (рис. 1).

Основой этой пирамиды являются общие (внепрофессиональные) компетенции, определяющие фундаментальные требования, которые необходимы в каждой работе, как профессиональной, так и непрофессиональной (например, социальной или бытовой), и выражаются в позитивном настрое и положительном физическом состоянии, а также овладении основными навыками практической и умственной деятельности. Эти компетенции, хотя и необходимы в профессиональной деятельности, не готовят к какой-либо конкретной профессии и не дают права заниматься ею.

Второй уровень пирамиды определяется общепрофессиональными компетенциями, ведущими в определенную профессиональную

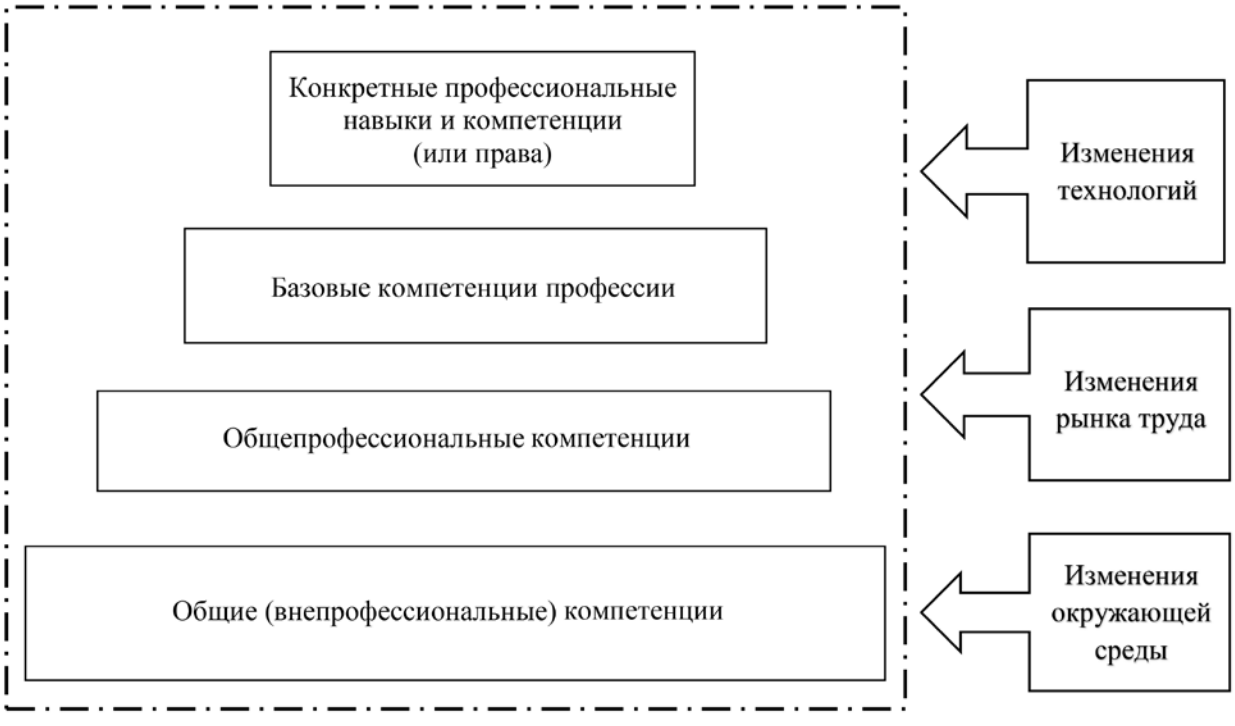

Рисунок 1 — Структура «пирамида компетенций» в системе формирования профессиональных компетенций, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров (составлено автором)

Figure 1 — Structure «pyramid of competencies» in the system for the formation of professional competencies, training, retraining and advanced training of personnel (compiled by the author)

область, обычно включающую группу смежных профессий (например, механика, транспорт, строительство, информационные технологии) и включающими помимо базовых общих знаний о профессиональных инструментах также первоначальную адаптацию строго профессиональной компетенции, то есть способности выполнять основную работу и решать основные задачи.

Третий уровень пирамиды включает базовые компетенции профессии, включающие в себя навыки, необходимые, главным образом, для эффективного выполнения типичных задач, характерных для данной профессии.

Профессиональные компетенции специалистов, находящиеся на вершине пирамиды, определяют конкретные профессиональные навыки (или права), которые появляются вместе с технологическими и организационными изменениями в рабочей среде, например, изменения профессиональной компетенции под влиянием новых технологий. Такая ситуация означает, что работнику все реже поручают работу, и иерархическая система зависимостей и ответственности исчезает в пользу сетевой системы. Таким образом, понятие профессии исчезает в пользу совокупности профессиональных компетенций, закрепленных за конкретной задачей или функцией, выполняемой работником.

Можно сделать вывод, что сотрудники и будущие сотрудники должны обладать не только специальными знаниями. Работодатели требуют общепрофессиональных компетенций, работник должен обладать знаниями и навыками для работы на нескольких должностях. Доминирующим предметом интереса как теоретиков, так и организаторов профессиональной деятельности являются профессиональные компетенции [5–6]. Потребность в обучении возникает при внедрении технологий или использовании нового оборудования, а также при недостатке теоретических знаний и навыков выполнения задач, что приводит к неудовлетворительному качеству результатов работы. Возникшие на практике ситуации, показывающие пробелы в навыках, определяют необходимость изменения способов формулирования потребностей в обучении [7]. Изучение работника через призму профессиональных

компетенций — это, по сути, новая парадигма мышления об особенностях современного рынка труда, которая подчеркивает субъективность человека и его способность адаптироваться к изменяющимся условиям занятости, что является важнейшим источником понятия профессиональной компетентности. Эта парадигма вытекает, прежде всего, из стратегий предприятий, стремящихся обеспечить свою конкурентоспособность на рынке за счет все более лучшего использования потенциала сотрудников.

С точки зрения парадигмы профессиональных компетенций система формирования профессиональных компетенций, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров должна развивать следующие категории компетенций [6–8]:

– компетенции, связанные с выполняемой работой и уровнем мышления;

– знания, которыми работник должен обладать;

– навыки — что должен уметь делать сотрудник;

– поведение — установки, принципы, нормы и ценности, а также мотивации, необходимые для выполнения данной функции.

По мнению автора статьи, система формирования профессиональных компетенций, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров включают в себя следующие элементы: знания, навыки, ценности и стандарты, мотивы, трудовая этика, энтузиазм и самооценка. Совокупность индивидуальных компетенций составляет основу развития организационных компетенций, определяющих характер предприятия. Метод развития системы формирования профессиональных компетенций, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в организациях должен осуществляться «сверху вниз», а не «снизу вверх», учитывая конкуренцию на рынке, определение желаемых компетенций и поиск сотрудников согласно этим рекомендациям. Помимо вышеперечисленных элементов в зависимости от оперативного использования в сфере управления человеческими ресурсами следует учитывать три уровня:

– формирование профессиональных компетенций, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров как совокупности признанных и используемых оперативных навыков, что относится к компетентности работника в своей профессии и связано с исполнительскими навыками (не с миссией и не с ответственностью);

– горизонтальное формирование профессиональных компетенций, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров — речь идет об определении направлений, общих для многих профессий, которые связаны с профессиональной мобильностью работника в смысле принадлежности к разным профессиям;

– формирование профессиональных компетенций, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров на основе «передаваемых компетенций» — аналогично предыдущему уровню, но ориентировано на навыки, приобретенные работником и переносимые на другие профессии.

Каждый человек в организации — уникальная личность, у каждого есть сильные и слабые стороны, поэтому одной из важнейших целей системы формирования профессиональных компетенций, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров является признание и максимальное использование сильных сторон руководства и сотрудников, основанных на талантах, преимуществах и интересах. Успех организации в цифровой экономике больше не зависит исключительно от умелого распределения и использования человеческого капитала, поэтому конкурентное преимущество достигается благодаря уникальным решениям, которые считаются стратегическим ресурсом на том или ином предприятии. Именно компетенции, которыми обладает компания, позволяют людям создавать правильные условия, способствующие эффективным действиям. Каждая организационная единица, желающая внедрить компетентностный подход на предприятии, должна достичь целей, определяющих правильное функционирование управления персоналом, поэтому автор статьи выделил пять основных элементов системы формирования профессиональных компетенций, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров:

1. Специалисты, проектирующие, эксплуатирующие и модифицирующие систему (даже если проекты и модификации вносятся извне организации, постоянное управление системой управления персоналом обычно является ответственностью организации).

2. Методологии, приемы и инструменты, составляющие инструментарий системы (и во многом определяющие ее качество).

3. Применимые процедуры, правила и другие элементы организационной культуры, связанные с системой управления персоналом.

4. Финансы (бюджет) системы — это элемент важности, который до сих пор часто недооценивается. Реализация концепции обучающейся организации и обучения на протяжении всей жизни обычно обходится дорого.

5. Информационно-технологическая поддержка системы управления персоналом и ее гармонизация с другими автоматизированными системами организации.

Помимо вышеизложенного, можно выделить два основных типа навыков, от которых должно зависеть формирование профессиональных компетенций, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров и, соответственно, развитие компании:

1) горизонтальные навыки — работник учится пользоваться не только своим устройством, но и другими. Например, рабочий, который может обслуживать всю технологическую линию компании, более ценен для организации, поскольку способен заменить любого другого сотрудника. Кроме того, при большом мастерстве он может справиться с большей частью производственного процесса, чем другие;

2) вертикальные навыки — работник не только в совершенстве владеет навыками работы на своем оборудовании, но и является, например, первым звеном контроля качества на предприятии, используя средства измерений.

При практическом использовании предложенной системы нужно понимать, что она подвержена воздействию многочисленных условий — как внешних, так и внутренних, влияющих на ее форму. К внешним условиям относятся: рынок труда и наличие кадров с ожидаемыми компетенциями, наличие и качество образования (вне организации) и его доступность, стоимость внешнего обучения, профиль которого соответствует ожиданиям организации, качество управления компетенциями в других организациях (давление конкуренции, ожидания сотрудников), правовой статус и финансовая система (поощряющая или препятствующая развитию системы управления персоналом). К внутренним условиям относятся: финансовые возможности организации, организационная структура, система управления персоналом и прочее.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать вывод о том, что представленные структура и элементы системы формирования профессиональных компетенций, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров на основе компетентностного подхода обеспечивают повышение компетенций сотрудников по горизонтали и вертикали, что развивает не только их самих, но и организацию, в которой они работают.

Список источников

1. Когнитивный нейро-информационный подход к профессиональной подготовке и переподготовке кадров для высокотехнологичных производств с большой долей цифровых управленческих сервисов / Н. А. Волобуев, И. В. Грошев, И. В. Гайдамашко [и др.] // Государственная служба и кадры. 2021. № 2. С. 19–23.

2. Москаленко О. А., Петрушко Е. Н., Шкилёв В. В. Теоретические и методологические основы профессиональной подготовки федеральных государственных гражданских служащих (на примере таможенных органов Российской Федерации) // Вестник Евразийской науки. 2022. Т. 14, № 3. 16 с. URL: https://esj.today/PDF/33ECVN322.pdf

3. Чуксин А. Н. Центр опережающей профессиональной подготовки как объединяющая платформа для развития образования и бизнеса в регионе // ИНСАЙТ. 2021. № 4 (7). С. 42–52.

4. Клинг В. И., Сурдина Е. В. Совершенствование системы дополнительной профессиональной переподготовки педагогических работников по методике преподавания учебных дисциплин в условиях реализации билингвального подхода в медицинском вузе // Перспективы науки и образования. 2022. № 3 (57). С. 620–640.

5. Лизунков В. Г., Полицинская Е. В., Малушко Е. Ю. Формирование надпрофессиональных компетенций выпускников технических вузов, востребованных на особых зонах экономического развития // Перспективы науки и образования. 2021. № 2 (50). С. 145–161.

6. Туйсина Г. Р. Формирование профессионально необходимых компетенций бакалавров вуза в системе профессиональной подготовки // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70-3. С. 234–236.

7. Камшечко М. В. Теоретическая модель формирования профессиональных компетенций студентов в условиях кластерной организации системы подготовки специалистов // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 1. С. 164–166.

8. Ачкасова О. Г. Педагогическая модель формирования сквозных цифровых компетенций у студентов в процессе дополнительного профессионального образования // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 2 (22). С. 87–94.

References

1. Cognitive neuro-information approach to professional training and retraining of personnel for high-tech industries with a large share of digital management services / N. A. Volobuev, I. V. Groshev, I. V. Gaidamashko [at al.]. Public service and personnel. 2021;(2):19–23. (In Russ.).

2. Moskalenko O. A., Petrushko E. N., Shkilev V. V. Theoretical and methodological foundations of professional training of federal state civil servants (on the example of the customs authorities of the Russian Federation). *Vestnik Evrazijskoj nauki = The Eurasian Scientific Journal*. 2022;(3):16 p. (In Russ.). Available from: https://esj.today/PDF/33ECVN322.pdf

3. Chuksin A. N. Center for advanced professional training as a unifying platform for the development of education and business in the region. *INSAJT = INSIGHT*. 2021;(4(7)):42–52. (In Russ.).

4. Kling V. I., Surdina E. V. Improving the system of additional professional retraining of pedagogical workers on the methodology of teaching academic disciplines in the context of the implementation of a bilingual approach in a medical university. *Perspektivy` nauki i obrazovaniya = Prospects for science and education*. 2022;(3(57)):620–640. (In Russ.).

5. Lizunkov V. G., Politsinskaya E. V., Malushko E. Yu. Formation of supraprofessional competencies of graduates of technical universities in demand in special zones of economic development. *Perspektivy` nauki i obrazovaniya = Prospects for science and education*. 2021;(2(50)):145–161. (In Russ.).

6. Tuysina G. R. Formation of professionally necessary competencies of university bachelors in the system of professional training. *Problemy` sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education.* 2021;(70-3):234–236. (In Russ.).

7. Kamshechko M. V. Theoretical model of the formation of students' professional competencies in the conditions of the cluster organization of the system of training specialists. *Obrazovanie. Nauka. Nauchny`e kadry` = Education. The science. Scientific personnel.* 2021;(1):164–166. (In Russ.).

8. Achkasova O. G. Pedagogical model for the formation of end-to-end digital competencies among students in the process of additional professional education. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarny`e i obshhestvenny`e nauki = Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and social sciences*. 2022;(2(22)):87–94. (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Арефьева — аспирант, специалист по учебно-методической работе 1-й категории.

Information about the author

A. A. Arefeva — a graduate student, specialist in educational and methodological work of the 1st category.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023; одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 25.12.2023.
The article was submitted 25.09.2023; approved after reviewing 16.10.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 154–163
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):154–163

Научная статья
УДК 378.1(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-154-163

РАЗРАБОТКА МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМИ ВУЗАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Алия Аюповна Гатауллина[1], Альмира Камилевна Ильдарханова[2], Алина Айратовна Зяббарова[3]✉
[1,2]Институт управления, экономики и финансов Казанского федерального университета, Казань, Россия
[1]AliAShugaepova@kpfu.ru, https://orcid.org/0000-0001-5361-7360
[2]AKIldarkhanova@kpfu.ru, https://orcid.org/0000-0002-2676-9868
[3]Казанский федеральный университет, Казань, Россия, AliAZyabbarova@kpfu.ru✉

Аннотация. В период роста геополитической напряженности и повышения общестрановых рисков вопросы продовольственной безопасности страны становятся особенно актуальными. Развитие возможности обеспечения страны сельскохозяйственной продукцией — это стратегический вопрос, который зависит от большого количества факторов, в том числе и от уровня развития специализированного высшего образования сельскохозяйственного профиля в регионе. Целью написания представленной работы является разработка единой методологии исследования эффективности управления сельскохозяйственными вузами Российской Федерации, для чего проведены рассмотрение и систематизация действующих рейтинговых подходов к оценке эффективности управления научно-образовательными организациями. В работе исследованы методологии и результаты действующих отечественных рейтингов оценки эффективности аграрных высших учебных заведений, а также предложен авторский подход ранжирования на базе оценки индекса развития региональных высших школ для учебных заведений сельскохозяйственного профиля.
Ключевые слова: высшая школа, высшее учебное заведение, конкурентоспособность вуза, рейтинг, вузы сельскохозяйственного назначения, аграрные вузы
Для цитирования: Гатауллина А. А., Ильдарханова А. К., Зяббарова А. А. Разработка методологии исследования эффективности управления сельскохозяйственными вузами Российской Федерации // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 154–163. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-154-163.

Research article

DEVELOPMENT OF A METHODOLOGY FOR RESEARCHING THE EFFECTIVENESS OF AGRICULTURAL UNIVERSITIES MANAGEMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Aliya A. Gataullina[1], Almira K. Ildarkhanova[2], Alina A. Zyabbarova[3]✉
[1,2]Institute of Management, Economics and Finance, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia
[1]AliAShugaepova@kpfu.ru, https://orcid.org/0000-0001-5361-7360
[2]AKIldarkhanova@kpfu.ru, https://orcid.org/0000-0002-2676-9868
[3]Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia, AliAZyabbarova@kpfu.ru✉

Abstract. During a period of growing geopolitical tension and increasing countrywide risks, issues of the country's food security become especially relevant. Developing the ability to provide the country with agricultural products is a strategic issue that depends on a large number of factors, including

the level of development of specialized higher education in the agricultural sector in the region. The purpose of writing the presented work is to develop a unified methodology for studying the effectiveness of management of agricultural universities in the Russian Federation, for which the current rating approaches to assessing the effectiveness of management of scientific and educational organizations were reviewed and systematized. The work explores the methodology and results of current domestic ratings for assessing the effectiveness of agricultural higher educational institutions, and proposed the author's ranking approach based on the assessment of the development index of regional higher schools for agricultural educational institutions.

Keywords: higher school, higher education institution, university competitiveness, rating, agricultural universities, agricultural universities

For citation: Gataullina A. A., Ildarkhanova A. K., Zyabbarova A. A. Development of a methodology for researching the effectiveness of agricultural universities management in the Russian Federation. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):154–163. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-154-163.

Аграрный сектор экономики Российской Федерации решает важнейшие стратегические задачи социально-экономического характера: обеспечивает продовольственную безопасность страны за счет создания системы воспроизводства и логистики продуктов питания требуемого качества и необходимого количества. Продовольственная безопасность страны, обеспечивающая стабильное производство ключевых продуктов питания и их доступность для населения, является одной из важнейших составляющих частей национальной безопасности. Объективным фактором, определяющим эффективность развития агропромышленного комплекса региона в долгосрочной перспективе, является подготовка кадров с современными специализированными знаниями в области сельского хозяйства. Однако в настоящее время не сформирована единая методология оценки эффективности деятельности высших школ сельскохозяйственного профиля. В рамках данной статьи перед авторами поставлена цель на основе исследования действующих на рынке рейтингов оценки успешности вузов предложить комплексную методологию исследования эффективности управления сельскохозяйственными вузами Российской Федерации.

Вопросы актуальности аграрной безопасности и факторов, влияющих на нее, отражены в ряде трудов отечественных исследований. Так, стратегические вопросы развития сельского хозяйства обеспечения продовольственной безопасности страны раскрыты в научных трудах О. В. Исаевой [1], Н. А. Сбитнева и С. А. Чернова [2]. Тему, связанную с экономико-продовольственной безопасностью Российской Федерации с разных аспектов (правовых, экономических, политических), раскрывают такие отечественные и зарубежные авторы как Н. И. Шагайда, И. В. Троцук [3], В. А. Власова и другие [4]. Важность научно-образовательных организаций в развитии экономики и обеспечении продовольственной безопасности отмечали такие ученые как М. А. Вергунова, Н. А. Новикова [5], А. Э. Комин, И. Н. Ким, И. И. Бородин [6]. В практике оценки аграрного сектора экономики можно также встретить некоторое количество рейтингов сельскохозяйственных вузов, позволяющих оценить научно-инновационный потенциал и эффективность деятельности образовательного кластера в данном секторе экономики. Так, например, рейтинговый подход к изучению сельского хозяйства в регионах описан в работе М. С. Оборина [7], а рейтинговый подход к изучению системы образования в работах Д. В. Рыжаковой и прочих исследователей [8]. Перечисленные выше авторы и их работы подтверждают стратегическую важность и актуальность исследования эффективности управления сельскохозяйственными вузами как фактора развития и успешности ведения сельского хозяйства в регионах Российской Федерации, обеспечения продовольственной безопасности страны в целом. Изучение эффективности управления сельскохозяйственными вузами Российской Федерации является новым малоисследованным направлением, позволяющим прогнозировать результаты развития агропромышленного сектора в долгосрочной перспективе.

Стремительное развитие конкуренции между сельскохозяйственными вузами за право считаться лучшими на отечественном рынке образовательных услуг порождает популяризацию и актуализацию систем рейтинговых оценок, определяющих уровень соответствия требованиям, предъявляемым обществом к высшим учебным заведениям. В таблице 1 представлены результаты исследования методологий ранжирования вузов сельскохозяйственного профиля.

Вопросами ранжирования вузов сельскохозяйственного профиля занимается ряд организаций, таких как Рейтинговое агентство RAEX, Гильдия экспертов в сфере профессионального образования, Национальный фонд поддержки инноваций в сфере образования, академический критик УниверЭксперт, информационный портал для поступающих в российские вузы Табитуриент и информационно-аналитический, статистический портал Вузотека. При этом каждая из рассматриваемых организаций имеет свою уникальную методику исследования (более подробная информация представлена в столбце «Описание методики ранжирования» таблицы 1), а также предлагает своей уникальный критерий отнесения вуза к сельскохозяйственному профилю.

Несмотря на отсутствие единого всеобъемлющего подхода к оценке эффективности вузов, большинство методик ранжирования включают схожие критерии оценки: качество образования, наличие квалифицированного преподавательского состава, уровень научных публикаций, репутация учебного заведения и востребованность выпускников вуза на рынке труда. Однако есть и совершенно нестандартные подходы к ранжированию вузов. К примеру, «Предметный национальный агрегированный рейтинг сельскохозяйственных вузов», составленный Гильдией экспертов в сфере профессионального образования совместно с Национальным фондом поддержки инноваций, базируется на данных нескольких известных и уважаемых национальных и международных рейтингов, которые соответствуют принципам прозрачности и открытости.

Для изучения сельскохозяйственного образовательного профиля регионов предложен авторский подход оценки индекса развития региональной высшей школы. В качестве приоритетных направлений развития высшего образования авторами предложены семь ключевых индикаторов: инфраструктура, кадры высшей школы, научный потенциал, социальные задачи, репутация, цифровая экономика, образование. Авторский подход к ранжированию отечественных вузов на основе индекса развития региональной высшей школы соответствует концепции развития образования, предложенной в программе «Приоритет 2030» [16] и проекте «Наука и университеты» [17]. Кроме того, при расчете ключевых индикаторов учтены российские ценности высшего образования (система РИНЦ, информация по победителям общероссийских олимпиад и прочее), поэтому анализ можно проводить без привязки к зарубежным базам данных, основываясь лишь на открытых верифицируемых статистических данных министерств и ведомств Российской Федерации. Расчет индекса развития региональной высшей школы представлен в формуле 1.

$$I_{выс} = I_{инф} + I_{кадры} + I_{наука} + I_{соц} + I_{репутац} + \\ + I_{цифр} + I_{образован}, \quad (1)$$

где $I_{выс}$ — интегральный индекс развития региональной высшей школы;

$I_{инф}$ –индикатор по направлению «инфраструктура»;

$I_{кадры}$ — индикатор по направлению «кадры высшей школы»;

$I_{наука}$ — индикатор по направлению «научный потенциал»;

$I_{соц}$ — индикатор по направлению «социальные задачи»;

$I_{репутац}$ — индикатор по направлению «репутация»;

$I_{цифр}$ — индикатор по направлению «цифровая экономика»;

$I_{образован}$ — индикатор по направлению «образование».

Не менее спорным является вопрос отнесения высшего учебного заведения к сельскохозяйственному профилю. По данному аспекту ранжирования (таблица 1, столбец «Факторы отнесения вуза к сельскохозяйственному профилю») выделают организации, определяющие

Таблица 1 — Итоги анализа методологий ранжирования вузов сельскохозяйственного профиля*

Наименование рейтинга	Составитель	Факторы отнесения вуза к сельскохозяйственному профилю	Количество вузов в рейтинге	Описание методики ранжирования
Предметные рейтинги: сельское хозяйство [9]	Рейтинговое агентство RAEX	Подготовка по специальностям «агрохимия и агропочвоведение», «агрономия», «агроинженерия», «садоводство», «технология производства и переработки сельскохозяйственной продукции», «водные биоресурсы и аквакультура», «промышленное рыболовство», «гидромелиорация»	20	При расчете рейтинга учитывается научная и научно-публикационная активность, качество подготовки зачисленных абитуриентов, обеспеченность вуза преподавателями, объем финансирования, доля НПР, имеющих ученую степень.
Национальный агрегированный рейтинг [10]	Гильдия экспертов в сфере профессионального образования совместно с Национальным фондом поддержки инноваций	Подведомственные организации Министерства сельского хозяйства РФ	43	Базируется на результатах восьми авторитетных рейтингов, которые существуют более трех лет, публикуют полную информацию в открытом доступе ежегодно в рамках рейтинга оцениваются более сотни вузов.
Предметный национальный агрегированный рейтинг [11]		Вузы, осуществляющие подготовку кадров по направлению подготовки 35.00.00 «Сельское, лесное и рыбное хозяйство»	125	
Рейтинг мониторинга эффективности вузов 2022 (специфика ОО сельскохозяйственной направленности) [12]	Национальный фонд поддержки инноваций в сфере образования	Нет данных	51 (38 головных, 13 филиалов)	Вузы располагаются в следующем порядке: сначала по лиге, затем по индексу и названию университета в алфавитном порядке; выделяют следующие категории оценивания: образовательная деятельность, научно-исследовательская деятельность, международная деятельность и финансово-экономическая деятельность, профессорско-преподавательский состав и дополнительный показатель.
РЕЙТИНГ АГРАРНЫХ ВУЗОВ «НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИЗНАНИЕ»: категория Рейтинг аграрных вузов [13]	УниверЭксперт — академический критик	Вузы, подведомственные Министерству сельского хозяйства РФ, и вузы имеющие факультеты этого профиля в неспециализированных вузах, обычно подведомственных Министерства образования и науки	54	Методика включает анализ профессорско-преподавательского состава, признание национальным (российским) профессиональным сообществом его научных, инновационных и научно-практических достижений, а также эффективную (цитируемую) публикационную активность учеными вуза.

Продолжение таблицы 1

Наименование рейтинга	Составитель	Факторы отнесения вуза к сельскохозяйственному профилю	Количество вузов в рейтинге	Описание методики ранжирования
Глобальный сводный рейтинг аграрных вузов России [14]	tabiturient.ru — информационный портал для поступающих в российские вузы	Подведомственные организации Министерства сельского хозяйства РФ	50	Ранжирование вузов по следующим показателям: средневзвешенный проходной балл, количество победителей олимпиад среди студентов, поступивших на первый курс, оценка отзывов студентов, количество бюджетных мест и стоимость обучения.
Сельскохозяйственные вузы России [15]	vuzoteka.ru информационно-аналитический, статистический портал	Выборка вузов с обучающих по специальности 35.00.00 «Сельское, лесное и рыбное хозяйство» и 36.00.00 «Ветеринария и зоотехния»	142	Критерии при составлении рейтинга являются: качество обучения, научная деятельность, международные связи, востребованность работодателями студентов вузов

* Составлено авторами по [9–15].

вузы сельскохозяйственного профиля при выполнении следующих условий:

1) подведомственные организации Министерства сельского хозяйства Российской Федерации;

2) вузы, обучающие по специальности 35.00.00 «Сельское, лесное и рыбное хозяйство» и 36.00.00 «Ветеринария и зоотехния» в том числе в вузах, подведомственных Министерству образования и науки;

3) комбинирование первого и второго из вышеперечисленных условий.

Таким образом, осуществлялась оценка от 20 до 142 разных отечественных вузов (таблица 1, столбец «Количество вузов в рейтинге»). Согласно информационно-аналитическим материалам по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования Российской Федерации, всего можно выделить 40 вузов сельскохозяйственного назначения, суммарно в них обучается более 107 тыс. студентов, что составляет 4,04 % от общего контингента студентов, обучающихся по программам высшего образования [18]. При этом в количество исследуемых организаций не попали некоторые крупные вузы, подведомственные Министерству сельского хозяйства Российской Федерации, которые, согласно данным мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования, имеют смешанный профиль, без преобладания в нем сельскохозяйственной направленности. К таким заведениям можно отнести: Ставропольский государственный аграрный университет, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, Пермскую государственную сельскохозяйственную академию имени Д. Н. Прянишникова, Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К. А. Тимирязева, Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет и прочие.

В таблице 2 представлены итоговые результаты ранжирования отечественных вузов сельскохозяйственного профиля за 2022–2023 год в соответствии с авторской методологией исследования эффективности управления сельскохозяйственными вузами Российской Федерации.

Анализ методик ранжирования вузов позволил сделать вывод, что несмотря на наличие общих составляющих, ни одна из методик не предполагает включения в метрики специфичных показателей, применимых исключительно для сельского хозяйства. Абсолютное большинство рейтингов являются универсальными и сельскохозяйственный профиль добавляется через выборку высших школ. Однако, вопрос отнесения вуза к сельскохозяйственному профилю является еще более неоднозначным. По мнению авторов, наиболее объективные данные по выборке можно получить, если воспользоваться официальными данными Мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования Российской Федерации, однако ранжирование по данному критерию исключает ряд вузов, подведомственных Министерству сельского хозяйства Российской Федерации, но имеющих смешанный профиль. В рамках научной статьи авторами предложено применение методологии исследования эффективности управления сельскохозяйственными вузами Российской Федерации с применением индекса развития региональной высшей школы. Данный метод позволяет подойти к вопросам оценки эффективности управления сельскохозяйственными вузами комплексно и оценить возможности развития учебного заведения не только с позиции инфраструктурной, кадровой обеспеченности, научного потенциала, публикационной активности и репутации вуза, но и со стороны решения социальных задач региона и развития цифровой экономики, что позволяет говорить о стратегических перспективах развития вуза и региона его присутствия.

Таблица 2 — Результаты исследования эффективности управления отечественными вузами сельскохозяйственного профиля за 2022–2023 г.*

Наименование рейтинга	Составитель	Количество вузов в рейтинге	ТОП-5 в соответствии с рейтингом				
			1-е место	2-е место	3-е место	4-е место	5-е место
Предметные рейтинги: сельское хозяйство [9]	Рейтинговое агентство RAEX	20	Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К. А. Тимирязева	Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина	Ставропольский государственный аграрный университет	Санкт-Петербургский государственный аграрный университет	Башкирский государственный аграрный университет
Национальный агрегированный рейтинг (выборка по подведомственной организации Министерство сельского хозяйства РФ) [10]	Гильдия экспертов в сфере профессионального образования совместно с Национальным фондом поддержки инноваций	43	Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К. А. Тимирязева	Ставропольский государственный аграрный университет	Башкирский государственный аграрный университет	Уральский государственный аграрный университет	Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова
Предметный национальный агрегированный рейтинг (выборка по направлению подготовки 35.00.00 «Сельское, лесное и рыбное хозяйство») [11]		125	Башкирский государственный аграрный университет	Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К. А. Тимирязева	Российский университет дружбы народов	Ставропольский государственный аграрный университет	Национальный исследовательский Томский государственный университет
Рейтинг мониторинга эффективности вузов 2022 (специфика ОО сельскохозяйственной направленности) [12]	Национальный фонд поддержки инноваций в сфере образования	51	Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины	Брянский государственный аграрный университет	Ульяновский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина	Новосибирский государственный аграрный университет	Уральский государственный аграрный университет

Продолжение таблицы 2

Наименование рейтинга	Составитель	Количество вузов в рейтинге	ТОП-5 в соответствии с рейтингом				
			1-е место	2-е место	3-е место	4-е место	5-е место
Рейтинг аграрных вузов «Национальное признание»: категория Рейтинг аграрных вузов [13]	УниверЭксперт – академический критик	54	Ставропольский государственный аграрный университет	Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева	Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина	Саратовский государственный аграрный университет имени Н. И. Вавилова	Башкирский государственный аграрный университет
Глобальный сводный рейтинг аграрных вузов России [14]	tabiturient.ru – информационный портал для поступающих в российские вузы	50	Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии — МВА имени К.И. Скрябина	Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К.А. Тимирязева	Санкт-Петербургский государственный университет ветеринарной медицины	КубГАУ Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина	Казанская государственная академия ветеринарной медицины имени Н. Э. Баумана
Сельскохозяйственные вузы России [15]	vuzoteka.ru – информационно-аналитический, статистический портал	142	ТГУ — Национальный исследовательский Томский государственный университет	РУДН — Российский университет дружбы народов	НИУ БелГУ — Белгородский государственный национальный исследовательский университет	КНИТУ — Казанский национальный исследовательский технологический университет	БГТУ имени В. Г. Шухова — Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова
Рейтинг ранжированию сельскохозяйственных вузов на основе индекса развития региональной высшей школы	КФУ	40	Волгоградский государственный аграрный университет	Омский государственный аграрный университет имени П. А. Столыпина	Костромская государственная сельскохозяйственная академия	Новосибирский государственный аграрный университет	Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I

* Составлено авторами по [9–15].

Список источников

1. Исаева О. В. Современное состояние и прогнозная модель развития аграрной структуры отечественного АПК // Аграрный вестник Урала. 2022. № 06 (221). С. 78–87.
2. Сбитнев Н. А., Чернов С. А. Стратегическое планирование развития АПК в обеспечении экономико-продовольственной безопасности России // Аграрный вестник Урала. 2022. Спецвыпуск «Экономика». С. 80–89.
3. Shagaida N. I., Trotsuk I. V. Russia's food security under the crisis of 2020–2021: objective and subjective dimensions // Russian Peasant Studies. 2022. Vol. 7, № 2. P. 93–121.
4. Власов В. А., Жикулина А. С., Рахвалова Н. А. Доктрина продовольственной безопасности 2010 года по сравнению с доктриной продовольственной безопасности 2020 года // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. Vol. 12-3 (51). С. 71–75.
5. Вергунова М. А., Новикова Н. А. Формирование экосистемы как инструмент обеспечения экономического развития аграрного вуза // Агрофорсайт. 2021. № 5 (36). С. 73–79.
6. Комин А. Э., Ким И. Н., Бородин И. И. Формирование кадрового потенциала для агропромышленного комплекса — взгляд работников вуза // Экономика сельского хозяйства России. 2022. № 4. С. 45–56.
7. Оборин М. С. Методические подходы к рейтинговой оценке сельского хозяйства регионов России // Аграрный вестник Урала. 2022. № 3 (218). С. 95–104.
8. Рейтинговые подходы оценки конкурентоспособности вуза как элемент научно-образовательного комплекса региона / М. Р. Сафиуллин, А. А. Шугаепова, А. Р. Иванова и др. // Аудит и финансовый анализ. 2022. № 3. С. 47–61.
9. Предметные рейтинги: сельское хозяйство // Рейтингового агентства RAEX : сайт. URL: https://raex-rr.com/education/subject_ranking/agriculture/2023. Дата публикации: 16.05.2023.
10. Национальный агрегированный рейтинг // Best-edu : агрегатор независимой оценки высшего образования. URL: https://best-edu.ru/ratings/national/nacionalnyj-agregirovannyj-rejting?name=&vedom=11390&year=2023&is_fil=0&league=&name=&vedom=11390&year=2022&is_fil=0&league=&
11. Предметный национальный агрегированный рейтинг// Best-edu : агрегатор независимой оценки высшего образования. URL: https://best-edu.ru/ratings/national/predmetnyj-nacionalnyj-agregirovannyj-rejting?group_mode_subject=1&name=&ugs=35&year=2022&vedom=&grade=&league=
12. Рейтинг мониторинга эффективности вузов (специфика ОО сельскохозяйственной направленности) // LiftUp : сайт. URL: https://msd-nica.ru/rankings/reyting-monitoringa-effektivnosti-vuzov?median_type=1&district=0&region=0&vuzName=&specific=3&league=0
13. Рейтинг аграрных вузов «Национальное признание»: категория рейтинг аграрных вузов // УниверЭксперт академический критик : сайт. URL: https://univer.expert/akademicheskiye-reytingi-vuzov-2022/rejting-agrarnyh-vuzov-2022
14. Глобальный сводный рейтинг аграрных вузов России // Табитуриент : сайт. URL: https://tabiturient.ru/globalrating/?21
15. Сельскохозяйственные вузы России // Вузотека.ру : сайт. URL: https://vuzoteka.ru/вузы/сельскохозяйственные
16. Программа «Приоритет 2030» // Министерство образования и науки Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://priority2030.ru/analytics
17. Официальная страница национального проекта «Наука и университеты» // Национальные пректы.рф : сайт. URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/nauka-i-universitety
18. Мониторинг эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования 2021 (по данным 2020 года) // Главный информационный вычислительный центр : официальный сайт. URL: https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&year=2021

References

1. Isaeva O. V. Current state and forecast model for the development of the agrarian structure of the domestic agro-industrial complex. *Agrarny`j vestnik Urala = Agrarian Bulletin of the Urals*. 2022;(6(221)):78–87. (In Russ.).
2. Sbitnev N. A., Chernov S. A. Strategic planning for the development of the agro-industrial complex in ensuring the economic and food security of Russia. *Agrarny`j vestnik Urala = Agrarian Bulletin of the Urals*. 2022;(Special issue “Economics”):80–89. (In Russ.).
3. Shagaida N. I., Trotsuk I. V. Russia's food security under the crisis of 2020–2021: objective and subjective dimensions. Russian Peasant Studies. 2022;7(2):93–121. (In Russ.).
4. Vlasov V. A., Zhikulina A. S., Rakhvalova N. A. Food Security Doctrine 2010 versus Food Security Doctrine 2020. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020;(12-3(51)):71–75. (In Russ.).

5. Vergunova M. A., Novikova N. A. Formation of an ecosystem as a tool for ensuring the economic development of an agricultural university. *Agroforsajt = Agroforsight*. 2021;5(36):73–79. (In Russ.).

6. Komin A. E., Kim I. N., Borodin I. I. Formation of personnel potential for the agro-industrial complex — the view of university employees. *E`konomika sel`skogo xozyajstva Rossii = Economics of Agriculture of Russia.* 2022;(4):45–56. (In Russ.).

7. Oborin M. S. Methodological approaches to the rating assessment of agriculture in Russian regions. *Agrarny`j vestnik Urala = Agrarian Bulletin of the Urals*. 2022;(3(218)):95–104. (In Russ.).

8. Rating approaches to assessing the competitiveness of a university as an element of the scientific and educational complex of the region / M. R. Safiullin, A. A. Shugaepova, A. at al. *RAudit i finansovy`j analiz = Audit and financial analysis.* 2022;(3);47–61. (In Russ.).

9. Subject ratings: agriculture. Rating agency RAEX: site. (In Russ.). Available from: https://raex-rr.com/education/subject_ranking/agriculture/2023

10. National aggregate rating. Best-edu: aggregator of independent assessment of higher education. (In Russ.). Available from: https://best-edu.ru/ratings/national/nacionalnyj-agregirovannyj-rejting?name=&vedom=11390&year=2023&is_fil=0&league=&name=&vedom=11390&year=2022&is_fil=0&league=&

11. Subject national aggregate rating. Best-edu: aggregator of independent assessment of higher education. (In Russ.). Available from: https://best-edu.ru/ratings/national/predmetnyj-nacionalnyj-agregirovannyj-rejting?group_mode_subject=1&name=&ugs=35&year=2022&vedom=&grade=&league=

12. Rating of monitoring the effectiveness of universities (specificity of educational institutions with an agricultural focus). LiftUp: site. (In Russ.). Available from: https://msd-nica.ru/rankings/reyting-monitoringa-effektivnosti-vuzov?median_type=1&district=0&region=0&vuzName=&specific=3&league=0

13. Rating of agricultural universities “National recognition”: category rating of agricultural universities. UniverExpert Academic Critic: site. (In Russ.). Available from: https://univer.expert/akademicheskiye-reytingi-vuzov-2022/rejting-agrarnyh-vuzov-2022/

14. Global consolidated ranking of agricultural universities in Russia. Tabiturient: site. (In Russ.). Available from: https://tabiturient.ru/globalrating/?21

15. Agricultural universities of Russia. Vuzoteka.ru: site. (In Russ.). Available from: https://vuzoteka.ru/universities/agricultural

16. Program “Priority 2030”. Ministry of Education and Science of the Russian Federation: official site. (In Russ.). Available from: https://priority2030.ru/analytics

17. Official page of the National Project “Science and Universities”. National projects.rf: official site. (In Russ.). Available from: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/nauka-i-universitety

18. Monitoring the effectiveness of educational organizations of higher education 2021 (based on 2020 data). Main Information Computing Center: official site. (In Russ.). Available from: https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&year=2021

Информация об авторах

А. А. Гатауллина — кандидат экономических наук, заведующий сектором по взаимодействию с рейтинговыми агентствами Центра перспективного развития, доцент кафедры проектного менеджмента и оценки бизнеса;

А. К. Ильдарханова — кандидат экономических наук, доцент кафедры проектного менеджмента и оценки бизнеса;

А. А. Зяббарова — специалист сектора исследования территориального вузовского лидерства.

Information about the author

A. A. Gataullina — Candidate of Science (Economics), Head of the Sector for Interaction with Rating Agencies of the Center for Prospective Development, Assosiate Professor of the Department of Project Management and Business Assessment;

A. K. Ildarkhanova — Candidate of Science (Economics), Assosiate Professor of the Department of Project Management and Business Assessment;

A. A. Zyabbarova — specialist of the Sector of Research of Territorial University Leadership.

Статья поступила в редакцию 07.11.2023; одобрена после рецензирования 27.11.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 07.11.2023; approved after reviewing 27.11.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 164–167
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):164–167

Научная статья
УДК 378(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-164-167

КОМАНДНАЯ РАБОТА КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Александр Николаевич Гелетий
Государственный университет управления, Москва, Россия, alegeletiy@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время предприятия нуждаются не только в высококвалифицированных специалистах, которые за время обучения овладевают определенными навыками для той или иной профессии, но и в специалистах, которые обладают умением быстро реагировать на меняющиеся обстоятельства, не боятся вызовов времени и умеют работать в команде. Ответственность за подготовку таких специалистов лежит на образовательной организации высшего образования, которая должна выстроить процесс обучения таким образом, чтобы каждый обучающийся был нацелен не только на личную результативность, но и на достижение высоких результатов в командной работе.
Ключевые слова: команда, командообразование, коммуникация, командная работа, современное образование
Для цитирования: Гелетий А. Н. Командная работа как важная составляющая в процессе обучения в образовательной организации высшего образования // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 164–167. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-164-167.

Research article

TEAM WORK AS AN IMPORTANT COMPONENT IN THE PROCESS OF TRAINING IN THE EDUCATIONAL ORGANIZATION OF HIGHER EDUCATION

Alexander N. Geletiy
State University of Management, Moscow, Russia, alegeletiy@yandex.ru

Abstract. At present, enterprises require not only in highly qualified specialists who, during their training, master certain skills for a particular profession, but also in specialists who have the ability to quickly respond to changing circumstances, are not afraid of the challenges of the time and are able to work in a team. The responsibility for the training of such specialists lies with the educational organization of higher education, which must build the learning process in such a way that everyone of the students was aimed not only at personal performance, but also to achieve high results in teamwork.
Keywords: team, team building, communication, team work, modern education
For citation: Geletiy A. N. Team work as an important component in the process of training in the educational organization of higher education. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):164–167. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-164-167.

Изначально вопрос о команде возникал еще в начале XX в., когда в России происходили социальные перемены, связанные с революционными потрясениями и установлением новой власти. Например, в отечественной литературе раскрывается вопрос команды в повести Максима Горького «Детство», где автор описывает жизнь своей семьи и ее взаимодействие с окружающим миром. Главным героем повести становится маленький мальчик, который уже с юных лет учился работать в коллективе и уважать своих товарищей. Вместе с приходом нового режима появилась новая литература, которая стала заниматься пропагандой командной работы и коллективизма. Одним из ярких представителей этого направления стал писатель Алексей Толстой. В его произведениях наиболее часто затрагивались вопросы командной работы, коллективности и партийного дисциплинирования.

В современной литературе вопрос командной работы и коллективизма остается одним из важных вопросов. Так, по мнению доктора психологии Т. Д. Зинкевич-Евстигнеевой, команда — это автономный самоуправляемый коллектив профессионалов, способный оперативно, эффективно и качественно решать поставленные перед ним задачи [1, с. 24]. С. С. Фролов — советский и российский социолог — раскрывает понятие «команда» следующим образом: команда — это группа людей, объединенных общей целью, во многом пересекающейся и совпадающей с личными интересами каждого [2, с. 141]. Из вышеперечисленных определений можно сделать вывод, что понятие «команда» может трактоваться по-разному. С одной стороны, команда может рассматриваться с профессиональной точки зрения, с другой стороны, команда может быть образована в обычной повседневной жизни, ведь в развивающемся мире буквально каждый человек когда-либо принимал участие в работе группы.

В данной статье рассматривается создание команды в образовательной организации высшего образования как важной составляющей в процессе обучения, которая в дальнейшем поможет студенту развиваться в профессиональном плане, оперативно реагировать на меняющиеся жизненные обстоятельства в обществе.

В современное время федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) разрабатываются для всех ступеней образования и меняются в соответствии с меняющими обстоятельствами. Так, одна из компетенций ФГОС высшего образования звучит как «способность работать в команде, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия» [3]. В быстроразвивающемся обществе студенту недостаточно иметь только базовые знания, необходимо обладать способностью работать в команде, уметь быстро адаптироваться в изменяющихся условиях, ведь командная работа становится все более востребованной как в профессиональной, так и в социальной сферах жизни.

Образовательная организация высшего образования — идеальная среда для развития процесса командной работы, где студенты, объединившись, совместно с членами своей команды могут выполнять определенные задачи, где каждый из них может внести свой уникальный вклад в достижение общей изначально поставленной цели.

Командная работа в образовательной организации высшего образования — это процесс, в течение которого студент учится высказывать свое мнение, прислушиваться и разделять мнение других, в определенных случаях принимать конструктивную критику и ответственно подходить к своей части работы, чтобы по итогу получить планируемый результат. Командная работа является одним из ключевых компонентов академического опыта, который помогает студентам развивать навыки коллективного решения проблем, обмена идеями и эффективного коммуникационного взаимодействия. Каждая из задач, поставленных во время реализации командной работы, требует координации, ответственности и взаимодействия между членами команды, что в итоге приводит к новым идеям и высоким результатам.

Однако при взаимодействии в командной работе могут возникнуть некоторые сложности. Как было написано ранее, командная работа — это, в первую очередь, взаимодействие, но среди членов команды могут и отсутствовать необходимые для работы согласован-

ность, понимание, умение слушать друг друга и т. д. Таким образом, командная работа в образовательной организации высшего образования способствует формированию профессиональных и социальных компетенций студентов, которые формируются в процессе обучения, а именно: ответственность, коммуникабельность, инициативность, аналитическое мышление и т. д.

Основной способ развития навыков командной работы — включение в учебную программу различных проектов, для работы с которыми преподавателю необходимо сформировать команду из студентов. В национальном стандарте Российской Федерации указано, что проект — это комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленный на создание уникального продукта или услуги в условиях временных и ресурсных ограничений [4, с. 35].

Немаловажный фактор, чтобы команда состояла из студентов с различными личностными качествами, ведь в процессе формирования команды важно также определить роли и ответственность каждого члена команды, обеспечить коммуникацию между ними и эффективность совместной работы.

Для активной коммуникации в команде необходим здоровый микроклимат, единство участников группы. Для этого перед преподавателем стоит непростая задача: создать такую атмосферу, в которой обучающиеся с разными характерами, взглядами смогут проявлять свои способности, будут понимать и помогать друг другу. Преподавателю необходимо познакомиться и изучить личность каждого студента, найти подход к каждому, общаться с учетом индивидуальных особенностей обучающихся. Не будем забывать о том, что в командной работе один из главных факторов — это общее видение ситуации и одна из задач преподавателя — помочь студентам определить свое видение и поделиться им.

Также преподаватель должен поощрять успехи обучающихся и здраво относиться к неудачам. Преподаватель, который принимает активное участие вместе со студентами в командной работе, обеспечивает интересное, эффективное, запоминающееся обучение. Командная работа в тандеме с преподавателем — это главный элемент обучения в современной образовательной системе. Преподаватель играет важную роль в командной работе, помогает студентам развиваться, что в дальнейшем, после окончания обучения, поможет им найти свое место не только в социуме, но и в профессиональной среде.

Таким образом, привлечение студентов к командной работе является важным аспектом в современном образовании. За весь период обучения студенты приобретают теоретические знания по выбранной профессии, а совместная работа в команде как отличный бонус к багажу знаний помогает обучающимся становиться более активными, ответственными, заинтересованными в достижении высокого результата, а также помогает быть более толерантными и принимать индивидуальные особенности каждого члена команды, оказывая поддержку друг другу в сложных ситуациях.

Одна из платформ по поиску деловых контактов опубликовала отчет о навыках, которые являются наиболее востребованными на рынке труда в 2023 году [5], где почетные лидирующие позиции занимают коммуникабельность и работа в команде, что еще раз доказывает актуальность выбранной темы и необходимость вовлечения обучающихся в процесс командной работы, которая поможет им быть конкурентоспособными на рынке труда.

Список источников

1. Зинкевич-Евстигнеева Т. Д. Эффективная команда: шаги к созданию. Руководство для тех, кто хочет создать свою команду. СПб. : Речь, 2003. 128 с.

2. Фролов С. С. Социология организаций : учебник. Москва : Гардарики, 2001. 384 с.

3. «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.03.04 Профессиональное обучение (по отраслям) (уровень бакалавриата)» : Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 01.10.2015 N 1085 // ГАРАНТ.РУ : информационно-правовой портал. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71136820

4. Андрианова Т. А. Командообразование в вузе в условиях проектной деятельности : магистерская диссертация. Тольятти : Тольяттинский государственный университет. Гуманитарно-педагогический институт, 2020. 107 с.

5. Самые востребованные навыки на рынке труда в 2023 году — версия LinkedIn // Дзен.ру : сайт. URL: https://dzen.ru/a/ZAWm8jb8MwnOevs0. Дата публикации: 06.03.2023.

References

1. Zinkevich-Evstigneeva T. D. Effective team: steps to creation: a guide for those who want to create their own team. St. Petersburg: Speech; 2003. 128 p. (In Russ.).

2. Frolov S. S. Sociology of organizations: a textbook. Moscow: Gardariki; 2001. 384 p. (In Russ.).

3. “On Approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education in the Field of Training 44.03.04 Vocational Training (by Industry) (Undergraduate Level)”: Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated October 1, 2015 No. 1085. GARANT.RU: information-legal portal. (In Russ.). Available from: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71136820

4. Andrianova T. A. Team building at a university in the context of project activities: master's thesis. Tolyatti: Tolyatti State University. Humanitarian and Pedagogical Institute, 2020. 107 p. (In Russ.).

5. The most in-demand skills in the labor market in 2023 — LinkedIn version // Zen.ru: site. (In Russ.). Available from: https://dzen.ru/a/ZAWm8jb8MwnOevs0. Publication date: March 6, 2023.

Информация об авторе

А. Н. Гелетий — кандидат экономических наук, ассистент кафедры теории и организации управления.

Information about the author

A. N. Geletiy — Candidate of Science (Economics), Assistant of the Department of Theory and Organization of Management.

Статья поступила в редакцию 31.05.2023; одобрена после рецензирования 26.06.2023; принята к публикации 25.12.2023.
The article was submitted 31.05.2023; approved after reviewing 26.06.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 168–171
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):168–171

Научная статья
УДК 338.24
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-168-171

ИЗМЕНЕНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ СОТРУДНИКОВ ПОД ЗАПРОСЫ БИЗНЕСА

Елена Юрьевна Кузьмина[1,2]
[1]Государственный университет управления, Москва, Россия, kuzmina.ey@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0001-6470-0426
[2]Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю. М. Лужкова,
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции в запросах современных организаций на ключевые компетенции будущих выпускников вузов. Выявляются основные проблемы в несоответствии запросов бизнеса и реальных компетенций молодых специалистов. Выявляются и анализируются ключевые компетенции, которые позволяют адаптироваться к нестабильности внешней среды современного бизнеса. Рассматривается положительный отечественный и зарубежный опыт по решению данной проблемы.
Ключевые слова: компетенции, знания, практические навыки, цифровая трансформация, цифровизация
Для цитирования: Кузьмина Е. Ю. Изменение компетенций сотрудников под запросы бизнеса // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 168–171. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-168-171.

Research article

CHANGING EMPLOYEE COMPETENCIES TO MEET BUSINESS NEEDS

Elena Yu. Kuzmina[1,2]
[1]State University of Management, Moscow, Russia, kuzmina.ey@mail.ru,
https://orcid.org/0000-0001-6470-0426
[2]Moscow City University of Management of the Moscow Government named after Yu. M. Luzhkov,
Moscow, Russia

Abstract. The article examines the main trends in the demands of modern organizations for the key competencies of future university graduates. The main problems are identified in the discrepancy between business demands and the real competencies of young specialists. Key competencies are identified and analyzed that allow one to adapt to the instability of the external environment of modern business. Positive domestic and foreign experience in solving this problem is considered.
Keywords: competencies, knowledge, practical skills, digital transformation, digitalization
For citation: Kuzmina E. Yu. Changing employee competencies to meet business needs. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):168–171. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-168-171.

Весьма распространено мнение о том, что запросы бизнеса часто не совпадают с полученными знаниями и приобретенными навыками новоиспеченных выпускников вузов. И действительно, сегодня мы живем в так называемую «информационную эру», в которой

лавинообразное развитие информационных технологий привело к тому, что информация является двигателем развития общества. По различным оценкам, современный человек получает больше информации за один день, чем в XV веке получал за всю свою жизнь. При этом растет не только объем доступной информации, но и темпы ее освоения и создания новой. Однако полученные знания постепенно теряют свою актуальность в связи с коротким периодом их использования. Те знания, которые современный выпускник вуза получает на «выходе», к моменту его трудоустройства уже успевают потерять значимость или просто устареть. По оценкам экспертов период актуальности диплома современного инженера составляет 2 года [1]. Это касается и других областей профессиональных знаний. К тому же свой отпечаток накладывает цифровая трансформация бизнеса, которая предъявляет свои требования [2]. Претендент на вакантную должность должен уметь уверенно работать в информационной среде. Актуальными становятся навыки, тесно связанные с развитием технологий и позволяющие максимально использовать потенциал цифровизации рабочего места. В целом можно отметить, что цифровая компетенция в сумме с логико-математическим мышлением, навыками работы с информационными технологиями приобретает очень большое значение.

Таким образом, можно говорить о высоком темпе происходящих изменений в целом во внешней среде и в бизнес-среде, в частности [3].

Также в числе ключевых отраслевых компетенций экспертами выделяются критическое мышление и способность к обучению и саморазвитию. Все эти навыки, по мнению работодателей, помогают адаптироваться к усложняющейся нестабильной реальности и добиваться успеха в этих условиях [4].

Другой проблемой является то, что большинство высших учебных заведений ставит своей целью подготовку универсальных специалистов с фундаментальными знаниями, в то время как бизнес-среда делает ставку на узкие прикладные навыки и умения. Развить практические навыки у будущих выпускников поможет тесное сотрудничество вузов с представителями бизнес-среды. Компании могут выступать площадкой для реализации проектной деятельности студентов, апробации результатов научных исследований, базой производственной проектно-технологической и производственной научно-исследовательской практики, а также заказчиками методических исследований в выпускных квалификационных работах выпускников. Это отличный шанс для обучающихся получить опыт работы, еще будучи студентами получить опыт практической деятельности, чтобы затем успешно начать свою профессиональную деятельность. Возможно также проведение в рамках такого сотрудничества различных прикладных проектов и семинаров.

Представители крупных компаний могут стать экспертами или войти в наблюдательные советы вузов, тем самым участвовать в формировании содержания образовательных программ. Это позволит привнести в образовательный процесс больше прикладных компетенций.

Также для повышения прикладных компетенций выпускников компаниям необходимо уделить внимание и обучению профессорско-преподавательского состава. В ходе таких курсов и мастер-классов преподаватели вузов могут получить информацию для составления кейсов, узнать новые принципы работы в современной организации. На западе такой подход к образованию известен как train-the-trainer, который предполагает обучение преподавателей высшей школы. В ходе подобной учебы преподаватели приобретают или обновляют свои знания об особенностях управления современной организацией, в том числе с использованием цифровых технологий, разработки актуальных бизнес-процессов на основе искусственного интеллекта, управление нематериальными благами в условиях цифровой трансформации экономики [5].

Итак, налаживать диалог необходимо вузам и бизнесу для того, чтобы выпускать востребованных на рынке специалистов. В России уже существует множество подобных успешных примеров. Например, компания Яндекс установила связь со многими университетами и помогает внедрять в них качественное

IT-образование. Высшие учебные заведения (например, Высшая школа экономики) налаживают диалог с крупными компаниями и стараются выяснить, каких специалистов не хватает на рынке труда, каким компетенциям обучать будущих выпускников.

Есть и примеры интересных региональных партнерств. Например, компания Bellini вместе с Metro, SimpleWine открыли в Сибирском федеральном университете филиал института гастрономии Поля Бокюза. Он стал первой в России научно-практической и культурной площадкой, объединившей два образовательных направления ресторанной сферы — Высшей школы ресторанного менеджмента и Высшей школы гастрономии. Это пока единственное российское отделение французской высшей школы шеф-поваров. Качество знаний обучающихся там студентов обеспечивают высокие стандарты государственного вузовского образования, опыт практиков бизнеса и сотрудничество с европейскими высшими учебными заведениями, а также непрерывная практика, которая занимает половину времени всего обучения [6].

За рубежом данную проблему решают на основе внедрения в университетах проблемно-ориентированного обучения (англ. *problem-based learning*), основанного на решении реальных практических задач. Своей целью подобные университеты видят подготовку специалистов, способных комплексно подходить к решению сложных проблем реальной практики. Причем эти задачи носят действительно комплексный характер: от социальных и этических до технологических. Студенты таких университетов учатся на факультете гуманитарных и естественных наук. Студентам предоставляется право самим выбирать, какие задачи они в будущем хотят решать и в зависимости от этого изучают различные теории, концепции и учатся комбинировать полученные знания для решения выбранных практических задач. Студенты объединяются в небольшие группы по 4–6 человек для решения задач реальной практики. При этом 40 % учебного времени посвящается изучению дисциплин, а 60 % — исследовательской деятельности. В процессе обучения студентам помогают академические, карьерные и социальные наставники. Академический наставник ориентирует студента по обучаемой программе, карьерный наставник помогает выстроить карьерную траекторию, выявить требуемые профессиональные навыки для будущей деятельности, а задачей социального наставника является наладить коммуникации и помочь студенту решать сложные проблемы. Наряду с этими занятиями студенты проходят обязательную стажировку у коммерческих партнеров. Подобный подход хорошо себя зарекомендовал, в частности, в London Interdisciplinary School. Такое обучение помогает студентам, имея междисциплинарные знания, решать сложные комплексные задачи. Навыки проведения исследований, опыт работы в команде, управление проектами и данными, взаимодействие с искусственным интеллектом позволяют выпускникам подобных учебных заведений быть весьма успешными в своей профессиональной среде.

Таким образом, взаимодействие бизнеса с высшими учебными заведениями позволит приблизить компетенции выпускников к запросам организаций.

Список источников

1. Современное обучение на рабочем месте 2022. Целостный подход к организационному обучению и развитию // modernworkplacelearning.com : сайт. URL: https://www.modernworkplacelearning.com/cild/mwl/about/#targetText=Modern %20estimates %20place %20the %20half,between %202.5 %20and %205 %20 years. %E2 %80 %9D

2. Кузьмина Е. Ю. Профессиональная подготовка кадров в условиях цифровизации экономики // Приоритетные и перспективные направления научно-технического развития Российской Федерации : материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 12–14 марта 2019 г.). Москва : Государственный университет управления, 2019. С. 328–330.

3. Жернакова М. Б., Кротенко Т. Ю., Румянцева И. А. Новые подходы к подготовке современных руководителей в условиях цифровизации экономики и коренных изменений условий деятельности бизнеса // Экономические системы. 2022. Т. 15, № 2. С. 129–135.

4. Навыки будущего для 2020-х: новая надежда // АРПН : официальный сайт. URL: https://rda.worldskills.ru/storage/app/media/Reports/2020%20Future%20Skills%202.0/Future%20Skills%20for%20the%202020s_A%20New%20Hope_RU.pdf.

5. Кузьмина Е. Ю., Жернакова М. Б. Организационные аспекты цифровизации управления // Экономические системы. 2020. Т. 13, № 1. С. 95–101.

6. Высшая школа гастрономии от Institut Paul Bocuse // gastronomyinstitute.ru : сайт. URL: https://gastronomyinstitute.ru/page3739487.html

References

1. Modern Workplace Learning 2022. A Holistic Approach to Organizational Learning and Development. modernworkplacelearning.com: site. (In Russ.). Available from: https://www.modernworkplacelearning.com/cild/mwl/about/#targetText=Modern%20estimates%20place%20the%20half,between%202.5%20and%205%20years.%E2%80%9D

2. Kuzmina E. Yu. Professional training in the conditions of digitalization of the economy. Priority and promising directions of scientific and technical development of the Russian Federation: materials of the II All-Russian scientific and practical conference (Moscow, March 12–14, 2019). Moscow: State University of Management; 2019. P. 328–330. (In Russ.).

3. Zhernakova M. B., Krotenko T. Yu., Rumyantseva I. A. New approaches to the training of modern managers in the context of digitalization of the economy and fundamental changes in business conditions. *E`konomicheskie sistemy` = Economic systems.* 2022;15(2):129–135. (In Russ.).

4. Skills of the future for the 2020s: new hope // Professions and Skills Development Agency: official site. (In Russ.). Available from: https://rda.worldskills.ru/storage/app/media/Reports/2020%20Future%20Skills%202.0/Future%20Skills%20for%20the%202020s_A%20New%20Hope_RU.pdf.

5. Kuzmina E. Yu., Zhernakova M. B. Organizational aspects of digitalization of management. *E`konomicheskie sistemy` = Economic systems.* 2020;13(1):95–101. (In Russ.).

6. Higher School of Gastronomy from the Institut Paul Bocuse. gastronomyinstitute.ru: site. (In Russ.). Available from: https://gastronomyinstitute.ru/page3739487.html

Информация об авторе

Е. Ю. Кузьмина — кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и организации управления; доцент кафедры государственного управления и кадровой политики.

Information about the author

E. Yu. Kuzmina — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Theory and Organization of Management; Associate Professor of the Department of Public Administration and Personnel Policy.

Статья поступила в редакцию 08.12.2023; одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.
The article was submitted 08.12.2023; approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 172–178
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):172–178

Научная статья
УДК 37.014
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-172-178

ФЕНОМЕН ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: МИРОВОЙ ОПЫТ НОРМАТИВНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Сайфутдин Зайнетдинович Кунсбаев
Уфимский колледж статистики, информатики и вычислительной техники, Уфа, Россия, skunsbaev@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется феномен «инклюзивное образование» с точки зрения формирования его нормативно-правового обеспечения в наиболее фундаментальных декларациях, конвенциях, правилах, рекомендациях и других документах, принятых на международном уровне различными государствами мира ассоциативно, на основе коллективного согласования основных положений. Отмечается, что начавшееся, по существу, почти сразу после окончания Второй мировой войны движение за создание инклюзивной педагогики заложило правовые основы этого процесса, но получило свое нынешнее название и описание структурного содержания только к началу последнего десятилетия XX века. Вступление Российской Федерации в международное движение инклюзивного образования в силу ряда общественно-политических и исторических причин произошло с некоторым опозданием, но на современном этапе развивается очень динамично и последовательно. Специально анализируется роль и значение Международной конференции по специальным нуждам в образовании (Саламанка, Испания, 1994) в формировании современной концепции инклюзивной педагогики как на мировом уровне, так и в отдельных национальных государствах.
Ключевые слова: инклюзивное образование, международный опыт нормативного обеспечения, фундаментальные декларации, конвенции, рекомендации
Для цитирования: Кунсбаев С. З. Феномен инклюзивного образования: мировой опыт нормативного обеспечения // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 172–178. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-172-178.

Research article

THE PHENOMENON OF INCLUSIVE EDUCATION: WORLD EXPERIENCE OF NORMATIVE SUPPORT

Sayfutdin Z. Kunsbaev
Ufa College of Statistics, Informatics and Computer Science, Ufa, Russia, skunsbaev@mail.ru

Abstract. The article analyses the phenomenon of "inclusive education" from the point of view of formation of its normative-legal support in the most fundamental declarations, conventions, rules, recommendations and other documents adopted at the international level by different states of the world associatively, on the basis of collective agreement of basic provisions. It is noted that the movement for the creation of inclusive pedagogy, which began, in fact, almost immediately after the end of the Second World War, laid the legal foundations of this process, but received its current name and description of its structural content only by the beginning of the last decade of the XX century. The entry of the Russian Federation into the international movement of inclusive education due to a number of socio-political and historical reasons happened with some delay, but at the present stage it developing very dynamically and consistently. The role and significance of the International Conference on Special Needs in Education (Salamanca, Spain, 1994) in the formation of the modern concept of inclusive pedagogy is specially analysed both at the world level and in separate national states.

Keywords: inclusive education, international normative experience, fundamental declarations, conventions, recommendations
For citation: Kunsbaev S. Z. The phenomenon of inclusive education: world experience of normative support. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):172–178. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-172-178.

Инклюзивное образование как особый феномен общественно-педагогической деятельности, несмотря на довольно недавнее (по историческим меркам) начало теоретической разработки и политической практики реализации, имеет достаточно глубокие теоретические предпосылки, разрабатываемые в различных нормативно-правовых документах практически сразу после окончания Второй мировой войны.

По признанию многих исследователей, занимающихся этой проблемой и в нашей стране, и за рубежом, именно с конца 1940-х годов начинается совершенно новый этап в развитии теоретико-методологических подходов к системе мировой педагогики, получившей впоследствии название инклюзивной. Например, Н. А. Мёдова, определив на основании проведенного анализа литературы и источников критерии периодизации развития инклюзивного образования в России и за рубежом, выделила период с конца Второй мировой войны в отдельный этап внедрения инклюзии в практику образовательной деятельности. В качестве вышеуказанных критериев автор выделила такие определяющие факторы, как: а) развитие ценностных установок, в том числе — по отношению к детям с ограниченными возможностями здоровья как общества в целом, так и системы образования; б) общее количество образовательных учреждений и их доля во всей образовательной системе, применительно к категории учащихся с особыми образовательными потребностями; в) формирование нового качества и возникновение системы специфического инклюзивного образования [1].

Большинство отечественных и зарубежных авторов признают, что начиная уже с 1948 года был принят целый ряд международных нормативных документов в виде фундаментальных деклараций, конвенций, правил, рекомендаций, являющихся нормативной базой для обеспечения всеобщего доступа к образованию, в том числе — учащихся с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Однако в ранних инициативах, продекларированных вплоть до 1960-х годов, в которых было провозглашено право ребенка с ОВЗ на образование, вопрос об удовлетворении и развитии их образовательных и социальных потребностей и возможностей в целом рассматривался в большей степени как символический принцип, имеющий больше декларативное значение. На наш взгляд, это нашло отражение в таких общепринятых международных документах, как Всеобщая Декларация прав человека, принятая ООН в 1948 году [2], и Декларация прав ребенка, утвержденная в 1959 году [3].

В дальнейшем, на протяжении 1950-х и по 1980-е годы были разработаны и коллегиально приняты ряд важных документов, внесших весомый вклад в осмысление рассматриваемой проблемы полноценного участия детей с особыми образовательными потребностями во всеобщем образовательном процессе. К такого рода документам, несомненно, относятся:

1. «Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования», принятая 14 декабря 1960 г. Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки в культуры (ЮНЕСКО) [4];

2. «Декларация Генеральной Ассамблеи ООН о правах умственно отсталых лиц», принятая Генеральной Ассамблеей ООН 20 декабря 1971 г. [5];

3. «Декларация ООН о правах инвалидов», провозглашенная резолюцией 3447 (XXX) Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1975 г. [6];

4. «Всемирная программа действий в отношении инвалидов», принятая резолюцией 37/52 Генеральной Ассамблеи ООН от 3 декабря 1982 г. [7];

5. «Конвенция ООН о правах ребенка», принятая резолюцией 45/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 г. и ратифициро-

ванная Постановлением Верховного Совета СССР от 13 июня 1990 г. [8].

В вышеперечисленных документах были постепенно и подробно сформулированы основные принципы и подходы человечества: к проблемам инвалидности, реинтеграции умственно неполноценных людей в гражданское общество, наряду с выработкой основ гуманистически ориентированных политик по организации образования ко всем категориям и социальным группам подрастающего поколения.

Если проводить диахронный анализ международных рекомендательных нормативно-правовых документов с точки зрения их содержания, разработанных на протяжении второго пятидесятилетия XX в., то, вне всякого сомнения, своеобразной теоретической «предтечей» основополагающих международных документов об инклюзивном образовании, по мнению большинства экспертов, стал документ, который называется «Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов», принятый Организацией Объединенных Наций 20 декабря 1993 г. В этом документе предложено определить способы обеспечения равных возможностей в области начального, среднего и высшего образования для детей, молодежи и взрослых, имеющих инвалидность. Например, шестое правило данного документа предложило обеспечивать права инвалидов на образование в системе общей педагогики как неотъемлемой части национальных образовательных систем. Одновременно в данном документе были подробно описаны, на уровне детализации, основные положения об обеспечении адекватных социальных условий для удовлетворения образовательных потребностей всех детей-инвалидов, включая тяжелые формы инвалидности, в системе общего образования. Важнейшим предложением шестого правила анализируемого документа стала резюмирующая рекомендация для национальных образовательных систем различных государств: «Стремиться к постепенной интеграции системы специальных учебных заведений в систему общего образования» [9].

Однако, по практически всеобщему признанию теоретиков и практиков современной образовательной политики во всем мире, наиболее фундаментальное значение для формирования современной парадигмы феномена «инклюзивное образование» стали документы, разработанные и принятые мировым сообществом в 1990-е годы.

В ряду этих документов, по признанию авторитетных экспертов и специалистов, наибольшую роль сыграли два документа. Во-первых, это «Всемирная декларация об образовании для всех и рамки действий для удовлетворения базовых образовательных потребностей», принятая в г. Джомтьен (Таиланд) в 1990 году. Эта декларация сформулировала наиболее общее видение инклюзии, практически вводя его из научных дискуссий в практико-прикладной оборот [10]. Во-вторых, это ставшая всемирно признанной «Саламанкская декларация о принципах, политике и практической деятельности в сфере образования лиц с особыми потребностями», принятая в г. Саламанка (Испания) на Международной конференции 7–10 июня 1994 г. [11]. Особая ценность этих двух документов, особенно второго, заключается в том, что «Саламанкская декларация о принципах, политике и практической деятельности в сфере образования лиц с особыми потребностями», принятая представителями 92 правительств и 25 международными организациями, стала впоследствии одним из основополагающих международных документов по следующим основаниям:

1. Именно благодаря названным документам в современную педагогическую деятельность был введен термин «инклюзия» и провозглашен принцип инклюзивного образования;

2. Кроме того, в них содержатся принципы предложения и продвижения законодательных инициатив в сфере инклюзивного образования, которое предусматривает не только активное включение и участие детей с ОВЗ в обычном образовательном учреждении, но предполагает перестройку системы массового образования и учебно-воспитательного процесса с целью создания условий для реализации образовательных потребностей всех категорий детей;

3. В рассматриваемых декларациях, особенно во второй, был закреплен целевой

приоритет инклюзивного образования — каждый ребенок, обладая уникальными особенностями, интересами, способностями и учебными потребностями, должен иметь доступ к получению образования в обычной школе, в которой созданы условия для удовлетворения его образовательных потребностей.

4. Кроме того, в Саламанкской декларации нашло отражение понятие «инклюзивное образование» как «школы для всех — учреждения, которое объединяет всех, учитывает различия, содействует процессу обучения и соответствует индивидуальным потребностям». Не случайно, понятие «инклюзивное образование» многие авторы до сих пор ассоциируют именно с Саламанкской декларацией [11].

Последовавшие вслед за Саламанкской декларацией международные нормативно-правовые документы, несмотря на их значимость, в основном лишь дополняют и расширяют принятую в Испании Концепцию. Так, последующее принятие «Дакарской рамочной концепции действий» (Dakar Framework for Action), которое состоялось на «Всемирном форуме по образованию», прошедшем в Дакаре (Сенегал) в 2000 году, а также «Целей развития тысячелетия в образовании» (Millennium Development Goals on Education) привело к 2015 году к формулировке наиболее полного и современного подхода, призванного обеспечить «образование для всех». В вышеупомянутой декларации Дакарского форума была сформулирована приверженность международного сообщества осуществлению разработанной стратегии инклюзивного образования. При этом основной целью инклюзии данная декларация провозгласила, по сравнению с предшествующими документами, «удовлетворение базовых образовательных потребностей каждого ребенка, молодого человека и взрослого на протяжении жизни одного поколения и последующее поддержание достигнутого уровня» [12]. Таким образом, в качестве задач инклюзивного образования были заявлены удовлетворение образовательных интересов не только детей, но и взрослых, на различных этапах его жизни, и что не менее важно — поддержание образовательного уровня до конца жизни.

Следующим важнейшим международным нормативно-правовым документом мирового уровня об инклюзивном образовании стала «Конвенция о правах инвалидов», принятая Организацией Объединенных Наций в 2006 году. В названной Конвенции приводится и доказывается важное теоретическое положение о том, что «дискриминация по признаку инвалидности означает любое различие, исключение или ограничение по причине инвалидности, целью или результатом которого является умаление или отрицание признания, реализации или осуществления наравне с другими всех прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой иной области» [13]. В качестве основных принципов реализации упомянутой Конвенции провозглашаются следующие положения: во-первых, уважение присущего человеку достоинства, его личной самостоятельности, включая свободу делать свой собственный выбор, и независимость; во-вторых, отсутствие дискриминации, а также полное и эффективное вовлечение и включение в общество инвалидов; в-третьих, уважение особенностей инвалидов и их принятие в качестве компонента людского многообразия и части человечества; в-четвертых, применительно к инвалидам, равенство возможностей, доступность ко всему, равенство, в этом смысле, мужчин и женщин; в-пятых, уважение развивающихся способностей детей-инвалидов и уважение права детей-инвалидов сохранять свою индивидуальность. В соответствии с реализацией последнего принципа в анализируемой Конвенции провозглашается право инвалидов на инклюзивное образование на всех уровнях и обучение в течение всей жизни. Данные положения должны законодательно обеспечиваться всеми возможностями государств-участников, признающих Конвенцию.

Завершая краткий обзор основополагающих, принятых мировым сообществом документов об инклюзивном образовании, нельзя не отметить, что Российская Федерация нормативно и фактически вступила в цивилизационное движение инклюзивной педагогики на основе законодательного закрепления инклюзии в сфере образования в результате

ратификации в 2012 году Конвенции ООН о правах инвалидов [14].

Как известно, одно из положений вышеупомянутой Конвенции, зафиксированное в ст. 24, содержит требование к государствам-участникам об организации инклюзивного образования: «Государства участники признают право инвалидов на образование. В целях реализации этого права без дискриминации и на основе равенства возможностей государства-участники обеспечивают инклюзивное образование на всех уровнях и обучение в течение всей жизни» [13]. Принятый после ратификации нашей страной данной Конвенции новый Закон «Об образовании в Российской Федерации» учитывает это требование. В ст. 2 Федерального закона приводится следующее, практически совпадающее с международным, определение: «Инклюзивное образование — обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей» [15]. Но анализ эволюции и современного состояния нормативно-правового обеспечения феномена «инклюзивное образование» в нашей стране и отечественном обществе в целом представляется большой, глубокой и многоплановой темой, а поэтому требует специального отдельного рассмотрения.

Список источников

1. Мёдова Н. А. Модель инклюзивного образования в условиях муниципальной образовательной системы : автореф. … дис. канд. пед. наук. Томск, 2013. 23 с.

2. Всеобщая Декларация прав человека : Принята резолюцией 217 A (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // ООН : официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

3. Декларация прав ребенка : Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года // ООН : официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml

4. Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования : Принята 14 декабря 1960 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки в культуры на ее одиннадцатой сессии // ООН : официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/educat.shtml

5. Декларация о правах умственно отсталых лиц : Принята резолюцией 2856 (XXVI) Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1971 года // ООН : официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/retarded.shtml

6. Декларация о правах инвалидов : Принята резолюцией 3447 (XXX) Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1975 года // ООН : официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/disabled.shtml

7. Всемирная программа действий в отношении инвалидов : Принята резолюцией 37/52 Генеральной Ассамблеи от 3 декабря 1982 года // ООН : официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prog.shtml

8. Конвенция о правах ребенка : Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года // ООН : официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml

9. Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов : Приняты резолюцией 48/96 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 года // ООН : официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disabled.shtml//http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disabled_ch2.shtml#a

10. Всемирная декларация об образовании для всех и рамки действий для удовлетворения базовых образовательных потребностей // Всемирная конференция по образованию для всех (Джомтьен, Таиланд, 5–9 марта 1990 г.) // ООН : официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/jomtien.pdf

11. Саламанкская декларация и Рамки действий по образованию лиц с особыми потребностями : приняты Всемирной конференцией по образованию лиц с особыми потребностями: доступ и качество (Саламанка, Испания, 7–10 июня 1994 г.) // ООН : официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/salamanka.pdf

12. Дакарские рамки действий. Образование для всех: выполнение наших общих обязательств. Текст, принятый Всемирным форумом по образованию (Дакар, Сенегал, 26–28 апреля 2000 г.) // ООН : официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/dakar.pdf

13. Конвенция о правах инвалидов : Принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 года // ООН : официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml

14. «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» : Федеральный закон от 03.05.2012 № 46-ФЗ : Принят Государственной Думой 25 апреля 2012 года : Одобрен Советом Федерации 27 апреля 2012 года // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-03052012-n-46-fz-o

15. Федеральный закон об образовании в Российской Федерации : Принят Государственной Думой 21 декабря 2012 года : Одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

References

1. Medova N. A. Model of inclusive education in the conditions of the municipal educational system: abstract ... Dis. Cand. Ped. Sci. Tomsk, 2013. 23 p. (In Russ.).

2. Universal Declaration of Human Rights: Adopted by resolution 217 A (III) of the UN General Assembly on December 10, 1948. UN: official site. (In Russ.). Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

3. Declaration of the Rights of the Child: Adopted by resolution 1386 (XIV) of the UN General Assembly on November 20, 1959. UN: official site. (In Russ.). Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml

4. Convention against Discrimination in Education: Adopted on December 14, 1960 by the General Conference of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization at its eleventh session. UN: official site. (In Russ.). Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/educat.shtml

5. Declaration of the Rights of Mentally Retarded Persons: Adopted by resolution 2856 (XXVI) of the General Assembly on December 20, 1971. UN: official site. (In Russ.). Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/retarded.shtml

6. Declaration of the Rights of Persons with Disabilities: Adopted by resolution 3447 (XXX) of the General Assembly on December 9, 1975. UN: official site. (In Russ.). Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/disabled.shtml

7. World Program of Action for Persons with Disabilities: Adopted by General Assembly resolution 37/52 on December 3, 1982. UN: official site. (In Russ.). Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prog.shtml

8. Convention on the Rights of the Child: Adopted by resolution 44/25 of the General Assembly on November 20, 1989. UN: official site. (In Russ.). Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml

9. Standard Rules for the Equalization of Opportunities for Persons with Disabilities: Adopted by General Assembly resolution 48/96 of December 20, 1993. UN: official site. (In Russ.). Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disabled.shtml//http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disabled_ch2.shtml#a

10. World Declaration on Education for All and a framework for action to meet basic educational needs. World Conference on Education for All (Jomtien, Thailand, March 5–9, 1990). UN: official site. (In Russ.). Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/jomtien.pdf

11. Salamanca Declaration and Framework for Action on Special Needs Education: adopted by the World Conference on Special Needs Education: Access and Quality (Salamanca, Spain, June 7–10, 1994). UN: official website. (In Russ.). Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/salamanka.pdf

12. Dakar Framework for Action. Education for All: Meeting Our Common Responsibilities. Text adopted by the World Education Forum (Dakar, Senegal, April 26–28, 2000). UN: official site. (In Russ.). Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/dakar.pdf

13. Convention on the Rights of Persons with Disabilities: Adopted by resolution 61/106 of the General Assembly on December 13, 2006. UN: official site. (In Russ.). Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml

14. “On the ratification of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities”: Federal Law No. 46-FL dated May 3, 2012: Adopted by the State Duma on April 25, 2012: Approved by the Federation Council on April 27, 2012. Laws, codes and legal acts of the Russian Federation: official site. (In Russ.). Available from: https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-03052012-n-46-fz-o

15. Federal Law on Education in the Russian Federation: Adopted by the State Duma on December 21, 2012: Approved by the Federation Council on December 26, 2012. ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174

Информация об авторе

С. З. Кунсбаев — кандидат педагогических наук, директор.

Information about the author

S. Z. Kunsbaev — Candidate of Science (Pedagogical), director.

Статья поступила в редакцию 12.12.2023; одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 12.12.2023; approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 179–183
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):179–183

Научная статья
УДК 004.652
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-179-183

РЕСУРСНЫЙ ПОДХОД К НАКОПЛЕНИЮ И РАСПРЕДЕЛЕНИЮ ПОТЕНЦИАЛА КОЛЛЕКТИВА НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Зимфир Махмутович Хасанов[1], Алсу Илюсовна Низамова[2], Наталья Владимировна Хасанова[3]✉
[1,2]Башкирский институт социальных технологий (филиал) Академии труда и социальных отношений, Уфа, Россия
[1]zimfirm@list.ru
[2]nizamova_alsu@list.ru
[3]Институт информатики, математики и робототехники Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия, khasanova.nv@mail.ru✉

Аннотация. Предмет исследования — процесс накопления научного потенциала. Цель исследования — рассмотрение проблем и особенностей процесса накопления научного потенциала общества. Задача исследования — оптимизация распределения накопленного научного, инновационного потенциала для виртуальной научной организации (НИИ или НИЧ университета). Новизна исследования — раскрытие механизмов накопления и использования научного потенциала, роль отдельных потенциалов в достижении цели. Выводы: эффективное управление процессом развития региона можно осуществить на базе информационно-управляющей системы, содержащей интеллектуальную подсистему поддержки принятия решения по накоплению, распределению и использованию потенциала. Предложенный подход позволяет определить скрытые возможности научной организации и нацелить ее на использовании этих возможностей.
Ключевые слова: накопленный научный потенциал, мотивация, научный проект, инновационный потенциал
Для цитирования: Хасанов З. М., Низамова А. И., Хасанова Н. В. Ресурсный подход к накоплению и распределению потенциала коллектива научной организации // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 179–183. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-179-183.

Research article

RESOURCE APPROACH TO THE ACCUMULATION AND DISTRIBUTION OF THE POTENTIAL OF THE SCIENTIFIC ORGANIZATION STAFF

Zimfir M. Khasanov[1], Alsou I. Nizamova[2], Natalya V. Khasanova[3]✉
[1,2]Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, Ufa, Russia
[1]zimfirm@list.ru
[2]nizamova_alsu@list.ru
[3]Institute of Informatics, Mathematics and Robotics, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, khasanova.nv@mail.ru✉

Abstract. The subject of the research is the process of accumulating scientific potential. The purpose of the study is to consider the problems and features of the process of accumulating the scientific potential of society. The objective of the research is to optimize the distribution of accumulated scientific and

innovative potential for a virtual scientific organization (research institute or university research institute). The novelty of the research is the disclosure of the mechanisms of accumulation and use of scientific potential, the role of individual potentials in achieving the goal. Conclusions: effective management of the regional development process can be carried out on the basis of an information and management system containing an intelligent subsystem for supporting decision-making on the accumulation, distribution and use of potential. The proposed approach allows us to identify the hidden capabilities of a scientific organization and direct it to use these capabilities.

Keywords: accumulated scientific potential, motivation, scientific project, innovative potential

For citation: Khasanov Z. M., Nizamova A. I., Khasanova N. V. Resource approach to the accumulation and distribution of the potential of the scientific organization staff. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):179–183. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-179-183.

Хозяйственно-производственная (ХПД) или научно-исследовательская деятельность (НИД) общества предполагает наличие хорошо отлаженной системы снабжения ресурсами, в частности, системы накопления потенциала (кадрового, научно-образовательного, научно-технического и т. д.) [1–3]. Первостепенное значение при этом, очевидно, имеют интеллектуальный (ИП) и инновационный (ИнП) потенциалы, косвенно характеризующие мощность накопленного потенциала в целом.

В процессе накопления потенциала необходимо выделить мотивацию, то есть причину, побудившую субъект (личность, социальную группу, общность людей, социальные институты и т. д.) к осознанной активной деятельности, связанной с удовлетворением возникших потребностей. Мотивация — это внутренние и внешние условия, которые осознанно побудили субъект к активным действиям, стали его осознанной потребностью. Мотивация может носить как общий характер, например, необходимость развития и выживания в конкурентных условиях или сохранения системы ценностей, так и частный, например, удовлетворение частных потребностей в данной ситуации. Мотивация образует ту положительную обратную связь, которая поддерживает процесс накопления потенциала [4].

Кроме внутренней мотивации необходимо и внешнее стимулирование, то есть объективные побуждения к активному действию со стороны внешней среды. Если эти объективные внешние условия осознаются субъектом и отвечают его потребностям, то они становятся его внутренней мотивацией. Примером могут служить материальное и моральное стимулирование, желание получить ученую степень, делать научную карьеру, стать лидером в научной группе и т. д. [5].

Таким образом, процесс накопления потенциала поддерживается за счет мотивации и стимулирования и в общем виде может быть представлен следующим образом (рис. 1).

В основном накопление потенциала идет в процессе деятельности как за счет самовоспроизводства, так и приобретения ресурсов. Отметим, что если накопленный на некотором интервале времени потенциал полностью реализуется на таком же интервале времени, то

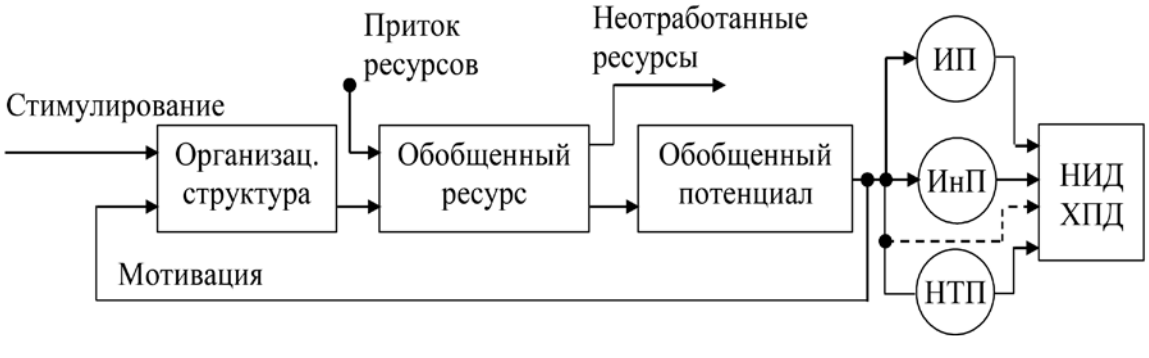

Рисунок 1 — Процесс накопления потенциала

Figure 1 — The process of capacity building

процесс ХПД (НИД) будет циклическим (периодическим). Если же накопленный потенциал реализуется за меньшее время, чем интервал накопления, то процесс ХПД будет затухающим; если на большем отрезке времени, то нарастающим.

Потенциал обладает способностью устаревать, поэтому требуется его периодическое обновление. Это относится и к кадровому, и к научно-техническому, и к организационному (к структуре и методам управления) потенциалам.

Накопление научно-образовательного потенциала, например, предполагает, прежде всего, совершенствование системы подготовки научных кадров и специалистов. Этот процесс осуществляется через аспирантуру, докторантуру и систему повышения квалификации. Здесь важна целенаправленная и плановая подготовка.

Накопление научно-технического потенциала (НТП) осложняется тем, что необходимо за короткий срок выполнить трудоемкую работу: из всего научного информационного ресурса выбрать ту часть, которая пригодна и целесообразна для использования в решении конкретных научных и производственных задач. Желательно было бы создать информационную экспертную систему, которая в автоматическом режиме решала бы задачу поиска и отбора необходимой информации.

Таким образом, процесс накопления потенциала является сложным динамическим процессом, протекающим в условиях неопределенности и зависящим от потребности субъекта, его социальных ориентиров, сложившейся инфраструктуры, уровня автоматизации, сложности решаемой задачи и многих других факторов.

Другая проблема — проблема распределения накопленного потенциала между лабораториями (на нижнем уровне) или между отраслями (на верхнем уровне). Необходимо распределить накопленный потенциал (чистый ресурс) таким образом, чтобы эффективность от его использования была максимальна.

Задача оптимизации распределения накопленного потенциала (в дальнейшем просто ресурсов) возникает тогда, когда они ограничены. Рассмотрим постановку задачи для виртуальной научной организации (научно-исследовательского института или научно-исследовательской части университета). Будем считать, что накопленный потенциал используется полностью и исключительно по назначению. Конечно, это идеализация задачи распределения накопленного потенциала, но полученные результаты могут быть распространены и на реальный случай.

Пусть имеется m научных программ (проектов), для выполнения которых организация располагает n видами ресурсов. Тогда можно записать следующую систему уравнений:

$$x_i = \sum_{j=1}^{n} \alpha_{ij} R_j, \text{ где } i = \overline{1,m}, \qquad (1)$$

где x_i — i-я программа,

R_j — j-й вид ресурса.

Обычно на ресурсы накладываются ограничения:

$$\sum_{i=1}^{m} \alpha_{ik} R_k \le R_k^0, \text{ т.е. } \sum_{i=1}^{m} \alpha_{ik} \le 1, \; k = \overline{1,n}, \qquad (2)$$

где R_k^0 — располагаемый объем k-го ресурса.

Требуется найти такое распределение коэффициентов α_{ij}, чтобы некоторый функционал $F(x_i)$ качества достигал максимального значения:

$$F(x_1, x_2, \ldots, x_m) = \max. \qquad (3)$$

Этот функционал может характеризовать, например, количество (или %) выполненных работ, или объем (в стоимостном выражении) выполненных хоздоговорных работ с учетом приоритетности их выполнения.

Однако эта обычная задача линейного программирования в нашем случае имеет свою специфику. Дело в том, что некоторые виды потенциалов, как-то интеллектуальный (научные кадры), инновационный, научно-технический (оборудование) могут использоваться многократно. Например, научные работники и специалисты могут участвовать в нескольких проектах одновременно, но только отдача от них в разных проектах может быть различной. Поэтому условие (2) для некоторых типов ресурсов запишется так:

$$\sum_{i=1}^{m} \alpha_{is} \le 1, \; \sum_{i=1}^{m} \alpha_{ip} > 1, \; s = \overline{1,Q}, \; p = \overline{Q+1,n}. \qquad (4)$$

Очевидно, что ослабление условия (2) с переходом к (4) может повысить значение функционала $F(x_1, x_2, \ldots, x_n)$, то есть повысить эффективность реализации потенциала. Однако особо обольщаться на этот счет не стоит, так как распараллеливание некоторых видов потенциала не означает их многократное и полное использование.

Иногда ограничение накладывается и на время выполнения каждого проекта. Тогда следует рассмотреть динамическую постановку задачи. Пусть m научных проектов x_i, где $i \in (\overline{1,m})$ выполняются с разными темпами в зависимости от организации работ:

$$\tau_i \dot{x}_i + x_i = \sum_{j=1}^{n} \alpha_{ij} R_j, \quad i = \overline{1,m}, \qquad (5)$$

где τ_i — постоянная времени выполнения i-го проекта.

Здесь действуют ограничения вида (2) или (4) и вводится дополнительное условие:

$$\forall i: \quad t_i^{\text{кон}} < t_i^0, \qquad (6)$$

где t_i^0 — время окончания i-го проекта.

Требуется найти распределение коэффициентов α_{ij}, чтобы $F(x_1, x_2, \ldots, x_n) = \max$ при своевременном выполнении всех проектов.

Динамическая постановка задачи может быть еще более усложнена, если учесть:

– динамику оргструктуры управления;

– динамику принятия решения;

– различные способы использования потенциалов (ресурсов) в динамике.

Такой подход требует специальных дополнительных исследований.

Аналогичная задача возникает при распределении потенциалов между отраслями. Однако в этом случае условия (4) практически не выполняются ввиду специфики ресурсов и невозможности их распараллеливания между отраслями.

Таким образом, задача оптимизации распределения накопленного потенциала (особенно в динамической постановке) имеет важное значение для процесса планирования. Ее решение показывает, какого предельного эффекта можно достичь, если правильно и полностью использовать накопленный потенциал общества.

Список источников

1. Научно-образовательный и научно-технический потенциал как важнейший фактор развития региона / С. Т. Кусимов, Б. Г. Ильясов, И. Б. Герасимова, Н. В. Хасанова // Сборник трудов III Международной конференции «Проблемы управления и моделирования в сложных системах» (Самара, 2001 г.). Самара : Изд-во РАН, 2001. С. 368–373.

2. Шафиков М. Т. Научно-образовательный потенциал региона: структура, состояние, динамика. Уфа : Гилем, 2002. 107 с.

3. Авдулов А. Н., Кулькин А. М. Структура и динамика научно-технического потенциала России. Москва : Эдиторн Урсс, 1996. 319 с.

4. Синергетический подход к исследованию организационных систем / М. Б. Гузаиров, Р. А. Бадамшин, Б. Г. Ильясов и др. // Сборник трудов VI Международной конференции «Проблемы управления и моделирования в сложных системах» (Самара, 2024 г.). Самара : Изд-во РАН, 2004. С. 107–112.

5. Гузаиров М. Б., Герасимова И. Б., Хасанова Н. В. Информационная система (ИС) оценки потенциала для реализации научного проекта // Материалы 7-й Международной конференции «Компьютерные науки и информационные технологии» (CSIT'2005) (Уфа, 18–21 сентября 2005 г.). Т. 1. Уфа-Ассы : УГАТУ, 2005. С. 152–154. (На англ.).

References

1. Scientific-educational and scientific-technical potential as the most important factor in the development of the region / S. T. Kusimov, B. G. Ilyasov, I. B. Gerasimova, N. V. Khasanova. Collection of proceedings of the III International Conference "Problems of Management and Modeling in Complex Systems" (Samara, 2001). Samara: Publishing house of the Russian Academy of Sciences; 2001. P. 368–373. (In Russ.).

2. Shafikov M. T. Scientific and educational potential of the region: structure, state, dynamics. Ufa: Gilem; 2002. 107 p. (In Russ.).

3. Avdulov A. N., Kulkin A. M. Structure and dynamics of the scientific and technical potential of Russia. Moscow: Edithorn Urss; 1996. 319 p. (In Russ.).

4. Synergetic approach to the study of organizational systems / M. B. Guzairov, R. A. Badamshin, B. G. Ilyasov at al. Collection of proceedings of the VI International Conference “Problems of Control and Modeling in Complex Systems” (Samara, 2024 .). Samara: Publishing house of the Russian Academy of Sciences; 2004. P. 107–112. (In Russ.).

5. Guzairov M. B., Gerasimova I. B., Khasanova N. V. Information system (IS) for assessing the potential for the implementation of a scientific project. Proceedings of the 7th International Conference "Computer Science and Information Technologies" (CSIT'2005) (Ufa, September 18–21, 2005). Vol. 1. Ufa-Assy: USATU; 2005. P. 152–154.

Информация об авторах

З. М. Хасанов — доктор технических наук, профессор, профессор кафедры экономики и информационных технологий;

А. И. Низамова — кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры экономики и информационных технологий;

Н. В. Хасанова — кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры технической кибернетики.

Information about authors

Z. M. Khasanov — Doctor of Science (Technical), Professor, Professor of the Department of Economics and Information Technologies;

A. I. Nizamova — Candidate of Science (Technical), Assistant Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Information Technologies;

N. V. Khasanova — Candidate of Science (Technical), Assistant Professor, Associate Professor of the Department of Technical Cybernetics.

Статья поступила в редакцию 04.12.2023; одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 04.11.2023; approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 184–188
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):184–188

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

Научная статья
УДК 340.13
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-184-188

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЭМБРИОНА В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ

Екатерина Сергеевна Баранова
Институт права Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия, ekaterina.sergeevna76@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемы определения правового статуса эмбриона в российском и международном праве. Рассматриваются основные подходы к пониманию юридической природы эмбриона как субъекта права, объекта права или части организма матери. Особое внимание уделяется вопросам репродуктивных прав и допустимости искусственного прерывания беременности. Анализируется практика Верховного суда США и законодательство разных стран в отношении абортов. Формулируется авторское видение оптимального правового режима с точки зрения соблюдения баланса между правами женщины и интересами эмбриона.
Ключевые слова: эмбрион, правовой статус, репродуктивные права, искусственное прерывание беременности, субъект права, объект права
Для цитирования: Баранова Е. С. Проблемы определения правового статуса эмбриона в современном праве // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 184–188. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-184-188.

LEGAL ISSUES

Research article

PROBLEMS OF DETERMINING THE LEGAL STATUS OF AN EMBRYO IN MODERN LAW

Ekaterina S. Baranova
Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, ekaterina.sergeevna76@mail.ru

Abstract. The article analyzes the problems of determining the legal status of an embryo in Russian and international law. The main approaches to understanding the legal nature of the embryo are considered as a subject of law, an object of law or a part of the mother's body. Particular attention is paid to issues of reproductive rights and the permissibility of artificial abortion. The practice of the US Supreme Court and the legislation of different countries regarding abortion are analyzed. The author's vision of the optimal legal regime is formulated from the point of view of maintaining a balance between the rights of a woman and the interests of the embryo.
Keywords: embryo, legal status, reproductive rights, artificial termination of pregnancy, subject of law, object of law
For citation: Baranova E. S. Problems of determining the legal status of an embryo in modern law. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):184–188. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-184-188.

В настоящее время в современном обществе признаются принципы правового государства, основанные на идеалах гуманизма и уважения прав человека. Сторонники концепции «государства правопорядка» выступают за верховенство закона и неотъемлемое право каждого человека на жизнь.

Социальный тип человека представляет собой совокупность социально значимых качеств личности, формирующихся под влиянием общества [1].

Таким образом, личность является отражением доминирующей системы ценностей и норм поведения в данном социуме.

Именно государство определяет гражданское состояние личности, закрепляя ее правовой статус. Так, гражданство Российской Федерации, согласно ст. 12, гл. 3 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», можно приобрести по рождению [2]. До рождения каждый человек проходит стадии эмбрионального развития в утробе матери. При этом остается открытым вопрос о том, можно ли считать эмбрион человеком и обладает ли он правом на жизнь.

В науке существуют три основных подхода к определению статуса эмбриона: как субъекта права, как объекта права и как части организма матери. Актуальность этой проблемы заключается в том, что в рамках действующего законодательства юридический статус эмбриона до конца не определен. Это может приводить к пробелам в регулировании правового положения развивающегося организма в утробе матери.

Подход, рассматривающий эмбрион как субъект права, предполагает наделение его всей полнотой гражданской правосубъектности и возможностью выступать полноправным участником гражданских правоотношений.

Так, в Конвенции о правах ребенка (1989) прописано: «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения» [3], — что говорит о признании и гарантии некоторых прав ребенка до рождения.

Правовые гарантии в отношении эмбриона следует разделять на гарантии реализации прав и гарантии охраны, что непосредственно влияет на определение его правового статуса. Данный подход имеет ряд последствий, которые могут побудить законодателя пересмотреть существующую правовую систему. В частности, это может привести к запрету абортов, что в значительной степени ущемит права женщин.

В соответствии с действующим законодательством, каждая женщина имеет право самостоятельно решать вопрос о материнстве. Искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при сроке до 12 недель, а при наличии медицинских или социальных показаний — до 22 недель. Установленные сроки обусловлены современными медицинскими стандартами и необходимостью сохранения здоровья и жизни самой матери как субъекта права. Таким образом, законодательство гарантирует и охраняет право женщины на выбор между сохранением или прерыванием беременности. Правовые гарантии в отношении эмбриона следует разделять на гарантии реализации прав и гарантии охраны, что непосредственно влияет на определение его правового статуса. Данный подход имеет ряд последствий, которые могут побудить законодателя пересмотреть существующую правовую систему. В частности, это может привести к запрету абортов, что в значительной степени ущемит права женщин.

Если же считать, что эмбрион — субъект права [4], то в случае искусственного прерывания беременности будет нарушено его личное право на жизнь. Необходимо учитывать, что в медицине принято разделять внутриутробное развитие человека на два периода: эмбриональный (зародышевый) до 9 недель от зачатия и фетальный (плодный) с 9 недели беременности до родов. Таким образом, зародыш до 9 недель именуется эмбрионом, а после — плодом.

После судебного процесса по делу Роу против Уэйда в 1973 году в США начали использовать понятие «фетальных прав» — личных неимущественных прав плода. Итогом этого резонансного судебного разбирательства стало решение Верховного суда США о том, что Конституция защищает право женщины на аборт. Так фетальные права не получили конституционного закрепления, уступив праву женщины

распоряжаться собственным телом и репродуктивным выбором [5].

Решение Верховного суда США по делу «Роу против Уэйда» привело к отмене ряда законов штатов, ограничивавших право на аборт, что вызвало многолетние дискуссии о легализации абортов.

В итоге в 2022 году при рассмотрении нового дела «Доббс против Организации здоровья женщин Джексона» Верховный суд фактически отменил федеральные гарантии права на аборт и передал полномочия по регулированию абортов штатам. Это привело к запретам абортов в ряде штатов и массовым протестам.

Таким образом, общественное мнение остается основным регулятором в вопросе определения правового статуса эмбриона. При этом в законодательстве многих стран присутствуют нормы об имущественных правах нерожденного ребенка. Например, в России Гражданский кодекс предусматривает право на наследование зачатых при жизни наследодателя, но родившихся после его смерти [6].

Таким образом, российское законодательство закрепляет наследственные права эмбриона, признавая его правоспособность в этой сфере. Кроме того, Уголовный кодекс предусматривает повышенную ответственность за убийство беременной женщины. Остается дискуссионным вопрос — направлена ли данная норма на защиту прав самой женщины или ее нерожденного ребенка.

В ряде развивающихся стран действует полный запрет абортов на конституционном уровне, даже если беременность угрожает жизни матери. Это приводит к нарушению основных прав женщин и их гибели. Такие государства рассматривают аборт как преступление и наказывают за него. В то же время большинство европейских стран и постсоветского пространства признают приоритет прав женщины решать вопрос об аборте, особенно при угрозе ее жизни и здоровью.

В России отношение общества к данной проблеме во многом зависит от позиции Русской православной церкви, рассматривающей аборт как тяжкий грех [7]. С точки зрения канонического права Русской православной церкви, намеренное прерывание беременности приравнивается к убийству, а эмбрион рассматривается как дар Божий, который необходимо оберегать.

В то же время в законодательстве многих стран, где аборты легализованы, предпринимаются меры по охране прав эмбриона, хотя они носят рекомендательный характер. В частности, из госбюджета выделяются средства на пропаганду здорового образа жизни среди беременных, поскольку вредные привычки матери оказывают негативное влияние на развитие плода, повышая риск выкидышей и мертворождений. Это можно рассматривать как нарушение права эмбриона на жизнь.

В юридической практике эмбрион часто становится объектом правоотношений, что вызывает споры. Однако он не может считаться имуществом или частной собственностью, поскольку содержит потенциальную человеческую жизнь. Так, в США распространена практика криоконсервации эмбрионов с использованием экстракорпорального оплодотворения (ЭКО), что ставит под вопрос их статус [8].

В случае развода супружеской пары, прибегнувшей к ЭКО, в судебном порядке решается вопрос о разделе совместно нажитого имущества, а также судьбе криоконсервированных эмбрионов. Иногда мужчины после развода настаивают на уничтожении эмбрионов, чтобы в будущем избежать уплаты алиментов, если их бывшие жены все же захотят родить ребенка.

Учитывая, что в настоящее время в США находится около миллиона замороженных эмбрионов, остро стоит вопрос о необходимости их сохранения или уничтожения в случае разногласий бывших супругов. Такие правовые коллизии указывают на промежуточное положение эмбриона между субъектом и объектом права.

Кроме того, некоторые рассматривают эмбрион в качестве объекта для научных исследований. Однако международные декларации исходят из приоритета прав и достоинства человека. Во многих странах подобные опыты на эмбрионах запрещены, несмотря на то, что эмбрион не является субъектом осознанной деятельности и личностью в полном смысле этого слова [9].

Существует также точка зрения, рассматривающая эмбрион как часть организма матери, ее орган или ткань [10]. Однако нельзя игнорировать тот факт, что эмбрион представляет со-

бой живой организм на стадии внутриутробного развития, а не просто орган.

Эмбрион имеет уникальный генетический код, отличный от материнского, а также способность к самостоятельному росту и размножению. По мере развития у него формируются все признаки, характерные для человека. Таким образом, несмотря на тесную физиологическую связь с материнским организмом, эмбрион обладает собственными признаками живого существа, что не позволяет рассматривать его лишь как часть тела матери. Решение этого вопроса имеет принципиальное значение для определения правового статуса эмбриона.

Со временем у него появляется способность к самостоятельному питанию и активному передвижению. При этом его жизнь немыслима без связи с матерью, что порождает острые вопросы. Женщина имеет право распоряжаться своим телом самостоятельно, из-за чего в мире существует феминистический лозунг: «Мое тело — мое дело». Отсюда следует, что все приведенные доводы считаются спорными и не могут в полной мере привести к единому мнению.

В Российской Федерации, как и во Франции, Испании, Швейцарии и ряде других государств, гражданская правоспособность возникает с момента рождения человека. Согласно Конституции Российской Федерации, каждый имеет неотъемлемое право на жизнь, являющееся одним из основных личных прав [11]. Вместе с тем основные права и свободы человека неотчуждаемы и гарантированы каждому от рождения.

Это не позволяет рассматривать эмбрион в качестве полноценного субъекта права. Несколько иной подход применяется в законодательстве Чехии, Словакии, Эквадора и некоторых других стран, где отдельные права признаются и за нерожденными детьми. Тем не менее в большинстве правовых систем мира эмбрион не обладает правосубъектностью в полном объеме [12], В конституциях некоторых стран, таких как Эквадор, Словакия, Чехия, гарантируется право на жизнь и ее охрана, начиная с момента зачатия или даже до рождения человека.

Одним из возможных решений данной проблемы является законодательное закрепление статуса эмбриона как организма, не обладающего правами личности. Признание человеком только родившегося ребенка позволит разрешить многие спорные вопросы в пользу приоритета прав женщины на жизнь и здоровье в случае незапланированной или опасной для нее беременности. Такой подход будет означать отказ от распространения на эмбрион статуса и прав субъекта правоотношений. Это поможет защитить права уже рожденных людей, прежде всего — матери, вынашивающей будущего ребенка.

В заключение стоит констатировать, что правовой статус эмбриона в России и за рубежом до конца не определен. Такая неопределенность порождает общественные дискуссии, пробелы в законодательстве разных стран, а также может приводить к нарушению прав как женщин, так и самих эмбрионов.

Можно сделать вывод, что эмбрион занимает промежуточное положение между объектом и субъектом права, не являясь при этом полноценным человеком со всей совокупностью прав и свобод. Для разрешения существующих противоречий необходимо на законодательном уровне четко определить его правовой статус с учетом современных реалий и приоритета уже реализованного человеческого бытия.

Список источников

1. Комаров С. А. Общая теория государства и права : учебник для вузов. 10-е издание, исправленное и дополненное. Москва : Юрайт, 2023. 528 с. (Высшее образование).

2. «О гражданстве Российской Федерации» : Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ. : Принят Государственной Думой 18 апреля 2023 года : Одобрен Советом Федерации 26 апреля 2023 года : последняя редакция // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445998/

3. Декларация прав ребенка : принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Международная защита прав и свобод человека : сборник документов. Москва : Юридическая литература, 1990. С. 385–388.

4. Пурге А. Р. Правовое положение эмбрионов в современном праве России // Молодой ученый. 2012. № 2 (37). С. 202–204.

5. 30 years after ruling, ambiguity, anxiety surround abortion debate // CNN : сайт. URL: https://edition.cnn.com/2003/LAW/01/21/roevwade.overview. Дата публикации: 22.01.2003.

6. «Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая» : Принят Государственной Думой 21 октября 1994 года // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142

7. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Русская Православная Церковь : официальный сайт. URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html. Дата публикации: 09.06.2008.

8. Ефименко Е. А. Быть ребенку или нет: можно ли поделить эмбрион // Право.ру : сайт. URL: https://pravo.ru/story/209424. Дата публикации: 05.03.2019.

9. Морозова, Ю. А. Гражданско-правовой статус эмбриона // Молодой ученый. 2020. № 24 (314). С. 304–307.

10. Лубская К. А. Правовое положение эмбриона человека // Аллея Науки : научно-практический электронный журнал. 2019. № 10 (37). URL: https://alley-science.ru/_10_37_oktyabr_2019

11. Конституция Российской Федерации : Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Кодексы и законы : правовая навигационная система. URL: https://www.zakonrf.info/konstitucia/20

12. Законодательное регулирование статуса эмбриона. Мировой опыт // РИА Новости : сайт. URL: https://ria.ru/20221214/embrion-1838700751.html. Дата публикации: 14.02.2022.

References

1. Komarov S. A. General theory of state and law: a textbook for universities. 10th edition, revised and expanded. Moscow: Yurayt; 2023. 528 p. (Higher education). (In Russ.).

2. “On Citizenship of the Russian Federation”: Federal Law dated April 28, 2023 No. 138-FL : Adopted by the State Duma on April 18, 2023: Approved by the Federation Council on April 26, 2023: latest version. ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_445998

3. Declaration of the Rights of the Child: adopted on November 20, 1959 by Resolution 1386 (XIV) at the 841st plenary meeting of the UN General Assembly. International protection of human rights and freedoms: collection of documents. Moscow: Legal literature; 1990. P. 385–388. (In Russ.).

4. Purge A. R. Legal status of embryos in modern Russian law. *Molodoj ucheny`j = Young scientist.* 2012;(2(37)):202–204. (In Russ.).

5. 30 years after ruling, ambiguity, anxiety surround abortion debate. CNN: site. (In Russ.). Available from: https://edition.cnn.com/2003/LAW/01/21/roevwade.overview. Publication date: January 22, 2003.

6. "Civil Code of the Russian Federation. Part one": Adopted by the State Duma on October 21, 1994. ConsultantPlus: site. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142

7. Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church. Russian Orthodox Church: official site. (In Russ.). Available from: http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html. Date of publication: June 9, 2008.

8. Efimenko E. A. To be a child or not: is it possible to divide an embryo. Pravo.ru: site. (In Russ.). Available from: https://pravo.ru/story/209424. Publication date: March 5, 2019.

9. Morozova Yu. A. Civil status of the embryo. *Molodoj ucheny`j = Young scientist*. 2020;(24(314)):304–307.

10. Lubskaya K. A. Legal status of the human embryo. *Alleya Nauki = Alley of Science: scientific and practical electronic journal*. 2019;(10(37)). (In Russ.). Available from: https://alley-science.ru/_10_37_oktyabr_2019

11. Constitution of the Russian Federation: Adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020. Codes and laws: legal navigation system. (In Russ.). Available from: https://www.zakonrf.info/konstitucia/20

12. Legislative regulation of the status of the embryo. World experience. ANA News: site. (In Russ.). Available from: https://ria.ru/20221214/embrion-1838700751.html. Date of publication: February 14, 2022.

Информация об авторе

Е. С. Баранова — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права.

Information about the author

E. S. Baranova — Candidate of Science (Law), Associate Professor of the Department of Theory of State and Law.

Статья поступила в редакцию 12.12.2023; одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.
The article was submitted 12.12.2023; approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 189–195
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):189–195

Научная статья
УДК 37:34
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-189-195

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНИЯ И ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И МОЛОДЕЖИ

Борис Зуфарович Маликов[1]✉, Радмил Ринатович Тазетдинов[2]
[1]Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел России, Уфа, Россия
[2]Отдел полиции № 7 Управления МВД России по городу Уфе, Уфа, Россия
Автор ответственный за переписку: Б. З. Маликов, malikov_bz@mail.ru✉

Аннотация. В статье повергается анализу ряд аспектов процесса взросления несовершеннолетних, в течение которого они проходят одновременно этапы физического, интеллектуального, личного и социального формирования, а также сталкиваются с факторами, негативно влияющими на организацию их воспитания. Авторы оценивают отдельные формы и направления в молодежной политике, «социальные пустоты», «вакуумы в процессе воспитания», имеющие место быть в настоящее время, которые быстро с помощью интернет-возможностей и средств телекоммуникаций заполняются ширпотребом рынка, псевдокультурой и ценностями зарубежной «свободы» для разбалансированности личности молодых людей. Недоступность в условиях рыночных отношений для определенной части детей и молодежи участия в организованных и массовых формах занятия спортом, ограниченность вовлеченности их в спортивные, оздоровительные и творческо-развивающие мероприятия, порождают определенные противоречия в детской и молодежной среде. В условиях ослабленного родительского и официального контроля дети и молодежь подвержены стихии самоорганизации по разным негативным форматам и сферам включенности в асоциальные процессы.
Ключевые слова: дети, молодежь, общество, воспитание, школа, нравственность, дисциплина, мораль, этика, эстетика, движение
Для цитирования: Маликов Б. З., Тазетдинов Р. Р. Современные тенденции, проблемы воспитания и профилактики правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 189–195. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-189-195.

Research article

MODERN TRENDS, PROBLEMS OF EDUCATION AND OFFENSES PREVENTION AMONG MINORS AND YOUTH

Boris Z. Malikov[1]✉, Radmil R. Tazetdinov[2]
[1]Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia
[2]Police Department No. 7 of the Russian Ministry of Internal Affairs of the Ufa city, Ufa, Russia
Author responsible for correspondence: B. Z. Malikov, malikov_bz@mail.ru✉

Abstract. The article analyzes a number of aspects of the process of growing up of minors, during which they simultaneously go through stages of physical, intellectual, personal and social formation, and also encounter factors that negatively affect the organization of their upbringing. The authors evaluate individual forms and directions in youth policy, “social voids”, “vacuums in the educational process” that exist at the present time, which are quickly filled with market consumer goods, pseudo-culture and the values of foreign “freedom” with the help of Internet capabilities and telecommunications. for the imbalanced

personality of young people. The inaccessibility in the conditions of market relations for a certain part of children and youth of participation in organized and mass forms of sports, the limited involvement of them in sports, recreational and creative development activities, give rise to certain contradictions in the children's and youth environment. In conditions of weakened parental and official control, children and youth are subject to the elements of self-organization in various negative formats and areas of involvement in asocial processes.

Keywords: children, youth, society, education, school, morality, discipline, morality, ethics, aesthetics, movement

For citation: Malikov B. Z., Tazetdinov R. R. Modern trends, problems of education and prevention of delinquency among minors and youth. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):189–195. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-189-195.

Молодежная общность в формальных и неформальных проявлениях всегда отличалась и отличается рядом объективных специфических особенностей, характерных ей в силу обладания таковой свойственными ей положительными и порой не всегда вполне сложившимися должными в социальном смысле чертами, признаками, потенциями.

Дети и молодежь всегда составляют и представляют собой значительную объективно необходимую и важную часть социума, семьи и иных социальных форм и образований. Они в своем поведении и различных проявлениях отражают уровни и состояния экономики, социальной политики государства, духовного настроя и культуры общества, благополучия семьи, взаимодействий этносов, наций, а также состояние детской и молодежной политики, организации разных уровней воспитания и образования как в целом, так и по отдельным направлениям. Состояние государственной, социальной и семейной опеки детства и юношества — это фактор проекции в будущее динамики социальных процессов в сферах культуры, нравственности, морали, правопорядка, криминала.

Дети, как правило, имея объективную, естественную и неотъемлемую связь с родителями и семьей, первый свой социальный опыт получают от этого родственного склада и уклада жизни. Далее формирование личности детей и молодежи происходит через формы социального воспитания (дошкольные учреждения, школы, учреждения профессиональной подготовки), трудовые коллективы, а также путем приобщения их к форматам культуры, спорта, разных направлений развития творческих и личных способностей. Свое активное влияние на формирование личности молодых людей стали оказывать и церковно-религиозные движения.

Среда несовершеннолетних лиц — это перманентные состояние и динамика, как правило, той общности индивидов, которые в своем большинстве не обладают полностью правосубъектностью, находятся под родительской опекой, включены в общий процесс социализации. Они в процессе своего взросления проходят этапы физического, интеллектуального, личного и социального формирования со свойственными особенностями: а) наличие противоречивой динамики в процессах развития личности и неоднозначных позитивных и негативных социальных предпосылок для ее деформации; б) имеют склонность копировать отрицательный опыт взрослых лиц; в) часто испытывают и переживают состояние беззащитности, опасности, паники, стресса, истерики и «тупика», бессилия, комплексов «дефицита способностей» при отсутствии многих интеллектуальных, волевых и физических качеств, свойственных взрослому человеку; г) наличия широкого спектра рисков попадания в «ловушки» обмана взрослых с негативными и ложными намерениями в силу своего легкомыслия и доверчивости; д) быстро впитывают в себя и проявляют в своем поведении вредные и аморальные привычки и стереотипы; е) нередко в своем сознании и поведении формируют нигилистическое отношение к требованиям дисциплины, порядка, права, морали, этики, эстетики, к общепризнанным ценностям культуры; ж) активно воспринимают ложные и чуждые ценности, навязываемые им в целях понижения их личного статуса и качеств для использования в «черных» интересах рынка,

бизнеса и криминала, а также превращения молодежи в серую «протестную толпу», тонко используемую в скрытых форматах противодействия государству и обществу в решении значимых социальных задач.

Слабые формы и направления в работе с несовершеннолетними лицами и молодежью, «социальные пустоты», «вакуумы воспитания» в настоящее время быстро с помощью интернет-возможностей и средств телекоммуникаций заполняются ширпотребом рынка, псевдокультурой и ценностями зарубежной «свободы» для разбалансированности личности молодых людей.

Поэтому дети и молодежь в современный период ослабления в России роли институтов семьи, школьного воспитания, с прекращением действия в стране значимых, положительно форматирующих и авторитетных детско-юношеских движений, в условиях сильного затормаживающего развитие личности влияния беспредельного «духа свободы», стали находиться в положении трудного выбора.

Состояние «свободы и прав личности» ребенка в западном понимании в нашем обществе ложится на не сформированное сознание детей нередко в отрыве от того, что за этим неразрывно следует целый набор обязанностей: соблюдать нормы морали, права и требования режима дисциплины в учебных и воспитательных учреждениях, а в процессе своей социализации, — учиться, трудиться в семье, быть прилежным во всем, уважать заботу родителей и труд учителей. Однако дети и молодежь проходят современный сложный путь своей социализации в условиях ослабления значимых для них форм контроля, позитивного воздействия, а также значительного потока негативной информации, предложений алгоритмов «раскрепощенности», «свободы» и «псевдо самостоятельности», граничащих с противоправностью и криминальными проявлениями.

Недоступность в условиях рыночных отношений для определенной части детей и молодежи участия в организованных и массовых формах занятия спортом, ограниченность вовлеченности их в спортивные, оздоровительные и творческо-развивающие мероприятия, дифференцирует таковых на две основные категории: а) детей, активно «вовлеченных» за плату в перспективные формы своего развития и становления личности, с одной стороны; б) детей, «брошенных» в просторы свободы и нечеткой определенности процедур воспитания и становления своей личности, либо в условия приобщения к криминалу, с другой стороны.

В условиях ослабленного родительского и официального контроля дети и молодежь подвержены стихии самоорганизации по разным негативным форматам и сферам включенности в асоциальные процессы: а) внутреннего и внешнего обезличивания; б) насаждения через рыночные отношения в культ отрицания значимости образования и персональной культуры, а также пристрастие к вредным и опасным привычкам (вейпингу, табакокурению, употреблению энергетиков, вплоть до наркотиков) [1]; в) продвижения псевдокультуры эстетики тела посредством активного внедрения в сознание и культуру общества позитива «Тату»*; г) деморализации личности подростков до уровня «свободы» межполовых отношений; д) поражения части детей и молодежи идеями новых молодежных субкультур «АУЕ» и ЧВК «Редан», вовлеченности в криминальные группы.

По данным Министерства внутренних дел России в 2022 году количество уголовно наказуемых деяний с участием несовершеннолетних уменьшилось на 4,4 %. Во многом это результат большой социальной и профилактической работы, в том числе органов внутренних дел России и Федеральной службы исполнения наказаний России. Тем не менее, по данным Следственного комитета России только несовершеннолетними лицами совершено более 16 тыс. преступлений, преимущественно тяжких и особо тяжких [2].

На протяжении длительного времени в России действует «АУЕ» как протестное негативное молодежное движение с криминальной

* Тело человека — само по себе прекрасное творение природы, его следует принимать таким какое оно есть. Любить его надо и заботиться о нем. На этот счет есть народная мудрость. В здоровом и естественном теле присутствует здоровый дух. «Тату» — визитная карточка рынка или «ярлык-ценник», а также и информация об ущербности конкретной личности, недостаточности у нее духа жизни (авторская позиция).

ориентацией. Оно начало серьезно врастать в сознание и жизнь детей и молодежи. Призывы к правоохранительным органам, общественности и в адрес семьи — это полумеры в поиске путей профилактики негативов этого движения, как предлагают некоторые исследователи в числе мер по недопущению дальнейшего распространения криминального явления «АУЕ» [3]. Требуется пристальное внимание со стороны органов власти, министерств и ведомств, отвечающих за молодежную политику, образование, воспитание, процессы социализации, организации досуга. Возможно, есть необходимость подумать о криминализации деяний лидеров и активистов данного движения, либо признания его экстремистским с наличием соответствующей ответственности.

Требуется принятие серьезных комплексных общесоциальных программ по осуществлению крупных и масштабных мер в целях обеспечения детей школьного возраста всех семей относительно равными возможностями быть включенными в механизмы полноценного школьного воспитания (продленка в школе) для оказания помощи всем учащимся по усвоению школьных программ и полезной организации их досугового времени, для сужения их бесконтрольного поведения в семье или на улице пока родители заняты в трудовом процессе. Для этого потребуются затраты и государства, и родителей. У них общий интерес — полноценное развитие, воспитание, обучение детей и организация контроля за ними. Эти значимые начала для социума должны всех в этом деле объединить, сплотить и породить новый всеобщий результат и позитив. Ведь сейчас в условиях рыночных отношений родители стали урезанны в бюджете семейного времени, физических сил и духовной энергетики, необходимых для разностороннего развития и воспитания детей. Не все у них стабильно и с наличием заработанных средств на организацию жизни в целом. Многие из них «обложены» кредитными веригами, либо истощающей силы и бюджет семьи платой за съемное жилье. По этим же причинам нередко «семейное» благополучие и равновесие в отношениях родителей не выдерживают испытаний и они дают трещину, а дети от этого испытывают состояние затянувшегося и тяжелого стресса, отстраненности от материнского тепла, отцовского внимания и заботы.

Еще одним важным моментом, подлежащим учету, является то, что технологические достижения человечества неоспоримо создают большие возможности для развития личности за счет экономии времени, сил, энергии. Однако этот высвобожденный значимый человеческий ресурс в дальнейшей жизнедеятельности не должен быть бесполезно утрачен или растрачен. Поэтому для детей и молодежи требуется наличие в организованных формах реализации по специальным программам, согласованным с родителями, рационального обеспечения достижения устойчивых хороших и высоких результатов в учебе, труде, личной и общественной жизни каждого воспитанника, ученика, несовершеннолетнего работника. Школа должна учить детей через элементы планирования и исполнения приобщаться к полезной организации своей деятельности в школе, семье, развитию личных способностей, участию в общественных делах, пониманию «цены» времени.

Современные новейшие технологии широко используются для поддержания в молодежной среде низкопробных интересов и запросов, криминальных целей как средства и формы для консолидации молодежи, удаленной от влияния позитива традиционных социальных ценностей, распространения деструктивной информации, «серых» форм этикета и эстетики, распространения продукции и «товаров», запрещенных для оборота. Все формы негативов рынка реализуются через различные каналы информации, которые в первую очередь направлены на воздействие на детей и молодежь для формирования у них интереса к своей «продукции», в том числе и низкопробной. Дети, молодежь и молодежная среда — это «локомотив» продвижения рыночной «продукции». Через «запросы» детей в соответствии с их интересами рынком формируется «дешево» и реклама, и «широкий» спрос, и значимый оборот. Кроме того, их труд, юность и молодость на рынке превращается в товар и рабочую силу. Виртуальные современные возможности многих проявлений рынка в молодежной среде делают их негативы явно неуловимыми либо скрытыми. Так, в январе 2021 г. посред-

ством популярных социальных сетей, мессенджеров и приложений дети были призваны к участию в несанкционированных митингах на территории России [4]. При этом были использованы официально регулируемые алгоритмы (формы и правила) веб-ресурсов, что способствовало адресному распространению среди целевой аудитории — детей школьного возраста — привлекательной и, казалось бы, безобидной анимации, в формах которой имело место отражение негативов отношений людей из взрослой жизни.

Мало кто мог предположить в далеком 1993 году, что при формировании правовой основы российского государства и общества фактически произойдет закрепление в Конституции Российской Федерации — либеральной стратегии в виде доступности к употреблению на всех уровнях социума идеологии — права на свободу (в авторской интерпретации). Однако право на свободу в процессах своей реализации всегда должно сочетаться с обязанностями, вытекающими из норм морали и права, а также вписываться в контекст культуры России и требований всех видов социальной ответственности. Тем самым шлюзы свободы были широко распахнуты, а принципы и форматы ее реализации не были еще четко определены для сфер образования, культуры, общежития, социальных взаимодействий. Образцы «свободы» хлынули в Россию в «натуральном» виде с Западной Европы и США, а также других уголков мира и стали размывать либо деформировать прежние добропорядочные устои и формы социальной определенности народов России. Через средства массовой информации, интернет, «продукцию» ряда учреждений культуры стали вбрасываться заниженные «эталоны» социальных образцов «духовности» в сознание молодежи. Примерами переформатирования сознания молодежи являются частные и отдельные проявления «цветных революций» и активного ее участия в «движениях» в сторону культуры Запада и США [5].

С учетом наслоения ряда проблем в настоящее время в сфере воспитания и работы с детьми и молодежью вполне актуальным и необходимым является Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», согласно которому одним из направлений решения проблем в области сохранения и укрепления традиционных ценностей является «совершенствование форм и методов воспитания и образования детей и молодежи в соответствии с целями государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей» [6]. Нам представляется, что методология и содержание проводимой с несовершеннолетними лицами воспитательной работы должна обрести новый социальный импульс. При этом может быть учтен значительный исторический опыт нашей страны в воспитании подрастающего поколения (институты пионерии и комсомола) в проекции на современные реалии жизни.

В условиях рынка, видимо, есть необходимость на базе традиционных школ создавать учебно-воспитательные педагогические социальные комплексы. Это не школа продленного учебного дня. В организации их деятельности следует видеть нечто большее с содержательными двумя циклами работы: первый основной цикл — учебный процесс; второй цикл — социализационные практики учеников. Первый цикл должен сохранить в своем содержании традиционные формы обучения детей, второй цикл, в нашем понимании, должен включать в себя широкий охват постучебной (после уроков) воспитательной работой. Она должна включать в себя: а) организацию постучебного отдыха учеников, дополнительное питание, кратковременный сон; б) педагогическое сопровождение процесса подготовки уроков и домашних заданий на следующий день обучения, а также оказание помощи для участия в конкурсах, олимпиадах, других творческих мероприятиях; в) час этики, эстетики, а также посвящение в мир правоотношений; г) формирование основ знаний, умений и навыков практического изучения иностранных языков; д) досуговый период — занятие в кружках, проведение коллективных мероприятий — встреч с ветеранами, героями труда, учеными, сотрудниками министерств и ведомств, судьями и адвокатами, работниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы России, интересными людьми; е) личное время перед ухо-

дом домой — чтение книг, просмотр учебно-тематических фильмов, собеседования.

Учеников, состоящих на внутришкольном учете, на наш взгляд, следует передавать после всей работы в таких школьно-воспитательных комплексах родителям или иным родственникам по поручению родителей.

Нам представляется, что основными школьными и постшкольными формами коллективной организации детей и молодежи могут быть: а) с 10 до 14 лет — «Активист»; б) с 14 лет до 21 года — Российский союз молодежи «Патриот».

Выводы:

1. На базе общеобразовательных государственных учреждений — школ как материальной, организационной и образовательной основы для детей и молодежи до 18 лет целесообразно формировать сеть учебно-образовательных комплексов полного цикла учебной и воспитательной работы с учащимися;

2. Элементом «принуждения» к дисциплине, порядку, школьному укладу жизни и этикету должно быть обязательное ношение учащимися школьной формы до 9-го класса, а далее — представительской молодежной одежды по рекомендациям «Устава» учебного заведения.

3. Следует в ближайшей перспективе решить вопрос о создании организационных форм детских школьных и постшкольных движений с целью единения интересов их участников, развитию чувства коллективизма и объединения усилий по продвижению идей здорового, творческого и ответственного образа жизни, утверждения в своем сознании созидательных и патриотических начал в деятельности в социальном пространстве;

4. Должны быть приняты дополнительные и серьезные меры по усилению работы правоохранительных органов, специальных служб по пресечению экстремизма в детской и молодежной среде, активизирована профилактическая и воспитательная работа с несовершеннолетними, осужденными к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанными с лишением свободы, ранее судимыми и состоящими на профилактическом и внутришкольном учете.

Список источников

1. В Новосибирске школьники попали в реанимацию после курения вейпа // news.mail.ru : сайт. URL: https://news.mail.ru/incident/58306869/?frommail=1. Дата публикации: 21.10.2023.

2. Краткая характеристика состояния преступности в России за январь-декабрь 2022 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677. Дата публикации: 20.01.2023.

3. Меняйло Д. В., Иванова Ю. А., Меняйло Л. Н. АУЕ — криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 107–111.

4. СК возбудил уголовное дело о вовлечении несовершеннолетних в протесты // РБК : сайт. URL: https://www.rbc.ru/politics/22/01/2021/600ae7179a7947011c806a36. Дата публикации: 22.01.2021.

5. В Следственном комитете РФ обсудили подростковую преступность // RG.RU : сайт. URL: https://rg.ru/2022/09/22/otvetili-generaly.html. Дата публикации: 21.09.2022.

6. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» : Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // pravo.gov.ru : официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?ysclid=lii7ijusg5154482915&index=11

Refereces

1. In Novosibirsk, schoolchildren ended up in intensive care after smoking a vape. news.mail.ru: site. (In Russ.). Available from: https://news.mail.ru/incident/58306869/?frommail=1. Publication date: October 21, 2023.

2. Brief description of the state of crime in Russia for January-December 2022. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: official site. (In Russ.). Available from: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677. Publication date: January 20, 2023.

3. Menyailo D. V., Ivanova Yu. A., Menyailo L N. AUE — criminal youth movement: essence and methods of distribution. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019;(3):107–111. (In Russ.).

4. The Investigative Committee opened a criminal case on the involvement of minors in protests. RBC: site. (In Russ.). Available from: https://www.rbc.ru/politics/22/01/2021/600ae7179a7947011c806a36. Publication date: January 22, 2021.

5. The Investigative Committee of the Russian Federation discussed teenage crime. RG.RU: site. (In Russ.). Available from: https://rg.ru/2022/09/22/otvetili-generaly.html. Publication date: September 21, 2022.

6. "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values": Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 No. 809. pravo.gov.ru: official Internet portal of legal information. (In Russ.). Available from: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?ysclid=lii7ijusg5154482915&index=11

Информация об авторах

Б. З. Маликов — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии;

Р. Р. Тазетдинов — начальник Отделения по делам несовершеннолетних, подполковник полиции.

Information about authors

B. Z. Malikov — Doctor of Science (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology;

R. R. Tazetdinov — Head of the Juvenile Affairs Department, Police Lieutenant Colonel.

Статья поступила в редакцию 07.11.2023; одобрена после рецензирования 27.11.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 07.11.2023; approved after reviewing 27.11.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 196–205
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):196–205

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья
УДК 297:929:94(470.57)
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-196-205

ИСЛАМОВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ БАШКОРТОСТАНЕ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Рушан Рахимзянович Галлямов
Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия, gal-rushan@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются основные этапы и направления исламоведческих исследований в современном Башкортостане как одном из самых поликонфессиональных и мусульмански ориентированных регионов Российской Федерации. Собранный в процессе подготовки к изданию соответствующего просопографического словаря эмпирический материал позволяет автору вычленить основные этапы формирования относительно нового направления российского обществознания — исламоведения в пределах Республики Башкортостан. Выделяются также сложившиеся в регионе на современном этапе ведущие направления исламоведческих исследований, дается характеристика творчества некоторых наиболее ярких персоналий, специализирующихся в этой области, как религиозных деятелей, так и светских ученых.
Ключевые слова: современное исламоведение, Республика Башкортостан, основные этапы и направления
Для цитирования: Галлямов Р. Р. Исламоведение в современном Башкортостане: основные этапы и направления исследований // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 196–205. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-196-205.

HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC STUDIES

Research article

ISLAMIC STUDIES IN MODERN BASHKORTOSTAN: MAIN STAGES AND DIRECTIONS OF RESEARCH**

Rushan R. Gallyamov
Institute of Ethnological Studies of R. G. Kuzeev, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia, gal-rushan@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the main stages and directions of Islamic studies in modern Bashkortostan as one of the most multi-confessional and Muslim-oriented regions of the Russian Federation. The empirical material collected in preparation for the publication of the corresponding prosopographical dictionary allows the author to identify the main stages of the formation of a relatively new direction of

* Работа публикуется в рамках выполнения государственного задания № АААА-А21-121012290084-6 «Традиционные религии и новые религиозные движения на Южном Урале и в Приуралье: вопросы функционирования, государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений».

** The work is published within the framework of state assignment No. AAAA-A21-121012290084-6 “Traditional religions and new religious movements in the Southern Urals and the Urals: issues of functioning, state-confessional and interfaith relations”.

Russian social studies — Islamic studies within the Republic of Bashkortostan. The leading directions of Islamic studies that have developed in the region at the present stage are also highlighted, and the work of some of the most prominent personalities specializing in this field is characterized, religious figures and secular scientists.

Keywords: modern Islamic studies, Republic of Bashkortostan, main stages and directions

For citation: Gallyamov R. R. Islamic studies in modern Bashkortostan: main stages and directions of research. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):196–205. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-196-205.

Территория современной Республики Башкортостан, населенная значительной долей мусульманского населения Волго-Уральского макрорегиона, по признанию большинства экспертов, еще с XVIII века играла одну из ключевых ролей в функционировании исламской уммы тогда еще Российской империи. Именно тогда, в сентябре 1788 г., с легкой руки императрицы Екатерины II, нынешняя столица Башкирии — город Уфа, «высочайшим повелением» стала местом расположения особой, легитимированной государством организации — Оренбургского магометанского духовного собрания. По мнению некоторых историков, в декабре 1789 г. было создано Уфимское духовное магометанского закона собрание, которое в 1796 году было переименовано в Оренбургское, а в 1846 году — в Оренбургское магометанское духовное собрание, хотя продолжало располагаться в Уфе [1]. С тех пор, став городом резиденции иерархов российской исламской уммы — муфтиев, Уфа на несколько столетий превратилась в один из ведущих центров этой конфессии в нашей стане.

На современном этапе Башкортостан и территориально, и этнодемографически остается важным очагом возрождения и развития мусульманской религиозности. Так, по нашим приблизительным расчетам, основанным на данных об этнической идентичности, в республике проживает (без учета многочисленных мигрантов из Средней Азии и Кавказа) почти 15,5% российских граждан (2,2 млн из 15,5), предки которых в прошлом были приверженцами исламского вероисповедания. Причем, наряду с традиционно мусульманскими народами, сформировавшимися в этнонации на этой территории (башкиры и татары), исламизации подверглись и некоторые небольшие группы финно-угорских (удмурты и марийцы) и других тюркоязычных (чуваши) местных этносов [2].

Исходя из вышеизложенного, возрождение мусульманской религиозности как в масштабах всей страны, так и в пределах Башкирии требует научного исследования этого процесса с точки зрения формирующегося пока в России специализированного направления обществознания — исламоведения, которое проходит этап институциализации и в энциклопедических изданиях трактуется как «религиоведческая дисциплина, изучающая ислам: его догматику, историю, культуру, право, экономику мусульманских народов и пр. Исламоведение не занимается ни критикой ислама, ни его апологетикой, а служит источником непредвзятой информации об исламе, духовных ценностях и ориентирах его последователей. На отделениях исламоведения в университетах наряду с исламоведческими дисциплинами глубоко изучают арабскую письменность и язык, а также персидский, турецкий и другие языки мусульманских народов» [3].

Современная (с 1922 года) столица Башкирии — город Уфа, на протяжении XIX и первой четверти XX в., несомненно, была одним из теологических, образовательных и культурных центров российских мусульман. Именно в этом городе жили и долгое время творили такие выдающиеся теоретики мусульманского богословия как З. Камали, З. Кадыри, Г. Баруди, Р. Фахретдин и др. Именно здесь, наряду со старометодными, были созданы и успешно давали качественное образование сотням выпускников известные на весь мусульманский мир новометодные (джадидистские) учебные заведения, в том числе с программой высшей школы — медресе «Галия» [4].

В советскую эпоху, в период государственной политики «воинствующего атеизма», успешно развивающаяся в Уфе в дореволюционное время начала XX в. школа исламоведения, представленная в основном трудами мусульманских теологов, практически

прекратила свое существование в результате репрессий против священнослужителей и фактической отмены исламского образования. Светские исламоведческие работы были почти исключительно ориентированы на критику религиозных постулатов и разоблачение теоретических догматов ислама с позиций господствующих тогда концепций «истории религий» и «научного атеизма».

В условиях демократизации советского общества под влиянием развернувшейся попытки общественно-политического транзита в виде концепции «перестройки» М. С. Горбачева, в Башкирии также начались существенные изменения в отношении государства к исламской умме. К концу 1980-х годов сначала инициативно и разрешительно, но без соответствующей институциализации, затем с соответствующим нормативно-правовым обеспечением, начался процесс возрождения религиозности в стране в целом и исламского вероисповедания в частности. Наибольшее влияние на это оказали, по нашему мнению, результаты прошедшей летом 1988 г. XIX Всесоюзной партийной конференции КПСС, на которой была поставлена задача радикального реформирования политической системы советского общества. Именно в этот отрезок времени в Уфе были торжественно, с широким международным участием, проведены празднования 1100-летия принятия ислама народами Поволжья и Приуралья, а также — 200-летия Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС) [5, с. 277–281]. Руководство равновеликих в этот период органов власти Башкортостана в лице Председателя Верховного Совета Башкирской ССР М. Г. Рахимова и Председателя Правительства Башкирской ССР М. П. Миргазямова, воспользовавшись разгоревшимся противоборством между высшей союзной и российской политической властью и обретя в результате процесса «суверенизации» относительную независимость от Центра, а также почувствовав мощную волну общественного движения к возрождению ислама, уже через несколько дней после принятия 11 октября 1990 г. Декларации «О государственном суверенитете Башкирской ССР» издали 24 октября 1990 г. и позднее несколько Постановлений с решением о возвращении ДУМЕС зданий и сооружений, изъятых в советское время, разрешив одновременно регистрацию в республике многочисленных мусульманских общин [6]. Уже 20 июня 1991 г., опираясь на Закон СССР от 1 октября 1990 г. «О свободе совести и религиозных организациях в СССР» и соответствующий российский закон «О свободе вероисповеданий», Верховный Совет Башкирии нормативно закрепил произошедшие государственно-исламские отношения в специальном законе «О свободе совести и религиозных организациях в Башкирской ССР».

Вышеперечисленные политические процессы, естественно, не могли не повлиять на формирование и развитие новой, постсоветской волны исламоведения в Башкортостане, возрождение которого происходило параллельно с радикальными изменениями в государственно-исламских отношениях. Поначалу исламоведение в Башкирии развивалось в основном посредством переиздания трудов дореволюционных отечественных и зарубежных богословов и комментаторов, распространения священных книг ислама среди населения, часто — привезенных из-за границы. Огромную роль в этом процессе сыграли местные авторы, активно освоившие теорию и практику ислама еще в атеистические времена.

Особо необходимо отметить в этом смысле деятельность такого «патриарха» исламоведения в Башкирии как Равиль Алексеевич Утябай-Карими (30.08.1933–4.03.2005), которого несомненно можно назвать его основоположником. Обладая недюжинной памятью и овладев в еще юности несколькими европейскими и древними восточными языками, он смог, из-за преследования органами КГБ, профессионально заняться исламоведением только в возрасте 55 лет. С началом «перестройки» Р. А. Утябай-Карими был приглашен на работу на должность старшего научного сотрудника Башкирского филиала АН СССР. В 1991 году был призван муфтием Т. Таджуддином в состав Совета ученых Центрального Духовного управления мусульман Европейской части СНГ, а также на должность мударриса и первого ректора вновь открывшегося Уфимского исламского медресе имени Р. Фахретдинова. Глубоко освоив научное наследие богословов Р. Фахретдинова, М. Бигиева, И. Гаспринского

и Ш. Марджани, многие труды которых он изучил в оригинале (некоторые — в рукописях) еще в советское время, Р. А. Утябай-Карими проводил титаническую работу по пропаганде исламоведческих знаний на начальном этапе. Он опубликовал на разных языках более 400 статей, только за три года на радио, телевидении и публично прочитал 506 лекций, записал в Казани на магнитофон выступления, составившие 6–7 месяцев еженедельных радиопередач, посвященных проблемам ислама. Кроме многочисленных публицистических статей, научно-академических изданий, энциклопедических справочников и устных выступлений, Р. А. Утябай-Карими перевел на современный татарский язык несколько работ классиков исламской теологии. Последнее обстоятельство и публикация собственных толкований Корана и Хадисов пророка Мухаммеда позволяют отнести Р. А. Утябая-Карими к числу первых постсоветских исламских богословов нашего региона и всей страны [7].

Таким образом постсоветское исламоведение в Башкортостане начало формироваться еще в позднесоветское время, после ослабления жесткого контроля над российскими конфессиями со стороны репрессивных органов советской власти.

Источниковой базой для исследования основных этапов и направления исламоведческих исследований в современном Башкортостане, предпринятого в настоящей статье, стали материалы, собранные в ходе подготовки к изданию специального просопографического словаря-справочника. Сбор этих материалов осуществлялся несколькими способами. Во-первых, отбор помещенных в него авторов первоначально происходил на основе тщательного изучения их творчества по материалам российской научной электронной библиотеки eLibrary.Ru. Затем большинство отобранных персоналий было проанкетировано по сплошной выборке и заранее разработанному инструментарию. Одновременно обозначенным нами авторам было предложено рекомендовать для включения в опрос других значимых специалистов по этой тематике. В результате было выявлено и описано 54 специалиста в сфере исламоведения Башкортостана — как ныне живущих, так и к настоящему времени ушедших из жизни. Во-вторых, с большинством выявленных исламоведов было проведено интервью, в котором определены некоторые другие параметры их творчества, выявлены в рамках реализации просопографического метода характеристики их исламоведческого потенциала [8].

Анализ собранных данных показал, что в светском исламоведении республики поначалу, то есть в первую половину 1990-х годов, приняли наиболее активное участие представители исторической науки, в том числе такие авторы как Д. Д. Азаматов, Г. Н. Гарустович, Г. Б. Фаизов, М. Н. Фархшатов, А. Б. Юнусова. Данное обстоятельство вполне объяснимо в связи с тем, что некоторые из этих авторов приступили к изучению исламских аспектов общественно-исторического развития еще до развала Советского Союза и опубликовали свои исследования в первые годы постсоветской эпохи. Тем более, что, как среди профессиональных религиозных деятелей, так и из числа светских ученых тогда еще не сформировалась когорта хороших знатоков теории и практики ислама философского направления. А социологам и политологам еще не было что изучать в силу очень короткой пока реальности постсоветской исламской уммы.

Вместе с тем во второй половине 1990-х годов к исследованию проблем исламоведения подключились как светские философы (Д. М. Азаматов, М. Т. Якупов, А. Р. Янгузин) и историки (Л. А. Ямаева), так и социологи, политологи (Р. Р. Галлямов), а также этнографы (И. М. Габдрафиков, Р. Р. Садиков, Р. И. Якупов) и архитекторы (А. Р. Ширгазин). В значительной степени исследовательский интерес к изучению уммы в это время подогревался сложными и противоречивыми процессами, происходящими в исламской общине именно в 1990-е годы и вплоть до середины 2000-х годов. Это и институциализация исламских организаций, и организационный раскол с его разнообразными последствиями, и политизация мусульманского сообщества, совпавшая с «исламским вызовом» во всем мире, и появление в республике радикальных, в отдельных случаях экстремистских, группировок и сект этой конфессии.

Само по себе светское исламоведение как в стране, так и в республике, вплоть до сере-

дины 2000-х годов носило, скорее, инициативный характер, вызванный просто научными пристрастиями авторов. Оно не имело взрывного характера. Происходило накопление эмпирического и теоретического материала. Постепенно формировались и отраслевые направления исследования ислама: историческое, социолого-политологическое, этнологическое, педагогическое.

Необходимо признать, что наибольший вклад в развитие новейшего светского исламоведения в Башкирии на его первом этапе (1990-е — середина 2000-х годов) внесла историк Айслу Билаловна Юнусова (родилась 11.04.1951), которая приступила к активному изучению ислама в начале 1990-х годов. Скрупулезное изучение развития исламской конфессии на территории Башкирии с X по XX век позволило А. Б. Юнусовой написать и защитить докторскую диссертацию по истории и современному состоянию исламской уммы в республике со времен протобашкирских племенных образований до наших дней и стать основателем собственной школы исторического исламоведения. Наряду с интенсивной публикационной деятельностью и успешной подготовкой аспирантов и докторантов, она активно участвовала в экспертной оценке различных публикаций и материалов, а также текстов и выступлений отечественных авторов по проблемам ислама.

Среди религиозных исламоведов именно в первый период развития исламоведения начали формироваться специалисты в области исламского богословия. Среди них наиболее выделяются муфтий Т. С. Таджуддинов и имам-хатиб М. М. Галлямов.

Характеризуя исламоведческую деятельность муфтия Талгата Таджуддина (родился 12.10.1948) необходимо отметить, что он известен как один из самых образованных и компетентных религиозных деятелей ислама в России и на постсоветском пространстве, руководитель мусульманских общин в период возрождения духовных ценностей в стране, то есть с 1980 года и по сей день. По признанию аналитиков и даже оппонентов, он обладает незаурядным уровнем религиозной культуры, великолепно владеет несколькими восточными языками (арабский, персидский, турецкий), является блестящим оратором. Состоит в Совете по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации, член Президиума Межрелигиозного совета России, Президиума Межрелигиозного совета СНГ, Консультативного совета мусульман стран СНГ, Попечительского совета Национального военного фонда Российской Федерации. Несмотря на широчайшую эрудицию в различных области исламского вероучения и наличие огромного количества устных выступлений и проповедей, произносимых публично на протяжении более чем 40 лет, имеет небольшое количество опубликованных работ.

Другим наиболее ярким представителем религиозного исламоведения в Башкирии является Мухамет хазрат Галлямов (родился 26.03.1951) — один из наиболее авторитетных религиозных деятелей мусульманского духовенства, основатель и долгие годы руководитель мусульманской общины и мечети «Ихлас». Получив превосходное светское (врач, кандидат медицинских наук) и мусульманское религиозное (магистратура факультета богословия университета «Эржиест», Турция) образование, на основе хорошего владения татарским, турецким и арабским языками подготовил к печати несколько книг со своими проповедями, религиозными рассказами, легендами и короткими очерками. Перевел с арабского на татарский язык и опубликовал труд известного исламского авторитета Али ибн Абу Талиба. Таким образом, он стал фактически не только исламоведом, но и в какой-то степени мусульманским богословом. Наряду с фундаментальными работами по исламскому богословию, опубликовал в СМИ республиканского (Башкортостан, Татарстан), всероссийского и международного (ФРГ, Турция, Иран) уровней около 300 статей научно-популярного и просветительского характера по самым различным аспектам ислама.

Со второй половины 2000-х годов, на наш взгляд, в Башкортостане начинается второй, современный этап развития исламоведения. Он скорее всего, обусловлен тем, что дополнительный импульс всеобщего интереса и научным исследованиям российской исламской уммы был дан в 2007 году распоряжением

Правительства Российской Федерации от 14.06.2007 № 775, в котором предусмотрена реализация федеральной «Комплексной программы подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама, содействия развитию исламского образования, формирования толерантного сознания и профилактики экстремизма» [9, с. 3–5]. Несмотря на неоднозначную оценку положений, мероприятий и возможных последствий данного документа среди отечественных экспертов, она внесла существенный вклад в гармонизацию религиозно-государственных отношений в нашей стране в области ислама [10]. Эта всероссийская программа предусматривала, наряду с другими многочисленными мероприятиями, выделение специального довольно обширного бюджетного финансирования для четырех государственных российских вузов, расположенных в традиционно «исламских» регионах (Москва, Казань, Уфа и Махачкала), с целью обеспечения развития совместного с местными «мусульманскими» учебными учреждениями образования и подготовки специалистов с углубленным изучением основ ислама и возможной практикой работы в качестве священников. В Уфе такими вузами-партнерами стали Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы и Российский исламский университет ЦДУМ.

Если провести диахронный количественный анализ авторов, занимающихся исследованием исламоведческой проблематики в Башкирии, то оказывается, что в 1990-е годы приступили к изучению ислама 23,5% из числа всех авторов, в начале 2000-х годов — еще 9,8%. Резко возросло количество интересующихся исламоведением в конце 2000-х годов, их было уже 41,2% авторов, а начиная с 2010-х годов к исламоведению приступили еще 25,5% обнаруженных нами специалистов. Таким образом, исследовательский феномен «взрыва интереса» к исламу, начиная с конца 2000-х годов, скорее всего, основан именно на том, что большая группа философов и историков, а также педагогов, активно занялась изучением различных аспектов ислама именно на основе реализации уже упомянутой федеральной комплексной программы подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама, которая начала функционировать в 2007 году. С одной стороны, возможность свободного размышления на религиоведческие темы, окончательно закрепившаяся к этому времени, с другой — существенное финансовое обеспечение соответствующих изданий и смешанного (религиозного и светского) образования, во многом подтолкнули интенсификацию исламоведческих публикаций и соответствующих исследований [11].

Одной из особенностей второго (с конца 2000-х годов) этапа развития исламоведения в Башкортостане стало то, что в него активно включились авторы, которые получили качественное мусульманское образование в профильных отечественных (К. А. Акбашев, Д. Х. Акбашева, Р. Н. Нуриаслямов, Р. Х. Таюпов) и ведущих зарубежных (Р. И. Азаматов, А. Х. Басыров, И. З. Малахов, Р. Л. Саяхов, Р. Р. Суяргулов, И. Н. Хайбуллин) вузах. Вместе с тем формирование группы высококвалифицированных отечественных религиозных специалистов по исламу пока находится только на начальном этапе. Авторы, ее составляющие, не отличаются высоким уровнем публикационной активности, в абсолютном большинстве не имеют российской научно-квалификационной аттестации. Наивысшими характеристиками, в этом смысле, обладает лишь Руслан Линицевич Саяхов (родился 03.02.1971), который, несмотря на наличие первоначального квалифицированного светского образования, получил впоследствии очень качественную подготовку в области ислама, обучаясь в совокупности около восьми лет в Институте арабского языка и исламской культуры Международного университета Африки (г. Хартум, Республика Судан) (2 года) и в Международном исламском университете аль-Азхар в Египте (полный курс, 6 лет). В процессе научной и преподавательской деятельности на родине защитил кандидатскую диссертацию по педагогике, поступил и закончил обучение в докторантуре Болгарской исламской академии, подготовил диссертацию на соискание ученой степени (PhD) доктора исламской теологии. Помимо многочисленных научных и методических публикаций о проблемах ислама перевел с арабского языка на русский и издал работу одного из

авторитетов мусульманской теории (Абу Хамид ал-Газали), наряду с отдельными переводами некоторых других арабоязычных авторов. Является автором многих учебных пособий по изучению Корана и корановедению и арабскому языку.

Светское исламоведение в Башкирии в течение последних пятнадцати лет пополнилось многочисленными диссертациями и статьями в высокорейтинговых научных журналах как авторов, продолжающих разрабатывать эту тематику с прежних времен, так и вновь приступивших к изучению мусульманской проблематики. Только диссертационных работ, посвященных непосредственно исламу было защищено 12, в том числе: 4 — докторских и 8 — кандидатских.

В целом, анализ направленности исследовательской тематики современных исламоведов Башкортостана, приводит к нескольким выводам. Во-первых, результаты подобного исследования имеют относительный характер, так как, с одной стороны, многие авторы берут на себя смелость рассуждать на самые разнообразные темы, касающиеся ислама, видимо считая себя специалистами самого широкого профиля в этом смысле. С другой стороны, многие авторы занимаются исламоведением, так сказать, попутно, время от времени, не оставляя сферу своих основных научных разработок. Во-вторых, если рассматривать преимущественную специализацию авторских публикаций, то изучение тематического их распределения для составления общего представления может быть полезным. В-третьих, как показывают произведенные расчеты, общее количество авторов, имеющих тематические предпочтения, превышает число исламоведов в силу имеющихся разнообразных публикаций.

Резюмируя анализ развития исламоведения в Башкортостане на современном этапе, необходимо подчеркнуть, что это направление обществознания, правда не во всех смыслах, все же состоялось. Сформировались не только отдельные отраслевые направления, но и некоторые научные школы; постоянно проводятся многочисленные, с широким международным участием, научные форумы; формируются творческие коллективы для создания совместных работ; публикуются авторские и региональные учебно-методические издания для медресе и вузов.

Вместе с тем значительная разобщенность специалистов по исламоведению в республике, большая их разноуровневость, с точки зрения уровня профессиональных знаний и компетенций, наряду с отсутствием специализированных центров в академических учреждениях и соответствующих кафедр на гуманитарных отделениях вузов, создают значительные препятствия для возрождения в Уфе того лидирующего положения по изучению и пропаганде ислама, которое, несомненно, существовало в дореволюционную эпоху. Сравнение, в этом смысле, например, с соседним Татарстаном, где возрождение исламоведения происходит намного интенсивнее и глубже, не в пользу Башкирии. Так, если в Татарии успешно функционируют два мусульманских вуза в Казани, Болгарская исламская академия высшего уровня в городе Болгар, две специализированные кафедры (религиоведения, а также арабистики и исламоведения) и Центр изучения исламской цивилизации в Казанском федеральном университете, наряду с отделом истории религии в институте истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, то в Уфе более или менее квалифицированные исламоведы сосредоточены в основном в Российском исламском университете ЦДУМ России (12 чел.), хотя уровень их профессиональной компетентности весьма диверсифицирован: наряду со сложившимися специалистами имеются представители, только приступившие к данной деятельности, здесь работают только два кандидата педагогических наук и два автора, имеющие степень PhD, присвоенную в Турецкой республике. Из числа светских специалистов в Уфе исламоведы организационно сосредоточены в единственном на всю республику отделе религиоведения Института этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева, а также в Институте истории, языка и литературы УФИЦ РАН, в которых исключительно исламом в совокупности занимаются всего 5 авторов. Остальные авторы организационно разбросаны в двух вузах и работают, главным образом, индивидуально и попутно с изучением другой (неисламской) базовой проблематики,

некоторые — находясь на заслуженном отдыхе (пенсии).

В целом, если структурировать исламоведение в Башкортостане по принципу конфессиональной ориентации, то в первую очередь выделяются его религиозное (включающее 17 авторов) и светское (состоящее из 34 специалистов) направления.

С точки зрения отраслевой обществоведческой ориентации, специализация по направлению научно-исследовательских занятий не совпадает с имеющимся у авторов профессиональным образованием. Так, если с точки зрения первоначального (базового) образования, исламоведы Башкирии распределились в убывающей последовательности следующим образом: историки — 14, философы — 14, богословы — 11, педагоги — 6, политологи (социологи) — 6, то с позиций преобладающих научных и методических публикаций, по мере уменьшения количества авторов: богословские проблемы — 16; исторические аспекты — 9; этнологические разработки — 9; социолого-политологические вопросы — 8; философский анализ — 8; педагогические и филологические проблемы — по 2 автора.

Проведенный при подготовке настоящей статьи анализ основных этапов и направлений исламоведческих исследований в современном Башкортостане позволил прийти к следующим основным выводам.

Первое. В дореволюционную эпоху город Уфа как столица будущего Башкортостана в силу исторических причин была одним из ведущих теологических, образовательных и культурных центров российских мусульман. В советское время уфимская школа исламоведения, представленная в основном трудами местных мусульманских теологов, прекратила свое существование в результате репрессий против священнослужителей и фактической отмены исламского образования. Демократизация советского общества, развернувшаяся под влиянием реализации концепции «перестройки», привела в Башкирии к существенным положительным изменениям в отношении государства к исламской умме.

Второе. Ослабление со стороны государственных органов жесткого контроля над исламской уммой, сопровождаемое бурным ростом числа общин и исламским ренессансом в целом, неизбежно привели к возрождению исламоведческих работ, которые поначалу имели характер популяризации исламских знаний и исторического исследования эволюции мусульманского сообщества республики. Значительную роль в развитии первого направления сыграли знатоки творчества дореволюционных богословов, а в формировании второго направления — преимущественно представители исторической науки.

Во второй половине 1990-х годов к исследованию проблем исламоведения подключились светские философы, историки. социологи, политологи, а также этнографы. В значительной степени исследовательский интерес к изучению уммы в это время подогревался сложными и противоречивыми процессами, происходящими в исламской общине именно в 1990-е годы и вплоть до середины 2000-х годов.

Третье. Со второй половины 2000-х годов в Башкортостане начинается второй, современный этап развития исламоведения. На наш взгляд, он был обусловлен тем, что проходил под сильным влиянием принятого в 2007 году специального распоряжения Правительства Российской Федерации о реализации федеральной «Комплексной программы подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама, содействия развитию исламского образования, формирования толерантного сознания и профилактики экстремизма». В результате реализации этого проекта прочно закрепилась возможность свободных размышлений различных авторов на исламоведческие и религиозные в целом проблемы, произошло существенное финансовое обеспечение соответствующих, посвященных этой проблематике изданий, и стремительное развитие исламского (или смешанного, преимущественно исламоведческого) образования. Все это во многом подтолкнуло интенсификацию исламоведческих публикаций и соответствующих исследований.

Одной из особенностей развития исламоведения в современном Башкортостане стало то, что в него активно включились авторы, которые получили качественное мусульманское образование в профильных отечественных и ведущих зарубежных вузах.

Четвертое. Анализ развития исламоведения в Башкортостане на современном этапе показал, что это направление обществознания все же в известной мере реализовалось, но с разной степенью и в разных направлениях.

С одной стороны, в республиканском исламоведении начали формироваться отдельные отраслевые направления, возникли некоторые научные школы. Показателем институциализации этого направления стали: регулярное проведение многочисленных научных форумов, в том числе с широким международным участием; возникновение творческих коллективов для создания совместных работ; публикация большого количества авторских и региональных учебно-методических изданий для медресе и вузов.

Однако, с другой стороны, значительные препятствия для возрождения Уфы как исламоведческого центра, славой которого она обладала в дореволюционную эпоху, создаются на основе большой разобщенности специалистов по исламоведению в республике, существенной разноуровневости их профессиональных знаний и компетенций, фактического отсутствия специализированных научных центров и соответствующих кафедр вузов по изучению ислама.

Список источников

1. Азаматов Д. Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа : Гилем, 1999. 194 с.

2. Галлямов Р. Р., Емелин С. М., Сафин Ф. Г. Религиозная идентичность жителей полиэтничного российского региона на современном этапе: тенденции развития (на материалах Республики Башкортостан) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 103–111.

3. Аликберов А. К. Исламоведение как научная дисциплина // ISLAMICA : сайт. URL: https://web.archive.org/web/20140107205458/http://www.islamica.ru/islamic-studies/?uid=120

4. Азаматова Г. Б., Роднов М. И., Фархшатов М. Н. Уфа — культурный центр мусульман Российской империи на рубеже XIX–XX веков / /Oriental Studies. 2020. Т. 13, № 5. С. 1243–1255.

5. Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане. Уфа : Уфимский полиграфкомбинат, 1999. 352 с.

6. Сафин Ф. Г. Принципы этнополитического развития Башкортостана (1988–1993 гг.). М. ИЭА : ЦИМО, 1997. 372 с.

7. Утябай-Карими Р. А. Сочинения. Уфа : Восточная печать, 2010. 204 с.

8. Галлямов Р. Р., Емелин С. М. Исламоведение в современном Башкортостане: просопографический словарь-справочник. Уфа : Первая типография, 2023. 176 с.

9. Ислам и мусульмане постсоветской России в работах отечественных исследователей (1992–2017) : биобиблиографический справочник / сост. М. А. Сапронова, А. Л. Чечевишников, А. А. Ярлыкапов. Москва : МГИМО-Университет, 2018. 82 с.

10. Понкин И. В. О содержании, направленности и последствиях реализации Плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2007–2010 годах : аналитическая записка // verav.ru : сайт. URL: http://www.verav.ru/common/mpublic.php?num=206

11. Галлямов Р. Р. Исламоведы современного Башкортостана: штрихи к социальному портрету исследователей // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 3(60). С. 16–22.

References

1. Azamatov D. D. Orenburg Mohammedan spiritual meeting at the end of the 18th–19th centuries. Ufa: Gilem; 1999. 194 p. (In Russ.).

2. Gallyamov R. R., Emelin S. M., Safin F. G. Religious identity of residents of a multi-ethnic Russian region at the present stage: development trends (based on materials from the Republic of Bashkortostan). *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2022;(4(57):103–111. (In Russ.).

3. Alikberov A. K. Islamic studies as a scientific discipline. ISLAMICA: site. (In Russ.). Available from: https://web.archive.org/web/20140107205458/http://www.islamica.ru/islamic-studies/?uid=120

4. Azamatova G. B., Rodnov M. I., Farkhshatov M. N. Ufa — the cultural center of Muslims of the Russian Empire at the turn of the 19th and 20th centuries. *Oriental Studies = Oriental Studies*. 2020;13(5):1243–1255. (In Russ.).

5. Yunusova A. B. Islam in Bashkortostan. Ufa: Ufa Printing Plant; 1999. 352 p. (In Russ.).

6. Safin F. G. Principles of ethnopolitical development of Bashkortostan (1988–1993). Moscow: IEA : CIMO; 1997. 372 p. (In Russ.).

7. Utyabai-Karimi R. A. Works. Ufa: Eastern Press; 2010. 204 p. (In Russ.).

8. Gallyamov R. R., Emelin S. M. Islamic studies in modern Bashkortostan: prosopographical dictionary-reference book. Ufa: First Printing House; 2023. 176 p. (In Russ.).

9. Islam and Muslims of Post-Soviet Russia in the works of domestic researchers (1992–2017): biobibliographic reference book / comp. M. A. Sapronova, A. L. Chechevishnikov, A. A. Yarlykapov. Moscow: MGIMO-University, 2018. 82 p. (In Russ.).

10. Ponkin I. V. On the content, direction and consequences of the implementation of the Action Plan to ensure the training of specialists with in-depth knowledge of the history and culture of Islam in 2007–2010: analytical note. verav.ru: site. (In Russ.). Available from: http://www.verav.ru/common/mpublic.php?num=206

11. Gallyamov R. R. Islamic scholars of modern Bashkortostan: touches to the social portrait of researchers. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(3(60)):16–22. (In Russ.).

Информация об авторе

Р. Р. Галлямов — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник.

Information about the author

R. R. Gallyamov — Doctor of Science (Sociological), Professor, Chief Researcher.

Статья поступила в редакцию 12.12.2023; одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 12.12.2023; approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 206–212
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):206–212

Научная статья
УДК 93(470.57)
doi: 10.47598/2078-9025-2023-4-61-206-212

БАШКИРЫ В ОБОРОНЕ СЕВАСТОПОЛЯ 1941–1942 ГГ.

Владимир Евгеньевич Поляков
Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, Симферополь, Россия,
turshu@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0003-1420-6459

Аннотация. Участие жителей Башкирии в Великой Отечественной войне является предметом самого серьезного изучения. Целью настоящей публикации является показ роли уроженцев Башкирии в героической обороне Севастополя. Источниками исследования послужила база данных всех защитников города, составленная сотрудниками музейного историко-мемориального комплекса «35-я береговая батарея». Исследование проведено как в отношении конкретных людей, так и воинских подразделений, в которых они служили. Методология исследования включает, прежде всего, статистический подход. Традиционно считалось, что уроженцы и жители Башкирии участвовали в Великой Отечественной войне в подразделениях, сформированных на территории Башкирской АССР. В настоящем исследовании показано их представительство в многочисленных подразделениях Приморской армии и Черноморского флота. Выявлено число погибших в период обороны города, а также число попавших в плен в первую декаду июля 1942 года после падения обороны. Выявлено количество бывших советских военнопленных, которые после освобождения принимали участие в боевых действиях в составе Красной армии. Рассказывается о драматической судьбе единственного генерала из числа уроженцев Башкирии в годы Великой Отечественной войны Ивана Андреевича Ласкина.
Ключевые слова: война, оборона Севастополя, Башкирия, Приморская армия, Черноморский флот, Ласкин
Для цитирования: Поляков В. Е. Башкиры в обороне Севастополя в 1941–1942 гг. // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 206–212. https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-206-212.

Research article

BASHKIRS IN THE DEFENSE OF SEVASTOPOL IN 1941–1942

Vladimir E. Polyakov
Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov, Simferopol, Russia,
turshu@inbox.ru, https://orcid.org/0000-0003-1420-6459

Abstract. The participation of Bashkiria residents in the Great Patriotic War is the subject of the most serious study. The purpose of this publication is to show the role of the natives of Bashkiria in the heroic defense of Sevastopol. The sources of the study were the database of all defenders of the city compiled by the staff of the museum historical and memorial complex «35 coastal battery». The study was conducted both in relation to specific people and the military units in which they served. The research methodology includes, first of all, a statistical approach. Traditionally, it was believed that the natives and residents of Bashkiria participated in the Great Patriotic War in units formed on the territory of the Bashkir ASSR. This study shows their representation in numerous units of the Primorsky Army and the Black Sea Fleet. The number of those killed during the defense of the city, as well as the number of those captured in the first decade of July 1942 after the fall of the defense, has been revealed. The number of former Soviet prisoners of war who, after their release, took part in hostilities as part of the Red Army has been revealed. It tells

about the dramatic fate of the only general from among the natives of Bashkiria during the Great Patriotic War, Ivan Andreevich Laskin.

Keywords: war, defense of Sevastopol, Bashkiria, Primorsky Army, Black Sea Fleet, Laskin

For citation: Polyakov V. E. Bashkirs in the defense of Sevastopol in 1941–1942. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):206–212. (In Russ.). https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-4-61-206-212.

Несмотря на то, что Башкирия в годы Великой Отечественной войны являлась глубоким тылом, отношение к этим памятным годам как в Уфе, так и во всей республике вызывает искреннее восхищение. В центре внимания исследователей судьба воинских частей, сформированных в первые же месяцы войны на территории Башкирии, что нашло отражение в работах В. Н. Маслова, Р. Н. Рахимова, Э. Р. Шагалиевой [1–6]. Выступая на Международном научно-практическом форуме 22 октября 2020 г. в Уфе, Глава Республики Башкорстан Р. Ф. Хабиров сказал: «Созданные на территории Башкирской АССР воинские части и соединения участвовали в исторических сражениях под Москвой, Ленинградом и Сталинградом, на Курской дуге и Днепре, в Белоруссии и Прибалтике, в освобождении Европы» [7]. Мне бы хотелось дополнить этот славный перечень воинской доблести участием выходцев из Башкорстана в героической обороне Севастополя.

До сих пор это была неизвестная страница нашей истории. Мы впервые вводим в научный оборот точное количество участников обороны Севастополя, которые либо родились, либо призывались с территории Башкирии — Уфимской губернии, Башкирской АССР. Как показал проведенный автором анализ, который стал возможен благодаря тому, что сотрудники музейного историко-мемориального комплекса «35-я береговая батарея» составили полный список участников обороны города, который охватывает более 120 тыс. имен [8]. Среди них удалось выявить 128 человек, которые родились или призывались с территории Башкирии. Это были этнические башкиры, русские, татары… Абсолютное большинство из них были призваны в армию еще до войны. Примечательно, что треть из них — это командиры или политработники.

В обороне Севастополя, как известно, принимали участие такие крупные воинские формирования, как Приморская армия (ПА) и Черноморский флот (ЧФ).

В настоящем исследовании Черноморский флот условно будет представлен двумя группами: 1) личным составом боевых и вспомогательных кораблей; различными обслуживающими флот подразделениями, включая противовоздушную оборону; 2) личным составом Военно-Воздушных Сил Черноморского флота (ВВС ЧФ).

Состав ПА, начиная с ее формирования при обороне Одессы, неизменно пополнялся новыми войсковыми подразделениями.

В июне 1941 г. в ее состав входили дислоцировавшие в Одесском военном округе 25-я и 95-я стрелковые дивизии. 25-я стрелковая дивизия примечательна для нас тем, что в годы Гражданской войны участвовала в освобождении Уфы. 95-я стрелковая дивизия формировалась в Молдавии. Уже в Севастополе в состав ПА вошла 109-я стрелковая дивизия, которая формировалась непосредственно в Севастополе из личного состава различных подразделений Черноморского флота. 172-я стрелковая дивизия формировалась в августе 1941 г. из жителей Симферополя и Бахчисарайского района Крыма. 345-я стрелковая дивизия — в Дагестане, 386-я стрелковая дивизия — в Тбилиси, 388-я стрелковая дивизия — в Закавказье [9]. Полки и бригады морской пехоты формировались из личного состава самых различных подразделений Черноморского флота (табл. 1–3).

Как же сложилась их судьба? Как показали проведенные автором исследования, в отношении людей, которые ранее официально считались «без вести пропавшими», в связи с открытием военных архивов и размещением в открытом доступе базы данных «Мемориал» и «Подвиг народа» списков военнопленных, судьбу многих из них удалось проследить и учитывать их уже не как пропавших без вести,

Таблица 1 — Количественный состав выходцев из Башкирии в составе Приморской армии в обороне Севастополя

Воинское подразделение	Кол-во, чел.
25-я стрелковая дивизия	3
95-я стрелковая дивизия	13
109-я стрелковая дивизия	2
172-я стрелковая дивизия	5
345-я стрелковая дивизия	4
386-я стрелковая дивизия	2
388-я стрелковая дивизия	5
Бригады и полки морской пехоты ПА	40
Севастопольский оборонительный район	7
Неустановленные подразделения ПА	21
Всего	102

Таблица 2 — Количественный состав выходцев из Башкирии в составе Черноморского флота в обороне Севастополя

Воинское подразделение	Кол-во, чел.
Плавсостав и ПВО флота	14
ВВС ЧФ	11
Всего	26

Таблица 3 — Количественный состав выходцев из Башкирии в составе погранвойск НКВД в обороне Севастополя

Погранвойска	1 чел.

а как военнопленных, с дальнейшей градацией: умер в плену, стал сотрудничать с оккупантами, освобожден. В отношении тех пропавших без вести, о ком не удалось найти никакой дальнейшей информации, автор счел возможным отнести их в одну группу с погибшими при обороне города (табл. 4–7).

Завершая рассказ об уроженцах Башкирии в обороне Севастополя невозможно не вспомнить об одном из главных действующих лиц этой героической эпопеи — коменданте IV сектора обороны, командире 172-й стрелковой дивизии, единственном из уроженцев Башкирии, воевавшем в годы Великой Отечественной в генеральском звании — Иване Андреевиче Ласкине [10].

В октябре 1941 г. он прибывает в Симферополь из штаба Юго-Западного фронта на должность начальника штаба недавно сформированной в Симферополе 3-й Крымской дивизии, которая вскоре получает боевой номер 172-я стрелковая дивизия. Дивизия, воспетая Константином Симоновым за ее бои под Могилёвом. В тех боях вся дивизия погибла, но удалось вынести знамя, что позволило сохранить ее боевой номер [11]. Так, сформированная в Симферополе дивизия стала продолжателем традиций, а возглавил ее уроженец с. Васильевка Ермекеевской волости Белебеевского уезда Уфимской губернии полковник И. А. Ласкин [12].

Первоначально дивизия входила в состав Отдельной 51-й армии, подразделения кото-

Таблица 4 — Погибшие в период обороны Севастополя, чел.

Воинское подразделение	Погиб	Пропал без вести	Всего
95-я стрелковая дивизия	5	–	5
172-я стрелковая дивизия	1	–	1
345-я стрелковая дивизия	1	1	2
388-я стрелковая дивизия	–	2	2
Бригады морской пехоты	6	1	7
79-я морская стрелковая бригада	–	3	3
Севастопольский оборонительный район ЧФ	1	2	3
Неустановленные подразделения ПА	4	2	6
Всего	18	11	29

Таблица 5 — Погибшие из состава подразделений Черноморского флота, чел.

Воинское подразделение	Погиб	Пропал без вести	Всего
Плавсостав и ПВО флота	3	1	4
ВВС ЧФ	2		2
Всего	5	1	6

Таблица 6 — Попали в плен, чел.

Воинское подразделение	Погиб в плену	Измена Родине	Судьба не известна	Освобожден	
				Воевал в дальнейшем	Не воевал
Морская пехота	2			3	5
25-я стрелковая дивизия				1	2
95-я стрелковая дивизия				8	
109-я стрелковая дивизия					2
172-я стрелковая дивизия			2	1	1
345-я стрелковая дивизия		1			1
386-я стрелковая дивизия					2
388-я стрелковая дивизия				3	
79-я морская стрелковая бригада					1
138-я отдельная морская стрелковая бригада	2				
142-я морская стрелковая бригада	1			6	1
Севастопольский оборонительный район ЧФ			1	2	1
Неустановленные подразделения ПА	7	1	1	3	4
Плавсостав и ПВО ЧФ					6
Всего	12	2	4	27	26

Таблица 7 — Защитники Севастополя, избежавшие плена, чел.

Воинское подразделение	Кол-во
172-я стрелковая дивизия	1
345-я стрелковая дивизия	1
8-я, 9-я бригада морской пехоты	4
Неустановленные подразделения ПА	1
ВВС ЧФ	9
Плавсостав и ПВО ЧФ	5
Погранвойска	1
Всего	22

рой после прорыва противником обороны на Перекопе стали разрознено отступать в сторону Керчи. Встретившись с командующим Приморской армии И. Е. Петровым, полковник И. А. Ласкин самостоятельно принимает решение отступать вместе с приморцами на Севастополь [13]. В героической обороне города 172-я стрелковая дивизия была ядром обороны в IV сектор, который и возглавил полковник И. А. Ласкин. В дальнейшем все воины из состава дивизии или погибли, или попали в плен. И. А. Ласкин, эвакуированный самолетом 30 июня 1942 г., вновь спас знамя, и потому боевой номер дивизии был сохранен. Дивизия продолжила борьбу, закончив войну в Праге в составе все той же 13-й армии, в которой начинала под Могилёвом.

Дальнейшая судьба Ивана Ласкина первоначально складывалась удачно. В осажденном Сталинграде он воевал в должности начальника штаба 64-й армии и лично допрашивал плененного его разведчиками фельдмаршала Паулюса. С мае 1943 г. И. А. Ласкин был начальником штаба Северо-Кавказского фронта. 15 ноября фронт был преобразован в Отдельную Приморскую армию на правах фронта, которую вновь возглавил защитник Севастополя уже генерал-полковник И. Е. Петров, по протекции которого уже генерал-лейтенант И. А. Ласкин был утвержден ее начальником штаба [10]. Дальше произошло невероятное — 18 декабря 1943 г. органами НКВД генерал-лейтенант И. А. Ласкин был арестован.

В 1941 году в должности начальника штаба 107-й Сивашской стрелковой дивизии полковник И. А. Ласкин оказался в окружении. Это был знаменитый Уманский котел. Тогда в окружение попали две наших армии: 6-я и 12-я. В плену оказались 103 тыс. бойцов и командиров, включая обоих командармов, четырех командиров корпусов, одиннадцать командиров дивизий. К тому же два командира корпуса и шесть командиров дивизий погибли в боях.

С 3 августа 1941 г. дивизия, как и вся 12-я армия, находилась в окружении в районе с. Подвысокое Уманского района. После гибели командира с 9 августа И. А. Ласкин возглавил остатки дивизии, но 25 августа при попытке переправиться через р. Днепр был захвачен в плен. В с. Трилесье в составе группы из трех старших командиров ему удалось бежать. Это были полковой комиссар Т. Н. Конобевцев и командир 14-го танкового полка И. А. Фирсов. По пути к своим они потеряли И. А. Фирсова и 8 сентября в районе Добиновки Кременчугского р-на вышли в расположение советских войск.

Ими было принято решение никому не рассказывать о том, что были в плену, и придерживаться версии о том, что выходили из окружения [14].

Примечательно, что даже в своих воспоминаниях, изданных в 1977 году, он пишет: «…Нам все-таки удалось выйти к своим войскам. На базе сохранившихся тыловых частей и подразделений 15-я Сивашская дивизия стала переформировываться, а я был сразу же направлен снова в Действующую армию» [13, с. 10]. О пребывании в плену ни слова.

Позже на освобожденной советскими войсками территории органами «Смерш» был за-

держан И. А. Фирсов, которого обвиняли в сотрудничестве с оккупантами. Он рассказал об истории своего пленения и назвал имена И. А. Ласкина и Т. Н. Конобевцева, которых быстро нашли и арестовали. И. А. Фирсов сразу же пошел на сотрудничество со следователями. Т. Н. Конобевцев признал свою вину. В 1945 году И. А. Фирсов был расстрелян, а Т. Н. Конобевцев бесследно сгинул в лагерях. И. А. Ласкин же четко держался принятой линии защиты: в плену был, с немцами не сотрудничал. Вероятно, этим он и спас себе жизнь, так как следствие по его делу длилось девять лет! В конечном итоге он был приговорен к 10 годам заключения. Следствие вменяло ему в вину, что он, «будучи в окружении немецких войск, нарушил воинскую присягу (уничтожил партбилет, бросил оружие и переоделся в гражданскую одежду» [14].

И. А. Ласкин вышел на свободу сразу же после смерти И. Сталина. Ему возвратили воинское звание и вернули на службу.

Резюмируя вышесказанное, в силу целого комплекса причин, и прежде всего географических, уроженцы Башкирии составили среди защитников Севастополя чуть больше 0,1 %. Практически все они были призваны еще до войны, треть из них относились к командному составу Рабоче-Крестьянской Красной армии и Военно-Морского флота.

Уроженец Башкирии был одним из руководителей обороны города-героя и командовал одним из четырех секторов обороны. Как в капле воды в судьбах уроженцев Башкирии отразилась трагедия героев обороны, особенно Приморской армии, где из числа башкирцев 94 % погибли или оказались в плену (подсчет автора). Оказались в плену 65 человек. Из них погибли — 12, судьба не известна — 4, изменили Родине — 2, бежали или были освобождены, а затем принимали участие в боевых действиях — 26, из них 4 погибли. Были освобождены уже после войны 21 человек.

Список источников

1. Башкирия в годы Великой Отечественной войны : сборник документов / сост. Т. Х. Ахмадиев, Г. Д. Иргалин, Н. П. Каменев, Г. Р. Мухаметдинов. Уфа : Китап, 1995. 570 с.

2. Вклад Башкорстана в Великую Победу : материалы Международного научно-практического форума, посвященного 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (Уфа, 22–23 октября 2020 г.). Т. 1. Уфа : Книга-Принт, 2020. 339 с.

3. История Башкортостана. 1917–1990-е годы : в 2 т. Т. 1: 1917–1945. Уфа : Гилем, 2004. 400 с.

4. Маслов В. Н. Сформированная в Башкирской АССР 87-я Гвардейская стрелковая Перекопская дивизия в Восточно-Прусской операции 1945 г. // Вклад Башкорстана в Великую Победу : материалы Международного научно-практического форума, посвященного 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (Уфа, 22–23 октября 2020 г.). Т. 1. Уфа : Книга-Принт, 2020. С. 176–179.

5. Рахимов Р. Н. Знамена 112-й Башкирской кавалерийской дивизии // Вклад Башкорстана в Великую Победу : материалы Международного научно-практического форума, посвященного 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. (Уфа, 22–23 октября 2020 г.). Т. 1. Уфа : Книга-Принт, 2020. С. 50–65.

6. Шагалиева Э. Р. Действия бойцов 22-й армии РККА в начальный период войны (по воспоминаниям В. С. Зуева) // Вклад Башкорстана в Великую Победу : материалы Международного научно-практического форума, посвященного 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (Уфа, 22–23 октября 2020 г.). Т. 2. Уфа : Книга-Принт, 2020. С. 305–307.

7. Хабиров Р. Ф. Война в нашей памяти // Вклад Башкорстана в Великую Победу : материалы Международного научно-практического форума, посвященного 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (Уфа, 22–23 октября 2020 г.). Т. 1. Уфа : Книга-Принт, 2020. С. 6–9.

8. База данных защитников Севастополя // 35 батарея : официальный сайт. URL: https://xn--35-8kcad0a0fo4j.xn--p1ai/poisk/

9. Битва за Крым 1941–1944 гг. / А. Исаев, Н. Глухарев, О. Романько, Д. Хазанов. Москва : ЭКСМО : Яуза, 2016. 896 с.

10. Великая Отечественная: Комдивы. Военный биографический словарь. Т. IV. Командиры стрелковых, горнострелковых дивизий / под общей редакцией генерал-полковника В. П. Горемыкина. Москва : Кучково поле, 2015. 1248 с.

11. Поляков В. Е. Крым. Судьбы народов и людей. Симферополь : Учпедгиз, 1998. 270 с.

12. Рудь Александр. Мой генерал // Литературный Крым. 2005. № 17–18 (164–165). 27 мая.

13. Ласкин И. А. На пути к перелому. Москва : Воениздат, 1977. 344 с.

14. «Дело» генерала Ласкина // УФА ГИД : сайт. URL: https://ufa-gid.com/ocherki/quotdeloquot-generala-laskina.html?ysclid=lph22c7oih456989028

References

1. Bashkiria during the Great Patriotic War: collection of documents / comp. T. X. Akhmadiev, G. D. Irgalin, N. P. Kamenev, G. R. Mukhametdinov. Ufa: Kitap; 1995. 570 p. (In Russ.).

2. Bashkorstan's contribution to the Great Victory: materials of the International Scientific and Practical Forum dedicated to the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War (Ufa, October 22–23, 2020). Vol. 1. Ufa: Book-Print; 2020. 339 p. (In Russ.).

3. History of Bashkortostan. 1917–1990s: In 2 vol. Vol. 1: 1917–1945. Ufa: Gilem; 2004. 400 p. (In Russ.).

4. Maslov V. N. The 87th Guards Rifle Perekop Division formed in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic in the East Prussian operation of 1945. Contribution of Bashkorstan to the Great Victory: materials of the International Scientific and Practical Forum dedicated to the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War (Ufa, October 22–23, 2020). Vol. 1. Ufa: Book-Print; 2020. P. 176–179. (In Russ.).

5. Rakhimov R. N. Banners of the 112th Bashkir Cavalry Division. Contribution of Bashkorstan to the Great Victory: materials of the International Scientific and Practical Forum dedicated to the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War (Ufa, October 22–23, 2020). Vol. 1. Ufa: Book-Print; 2020. P. 50–65. (In Russ.).

6. Shagalieva E. R. Actions of the soldiers of the 22nd Army of the Red Army in the initial period of the war (according to the memoirs of V. S. Zuev). Bashkorstan's contribution to the Great Victory: materials of the International scientific and practical forum dedicated to the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War war (Ufa, October 22–23, 2020). Vol. 2. Ufa: Book-Print; 2020. P. 305–307. (In Russ.).

7. Khabirov R. F. War in our memory. Bashkorstan's contribution to the Great Victory: materials of the International Scientific and Practical Forum dedicated to the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War (Ufa, October 22–23, 2020). Vol. 1. Ufa: Book-Print; 2020. P. 6–9. (In Russ.).

8. Database of defenders of Sevastopol. 35 battery: official site. (In Russ.). Available from: https://xn--35-8kcad0a0fo4j.xn--p1ai/poisk

9. Battle for Crimea 1941–1944 / A. Isaev, N. Glukharev, O. Romanko, D. Khazanov. Moscow: EKSMO: Yauza; 2016. 896 p. (In Russ.).

10. Great Patriotic War: Division commanders. Military biographical dictionary. Vol. IV. Commanders of rifle and mountain rifle divisions / ed. by Colonel General V. P. Goremykin. Moscow: Kuchkovo Pole; 2015. 1248 p. (In Russ.).

11. Polyakov V. E. Crimea. The fate of nations and people. Simferopol: Uchpedgiz; 1998. 270 p. (In Russ.).

12. Rud Alexander. My general. *Literaturny`j Kry`m = Literary Crimea*. 2005;(17–18 (164–165)). May 27. (In Russ.).

13. Laskin I. A. On the way to a turning point. Moscow: Voenizdat; 1977. 344 p. (In Russ.).

14. "The Case" of General Laskin. UFA GID: site. In Russ.). Available from: https://ufa-gid.com/ocherki/quotdeloquot-generala-laskina.html?ysclid=lph22c7oih456989028

Информация об авторе

В. Е. Поляков — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории.

Information about the author

V. E. Polyakov — Doctor of Science (Historical), Assistant Professor, Professor of the Department of History.

Статья поступила в редакцию 07.12.2023; одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.
The article was submitted 07.12.2023; approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 213–215
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):213–215

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
Ислам в Башкортостане: энциклопедический словарь / коллектив авторов; гл. ред. Д. В. Мухетдинов; отв. редактор А. Ю. Хабутдинов. М. : Издательский дом «Медина», 2023. 226 с. : ил. (Ислам в Российской Федерации)*

Рушан Рахимзянович Галлямов
Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия, gal-rushan@yandex.ru

Для цитирования: Галлямов Р. Р. Рецензия на книгу: Ислам в Башкортостане: энциклопедический словарь / коллективный автор; гл. ред. Д. В. Мухетдинов; отв. редактор А. Ю. Хабутдинов. М. : Издательский дом «Медина», 2023. 226 с. : ил. (Ислам в Российской Федерации) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 213–215.

REVIEWS

BOOK REVIEW FOR:
Islam in Bashkortostan: an encyclopedic dictionary / team of authors; chief editor D. V. Mukhetdinov; editor-in-chief A. Y. Khabutdinov. Moscow: Publishing house "Medina", 2023. 226 p.: il. (Islam in the Russian Federation)**

Rushan R. Gallyamov
Institute of Ethnological Studies of R. G. Kuzeev, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia, gal-rushan@yandex.ru

For citation: Gallyamov R. R. Book review for: Islam in Bashkortostan: an encyclopedic dictionary / collective author; chief editor D. V. Mukhetdinov; editor-in-chief A. Y. Khabutdinov. Moscow: Publishing house "Medina", 2023. 226 p.: il. (Islam in the Russian Federation). *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):213–215. (In Russ.).

Книга «Ислам в Башкортостане: энциклопедический словарь», подготовленная и опубликованная большой группой авторов в конце 2023 г. в рамках реализации программы «Ислам в Российской Федерации», стала первым комплексным энциклопедическим изданием об исламе в Башкирии. Данная публикация стала результатом многолетней работы специалистов (историков, социологов, политологов, этнологов, журналистов и авторов

* Работа публикуется в рамках выполнения государственного задания № АААА-А21-121012290084-6 «Традиционные религии и новые религиозные движения на Южном Урале и в Приуралье: вопросы функционирования, государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений».

** The work is published within the framework of state assignment No. AAAA-A21-121012290084-6 “Traditional religions and new religious movements in the Southern Urals and the Urals: issues of functioning, state-confessional and interfaith relations.”

из других направлений обществознания) по исследованию прошлого и настоящего мусульман Республики Башкортостан. Задуманная известными российскими исламоведами Д. В. Мухетдиновым и А. Ю. Хабутдиновым и начавшаяся с издания первой книги («Ислам на Нижегородчине: энциклопедический словарь») еще в 2007 году, данная серия ознаменовалась, на протяжении шестнадцати лет, публикацией девяти фундаментальных книг о судьбах ислама в большинстве мусульманских регионов и макрорегионов России: Нижегородчина, Москва, Санкт Петербург, Центрально-европейская часть России, Урал, Поволжье, Татарстан, Сибирь и Дальний Восток, Башкортостан.

Руководителям авторского коллектива удалось, применительно к Башкортостану, собрать в эффективную исследовательскую группу довольно разобщенных в обычной научной жизни авторов из нескольких научных центров (Москва, Уфа, Казань, Нижний Новгород, Екатеринбург, Челябинск, Оренбург) и подготовить более 400 информационно насыщенных статей о различных объектах, явлениях, общинах, организациях, персоналиях, периодических и книжных изданиях, в той или иной степени характеризующих исторический и современный этапы развития ислама в Башкортостане. Таким образом в рецензируемый словарь вошли самые разнообразные по содержанию статьи, в том числе: биографические, исторические, источниковедческие, терминологические и даже топографические, несомненно, связанные с исламской проблематикой. В процессе подготовки некоторых статей авторы не только собирали уже имеющуюся опубликованную информацию, но и проводили творческие, аналитические описания, осуществленные на основе широкого круга источников. Тем самым словарь приобрел характер издания, вводящего в научный оборот совершенно новый материал, неизвестный ранее даже специалистам.

Еще одной позитивной особенностью рецензируемого словаря является то, что авторы включили в него статьи, охватывающие не только территорию современной Башкирии, но и сопредельные регионы, в которых традиционно проживали местные мусульманские народы: башкиры, татары и казахи. Наблюдается в словаре «Ислам в Башкортостане», с точки зрения имеющихся статей, и определенная преемственность с издававшимися еще в начале XXI в. в нашей стране академическими словарями, такими как «Ислам в Российской империи».

Наряду с другими несомненными достоинствами рецензируемого словаря (энциклопедичность изложения и оформления текстов, полнота характеристики и широчайший охват различных аспектов функционирования исламской уммы в регионе, наличие качественного историографического введения, вводящего в проблематику словаря), необходимо указать на некоторые недостатки и дискуссионные моменты, преодоление которых может помочь усовершенствовать представленный авторами словарь.

Во-первых, количественный анализ текстов статей показывает, что в словаре явно и неоправданно преобладают исторические сюжеты и персоналии дореволюционной эпохи, в том числе не имевшие определяющего значения в развитии мусульманских конфессиональных элит. Это приводит к некоторой перегрузке словаря статьями о дореволюционных мугаллимах и религиозных деятелях.

Во-вторых, в словаре не уделено должного внимания современному исламоведению в Башкортостане в нескольких смыслах. С одной стороны, отсутствует специальная статья, посвященная описанию современного исламоведения, которое уже само имеет определенную историю в республике, не выявлены его отраслевые направления и этапы развития. С другой стороны, из числа современных религиозных деятелей республики в словаре описаны только иерархи — муфтии всероссийского и республиканского уровня, отсутствуют статьи о наиболее квалифицированных и влиятельных авторитетах исламского богословия, например, таких как: Р. А. Утябай-Карими, М. М. Галлямов, Р. Л. Саяхов и др. Одновременно следовало бы включить в словарь описание личности и творчества наиболее известных исламоведов, из числа которых только по непосредственно исламской проблематике защищено в постсоветское время 4 докторских и 8 кандидатских диссертаций.

В-третьих, к сожалению, в словаре не уделено должного внимания анализу функционирования новейших, в том числе экстремистских направлений, группировок и сект. Эти мусульманские внутриконфессиональные течения в отдельные периоды и на отдельных направлениях играют существенную роль в развитии исламской уммы республики.

В целом анализ рецензируемого энциклопедического словаря «Ислам в Башкортостане» подтверждает вывод, сделанный самой редколлегией во введении о том, что тема истории и бытования ислама в Башкортостане очень многогранна, и ее более или менее полное описание займет с десяток книг объемом с этот словарь. А с выходом в свет этого словаря изучение исламской тематики в республике выйдет на новый уровень, и сама книга займет свое достойное место в историографии Башкортостана.

Информация об авторе
Р. Р. Галлямов — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник.

Information about the author
R. R. Gallyamov — Doctor of Science (Sociological), Professor, Chief Researcher.

Рецензия поступила в редакцию 12.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.
The article was submitted 12.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Вестник Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4(61). С. 216–217
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(4(61)):216–217

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Башкирия и Южный Урал в литературе российской эмиграции и ее изучение : библиографический указатель литературы за 1904–2023 гг. / сост. Л. В. Сатаева; отв. ред. А. Г. Салихов. Уфа : [б. и.], 2023. 40 с.*

Игорь Вильсович Кучумов
Институт этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия, ivku@yandex.ru

Для цитирования: Кучумов И. В. Рецензия на книгу: Башкирия и Южный Урал в литературе российской эмиграции и ее изучение : библиографический указатель литературы за 1904–2023 гг. / сост. Л. В. Сатаева; отв. ред. А. Г. Салихов. Уфа, 2023. 40 с. // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 4 (61). С. 216–217.

BOOK REVIEW FOR: Bashkiria and the Southern Urals in the literature of Russian emigration and its study: bibliographic index of literature for 1904–2023 / compiler L. V. Sataeva; ed. A. G. Salikhov. Ufa, 2023, 40 p.**

Igor V. Kuchumov
Institute of Ethnological Studies of R. G. Kuzeev, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia, ivku@yandex.ru

For citation: Kuchumov I. V. Book review for: Bashkiria and the Southern Urals in the literature of Russian emigration and its study: bibliographic index of literature for 1904–2023 / compiler L. V. Sataeva; ed. A. G. Salikhov. Ufa, 2023, 40 p. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2023;(4(61)):216–217. (In Russ.).

Библиографический указатель литературы о Башкирии и Южном Урале — это уже вторая работа энтузиаста собирания библиографии той части зарубежной Россики, которая посвящена Башкортостану. Первая затрагивала исследования зарубежных авторов [1]. Нынешняя публикация Л. В. Сатаевой также является пионерской и вводит в оборот большой объем материала (в указателе описаны 404 работы).

Указатель состоит из трех разделов: «Литература на русском языке», «Литература на башкирском и татарском языках», «Литература на иностранных языках». Работа Л. В. Сатаевой отличается чрезвычайно полным, с учетом сегодняшних возможностей, выявлением библиографических источников. Все их описания сделаны по действующему ГОСТу. Работы, которые составитель не смогла просмотреть de visu, отмечены астериском. Читатель найдет в указателе сведения о работах по истории и культуре нашего региона со времен средневековья и до наших дней, причем за достаточно большой хронологический период — с 1904 года. Надо сказать, что большинство описанных сочинений неизвестны даже специалистам.

Теперь о некоторых недостатках работы. Во-первых, ей очень не хватает алфавитного индекса авторов. Во-вторых, сведения о некоторых

* Работа публикуется по теме государственного задания № АААА-А21-121012290085-3 "Социальные основы этнополитических процессов в республиках Урало-Поволжья".

** The work is published on the subject of state assignment No. АААА-А21-121012290085-3 "Social foundations of ethnopolitical processes in the republics of the Ural-Volga region."

описаниях, отмеченных астериском, можно было уточнить с помощью интернета, где часть этих непроверенных de visu работ выложена либо полностью, либо присутствует в прикнижных, пристатейных и прочих библиографиях (составитель, в частности, верно дал описание под № 333 и не смог сделать полного описания главы из той же книги в № 334, хотя сама книга имеется в фонде Научной библиотеки Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (УФИЦ РАН), где готовился данный указатель). Большую помощь здесь могут оказать поисковые системы Российской государственной библиотеки, российской научной электронной библиотеки eLibrary.Ru, различных «теневых» библиотек, Академии Google и т. д. В-третьих, в указателе отсутствуют перекрестные ссылки на переводы тех или иных публикаций: например, книга А. Айда издавалась на русском (№ 2 в списке) и турецком (№ 236) языках, но связь этих изданий, как принято в таких случаях, не обозначена. Есть в брошюре и досадные лакуны. Так, британская исследовательница российского происхождения Т. В. Ланкина, опубликовавшая ряд работ (часть которых переведена и издана в России) по проблемам местного самоуправления в Башкортостане, в рецензируемый справочник не попала, хотя ее публикации имеются в фондах Научной библиотеки УФИЦ РАН и Национальной библиотеки имени З. Валиди Республики Башкортостан, а также во Всемирной сети.

К сожалению, указателю не предпослано никакого предисловия, в котором составитель могла бы поделиться принципами составления своего справочника, а они вызывают некоторые вопросы. Например, считать ли работы авторов-эмигрантов, которые они опубликовали в России до отъезда из нее, эмигрантской литературой? В этой связи можно указать на сочинение ставшего эмигрантом только в 1921 году С. И. Гусева-Оренбургского (№ 58), вышедшее в 1904 году в Санкт-Петербурге. Но тогда непонятно отсутствие книги М. И. Ростовцева «Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма», опубликованной в 1918 году в Петрограде, — автор в том же году уехал из страны.

Впрочем, указанные недостатки носят объективный характер и объясняются чрезвычайной сложностью выявления рассматриваемых источников. Поскольку они не лежат на поверхности, их приходится добывать весьма непростыми путями, через «вторые», а то и «третьи» руки, постоянно сталкиваясь с неполнотой, неточностями и противоречиями в библиографических описаниях, в том числе подготовленных крупнейшими библиотеками мира.

Рецензируемый указатель, несмотря на свой скромный объем, имеет важное значение. Он, в частности, может стать основой для написания работ по истории изучения Башкирии в эмигрантской среде — совершенно еще никем не затронутой теме.

Список источников

1. История Башкортостана в зарубежных исследованиях : библиографический указатель / сост. Л. В. Сатаева, А. Г. Салихов. Уфа, 1996. 96 с.

References

1. History of Bashkortostan in foreign studies: bibliographic index / comp. L. V. Sataeva, A. G. Salikhov. Ufa; 1996. 96 p.

Информация об авторе

И. В. Кучумов — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник.

Information about the author

I. V. Kuchumov — Candidate of Science (Historical), Docent, Senior Researcher.

Рецензия поступила в редакцию 12.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.
The article was submitted 12.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СТАТЬЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК БИСТ (БАШКИРСКОГО ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ)»

1. Максимальный объем статьи 15 полных страниц, минимальный — 5 страниц, набранных в соответствии с указанными ниже требованиями:

- текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пт, междустрочный интервал 1,5;
- параметры страницы: левое поле — 3 см, верхнее, нижнее поля — 2 см, правое — 1,5 см;
- абзацный отступ 1,25 см устанавливается автоматически;
- ориентация книжная;
- выравнивание по ширине.

2. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения раскрываются при первом упоминании их в тексте.

3. Таблицы в тексте рекомендуется выполнить в редакторе Microsoft Word. Не принимаются в работу отсканированные таблицы и в виде рисунка.

4. Графики, схемы, рисунки, диаграммы, фотографии и другие графические объекты должны быть пронумерованы и дополнительно представлены отдельными файлами в формате *.jpg или *.tif в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi. Подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект. Изображения должны располагаться в пределах рабочего поля, допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Линии графиков и рисунков в файле должны быть сгруппированы.

5. Формулы должны быть набраны в стандартном редакторе формул.

6. Файл именуется по фамилии автора (например, «Иванов.doc»); графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т. п. (например, «рисунок 1.jpg», «таблица 3.doc»).

7. Перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников». Он должен содержать не более 15 источников, в том числе не более 3 ссылок на публикации авторов статьи и их соавторов с целью избежать недобросовестного увеличения библиометрических показателей авторов.

Библиографическую запись для перечня затекстовых библиографических ссылок составляют по ГОСТ Р 7.0.5—2008.

В перечень затекстовых библиографических ссылок включают записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи.

Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи.

Отсылки на затекстовые библиографические ссылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки.

Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на английском языке („References”) согласно Vancouver Style.

Пример:

Сорокин Д. Е., Сухарев О. С. Структурно-инвестиционные задачи развития экономики России // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 3. С. 4–15.

Sorokin D. E., Sukharev O. S. Structural and investment objectives of the development of the Russian economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics. Taxes. Law.* 2013;(3):4-15. (In Russ.).

8. Заголовок статьи приводят на русском и английском языках.

9. Основные сведения об авторе(ах) приводятся на русском и английском языках и содержат:

– имя, отчество, фамилию автора (полностью);
– наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город, страна);
– электронный адрес автора (e-mail);
– открытый идентификатор ученого (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии).

10. Аннотацию формируют по ГОСТ Р 7.0.99 на русском и английском языках. Объем аннотации не должен превышать 250 слов.

11. Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Количество ключевых слов (словосочетаний) не должно быть меньше 3 и больше 15 слов (словосочетаний). Их приводят на русском и английском языках.

12. Материалы публикуются на безгонорарной основе.

13. Авторы полностью несут ответственность за достоверность сведений, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

14. Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания.

15. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются, рукописи не возвращаются.

16. Автор, ответственный за переписку, должен предоставить в редакцию заполненные регистрационные карты на всех авторов и согласие на обработку персональных данных, разрешенных для распространения, от каждого из них.

Регистрационную карту можно скачать на сайте *vestnik-bist.ru*.

Вестник БИСТ
(Башкирского института социальных технологий)

Серия «Общественные науки». 2023. № 4 (61)

Компьютерная верстка *А. Г. Бурмистровой*
Техническое редактирование: *Т. Е. Бочарова*

Сдано в набор 25.12.2023. Подписано в печать 29.12.2023.
Формат 60 x 84/8. Усл. печ. л. 25,58. Уч.-изд. л. 27,43.
Гарнитура «FranklinGothicBookC». Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Тираж 500 экз. Заказ 64

Цена: бесплатно

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-34653 от 2 декабря 2008 г.

Башкирский институт социальных технологий (филиал)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»
Адрес редакции и издателя:
Проспект Октября, д. 74/2, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450054
Тел. +7 (347) 216-41-62
e-mail: vestnikbist@mail.ru
www.vestnik-bist.ru

Отпечатано в ИП Абдуллина
Проспект Октября, д. 27, корп. 2, оф. 61, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450059
www.proprint02.ru